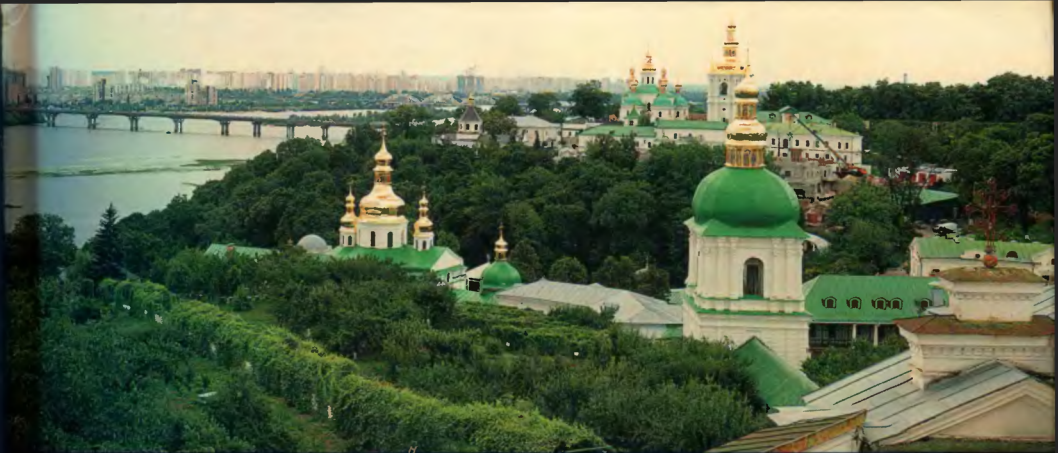

Сергей Плохий
Врата Европы
История Украины

Сергей Плохий
Врата Европы
История Украины

CORPVS

CORPVS

СЕРГЕЙ ПЛОХИЙ
Врата Европы
История Украины

SERHII PLOKHY
The Gates
of Europe

A History
of Ukraine

СЕРГЕЙ ПЛОХИЙ
Врата
Европы

История
Украины

Перевод с английского
Сергея Лунина

издательство **АСТ**

Москва

УДК 94(477)
ББК 63.3(4Укр)
П39

Публикуется с разрешения издательства BASIC BOOKS, AN IMPRINT OF PERSEUS BOOKS LLC. (США) при содействии Агентства АЛЕКСАНДРА КОРЖЕНЕВСКОГО (Россия)

На обложке использована фотография панорамы Днепра и Киево-Печерской лавры, автор ДЕНИС ПОСТАНОГОВ

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Плохий, Сергей

П39 Врата Европы. История Украины / СЕРГЕЙ ПЛОХИЙ; пер. с английского С. ЛУНИНА. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2018. — 544 с.

ISBN 978-5-17-095236-6

Тема украинской государственности, национальной идентичности украинцев, их роли в истории Восточной Европы стала после 2014 года одной из самых острых не только на Украине, но и в России и мире. Почему российско-украинский конфликт оказывает столь сильное влияние на мировое сообщество? Что отличает украинцев от русских? Как возникла, на чем строилась и как победила идея украинской независимости? Название книги "Врата Европы" — один из ключей к ответу на эти вопросы. Известный украинский и американский историк Сергей Плохий, внимательный и неравнодушный исследователь, предлагает взглянуть на историю Украины прежде всего как на историю ее земель, где определяющую роль сыграли не столько политика, сколько география, экология и культура. Особая роль приграничной территории, со времен Геродота служившей то мостом, то барьером для торговых, культурных и военных интервенций, во многом объясняет причины побед и кризисов сегодняшней Украины.

УДК 94(477)
ББК 63.3(4Укр)

ISBN 978-5-17-095236-6

- © Сергей Плохий, текст, 2018
- © С. Лунин, перевод на русский язык, 2018
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2018
- © ООО "Издательство АСТ", 2018
Издательство CORPUS ®

Оглавление

Карты	8
Введение	23

РАЗДЕЛ I Понтийский фронт

Глава 1. На краю света	33
Глава 2. Явление славян	47
Глава 3. Викинги на Днепре	59
Глава 4. Северная Византия	71
Глава 5. Ключи от Киева	82
Глава 6. Монгольский мир	93

РАЗДЕЛ II Восток и Запад: встреча на Днепре

Глава 7. Люблинская уния	111
Глава 8. Казачество	124
Глава 9. Восточная Реформация	141
Глава 10. Казацкая революция	157
Глава 11. Разделы	171
Глава 12. Приговор Полтавы	183

РАЗДЕЛ III В объятиях империй

Глава 13. Новые рубежи	201
Глава 14. Книги Бытия	219

Глава 15. Прозрачная граница	237
Глава 16. Набирая ход	253
Глава 17. Незавершенная революция	267

РАЗДЕЛ IV Мировые войны

Глава 18. Рождение нации	285
Глава 19. Несбывшиеся надежды	303
Глава 20. Коммунизм и национализм	321
Глава 21. Сталинская крепость	342
Глава 22. “Жизненное пространство”	359
Глава 23. Победители	381

РАЗДЕЛ V На пути к независимости

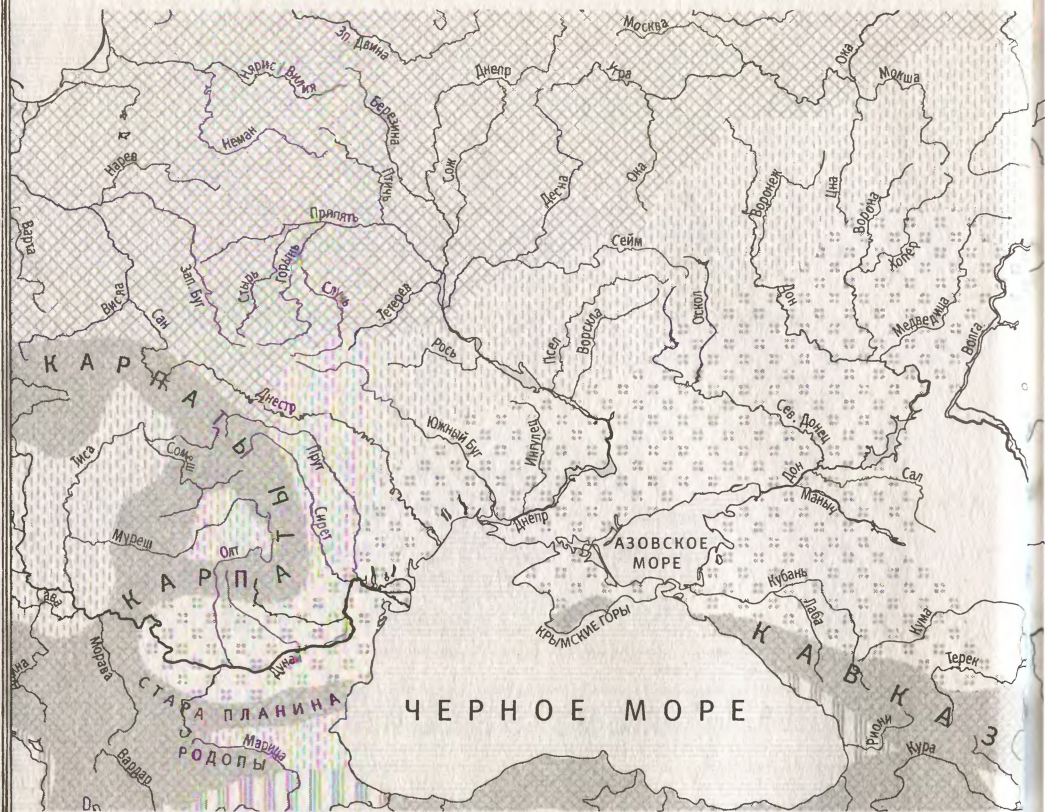
Глава 24. Советская Украина	399
Глава 25. Прощай, Ленин!	419
Глава 26. Майдан Независимости	440
Глава 27. Цена свободы	459

Эпилог. Долгое эхо истории	473
----------------------------------	-----

Благодарности	484
Хронология	487
Кто есть кто в истории Украины	503
Список цитированной литературы	511
Литература по теме	516
Предметно-именной указатель	525

Карты

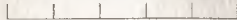

Равнины:

- Смешанные и широколиственные леса
- Лесостепи
- Степи
- Полупустыни и пустыни
- Средиземноморские леса и кустарники
- Горы

0 100 200 300 400 500 км

Ландшафты Украины и соседних земель.

Составитель Д. ВОРТМАН.

Расселение народов, упомянутых у Геродота, показано по кн.: Б.М. Мозоловський.

Етнічна географія Скіфії. К.: 2005.

Береговая линия морей — гипотетическая реконструкция.

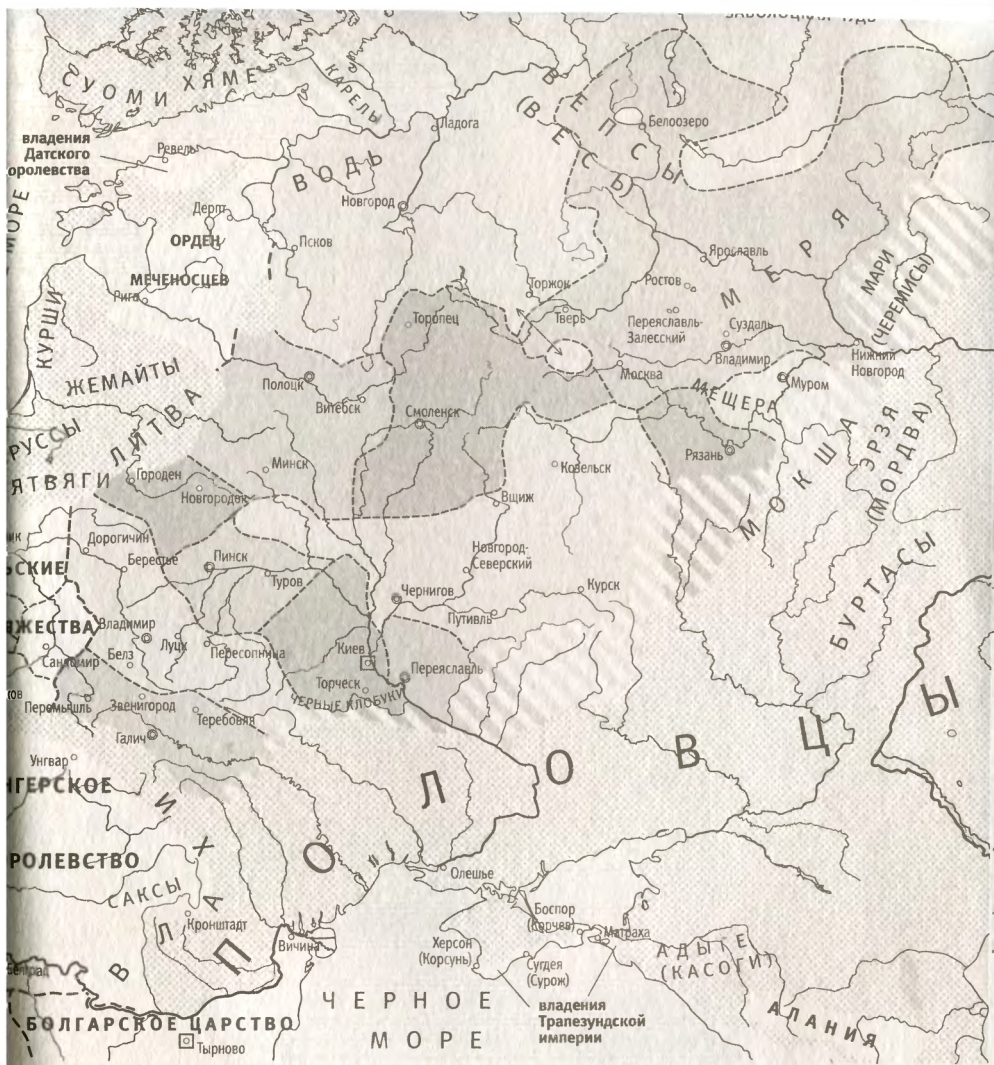
Территория Украины в V в. до н.э.

Составитель Д. ВОРТМАН.

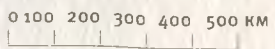
- Границы Киевской Руси на 1054 г.
- - - Западные земли, присоединенные кн. Владимиром в 980–1015 гг.
- Границы Византии
- жмудь народы и племена

○ 150 300 км

- Древнерусские княжества
- Другие государства
- Территории, не контролируемые ни одним из государств

- Столицы:**
- государств*
  - древнерусских княжеств
- *В т. ч. номинальные столицы Руси и Польши

Древнерусские княжества ок. 1230 г.

Составитель Д. ВОРТМАН.

← Киевская Русь в 980–1054 гг.

Источник: ZENON E. KONUT, BONHAM Y. NEBESIO, and MYROSLAV YURKEVICH. *Historical Dictionary of Ukraine*. Lanham, Maryland; Toronto; Oxford: Scarecrow Press, 2005.

----- Сухопутные и морские торговые пути
 ▲ Генуэзские и венецианские колонии

Золотая Орда ок. 1320 г.

Источник: PAUL ROBERT MAGOCSI. *A History of Ukraine: The Land and its People*. Toronto: University of Toronto Press: 2010.

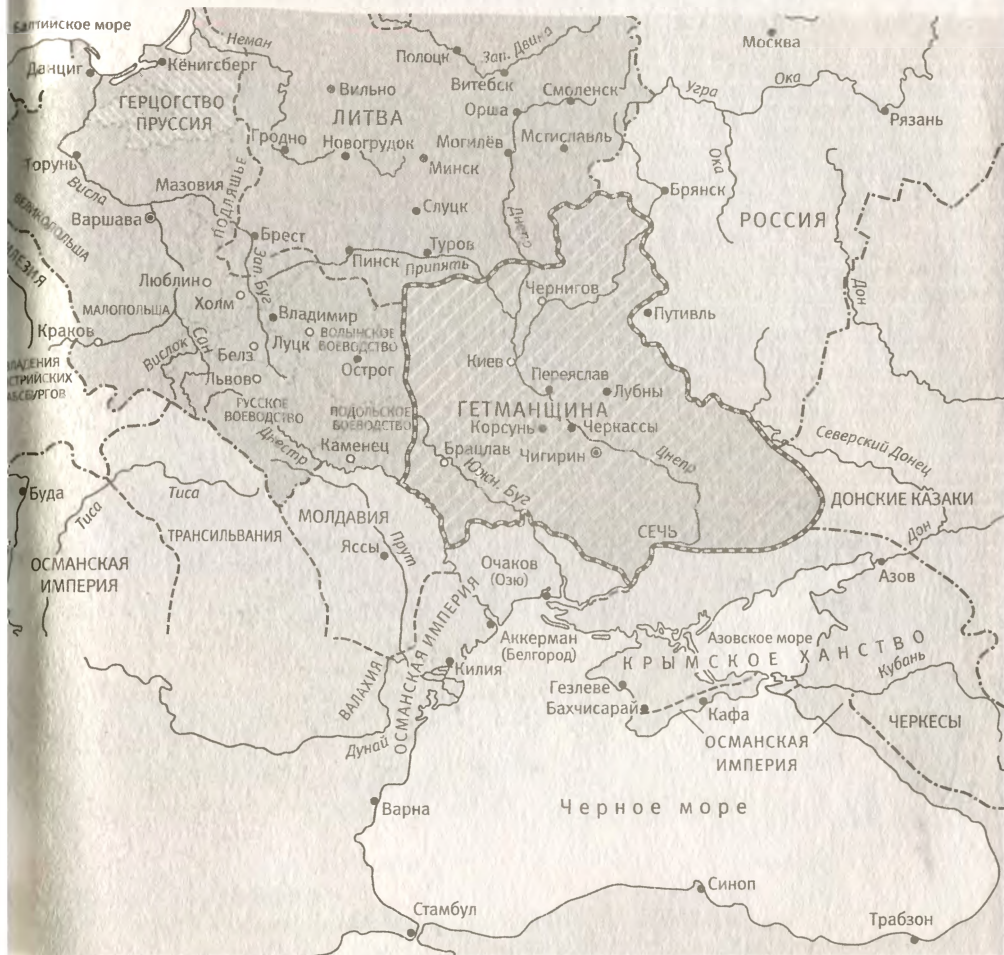
- Границы Польского королевства на 1454 г.
- Границы Великого княжества Литовского на 1454 г.
- Восточная граница Речи Посполитой на 1634 г.
- Границы Речи Посполитой в 1699–1772 гг.

Речь Посполитая на 1582 г.:

- Ливония
- Литва
- Корона
- Герцогства-вассалы Речи Посполитой (1 — Курляндия и Земгалия, 2 — Пруссия)

Речь Посполитая в XVI–XVIII вв.

Источник: VOLODYMYR KUBIJOVYČ and DANYLO HUSAR STRUK, eds. Encyclopedia of Ukraine. Vol. IV. Toronto: University of Toronto Press, 1993.

- Границы крупных государств
- ▬ Границы Гетманщины
- Границы зависимых государств
- Границы воеводств
- Центры воеводств
- Прочие города

Войско Запорожское (Гетманщина) ок. 1650 г.

Источники: МЫХАЙЛО HRUSHEVSKY. *History of Ukraine-Rus'*. Vol. IX, bk. 1. Edmonton and Toronto: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 2005.

Границы:

- — — — — государств
- · — · — казачьих автономий и особых административных образований в составе Российской империи
- · — · — полков

- ⊠ Столица Крымского ханства
- Центры казачьих автономий
- Центры полков
- ◆ Резиденция киевского губернатора

- Гетманщина
- Запорожье
- Слободские полки
- Территории, не контролируемые ни одним из государств

Украинские казачьи автономии и Крымское ханство ок. 1755 г.

Составитель Д. ВОРТМАН.

БЕЛОРУССКАЯ

ССР

ПОЛЬША

Висла

Люблин

Холм (Хелм)

Ковель

Луцк

Ровно

Коростень

Киев

1939

Житомир

Белая Церковь

Перемышль (Пшемисль)

Львов

Тернополь

Дрогобыч

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Ужгород

Станислав (Ивано-Франковск)

Черновцы

Проскуров (Хмельницкий)

Каменец-Подольский

УКРАИНА

Винница

Умань

ВЕНГРИЯ

Дебрецен

1940

Днестр

РУМЫНИЯ

Бельцы

Яссы

Кишинёв

МОЛДАВСКАЯ ССР

1940

Галац

Измаил

- Украинская ССР в 1920–1939 гг.
- Земли, присоединенные к УССР в 1939 г.
- Северная Буковина, Северная Бессарабия (Хотинщина) и Южная Бессарабия (Буджак), присоединенные в 1940 г.
- Закарпатье, присоединенное в 1945 г.
- Крым, присоединенный в 1954 г.
- Границы Украинской ССР в 1954–1991 гг.
- Границы государств
- Столицы союзных республик
- Областные центры Украинской ССР в 1954–1991 гг.

0 100 200 300 км

Гражданам России

Введение

Вероятно, украинцы имеют такое же право гордиться своим вкладом в мировую историю, как шотландцы и другие народы, у которых не один фолк-ант посвящен доказательству того, что их предки не раз полностью меняли ход исторических событий. 1 декабря 1991 года жители Украины, проголосовав подавляющим большинством за независимость республики, отправили в архив истории могучий Советский Союз. Произошедшее тогда на Украине и вправду определило дальнейший ход мировой истории. СССР упразднили через неделю после украинского референдума, а президент Соединенных Штатов провозгласил окончательную победу Запада в долгой и тяжелой холодной войне.

После более чем десятилетнего антракта планета снова увидела Украину на экранах телевизоров в ноябре 2004 года, когда центр Киева запестрел оранжевым — тысячи людей требовали честных выборов и добились своего. Оранжевая (чье название послужило примером для еще нескольких “цветных”) стала одной из ряда революций, поколебавших авторитарные режимы от Сербии до Ливана и от Грузии до Киргизии. Такие волнения, хоть и не преобразовали постсоветское пространство, оставили у миллионов его обита-

телей надежду на то, что перемены рано или поздно все же наступят.

Еще раз украинцы оказались в центре внимания всего мира в ноябре 2013 года, снова заполонив киевские улицы и площади, — на этот раз они выступали за сближение с Евросоюзом. В то время как у наций, уже входивших в это объединение, отношение к нему становилось прохладнее, упорство киевских протестующих, их готовность мерзнуть под открытым небом месяцами вызывали удивление и восторг в Центральной и Западной Европе.

В начале 2014 года эти события неожиданно обернулись трагедией. Праздничную, даже беспечную атмосферу раннего Майдана разрушили столкновения проевропейских демонстрантов с силовиками. Не смущаясь телекамер, снайперы в середине февраля убили и ранили свыше сотни протестующих. Потери среди силовиков составили около десяти человек. Вслед за этим последовал другой удар: Россия в марте аннексировала Крым, затем спровоцировала на востоке Украины “гибридную войну”. В июле того же года боевики с неподконтрольной Украине территории сбили над Донбассом малазийский авиалайнер. Три сотни погибших превратили российско-украинский конфликт в действительно глобальный. Революция и война на Украине существенно повлияли на обстановку в регионе и во всем мире, заставили политиков заговорить о “битве за будущее” Европы, о возвращении холодной войны в те самые страны, где в 1991 году она как будто закончилась.

В чем причины украинского кризиса? Какова роль истории в этих событиях? Что отличает украинцев от русских? Кого считать законным владельцем Крыма, наследия Киевской Руси? Почему события в столице Украины так сильно влияют на международные отношения? Такими вопросами

в последние два года задавались многие, и они заслуживают подкрепленного фактами ответа.

Для понимания движущих сил украинского кризиса и его взаимосвязи с внешним миром необходимо тщательно изучить его предпосылки. Такова, в самых общих чертах, задача этой книги — рассказать историю страны в контексте истории Восточной Европы, того непростого окружения, в котором украинцы разного этнического происхождения и разных культур сосуществовали в течение многих веков.

Книга представляет собой попытку проследить закономерности развития, структурные перемены на этой земле со времен Геродота до краха Советского Союза и текущего российско-украинского конфликта. Но как свести тысячи лет истории на пространстве размером с Францию, где в наши дни живет около сорока пяти миллионов человек (а предыдущие поколения насчитывали не одну сотню миллионов), до нескольких сотен страниц? Приходится выбирать, чему именно уделить внимание. Впрочем, историки всегда так поступали, но каждый использовал свои методы. Основатель современной украинской историографии Михайло Грушевский (1866–1934), один из персонажей этой книги (его именем названа кафедра, занимаемая автором в университете Гарварда), предметом своих исследований видел историю нации, что появляется на свет в незапамятные времена, переживает то расцвет, то упадок, то возрождение и в конечном итоге создает собственное государство в ходе Первой мировой войны. Грушевский положил начало истории Украины как отдельному направлению в науке, но его убеждение в том, что это в первую очередь история украинского этноса, украинской этнической культу-

ры, ставят под сомнение многие его преемники и критики. В Советском Союзе эту тему сводили к истории классовой борьбы, кое-кто на Западе отмечал полиэтничные корни Украины. В наши дни все более популярным становится транснациональный подход. На мой взгляд, на историю Украины повлияли относительно недавние “культурный” и “пространственный” повороты в западной историографии и не ослабевающий уже несколько десятилетий интерес к теме идентичности — политической, культурной, социальной.

Предлагаемая история обращена не только в прошлое, но также в настоящее и будущее. Автор сознательно задает вопросы, актуальные именно сегодня, но в то же время стремится не навязывать прошлому современный образ мыслей: мотивы, ценности, идентичность. В моем рассказе основное внимание уделено факторам, которые стали определяющими для украинского общества в его политическом, социальном и культурном измерении. Калейдоскоп событий во внешней и внутренней политике дает удобную хронологическую канву, но в процессе написания текста мне пришлось убедиться, что в долгосрочной перспективе наибольшее значение имеют география, экология и культура.

Сквозь призму этих факторов Украина предстает результатом взаимодействия двух движущихся фронтиров: границы евразийской степи и восточноевропейской лесостепи, а также демаркационной линии между восточной и западной ветвями христианства, которая восходит еще к расколу Римской империи на Восточную и Западную и к появлению “Нового Рима” — Константинополя. Первый фронтир, между оседлыми и кочевыми племенами, превратился со временем и в христианско-мусульманский. Второй до наших дней подчеркивает различие политических культур Восточ-

ной и Западной Европы. Многовековой процесс передвижения этих фронтиров обусловил появление уникального культурного пространства и заложил таким образом основу современной украинской идентичности.

Название “Врата Европы” — конечно же, метафора. Но это не просто красивая фраза. Без Европы нельзя постичь историю Украины, как и без Украины — историю Европы. Расположенные у западной кромки Евразийской степи земли не одно столетие первыми принимали гостей с востока или запада. Иногда вследствие вооруженных конфликтов ворота перед ними запирались, и Украина служила барьером на пути завоевателей. Гораздо чаще их створки оставались открытыми, позволяя свободно проходить по украинскому мосту между Европой и Азией, обмениваться людьми, товарами, идеями. Веками по территории Украины проходили границы (и линии фронтов) разных империй, от Византийской и Османской до империй Габсбургов и Романовых. В XVIII столетии ею правили из Петербурга, Вены, Варшавы, Стамбула, в следующем же две последние столицы остались не у дел. Во второй половине прошлого века монополярная власть над украинскими землями принадлежала Москве. Каждая империя, раздвигая свои пределы, навсегда оставляла отпечаток не только на ландшафте, но и характере местных жителей. Таким образом формировался особый украинский приграничный этос со своей особенной культурой.

Нация — далеко не доминирующий, но важный компонент повествования. Вместе с культурными тенденциями и идеей Европы он задает направление моему нарративу. История Украины помещается в границы, которые очертили в конце позапрошлого и начале прошлого века этнографы и картографы. Автор прослеживает развитие тех идей и ценностей, что связывают эти земли в единое

целое с эпохи Киевской Руси до появления на сцене современного национализма, пытаясь пролить свет на истоки украинской политической нации и ее государства. Повествование сосредоточено на этнических украинцах как самой многочисленной группе населения и нередко главной пружине государствообразующих процессов. Тем не менее автор не превращает книгу в повествование об одном этносе, чья история тянется из глубины тысячелетий. Важное место отведено этническим меньшинствам Украины, в первую очередь русским, полякам и евреям, а также процессу формирования современной полиэтничной и поликультурной нации.

История Украины — это история ее земель. Культурное и социальное пространство, созданное передвижением фронтиров, никогда не было однородным. Границы крупных и мелких государств по-разному нарезали украинскую этническую территорию, формируя культурные особенности, которые до сих пор сохраняют разные регионы Украины: от Закарпатья, которым долго правили венгры, и Галичинь (латинизированное имя — Галиция), переходившей от Польши к Австрии и обратно, до Правобережья Днепра, где польская власть сохранялась намного дольше, чем на Левобережье, низовьев этой реки, побережья Черного моря и Донецкого бассейна, колонизированных уже при Российской империи. В отличие от большинства предшественников, я стараюсь избегать рассмотрения истории украинских регионов по отдельности (например, частей Украины под скипетрами Романовых и Габсбургов), но проводить сравнительный анализ их развития в тот или иной период. Украинская культура всегда делила одно пространство с другими культурами, ее носители издавна учились уживаться

с “иным”. Дар украинского общества преодолевать внешние и внутренние барьеры представляет собой едва ли не самую яркую черту его истории, изложенной в этом труде.

И напоследок несколько слов о терминах. Предки современных украинцев обитали в двух-трех дюжинах средневековых и позднейших княжеств, королевств, империй. С течением времени они не раз меняли не только идентичность, но и свое имя. Что касается родной земли, то предпочтение отдавали двум названиям: Русь и Украина. Первое туда принесли в IX веке норманны, чьи князья и дружинники растворились в море восточных славян — их симбиоз мы и называем Киевской Русью. Славянское отражение этого слова, “Русь”, а также греческое, “Ро(с)сия”, были усвоены предками современных украинцев, белорусов и русских. На протяжении XVI–XVII веков Московское государство принимает эллинизированное самоназвание “Россия” и становится в итоге Российской империей.

В Новое время украинцы были известны под разными этнонимами, в зависимости от того, кто ими правил: Польша — “русины”, Австрия — “рутены”, Россия — “малороссы”. В позапрошлом веке первопроходцы национального возрождения предпочли расставить точки над *i* — раз и навсегда избавиться от производных имени “Русь” и отделить соплеменников от прочих славян, в первую очередь русских, пропагандируя этноним “украинцы”, независимо от того, подданные ли те Романовых или Габсбургов. Слово “Украина”, известное еще в позднем Средневековье, в начале Нового времени означало казацкие земли на берегах Днепра и созданное там казаками государство. Романтикам XIX века казачество представлялось квинтэссенцией украинства. Чтобы не утратить связи между былой Русью и на-

рождавшейся Украиной, Грушевский назвал свой десяти-томный труд “Историей Украины-Руси” Тот, кто пишет в наши дни о минувшем этой страны, едва ли сможет обозначить предков современных этнических украинцев только одним словом.

В этой книге слова “русь”, “россы”, а иногда “русины” употребляются для обозначения подданных Рюриковичей. Это разнообразие имеет свои причины. В современном русском языке отсутствует общепринятая терминология, которая позволяла бы отличать восточнославянское население Киевской Руси от современных русских (и те и другие, как правило, называются “русскими”), что значительно усложнило работу переводчика. Особенно трудным оказался казус средневековой “Русской земли” в ее узком смысле — территории Киевского, Черниговского и Переяславского княжеств. В книге употреблется именно этот термин, хотя и с пояснением его значения и территориального распространения. Это же касается термина “Русская правда”. Украинцев в начале эпохи Нового времени я называю преимущественно “русинами”, современных — “украинцами”. Обретение Украиной независимости в 1991 году привело к тому, что так стали называть ее граждан, к какому бы этносу они ни принадлежали. Эта сложная модель отражает принятые в западной академической историографии стандарты. Надеюсь, большой путаницы из-за нее не возникнет.

“Приди и виждь!” — призывает читателя анонимный автор “Истории русов”, один из предтеч украинских гумани-тариес наших дней, в предисловии к своему труду. Едва ли можно найти лучшее окончание и для моего предисловия.

Раздел I

Понтийский фронтир

Глава 1

На краю света

Открывает историографию Украины Геродот — “отец истории” собственной персоной. Такой чести удостоились, за редким исключением, лишь народы Средиземноморья. Обширные степи, горы и леса на территории современной Украины, к северу от Понта Эвксинского (“гостеприимного моря” античной цивилизации, нынешнего Черного моря), занимали в средиземноморском мире особое место. Центром Ойкумены во времена Геродота служили города-государства Древней Греции, южной окраиной — Египет и Эфиопия, а северной — Таврида (Крым) и Понтийские степи. Но если философской и прочим традициям Юга греки стремились подражать, Север был для них краем света, где цивилизованный человек сталкивался лицом к лицу с варваром — своим альтер эго. Именно там западный мир впервые узнал, что такое фронтир — граница освоенных в политическом и культурном смысле земель. Там Запад начал определять себя, отделяясь от Иного.

Геродот происходил из карийского Галикарнаса (Бодрума в современной Турции). В V веке до н. э., когда он странствовал, составлял и читал слушателям свою “Историю”, его родным городом владела Персидская держава.

Немалую часть жизни Геродот провел в Афинах и Южной Италии. Он не раз пересекал Средиземное море, повидал Египет, Месопотамию и другие земли. Приверженец аттической демократии, он писал на ионийском диалекте, но его интересы простирались далеко за пределы Великой Греции — рискну назвать их глобальными. “История”, разделенная после смерти автора на девять книг, проливает свет на истоки греко-персидских войн, что начались в 499 году до н. э. и шли полстолетия. Геродот изобразил их как эпическое противоборство свободы и деспотии, представленных соответственно греками и персами. Тем не менее, при всей глубокой симпатии к первым, он желал поведать историю не одной, но обеих сторон — чтобы “великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в безвестности”¹.

Именно подготовка “варварских” отрывков заставила Геродота уделить внимание Понтийским степям. В 512 году до н. э., незадолго до начала противостояния с греками, Дарий Великий, самый могущественный из Ахеменидов, повел войска через Истр (Дунай), желая отомстить скифам за вторжение в Персию. Те же обвели его вокруг пальца. Легкие на подъем кочевники, избегая битвы, заставили пришельцев без толку пересечь огромное пространство Северного Причерноморья и дойти до самого Танаиса (Дона). Царь, который через два десятилетия заставит трепетать Элладу, потерпел унижительное поражение.

Автор “Истории” стремился преподнести читателю по возможности полное описание таинственных скифов, их страны и обычаев. Вероятно, непоседливый Геродот туда все же не добрался и лишь пересказывает нам дошедшие до него сведения. Тем не менее его подробный отчет о ски-

Перевод Г. А. Стратановского.

фах и народах, которыми они правили, делает его не только первым историком, но и первым географом и этнографом Украины.

Как показывают археологические изыскания, территории к северу от Черного моря были заселены уже 45 тысяч лет назад неандертальцами, охотниками на мамонтов. В V тыс. до н. э. степи и лесостепи между Дунаем и Днепром принадлежали носителям кукутень-трипольской археологической культуры, которые занимались земледелием и скотоводством, строили большие поселения и оставили нам в наследство керамику и терракотовые статуэтки. Не позже трех тысяч лет назад жители западной части Евразийской степи приручили лошадь. Об этом тоже свидетельствуют раскопки. Некоторые исследователи на основе данных археологии, лингвистики и генетики предполагают, что Подонье и Нижнее Поволжье были прародиной индоевропейских языков. Из этого индоевропейского материка на рубеже IV и III тыс. до н. э. выделилась балто-славянская группа, а в середине II тыс. до н. э. славяне составили отдельную группу. Балто-славянское разделение происходило в лесах Северной Украины, Белоруссии и Восточной Польши, в то время как причерноморские степи контролировали носители иранских языков.

Пока “отец истории” не начал декламировать отрывки своего труда на афинских празднествах, большинство греков о Северном Причерноморье не знали почти ничего. Эти далекие края казались им обиталищем варваров, местом, где боги могли покуражиться. Кое-кто верил, что на одном из островов в устье Истра или Борисфена (Днепра) нашел упокоение Ахилл, герой Троянской войны и Гомеровой “Илиады”. Где-то там (скорее всего, восточнее — в низовьях Танаиса) жили амазонки, мифические женщины-воительни-

цы, которые, чтобы ловче натягивать лук, отрезали себе правую грудь. Известны были грекам и свирепые тавры, обитатели полуострова Тавриды (Таврики). Царевна Ифигения безжалостно убивала путников, которых превратности судьбы вынуждали укрываться от шторма на скалистых берегах нынешнего Крыма. Она приносила их в жертву Артемиде — ведь та, сперва заставив Агамемнона, отца Ифигении, отдать ей жизнь царевны, затем спасла ее. Мало кому хотелось повидать варварские страны за “гостеприимным морем”, которое на самом деле трудно для навигации и славится жестокими шквалами.

Впервые греки услышали о тех суровых краях и народах от воинственных киммерийцев. Скифы вытеснили это племя из Понтийских степей на Кавказ, а оттуда киммерийцы прорвались в Малую Азию, где столкнулись с людьми высококультурной средиземноморской культуры, с давней традицией оседлой жизни. Эти кочевники превратились в олицетворение варварства — среди прочего и в Библии. Пророк Иеремия описывает их так: “Держат в руках лук и копье; они жестоки и немилосерды, голос их шумит, как море, и несутся на конях, выстроены, как один человек, чтобы сразиться с тобою¹”. Образ этих безжалостных воинов попал и в современную массовую культуру. В 1932 году Роберт Ирвин Говард придумал сказочного киммерийца — Конана-варвара, в 1982-м в Голливуде сняли крайне популярный фильм с тем же названием и Арнольдом Шварценеггером в главной роли.

Таврида и северные берега Понта Эвксинского стали частью греческой Ойкумены в VII–VI веках до н. э., как раз после изгнания оттуда киммерийцев. На берегах этого моря одна за другой появлялись колонии эллинов, главным об-

Иеремия, 6:23.

разом выходцев из Милета, одного из самых могущественных полисов тех времен. Основанный милетцами в Южном Причерноморье Синоп сам стал отправной точкой для множества колонистов. В Тавриде же возникли Пантикапей (возле теперешней Керчи), Феодосия, Херсонес (на территории Севастополя) и другие города. Однако самой известной колонией милетцев стала Ольвия в устье Гипаниса (Южного Буга), где эта река впадает в Днепровский лиман, а там уже рукой подать до Черного моря. Город мог похвастаться каменными стенами и храмом Аполлона Дельфиния. Согласно археологам, площадь Ольвии в эпоху расцвета города доходила до полусотни гектаров, население — до десяти тысяч человек. Жители Ольвии придерживались демократии, отношения с материнским Милетом определял договор.

Благополучие Ольвии и других греческих колоний и торговых факторий зависело от расположения к пришельцам коренных жителей Понтийских степей. В период основания колонии и в течение самых благоприятных для нее V–IV веков до н. э. вокруг Ольвии жили скифы, союз племен иранской языковой группы. С греками-поселенцами они не только вели дела, но и связывали себя кровными узами. Таким образом, в колониях с годами стали встречаться на каждом шагу люди смешанного происхождения с культурой эллинской и “варварской” одновременно. Купцы вывозили из Ольвии морем в Милет и другие южные города зерно, сушеную рыбу и рабов, на местные же рынки доставляли вино, оливковое масло, ткани, продукцию греческих кузнецов и других ремесленников. Не забывали и драгоценные золотые украшения, которые археологи находят в курганах скифских царей. Степи Южной Украины изобилуют такими погребениями, хотя многие из них, если не распаханы, напоминают в наши дни простые холмики.

Наверное, самую красивую вещь из так называемого скифского золота — пектораль из трех рядов фигур — нашли в 1971 году при раскопках Толстой Могилы, кургана между Кривым Рогом и Никоподем. Теперь это царское нагрудное украшение хранится в Киеве, в Музее исторических драгоценностей Украины. Изготовили пектораль, видимо, в IV веке до н. э. Художник-ювелир изобразил повседневную жизнь скифов. В центре бородатые мужчины, став на колени, растягивают овчину. Пектораль из золота, поэтому композиция живо напоминает о золотом руне аргонавтов, символе царской власти. Справа и слева мы видим домашних животных: лошадей, коров, овец и коз. Один раб доит овцу, второй держит в руках кувшин.

Эти сцены не оставляют сомнений в том, что скифское общество было патриархальным и доминировали в нем воины-степняки, а в экономике главную роль играло скотоводство. Кроме домашней обстановки скифов, фигурок людей и скота, пектораль показывает нам и диких зверей. Эти образы говорят не столько о реалиях Северного Причерноморья, сколько о том, каким этот край Ойкумены рисовало эллинам воображение: львы и леопарды нападают на вепря и оленя, крылатые грифоны (полульвы-полуорлы, самые грозные обитатели греческих мифов) терзают лошадей — важнейших для скифов животных. Пектораль таким образом служит великолепным символом не только греческой культурной экспансии, но и взаимопроникновения греческого и скифского миров в Понтийских степях.

Вековое смешение культур позволило Геродоту, уроженцу Галикарнаса, собрать такие сведения об этом народе, каких никогда не дали бы нам раскопки. Один из ярких примеров — скифский миф о происхождении своего народа. В “Истории” Геродота мы читаем его в таком варианте:

“По рассказам скифов, народ их — моложе всех”. Кочевники верили, что прародителями их были Таргитай и трое его сыновей. “В их царствование на Скифскую землю с неба упали золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша”. Два старших брата хотели было взять эти дары, но те объяло пламя. А вот при младшем огонь погас, и он стал их владельцем и первым правителем нового народа. От него якобы произошли царские скифы, племя, которое властвовало над Понтийскими степями и хранило те самые упавшие с неба драгоценности. Вероятно, скифы считали себя коренными жителями этих земель — иначе не утверждали бы, что Таргитай родился от Зевса, как назвал по-гречески этого бога Геродот, и дочери Борисфена, самой полноводной реки в их стране. Интересно и то, что предкам скифов упало с неба не только ярмо, но и плуг — недвусмысленный символ оседлой жизни.

Описывая скифов, Геродот разделяет их на кочевников и земледельцев, отводя каждой группе свою экологическую нишу к северу от Понта Эвксинского. На правом берегу Борисфена, немного выше Ольвии — главными информаторами автору “Истории” служили, по-видимому, местные колонисты и те, кто навевывался в этот город, — упомянуты каллипиды. Скорее всего, они были смешанного, греко-скифского происхождения. Дальше, вдоль берегов Тираса (Днестра) и за степью, которой владели царские скифы, живут алазоны (ализоны), что “ведут одинаковый образ жизни с остальными скифами, однако сеют и питаются хлебом, луком, чесноком, чечевицей и просом”. Еще севернее, на просторах нынешней Правобережной Украины, Геродот помещает скифов-пахарей¹, которые сеют зерно на продажу (он их так назвал, очевидно, по созвучию

Этноним. Перевод Ф. Г. Мищенко.

самоназвания с греческим словом “георг” — хлебопашец). На левом же берегу Днепра, по Геродоту, обитали скифы-земледельцы, которых жители Ольвии называли борисфенитами. Он указывает, что жители далеких северных окраин Скифии заметно отличались от тех, кто населял Понтийские степи.

Почвы на побережье главной скифской реки автор “Истории” расхваливает как одни из самых богатых в мире, воздавая должное и самой реке:

Борисфен — самая большая из этих рек после Истра. Эта река, как я думаю, не только из скифских рек наиболее щедро наделена благами, но и среди прочих рек, кроме египетского Нила (с Нилом ведь не сравнится ни одна река). Тем не менее из остальных рек Борисфен — самая прибыльная река: по берегам ее простираются прекрасные тучные пастбища для скота; в ней водится в больших количествах наилучшая рыба; вода приятна на вкус для питья и прозрачна (по сравнению с водой других мутных рек Скифии). Посевы вдоль берегов Борисфена превосходны, а там, где земля не засеяна, расстилается высокая трава.

Лучше и не скажешь. Черноземы в бассейне Днепра до сих пор славятся плодородием. Благодаря им Украина получила прозвище “житницы Европы”

На скифских землях в среднем течении Борисфена вселенная Геродота не заканчивалась. На север от них жили люди, о которых не то что он сам, но и его информаторы из Ольвии и Скифии знали совсем немного. В верховьях Гипаниса, у “края земли” обитали невры, восточнее за Борисфеном — андрофаги (людоеды). Геродот о них сообщает очень мало, но локализация невров в болотах бассейна Припяти совпадает с одной из гипотетических славянских

прародин. Исследователи тамошних диалектов украинского языка заключают, что славяне живут там очень давно.

Если доверять автору “Истории” и его источникам, Скифское царство представляло собой конгломерат этносов и культур, где география и окружающая среда определяли место каждого в разделении труда и политической иерархии. Взморье занимали эллины и эллинизированные варвары, посредники между средиземноморской цивилизацией и северной глушью — и в торговле, и в культурном обмене. Основные экспортные товары (зерно, рабов, сушеную рыбу) доставляли в портовые города из лесостепи. Люди, что их везли, пересекали степи, где хозяйничали царские скифы. Те контролировали торговлю и получали большую часть дохода от нее, о чем свидетельствуют золотые украшения, обнаруженные в курганах. Описанное Геродотом деление территории на побережье, степь и лес будет играть крайне важную роль в истории Украины на протяжении многих веков.

Многоукладный скифский мир, известный нам по “Истории”, рухнул в III веке до н. э. Римлянам, что через два столетия взяли под свой протекторат греческие колонии в Северном Причерноморье, пришлось иметь дело с новыми владыками степей.

Скифских конников, что господствовали на торговых путях между земледельческими регионами и колониями греков, сменила новая волна кочевников с востока. Это были сарматы (савроматы) — народ из той же иранской группы, что и скифы. Геродоту было известно, что они живут к востоку от Танаиса. Он же пересказывает легенду о том, что савроматы произошли от амазонок, бежавших из греческого плена, и скифских юношей. Подобно своим скифским собратьям, они делились на несколько племен (роксоланы,

аланы, язиги и др.) и покорили соседние этносы. Сарматы властвовали над Понтийскими степями полтысячелетия, до IV века н. э. В эпоху их расцвета сарматам принадлежали обширные пространства от Волги до Дуная. Проникали они и дальше на запад, до берегов Вислы.

Хотя этот воинственный народ наводил страх на всех вокруг никак не меньше скифов, наши знания о сарматах намного скуднее. Причиной этому стал почти полный упадок торговли с эллинскими колониями, которая процветала в Северном Причерноморье при их предшественниках. Без обмена товарами сходит на нет и обмен информацией. Пришельцы оттеснили скифов в Тавриду, где те создали небольшое царство, известное под именем Малой Скифии (ее не следует путать с Малой Скифией на Нижнем Дунае). В руках скифов осталась и степь непосредственно к северу от Перекопа, и доступ к портовым городам. Сарматы таким образом получили полный контроль над путями в лесостепи с юга, но возобновить торговлю не могли. Конфликт между старыми и новыми владыками степей не только подрывал процветание греческих поселений, но и поставил под угрозу их существование — скифы и другие кочевники требовали от них дань деньгами и натурой независимо от положения дел. Торговля стала менее выгодной еще и потому, что средиземноморские рынки получали теперь продовольствие от новых поставщиков. В порты Эгейского и Ионического морей зерно везли из Египта и Месопотамии, маршруты же стали безопаснее вследствие походов Александра Македонского и последующей экспансии Рима.

Когда в I веке до н. э. римляне достигли северного побережья Понта Эвксинского, они сумели до некоторой степени возродить экономику приморских городов, обеспечив им более надежную защиту. Но и под римской властью благополучие каждого висело на волоске. Публий Овидий На-

зон, в 8 г. н. э. сосланный императором Августом в далекие Томы (современную Констанцу, черноморский порт Румынии), где он угас через десять лет, оставил нам яркое описание невзгод повседневной жизни греческой колонии на рубеже нашей эры:

Дикие тут племена — не счесть их! — войной угрожают,
 Мнят позорным они жить не одним грабежом.
 Небезопасно вне стен, да и холм защищен ненадежно
 Низкой непрочной стеной и крутизною своей <... >
 Нас укрепления едва защищают, и даже внутри их,
 Смешаны с греками, нас скопища диких страшат.
 Ибо живут среди нас, безо всякого с нами различья,
 Варвары: ими домов бóльшая часть занята¹.

Враждебные отношения с “варварами” и жизнь под дамокловым мечом такого соседства закономерно привели некогда процветавшие эллинские колонии в упадок. Дион Христом, который, по его утверждению, посетил Ольвию (в то время иноземцы ее называли Борисфеном; путешествие могло иметь место в конце I века н. э.), живописует весьма печальную картину: “Город борисфенитов по величине не соответствует своей прежней славе вследствие неоднократных разорений и войн: находясь уже так давно среди варваров, и притом почти самых воинственных, он постоянно подвергается нападениям и несколько раз уже был взят врагами <... > Вследствие этого-то дела тамошних эллинов пришли в крайний упадок: одни города совсем не были восстановлены, другие — в плохом виде, и при этом нахлынула в них масса варваров”².

1 Перевод С. В. Шервинского.

2 Перевод В. В. Латышева.

Таким положение колоний было через сто с лишним лет после прихода римлян. Того процветания, того размаха торговли с далекими северными землями, о которых писал Геродот, достичь уже не удавалось. Колонисты знали только два состояния: война с “варварами” или напряженная передышка между двумя войнами, поэтому им не было дела до географии с этнографией. Овидий писал о землях к востоку и к северу от Том, где находился в изгнании:

Дальше — Босфор, Танаис, Киммерийской Скифии топи,
 Еле знакомые нам хоть по названью места;
 А уж за ними — ничто, только холод, мрак и безлюдье.
 Горе! Как близко пролег круга земного предел!¹

Страбону, современнику Овидия и автору прославленной “Географии”, о Понтийских степях было известно больше, чем римскому поэту-изгнаннику. В его труде приводятся названия сарматских племен и тех земель, которыми они распоряжались. Язигов и роксоланов Страбон называет “кочующими в кибитках²”, но вот о жизни оседлых народов лесостепей нынешней Украины мы у него ничего не встретим, не говоря уж о дремучих лесах к северу от них. При этом Страбон, в отличие от Овидия, не посещал те края, а информаторы у него оказались похуже Геродотовых. Автору “Географии” оставалось только жаловаться на то, что “неведение господствует у нас и относительно прочих, непосредственно следующих за ними северных народностей. Действительно, я не знаю ни бастарнов, ни савроматов, ни вообще народностей, обитающих над Понтом; не знаю даже, как далеко они отстоят от Атлантического моря и граничат ли их области с ним”

Перевод Н. Д. Вольпин.
 Перевод Г. А. Стратановского.

Люди, чьими сведениями пользовался Страбон, жили не в Ольвии, а другой греческой колонии к востоку от Ольвии, поэтому ученый подробнее говорит о низовьях Танаиса, а не Борисфена, как его предшественник. В устье Дона располагался город, носивший то же название, что и река, — Танаис — и принадлежавший Боспорскому царству, самому крепкому объединению греческих колоний, которому римский протекторат принес немалую пользу. То, что именно его жители были информаторами Страбона, подтверждает особое значение, придаваемое географом их реке. Страбон провел по Танаису восточную границу Европы — этим названием в Элладе обозначали земли, на которые так или иначе распространилось влияние греков. Далее за Танаисом начиналась Азия. Таким образом, в начале нашей эры, когда в Понтийских степях появились римляне, территория будущей Украины еще раз оказалась фронтиром цивилизации. Северная окраина Ойкумены по Геродоту стала теперь восточным пределом Европы. Там он и останется на протяжении почти двух тысяч лет, пока рост могущества Российской империи в XVIII столетии не приведет к пересмотру географической карты и переносу границ Европы на Урал.

Разделение Понтийских степей на европейские и азиатские в эпоху Римской империи имело чисто умозрительный характер. Страбон описывал сарматов как на правом, так и на левом берегу Дона, а Птолемей, один из его преемников, называл в своем “Руководстве по географии” II века н. э. две Сарматии: Европейскую и Азиатскую. Такое деление станет аксиомой для европейских ученых на следующие полторы тысячи лет. Гораздо большее значение, чем эта воображаемая граница Европы, имел подлинный фронтир цивилизаций — между греческими колониями на побережье и кочевниками Понтийских степей. В отличие от укреплений, на которые полагались горожане, этот фронтир был размытым и созда-

вал широкое пространство взаимодействия и смешения языков, религий и обычаев эллинов и “варваров”, что порождало новые социальные и культурные явления. А вот весьма важная граница между оседлыми жителями лесостепи и кочевниками, известная Геродоту, от внимания Страбона совершенно ускользнула. Исчезла ли она совсем, или древние авторы ничего о ней не знали, трудно сказать. География и экология остались, безусловно, без изменений, а вот население, наверное, нет. Оно точно пришло в движение в середине I тыс. н. э., когда Причерноморье и его северный фронтир вновь привлекли внимание ученых греков.

Глава 2

Явление славян

Если отношения древних греков с обитателями Понтийских степей последних веков до нашей эры определяли главным образом товарообмен и взаимопроникновение культур, то римлянам две тысячи лет назад приходилось воевать не реже, чем торговать. К IV столетию их контакты на этом фронтире деградировали до почти непрерывной войны. Началась эпоха Великого переселения народов, которое историки раньше называли вторжениями варваров. Долгое время, до конца VII века, огромные массы людей из центра Евразии перемещались к ее юго-западным окраинам. Западная Римская империя рухнула под их тяжестью во второй половине V века, зато Восточная, хоть и ослабла, устояла. Державу, которую мы обычно называем Византией (ее самоназвание — Романия), степные кочевники и пришедшие с севера земледельцы не одолели, и она просуществовала до 1453 года.

На землях будущей Украины волна этих миграций выглядела сущим девятым валом. Там проходили, а то и жили какое-то время несколько этносов из тех, что сыграли ключевую роль в падении Западной Римской империи, — в первую очередь готы и гунны. Последние в эпоху Великого переселения народов заслужили самую грозную славу под нача-

лом своего вождя Аттилы. В Понтийских степях эти катаклизмы положили конец многовековому господству этносов иранской языковой группы: скифов, сарматов и прочих. Готы происходили от скандинавов, гунны же пришли из монгольских степей. Каким бы ни был их язык, по пути на запад они обросли, как снежный ком, множеством племен. К середине VI века гунны сошли со сцены и на просторах центра Евразии зазвучала тюркская речь.

Все вышеупомянутые народы вторгались в Понтийские степи, подчиняли их себе, какое-то время пребывали там, но рано или поздно уходили. Однако нашлись и те, кто, раз выйдя на историческую сцену Восточной Европы, отказался с нее сойти. Волна миграций разбудила славян, группу племен, у которых мы видим языковое и культурное сходство, но не политическое единство. Славяне принадлежат к индоевропейской семье, следовательно, их предки появились на восточных рубежах Европы между VII и III тыс. до н. э. Когда Геродот первым описывал эту часть мира, славяне жили там уже очень давно.

Тем не менее внимание античного мира славяне привлекли только в начале VI века н. э., прорвав византийскую границу по Дунаю, уже потрепанную готами и гуннами. Перед ними лежал Балканский полуостров. Иордан, латиноязычный автор готского происхождения, различал в то время две славянские ветви: “Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами”¹ Склавенов он поместил между Дунаем и Днестром, антам же отвел участок между Днестром и Днепром — “там,

Перевод Е. Ч. Скржинской.

где Понтийское море образует излучину”. Работы лингвистов дают основания заключить, что прародина славян лежала где-то в лесах между Днестром и Вислой, скорее всего в болотах Припяти. Ко времени написания Иорданом “Гетики” славяне уже вышли из своего медвежьего угла на раздолье степей и стали головной болью императора Юстиниана Великого.

Он занял престол в Константинополе в 527 году и не жалел усилий до самой смерти в 565-м, стремясь восстановить Римскую империю в прежних границах — вернуть ей западную половину. Юстиниан решил перейти в наступление и на дунайской границе, где атаки “варваров” не утихали. Прокопий Кесарийский, автор VI века, который оставил нам подробную историю кампаний этого василевса, указывает, что в начале 530-х годов Юстиниан послал командовать войсками на Дунай Хильбудия, “близкого к императорскому дому”¹. Тот нанес противнику ряд поражений, благодаря чему Юстиниан добавил к титулу эпитет “Антский” (то есть победитель антов). Но удача вскоре изменила Хильбудию. Через три года он пал на поле битвы, император же вернулся к прежней стратегии — глухой обороне дунайского берега.

Не забыли в Царьграде и старый римский трюк: “разделяй и властвуй”. К концу 530-х годов антов удалось натравить на склавен, а полководцы Юстиниана вербовали и тех и других в его армию. Но славянские набеги не прекратились. Даже ведя войну со склавенами, анты ухитрились разорить Фракию и захватить там множество пленных, которых увели с собой за Дунай. Показав империи, насколько они опасны, анты предложили ей свои услуги. Юстиниан не замедлил взять их под свое покровительство, определив

¹ Здесь и далее — перевод С. П. Кондратьева.

их центром брошенный когда-то римлянами на левом берегу Дуная город Туррис (возможно, Турну-Мэгуреле в современной Румынии).

Как и многие противники римлян до них, анты стали защищать их границы, получая за это определенное вознаграждение. Они решили провести императора, уверяя, что захватили Хильбудия в плен и даже намерены признать его старшим. Поскольку Юстиниан дал тому титул стратига (магистра войск), командующего всеми силами на дунайском фронте, такая уловка позволила бы антам считаться римскими гражданами, а не простыми наемниками. Ничего не вышло. Настоящий Хильбудий к тому моменту давно уже покинул этот мир, самозванца же схватили и отправили в Константинополь. Антам пришлось удовлетвориться статусом федератов — младших союзников великой империи, но все равно чужаков.

Кем же были эти новые соседи Византии? Как они выглядели, как дрались, во что верили? Прокопий не раз подчеркивал, что у антов и склавенов один язык, те же верования и обычаи. Его довольно подробный рассказ, таким образом, можно отнести ко всем славянам. Автор “Войны с готами” утверждает, что “живут они [славяне] в жалких хижинах на большом расстоянии друг от друга” и нередко переходят с места на место. Их воины наводили страх на врагов: “Они очень высокого роста и огромной силы”. А вот какое славяне производили впечатление: “Цвет кожи и волос у них не очень белый или золотистый и не совсем черный, но все они темно-красные <... > Образ жизни у них, как и у масагетов, грубый, без всяких удобств; вечно они покрыты грязью, но по существу они неплохие и совсем не злобные, но во всей чистоте сохраняют гуннские нравы”.

Пусть и чумазые, славяне вышли на арену истории под знаменем равенства. Прокопий пишет: “Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим”. Они часто бросались в бой полуголыми, но, в отличие от средневековых шотландцев, показанных Мелом Гибсоном в блокбастере “Храброе сердце”, носили портки. Прокопий рассказывает об их одежде так: “Вступая в битву, большинство из них идет на врагов со щитами и дротиками в руках, панцирей же они никогда не надевают. Иные не носят ни рубашек (хитонов), ни плащей, а одни только штаны, подтянутые широким поясом на бедрах, и в таком виде идут на сражение с врагами” Классический русский перевод опускает одну подробность: штаны подбирали до самого паха.

Описание славянских военных обычаев содержит и “Стратегикон”, который появился на свет около 600 года. Автором по традиции считают императора Маврикия. Византиец рисует весьма подробную картину переселения славян из-за Дуная на Балканский полуостров. По его словам, те “к прибывающим к ним иноземцам добры и дружелюбны”¹, хотя вообще вероломны и ненадежны в соглашениях. Сверх того, славяне “все думают противоположное друг другу и ни один не желает уступить другому”. В родных местах севернее Дуная они живут среди лесов, рек, болот и труднопреодолимых озер. Что касается тактики, они используют засады, внезапные нападения и хитрости, ведь “ни боевого порядка не знают, ни сражаться в правильном бою не стремятся, ни показаться в местах открытых и ровных не желают”. Оружием славян были небольшие дротики и деревянные луки с короткими стрелами, смазанными ядом.

Здесь и далее — перевод В. В. Кучмы.

Пленным через определенный срок позволяли на выбор либо вернуться домой за выкуп, либо остаться на чужбине уже не рабами, а свободными людьми.

Вернемся к Прокопию, чтобы взглянуть хотя бы мельком на духовный мир этого народа. “Они считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всем, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды”. Несмотря на этот культ, славяне не забывали умамливать различные силы природы. Согласно Прокопию, “они почитают и реки, и нимф, и всякие другие божества, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят и гадания”

Удивили византийского автора не жертвоприношения богам, хорошо знакомые ему по истории Рима до принятия христианства, но другое отличие от подданных императора. Прокопий пишет с некоторым даже разочарованием: “Судьбы они не знают и вообще не признают, что она по отношению к людям имеет какую-либо силу, и когда им вот-вот грозит смерть, охваченным ли болезнью или на войне попавшим в опасное положение, то они дают обещания, если спасутся, тотчас же принести богу жертву за свою душу; избегнув смерти, они приносят в жертву то, что обещали, и думают, что спасение ими куплено ценой этой жертвы”.

Сообщения о славянах византийских авторов вроде Прокопия отчасти подтверждаются результатами археологических раскопок на украинской территории. Антов обычно связывают с пеньковской культурой, впервые обнаруженной в Центральной Украине. Носители этой культуры на протяжении двух столетий, до начала VIII века, населяли лесостепь на обоих берегах Днепра. Иордан помещает антов внутри ареала этой культуры. Пеньковцы, как анты и склавены Прокопия, жили в примитивных полуземлянках и тоже часто бросали их, уходя на новое место. Впрочем, позже

они возвращались туда, что свидетельствует, видимо, о переложном способе земледелия. Археология открывает нам глаза на упущение Прокопия: пеньковцы возводили укрепленные городки, которые служили резиденциями правителей, центрами военной мощи.

Эпоху первого расцвета славян оборвало вторжение аваров во второй половине VI века, что привело к разрушению антского племенного союза.

Авары оставили по себе плохую память. Даже в XI–XII веках те киевские монахи, что стали авторами Начальной летописи, известной под именем “Повести временных лет”, изображали их черными красками, пересказывая местные легенды и византийские источники. По летописи, кочевники “воевали и против славян, и притесняли дулебов — также славян, и творили насилие женщинам дулебским: бывало когда поедет обрин, то не позволял запрячь коня или вола, но приказывал впрячь в телегу трех, или четырех, или пять женщин и везти обрина, и так мучили дулебов”¹. Дулебами называлось славянское племя на берегах Западного Буга.

Злодейства аваров не остались без воздаяния свыше. Летописец уверяет: “Были же эти обры велики телом, а умом горды, и Бог истребил их, вымерли все, и не осталось ни одного обрина. И есть поговорка на Руси и доньне: «Погибли как обры»”.

Аваров из Понтийских степей вытеснили болгары, а тех — хазары. Хазары завершили эпоху миграций, и к концу VII века благодаря им на этих землях худо-бедно воцарился мир. Они наводили меньше страху, чем их предшественники. Летописец рассказывает о том, как подчинили Среднее

¹ Здесь и далее “Повесть временных лет” в переводе О. В. Творогова.

Поднепровье: «И набрели на них хазары, на сидящих в лесах на горах, и сказали хазары: «Платите нам дань». Поляне, посоветовавшись, дали от дыма по мечу <...> И сказали старцы хазарские: «Не на добро дань эта, княже: мы добыли ее <...> саблями, а у этих оружие обоюдоострое — мечи. Им суждено собирать дань и с нас, и с иных земель»». Киевские монахи не написали почти ничего, что говорило бы о вражде с хазарами, помимо легенды, которая представляла уплату дани этому народу их предками в весьма выгодном для киевлян свете. Хазарский каганат не так уж прочно контролировал рубежи леса и степи. Далее на север его влияние распространялось разве что по Днепру. Тюркоязычную хазарскую знать интересовала мирная торговля, она была открыта для иных культур, любезно принимала в своих владениях христианских миссионеров и даже перешла в иудаизм (из-за чего возникла ложная гипотеза об автохтонном происхождении восточноевропейских евреев). Центр созданного хазарами государства находился на Северном Кавказе, в низовьях Волги и Дона: города Семендер, Итиль и Саркел соответственно. Богатела верхушка каганата благодаря контролю над торговыми путями, из которых, безусловно, самым доходным был путь по Волге в Персию и Арабский халифат. Путь по Днепру в Черное море тогда выглядел не слишком привлекательным.

В первой половине VII века хазары заключили договор с Византией, которая уже вернула свои позиции в Северном Причерноморье. Ольвия после нашествий готов и гуннов в IV веке превратилась в руины, зато удобным плацдармом для ромеев служил южный берег Тавриды, защищенный от степных кочевников горной цепью. Административным центром византийских владений на полуострове стал Херсонес. При Юстиниане в важнейших городах разместили гарнизоны, к тому же на службу империи поступили крымские

готы — они остались там, когда основная масса их народа ушла на запад, сначала в Центральную Европу, а потом на Апеннины и за Пиренеи. Чтобы готы лучше защищали владения Византии, к ним прислали специалистов по фортификациям, чтобы те помогли укрепить расположенные высоко в горах города с катакомбами. Как союзники хазары должны были не только помогать в войнах против персов и арабов, но и охранять пути к самому богатому в мире рынку — константинопольскому.

Что нам известно о славянах на территории Украины в период расцвета Хазарской державы? Ненамного больше, чем об их предках. Главным, нередко и единственным источником нам служит текст, созданный в Киеве спустя столетия. Не так давно археологи уверяли, что Киев основан в конце V или начале VI века (хотя IX век выглядит теперь намного вероятнее). Город мог служить форпостом хазар на северо-западе или руси — на юге. Но значение Киева, причину, по которой именно там возникает город, можно понять не столько по данным археологии, сколько по свидетельству летописи. Местное предание связывает начало Киева с близлежащим перевозом на Левобережье. Другие рассказывали, что Кий, основатель города, был не перевозчиком, а князем, что его братья Щек и Хорив дали свои имена горам, а сестра Лыбедь — речке, которая впадает в Днепр. Живописные скульптурные композиции, изображающие четырех легендарных основателей Киева, стоят теперь на набережной Днепра и в центре города.

Летопись насчитывает дюжину славянских племен к востоку от Карпат. На севере область их распространения достигала Ладожского озера, на востоке — верховьев Оки и Волги, на юге — низовий Днестра и Среднего Поднепровья. Эти народы были предками современных украинцев, белорусов и русских и получили от лингвистов название во-

сточных славян, поскольку начиная приблизительно с VI века в их языках прослеживаются особенности, отличающие их от языков западных и южных славян.

Семь восточнославянских племен обитали в пределах современной Украины, на берегах Днепра, Днестра, Западного Буга, Припяти, Десны и Сожа. Под хазарский протекторат попали только поляне и северяне. Каковы бы ни были их отношения с соседями, могущественными и не слишком, образ жизни восточных славян со стороны казался почти одинаковым. Так можно заключить из летописи — текста, вышедшего из-под пера киевского монаха. Все племена, кроме родных ему полян, он изображает дикарями. “Жили в лесу, как и все звери, ели всё нечистое”, — пишет он, несомненно испытывая презрение к язычникам, включая современников.

Археология показывает, что хозяйство славян становилось более оседлым. Они строили бревенчатые избы, которых в деревне насчитывалось от четырех до тридцати. Деревни размещались гнездами. В центре таких гнезд возводили укрепления (“города”), что служили укрытием и штабом в случае нападения врагов. Занимались славяне земледелием и скотоводством. Принимая во внимание наличие вождей, их общественное устройство, видимо, следует отнести к военной демократии, как во времена Прокопия Кесарийского. Подобно антам и склавенам, они более всего почитали бога-громовержца, которого звали Перуном.

От персонажей Прокопия славян из “Повести временных лет” отличает несколько лучшая гигиена. Летописец вкладывает в уста св. Андрея, апостола, которому легенда приписывала проповедь христианства на киевских холмах, такую речь: “Диво видел я в Славянской земле, когда шел сюда. Видел бани деревянные, и натопят их сильно, и разделутся, и будут наги, и обольются мытостью, и возьмут веники,

и начнут хлестаться, и до того себя добьют, что едва вылезут, чуть живые, и обольются водою студеною, и только так оживут. И творят это постоянно, никем же не мучимые, но сами себя мучат” (Мытель — теплая вода со щелоком.)

Летописец — родом, видимо, из окрестностей Киева — не упустил случая посмеяться над банями, традиционными для Северо-Восточной Европы и Скандинавии. Гораздо суровее он клеймит дохристианские обычаи соотечественников, полагая их варварскими. О былых властителях Киевской земли пишет: “А древляне жили звериным обычаем, жили по-скотски: убивали друг друга, ели всё нечистое, и браков у них не бывало, но умыкали девиц у воды”

Прочие славянские племена вели себя не лучше: “И браков у них не бывало, но устраивались игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни и здесь умыкали себе жен по сговору с ними; имели же по две и по три жены”

Не стоит принимать летописный рассказ о славянских брачных обычаях, граничивших с промискуитетом, за описание нормального, а не девиантного поведения. Автор, ревнитель христианства и человек из другой эпохи, стремился, конечно же, искоренить какие бы то ни было отклонения от христианского морального стандарта и сосредоточился на забавах парней и девушек, не касаясь института брака как такового. Ибрагим ибн Якуб, еврей из Андалусии (тогда — центра Кордовского халифата), посещал западнославянские страны в середине X века и выяснил, что браки у славян были прочными, а получение приданого — одним из главных способов накопления богатства. При этом путешественник отметил, что у людей обоего пола считалось нормой получение сексуального опыта до брака: “Женщины их, когда выйдут замуж, не прелюбодействуют. А когда девица кого полюбит, то она к нему отправляется и у него удовлетворяет свою

страсть. А когда мужчина женится и найдет свою жену девственной, он ей говорит: «Если бы было у тебя что-нибудь хорошее, то мужчины полюбили бы тебя и ты избрала бы себе кого-нибудь, который бы тебя лишил невинности» — и прогоняет ее и отрекается от нее»¹.

Мало что известно о славянах на территории современной Украины до X–XI веков, источниками же нам служат, как правило, рассказы их противников — византийцев, или готов, или ревностных христиан позднейшего времени, вроде киевского летописца, которому предки казались прежде всего носителями языческих заблуждений. В обоих случаях они предстают варварами, врагами либо христианской державы, либо христианских веры и обряда. Летопись не дает нам возможности узнать почти ничего о мирной колонизации ими пространств Восточной Европы, когда большинство их покинуло прародину (та включала и северо-западную часть Украины) и ушло на юг, до самой оконечности Балканского полуострова, на северо-запад — за Вислу, к Эльбе и южным берегам Балтики, на северо-восток — к Финскому заливу, в верховья Волги и Оки. Славяне были земледельцами и порой шли следом за кочевниками, когда те после громких побед не знали, что делать с покоренными землями, непригодными для выпаса скота. Волны славянской колонизации катились медленно и, как правило, мирно — но приходили славяне в новые края всерьез и надолго.

1 Перевод В. Р. Розена.

Глава 3

Викинги на Днестре

На Украине, как и почти по всей Европе, эпоху миграций (Великого переселения народов) сменила эпоха викингов: от последних десятилетий VIII до второй трети XI века включительно. На владения римлян, занятые прежними “варварами”, стали нападать новые — оттуда, где теперь расположены Швеция, Норвегия и Дания. Это были викинги, известные Западной Европе также под именем норманнов, а Восточной — варягов. Они грабили и покоряли порой целые страны. Иногда их вторжение приводило к переменам в тех или иных государственных образованиях, иногда они создавали их сами.

Откуда же вести отсчет этого периода? Для Британии мы знаем точную дату: 8 июня 793 года. В этот день викинги — что приплыли, видимо, из Норвегии — разорили монастырь на острове Линдисфарн у северо-восточного берега Англии. Кое-кого из братии они утопили, прочих увели в рабство. Погрузив на свои драккары монастырские сокровища, разбойники скрылись. В те же годы норманнам приглянулось и побережье Франции, где одна из земель позднее получила от них свое название — Нормандия. Так началась эпоха викингов.

Византийцы впервые увидели их не позднее 838 года, когда в Константинополь явились послы короля Руси (*Rhos* Бертинских анналов) с предложением дружбы. Прибыли они с севера, но одолеть тот же путь еще раз не хотели, опасаясь враждебных племен. Василевс отправил их домой через сегодняшнюю Германию. При дворе Людовика Благочестивого, сына прославленного императора франков Карла Великого, в послых опознали шведов — не норманнские ли это лазутчики? У нас едва ли есть причины подозревать в них шпионов, послам же по дороге в Киев и вправду было чего бояться: скажем, славян или, еще вероятнее, кочевников Понтийских степей.

Мир между Византией и скандинавами продержался недолго. В 859 году норманнские пираты впервые прошли Гибралтарский пролив. Через год другая флотилия спустилась по Днепру, пересекла Черное море, проникла в Босфор и атаковала столицу могучей империи. Как и в случае набега на Линдисфарн, нам известна точная дата этого события: 18 июня 860 года. Царьград застали врасплох. Император Михаил командовал армией в Малой Азии, а его флот оборонял Эгейское и Средиземное моря не только от арабов, но и новых врагов — викингов. Никто не ждал их еще и с севера.

Нападавшие не привезли осадной техники и не могли пробить городские стены, поэтому ограничились грабежом предместий. Они разоряли и жгли церкви, дворцы, дома, наводили ужас на византийцев, закалывая или бросая в воду всех, кто посмел им сопротивляться. Затем норманны прошли через Босфор в Мраморное море и обрушились на Принцесы острова. Патриарх Фотий, первый по рангу сановник столицы, на литургиях молил Бога о заступничестве. В одной из проповедей (гомилий) он рисует картину беспомощности мирных жителей перед нашествием:

... Когда мимо города проплывали они, неся и являя плывущих на них с протянутыми мечами и словно грозя городу смертью от меча; когда иссякла у людей всякая надежда человеческая и город устремился к единственному божественному прибежищу”¹. Норманны ушли не позже 4 августа — того дня, когда Фотий приписал чудесное спасение Константинополя покровительству Богородицы. Вероятно, именно так возникла легенда, которая легла в основу православного праздника Покрова. По иронии судьбы, он не прижился у греков, зато стал одним из наиболее любимых народами Украины, Белоруссии и России — тех стран, откуда язычники-норманны отправились в 860 году в поход на юг.

О варварах, что предали огню и мечу окрестности Царьграда летом 860 года, патриарху и его современникам хоть что-нибудь наверняка уже было известно. Две гомилии Фотия озаглавлены “На нашествие росов” (впрочем, в текстах этого слова нет, а заглавия могли появиться позднее). Видимо, так же — Ῥῶς — в Византии называли и членов вышеупомянутого посольства 838 года. Из текста можно вывести даже то, что это подданные взбунтовались против императора, но историки вынуждены ломать голову над точным смыслом патриаршего красноречия. Так кем же были росы, или русь? Споры об этом тянутся уже два с половиной столетия, если не дольше. Большинство ученых сходится на том, что слово “русь” скандинавского происхождения. Греческие авторы IX и позднейших веков, очевидно, заимствовали его у славян, а те в свою очередь — у финнов. Финское слово *ruotsi* (и однокоренные в родственных языках) обозначает шведов и происходит, видимо, от скандинавского со значе-

Перевод П. В. Кузенкова.

нием “грести”. Норманны и вправду много гребли: пересекали Балтийское море и Финский залив, входили в устье Невы, затем плыли через Ладожское озеро, Ильмень и Белое озеро — к верховьям Волги. Эта река, символ России, служила основной частью торгового пути “из варяг в арабы”. Таким образом северяне достигали Каспийского моря и лежащих за ним богатых стран.

Конгломерат, известный под именем руси, сложился из шведских, норвежских и, возможно, финских викингов и на север Восточной Европы проник прежде всего ради торговли, а не завоеваний. Но эти леса не сулили обильной добычи. Золотое дно находилось на Среднем Востоке, оставалось лишь добраться туда без особых потерь. Впрочем, судя по нашим сведениям о руси, они никогда строго не разграничивали торговлю, грабеж и войну. Им приходилось прокладывать дорогу через огромные пространства, где туземцы далеко не всегда встречали их любезно. И торговля не могла обойтись без насилия, ведь рабов покупали с той же охотой, что меха, мед или воск. Чтобы раздобыть невольников, руси пришлось так или иначе установить контроль над местными племенами и собирать с них натурой ту дань, которую можно было сбыть на хазарском и других рынках. Товар продавали за арабские серебряные дирхемы — археологи обнаружили эти монеты во множестве кладов, которыми усеян весь торговый путь от Скандинавии до Каспийского моря.

Однако викинги не стали тут первооткрывателями. Еще раньше до такой комбинации додумались хазары, что контролировали торговые пути по Волге и Дону и облагали данью многие племена на соседних землях. Поддерживала каганат и Византия. Некоторые историки подозревают, что русь напала на Константинополь в отместку за помощь, оказанную при возведении стен Саркела (Белой Вежи). Саркел,

расположенный на левом берегу Дона, закрепил господство хазар на Нижнем Дону и в Азовском море. Гипотеза Омедина Прицака приписывает им форпост и в Киеве, на Днепровском торговом пути. В любом случае на лежащие западнее дебри их власть не распространялась, да и в Киеве они не могли бы держаться долго.

“Повесть временных лет”, источник большинства наших знаний о том периоде, датирует 882 годом борьбу за Киев между двумя группами норманнов. Двоих вождей, Аскольда и Дира (Аскольдова могила в Киеве не забыта до сих пор), убил Хельги — Вещий Олег. Он захватил город якобы от имени династии Рёрика (Рюрика в летописи), которая уже правила какое-то время в Ладоге или Великом Новгороде. Хотя в этой истории многое вызывает обоснованные сомнения, в том числе ненадежная хронология — автор текста рассчитывал ее, опираясь главным образом на византийские источники, — легенда, видимо, отражает процесс концентрации власти в руках одной группы руси в северной и центральной Восточной Европе, от Приильменя до Среднего Поднепровья.

В исторической литературе торговую ось, пронзавшую эту территорию с севера на юг, традиционно называют путем из варяг в греки, но в ряде исследований утверждается, что такая артерия могла возникнуть не ранее середины X века, и даже тогда не на всех отрезках. Некоторые предпочитают говорить лишь о пути по Днепру в Черное море. На этом более коротком маршруте викингов тоже не стоит венчать лаврами первопроходцев, однако они явно ожили его, поскольку на Волжском пути дела у них шли все хуже. Причиной тому служили и внутренние неурядицы, от которых давно уже страдал Хазарский каганат. В Средиземноморье же арабские завоевания подорвали византийскую торговлю с Южной Европой. Хазары попытались с вы-

годой для себя обеспечить империи безопасное сообщение с Востоком посредством Черного и Азовского морей. Эти моря и Понтийские степи за ними впервые приобрели для жителей Малой Азии более или менее то же значение, что и во времена Геродота. Везли оттуда на берега Босфора уже не зерно, а рабов, меха, мед и воск. Добывали их викинги в лесах Восточной Европы, а менять предпочитали на византийские шелка (паволоки). Русь закрепила свои привилегии на царьградском рынке двумя договорами с державой ромеев: 911 и 944 годов.

Вскоре после этого, около 950 года, Константин VII Багрянородный (Порфирогенит) написал книгу, которую принято называть “Об управлении империей”. В ней он объясняет сыну среди прочего, что вышеперечисленные товары русь получала от славянских племен, которые пребывали под ее протекторатом. “Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киава и отправляются в полюдия, что именуется «кружением», а именно — в Славинии вервианов, другувитов, кривичей, севериев и прочих славян, которые являются пактиотами росов”¹. Не все туземцы оказались одинаково покорны. Древляне, обитатели правобережья Днепра и бывшие господа Киева, платили руси “по черной кунице”. Но аппетиты завоевателей росли, и древляне в итоге не выдержали.

Рассказ “Повести временных лет” о восстании древлян и его подавлении дает нам возможность представить мир Киева и окрестностей, пришельцев и местных жителей, в эпоху, что преимущественно покрыта для нас туманом времени, — в середине X века.

Перевод Г. Г. Литаврина.

Согласно тексту, мятежные славяне схватили и убили Ингвара (Игоря), наследника Хельги. Летописец объясняет их мотивы так: «Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом и сказали: «Если повадится волк к овцам, то выносит все стадо, пока не убьют его; так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит»»

Убив хищника, как было задумано, древляне решились на более дерзкий поступок. Князь Мал, глава заговорщиков, предложил руку вдове — княгине Хельге, которую, учитывая ее значение для восточнославянской культурной традиции, мы далее будем именовать Ольгой. Летописец раскрывает коварный замысел древлянина: превратить фактически заложника, если не убить при случае, наследника Ингвара — юного Святослава.

Повествование дает понять, что дружины руси и славянская племенная верхушка конфликтовали не только из-за даней. На кону стояли торговля и нарождавшееся государство в целом. Мал, набиваясь Ольге в мужья, очевидно, метил на престол Ингвара. Ольга же обманула его, пригласив древлянскую знать в Киев. Там гостей то хоронили заживо в ладье, то рубили, напоив допьяна, то жгли оригинальным образом. «Когда же древляне пришли, Ольга приказала приготовить баню, и вошли в нее древляне и стали мыться; и заперли за ними баню, и повелела Ольга зажечь ее от дверей, и тут сгорели все». Послы, видимо, плохо представляли, чем может обернуться для них скандинавская сауна.

Роль как ладьи, так и бани в этой легенде намекает на ее норманнскую подоплеку: в Скандинавии и тому и другому придавали важнейшее значение (оттуда русь принесла обряд сожжения покойника в ладье). С другой стороны, заметно, насколько шатким было положение Ольги в Киеве. Видимо, княгине перед расправой над сватами Мала следовало заручиться поддержкой киевлян. По ее совету гости отказались

идти пешком или ехать верхом в Ольгин замок и потребовали, чтоб их несли в ладье, унизив таким образом хозяев. Согласно летописи, киевляне горевали: “Нам неволя”. И так, прежде чем выйти в поход на “Деревскую землю”, Ольга коварно погубила три группы ее лучших мужей. Но и после этого она не могла просто разбить врагов и взять их столицу штурмом. Искоростень сожгли при помощи новой уловки. Во всем этом не возникло бы нужды, располагай русская княгиня тысячами воинов.

Святослав, сын Игоря и Ольги, стал первым киевским князем, чей облик известен нам из более-менее надежного источника. Летописец расхваливал его мать — “добра лицемъ и смысла велми”, — но и только. Лев Диакон, византийский хронист, возможно, видел русина своими глазами и оставил нам в “Истории” его словесный портрет: “Умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клочок волос — признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные, но выглядел он угрюмым и диким. В одно ухо у него была вдеа золотая серьга; она была украшена карбункулом, обрамленным двумя жемчужинами. Одевание его было белым. . .”¹ Речь идет об июле 971 года, когда Лев сопровождал императора Иоанна Цимисхия, под началом которого византийцы сражались в Болгарии.

Встреча Святослава с василевсом вовсе не стала вершиной его полководческой биографии, начало которой по-

Перевод М. М. Копыленко.

ложил еще поход Ольги на древлян. Когда пришло время битвы с мятежными славянами, воеводы доверили юному князю символический первый ход. Летопись гласит: “Когда сошлись оба войска для схватки, Святослав метнул копье в древлян, и копье пролетело между ушей коня и ударило коня по ногам, ибо был Святослав еще совсем мал. И сказали Свенельд и Асмуд: «Князь уже начал; последуем, дружина, за князем»”. Мальчик вырос и стал витязем, делил с дружиной тяготы походной жизни, спал на седле вместо подушки. Лев Диакон отметил, что князь сидел на веслах наравне со своими людьми, одеяние же “отличалось от одежды его приближенных только чистотой”

Недолгое княжение Святослава — фактически он правил с начала 960-х, а в 972 году погиб в бою, лет тридцати от роду, — ознаменовано несколькими громкими победами. Как полагают некоторые ученые, во второй половине X века русь предпочитала коммерции завоевательные походы, возмещая таким образом потери от истощения серебряных рудников в Центральной Азии. Полноводный поток дирхемов вдруг иссяк, и торговля мусульманских стран с Восточной Европой потеряла былое значение. Начал Святослав с нападения на те славянские племена, что все еще платили дань хазарам. Это были вятичи, обитатели бассейна Оки, в том числе немалой части современной Московской области. Князь управился с ними и обратил оружие против самого Каганата. Совершив ряд походов, он захватил Саркел и превратил эту хазарскую твердыню в свой форпост на Дону. Затем русь пошла на Волгу, razорила Итиль, столицу противника, и разбила волжских булгар, еще одних хазарских вассалов. Могучее некогда государство лежало в руинах. Стремление норманнов вырвать из рук хазар контроль над восточными славянами окончилось почти полным успехом. Все племена теперь признавали верховенство Киева.

Но Святослав у себя в тереме появлялся редко. Он вообще вздумал перенести столицу в Переяславец на Дунае. Эта идея у него возникла в конце 960-х годов, когда русь воевала на Балканах против Болгарии, а после — Византии. Летопись объясняет это желание князя, вкладывая в его уста такие слова: “Ибо там середина земли моей, туда стекаются все блага”. В его планы входил, видимо, не простой захват новых земель, а установление контроля над одной из главных транспортных артерий. Два предшественника Святослава на киевском престоле, Хельги и Ингвар, добились для купцов с Руси привилегий на богатых византийских рынках. По преданию, Хельги даже сумел приколотить щит на воротах Царьграда. Городом он не завладел, но василевсу пришлось пойти на серьезные уступки по торговой части.

Святослав отправился на Балканы как наемник императора Никифора II, который предпочел чужими руками разгромить дунайских булгар. Добившись победы, князь оккупировал значительную часть нижнего Подунавья. Однако уступать эту территорию византийцам он не спешил. Тогда те подкупили уже печенегов, очередных тюркских пришельцев в Понтийских степях. Святослав умчался в Киев — без его дружины столица Руси едва смогла отразить нападение кочевников. Но в том же 969 году он успел вернуться на Дунай, а на следующий осадил Адрианополь (современный Эдирне) в каких-то двухстах километрах от имперской столицы. Двор охватила паника, а Иоанн Цимисхий послал для спасения города одного из лучших военачальников. Вскоре в Болгарию выступил во главе армии и сам император. Поредевшая рать едва не попала в окружение, и Святославу пришлось отойти.

Лев Диакон, вероятно, присутствовал при переговорах Святослава и Цимисхия — их единственной встрече. Дав обязательство не вести более войн против Византии, поки-

ить Болгарию и отказаться от претензий на южные берега Авриды, князь и его люди получили гарантию безопасного возвращения домой. Эта кампания оказалась для русина роковой. По пути в Киев Святослав высадился на берег Днепра, чтобы проташить ладьи мимо одного из порогов — те служили помехой плаванию, пока их не затопили при строительстве Днепрогэса в 1930-х годах. Другого выхода у князя просто не было. За два десятка лет до гибели Святослава Константин VII описывал трудности, что подстерегали русь на пути в Черное море или обратно: “Когда росы с ладьями приходят к речным порогам и не могут миновать их иначе, чем вытащив свои ладьи из реки и переправив, неся на плечах, нападают тогда на них люди этого народа пачинакитов и легко — не могут же росы двум трудам противостоять — побеждают и устраивают резню”

Высадка из ладей у днепровской стремнины дала степным пиратам удобный случай налететь на русь и сразить ее князя. Из черепа хан Куря велел якобы сделать чашу. По слухам, Иоанн Цимисхий печенегов известил, а то и прямо наградил на Святослава. Впрочем, его гибель в низовьях Днепра лишь подчеркнула проблему, перед которой киевские князья оказались бессильны: несмотря на покорение огромных лесных просторов к северу от столицы и на собранную в ней мощь, они не могли не только завоевать степи, но даже обезопасить Днепровский торговый путь. Неспособность утвердиться на берегах Черного моря означала, что пользоваться экономическими и культурными благами средиземноморского мира Русь будет ограничено. Разгром хазар не дал ей выхода к морю.

Святослава называют иногда “последним викингом” на киевском престоле. Его дерзкие походы, идея перенести столицу ради контроля над маршрутом между Босфором и Дарданеллами и Центральной Европой говорят о том, что

ему скучно было править государством, основанным его предками, — хотя он и сам расширял его пределы. Убийство Святослава положило конец эпохе викингов на территории Украины. Хотя варяжским дружинам в Киевской Руси и далее будет отведена важная роль, его наследники не захотят зависеть от иноземных воинов. Приоритетом для них станет не завоевание далеких земель, а удержание власти над собственными.

Глава 4

Северная Византия

Уже самые древние известия о руси на Днепре позволяют оценить, насколько ее князьям не терпелось пробиться в империю ромеев, известную сегодня под именем Византии. Готов и гуннов манило в Рим то же, что норманнских разбойников-торговцев в Новый Рим: золото, могущество, престиж. Северяне никогда не пытались разгромить Византию, но подбирались к ее метрополии так близко, как только могли.

Гибель Святослава в 972 году завершает эпоху не только в истории Руси, но и в ее отношениях с империей. У преемников князя далекая южная столица все так же не выходила из головы, но они, не бросая торговли, научились ценить и нематериальный капитал, от искусства управления до высокой культуры. Оставив мечты Хельги с Ингваром о захвате Константинополя на берегах Боспора, они задумали построить его копию на берегах Борисфена. Этот поворот в отношениях с греками произошел при Владимире и Ярославе, сыне и внуке Святослава. Правление обоих князей продолжалось более полувека. Именно благодаря им, как многие полагают, Русь превратилась в полноценное средневековое государство — с более-менее определенными грани-

цами, системой управления и, что не менее важно, идеологией. Последнюю строили главным образом из ромейских кирпичей.

Владимир, заняв киевский престол, не последовал примеру отца и в дальние походы не рвался, однако превзошел его достижения. Когда Святослава сразили на берегу Днепра, Владимир был еще подростком. Его благополучию угрожали падкие до власти старшие братья, однако новая волна норманнских искателей приключений пришла ему на помощь. Перед началом успешной войны за киевский престол Владимир провел пять с лишним лет на родине предков — в Скандинавии — и вернулся на Русь во главе наемного войска. Летопись рассказывает о варягах так: “После всего этого сказали варяги Владимиру: «Это наш город, мы его захватили, — хотим взять выкуп с горожан по две гривны с человека». И сказал им Владимир: «Подождите с месяц, пока соберут вам куны». И ждали они месяц, и не дал им Владимир выкупа, и сказали варяги: «Обманул нас, так отпусти в Греческую землю». Он же ответил им: «Идите». И выбрал из них мужей добрых, умных и храбрых и роздал им города; остальные же отправились в Царьград к грекам”. Князь принял меры для того, чтоб дерзкие гости не захватили какой-либо из его городов и не вернулись назад из Византии.

Владимир не мог обойтись без варяжских дружин и после захвата власти, но приведенный эпизод “Повести временных лет” показывает, насколько непросто складывались их взаимоотношения. Второе пришествие норманнов встретило совсем иной прием. Теперь им досталась роль не торговцев, не правителей, а наемников на службе монарха, которого с ними объединяло лишь скандинавское происхождение. Родной для князя была уже страна восточных славян. Владимир не грезил переносом столицы на Ду-

ай — ему вполне хватало и Киева. Одним из результатов этой политики станет избавление от тех невидимых нитей, которыми владыку Руси опутывали бояре — старшая дружина и туземная племенная знать. В противовес им Владимир назначал сыновей и других родичей правителями тех или иных областей своего государства. Таким образом он положил начало сети княжеств под эгидой великого князя киевского.

Так завершилась эпоха викингов на Руси — земле, получившей от них свое название. Отразилась эта перемена и в тексте Начальной летописи. При описании княжьей рати летописец перечисляет, как правило, норманнов, восточных славян и финно-угров. Слово “русь” стало собирательным названием первых двух групп, с течением времени его распространяли не только на дружину, но и на всех подданных Рюриковичей, а затем и на государство, над которой те властвовали. Приблизительно к XI веку “русь” превратилась в синоним “славян”. Перестали их различать и византийские хронисты.

Владимир занял киевский престол в 980 году. Первые десять лет он провел в походах — сохранял и расширял наследие предков. По примеру Святослава он разбил хазар и волжских булгар, утвердил протекторат Руси над вятичами в бассейне Оки. Владимир передвинул западные рубежи к Карпатским горам, отняв у Польши ряд городов, включая Перемышль (современный Пшемьсь у польско-украинской границы). Тревожной оставалась южная граница. Ее жители страдали от беспрестанных нападений печенегов и других кочевников. Князь решил поправить дело и велел строить укрепления вдоль рек — Сулы, Трубежа и других. Заселяли эти пограничные земли пленниками и переселенцами с се-

вера. Русь появилась на свет благодаря дерзости захватчиков, теперь же искала покоя и вместо набегов на чужие страны заботилась о собственной обороне.

Перемена при Владимире произошла и в отношениях с Византией. Хельги, его предшественник на киевском троне, мечом добивался от империи торговых преференций, Святослав им же покорял территории, на которые претендовали василевсы. А вот Владимир посредством похода на Крым весной 989 года делал предложение руки и сердца, хоть любви и не искал. Он осадил Херсонес, требуя выдать за него сестру Василия II Анну. Несколькими годами прежде император просил владыку Руси о военной помощи, предлагая именно такую награду. Владимир отправил к нему дружину, но лукавый ромей не спешил исполнять обещание. Получив такую пощечину, князь не стал подставлять и вторую щеку, а ответил ударом уже не фигуральным. И добился успеха. Императора напугало взятие Херсонеса, и в Черное море вышли корабли. Анну сопровождала свита, укомплектованная прежде всего духовными особами.

Предложение вождя варваров (в глазах византийцев он выглядел именно так) не отклонили на том условии, что он обратится в христианскую веру. Владимир не артачился. Его крещение стало отправной точкой христианизации Руси вообще, открыло новую эпоху в истории Восточной Европы. Когда молодожены добрались до Киева, князь покончил с языческим пантеоном. Идолов, включая громовержца Перуна — самого могущественного из них, низвергли в Днепр, и священники стали крестить киевлян. Искоренение на Руси язычества, однако, проходило трудно и затянулось на многие столетия.

“Повесть временных лет”, наш главный источник сведений о тех событиях, рассказывает, что Владимира пытались обаять разные миссионеры: мусульмане из Волжской Булга-

и, иудеи из Хазарии, немцы, представители папы римской и православный грек-“философ”, который и превзошел остальных. Летописный сюжет о выборе веры, конечно же, довольно наивен. Тем не менее он показывает нам, какой выбор на самом деле встал перед киевским князем. Владимир предпочел религию, исповедуемую в той стране, что затмевала в его глазах все прочие, где монарх имел в духовной жизни вес не меньший, чем патриарх, — и даже больший. Крещение помогло и породниться с императорской фамилией, что работало на престиж Владимира и его государства вообще. Принятое Владимиром в купели имя также проливает свет на мотивы его обращения в православие. Князь нарекался Василием — подчеркнув этим, что стремится подражать не только василевсу, но и культуре Константинополя. Поколение спустя киевские интеллектуалы, митрополит Иларион прежде всего, приравнивали крещение Руси Владимиром к судьбоносному решению Константина Великого превратить христианство в государственную религию Римской империи.

Само собой, державные мужи и святые отцы из Царьграда помогли князю с “правильным выбором”. Пусть их не радовало замужество Анны, крещение его вполне искупало. Византийцы хотели потеснить язычество на той стороне Понта Эвксинского уже после набега руси на их столицу в 860 году. Патриарх Фотий — автор, чьему перу принадлежит яркое описание норманнских бесчинств, — отправил одного из лучших своих учеников, Кирилла из Фессалоник, в Тавриду и затем в Хазарский каганат. Вместе с братом Мефодием Кирилл составил глаголицу — алфавит, который дал возможность переводить богословские тексты на язык славян. Киевских князей убеждали принять православие задолго до Владимира, о чем свидетельствует история о крещении Ольги — под именем Елены та стала первой христианской

правительницей на берегах Днепра. Византийцы не ограничивались проповедью истинной веры — они распространяли свое влияние на “варварские” народы и государства. Те не могли похвастать ни генеалогическим деревом с глубокими корнями, ни утонченностью, зато хорошо умели рубать гордые узлы.

После принятия христианства киевским князем константинопольский патриарх создал на Руси митрополию — одну из немногих епархий, названных по стране, где та находилась, а не по главному ее городу. Патриарху же, естественно, принадлежало право назначать в Киев митрополитов. Чаще всего он выбирал грека. В свою очередь митрополит расставлял по городам епископов, привлекая на кафедры представителей местной знати. Возникли и первые монастыри, что руководствовались одним из византийских уставов. Церковнославянский — первый литературный язык Руси — служил изначально средством не столько создания текстов, сколько перевода их с греческого, которым здесь мало кто владел. Владимир законодательно очертил права и привилегии духовенства, выделил церкви одну десятую своих доходов. Христианизация Руси шла сверху, не без труда преодолевая каждую ступеньку на социальной лестнице, проникая из центра на окраины по рекам и другим торговым путям. Кое-где в глуши, особенно на северо-восток от Киева, волхвы не давали чужеземной религии утвердиться в народе столетиями. Еще в XII веке миссионеров там вполне могли убить.

Выбор Владимира в немалой степени определил грядущее его государства и Восточной Европы как таковой. Оставив набеги на богатые византийские города, молодая Русь превращалась в союзницу империи, которая хранила традиции Римской и была ее прямым продолжением, открывала наконец-то двери средиземноморской культуре. Судьбонос-

ным окажется и то, что насадили здесь именно восточное христианство. Многие последствия этого шага ощутимы сегодня в той же мере, как и на рубеже первого и второго тысячелетий.

Крестил Русь князь Владимир, но согласование внутривнутриполитического, культурного и международного облика государства с новой идеологией, задача добиться для Руси достойного места в содружестве христианских стран с византийскими императорами во главе остались в наследство его сыновьям и внукам. Из них никто не сыграл в этом такой важной роли, как Ярослав. Его дед, Святослав, получил эпитет Храброго, отец — Великого, сам же он остался в истории Мудрым. Могли его назвать и Законодателем, и Строителем, ведь за свое долгое правление (1019—1054), треть столетия, главные победы он одерживал не в кровавых битвах, а мирных и плодотворных трудах.

Их легко оценить по зданиям, что воздвигли в то время. Летопись гласит: “Заложил Ярослав великий город (городские стены) Киев, у того же города Золотые ворота”. Золотые ворота служили главным входом в новую крепость, построенную по воле князя на том месте, что археологи называют городом Ярослава. Нельзя не заметить параллель между Золотыми воротами в Киеве и парадными воротами (они же — триумфальная арка) в Константинополе, носившими то же название. Каменный фундамент киевских Золотых ворот сохранился до наших дней — в 1982 году на нем построили их реплику.

Первое место среди величественных построек Ярослава принадлежит, безусловно, Софийскому собору в центре Киева. Ошеломительное впечатление производили его пять нефов, пять апсид, три открытые галереи и тринадцать ку-

полов. Материалом для стен послужили гранит и кварцит (каменные глыбы разделены рядами кирпича). Интерьер собора, включая потолки, украшали мозаики и фрески. Работы окончили не позднее 1037 года. Ученые предполагают, что Ярослава вдохновил собор Святой Софии на берегу Босфора, — князь даже вызвал оттуда архитекторов, каменщиков и художников. Таким образом, он обзавелся не только церковью и крепостными стенами, но и столицей своего государства, образцом для которой стал самый великолепный город, какой только мог потрясти воображение русина, — Константинополь.

Из “Повести временных лет” мы узнаем, что Ярослав, поддерживая христианизацию, открывал вместе с церквями и школы, любил читать: “... к книгам имел пристрастие, читая их часто и ночью, и днем”. У него скопилась целая библиотека: “И собрал писцов многих, и перелагали они с греческого на славянский язык и на письмо. Переписали они и собрали множество книг, которые наставляют верующих людей, и наслаждаются они учением Божественного слова”. При этом князе на Руси появляются эрудиты, начинается создание текстов на церковнославянском языке, которые записывают алфавитом, придуманным для перевода с греческого именно на славянскую речь и названным в честь св. Кирилла. Учителя, тексты и сам язык пришли на Русь из Болгарии, чьи правители перешли в христианство раньше киевских.

Летописец указывает нам, что при Ярославе в столице не только читали книги, но и переводили их с греческого. Появились и оригинальные произведения. Одно из первых написал между 1037 и 1054 годами митрополит Иларион, возведенный в этот сан князем. “Слово о законе и благодати” помещало Русь в семейство христианских стран, приравнивало Владимира к императору Константину. Другим

жким прорывом стали первые попытки составления письменной истории — немало исследователей полагает, что первую, не дошедшую до нас летопись составили в 1030-х годах, видимо в Софийском соборе. Позднее за работу над летописанием принялись в Киево-Печерском монастыре, устроенном по образцу византийских обителей именно при Ярославе.

Если Киев подражал Царьграду, то другие города Руси — Киев, Полоцк, и в Новгороде (где раньше стояла одноименная деревянная церковь). Таким же образом Владимир на северо-востоке Руси украсил позднее еще одни Золотые ворота. Из Киева, что важнее, распространялось на периферию просвещение. Столица утратила монополию на грамотность, составление хроник. На берегах Волхова нашлись собственные историографы, дополнявшие по своему разумению киевскую летопись. Именно новгородский книжник уточняет, что Ярослав Мудрый был не только просветителем и строителем, но также и законодателем: “По се грамотѣ ходите, якоже списахъ вамъ”¹.

Согласно легенде, Ярослав после занятия Киева ублажал новгородцев — при жизни Владимира он правил там от имени отца — и даровал городу права, которых тот прежде не имел. Таким образом князь якобы отблагодарил их за помощь в борьбе против Святополка. Новгородский летописец увязал это пожалование с оформлением свода законов — “Русской правды”. Такая кодификация обычного права наложила неизгладимый отпечаток на правовую систему Киевской Руси и государств, что ей наследовали. Мы не знаем, составлена ли “Русская правда” именно в правление Ярослава, поскольку эту заслугу приписывают и его наследни-

¹ Новгородская первая летопись младшего извода.

кам. Но можно уверенно утверждать, что до его вокняжения этого сделать не могли. Только при нем в Киеве появились образованные люди, способные управиться с такой задачей.

Подражание Византии неминуемо вело не только к укреплению позиций молодого государства, но и к его чрезмерной, по мнению императорского двора, независимости. Известны по меньшей мере два случая, когда Ярослав посмел противостоять василевсу. Во-первых, он назначил Илариона, уроженца Руси и автора знаменитого “Слова о законе и благодати”, митрополитом, не допустив на киевскую кафедру очередного посланца константинопольского патриарха — хотя право избирать кандидата на нее принадлежало именно последнему. В этом случае князь обращался с церковью так же бесцеремонно, как повелитель ромеев. Назначение им митрополита не нашло безоговорочной поддержки среди клира, поэтому смерть Ярослава в 1054 году на время положила конец таким порывам к автокефалии. Преемника Илариона в Киев назначил уже патриарх.

Еще раньше Ярослав открыто бросил вызов Константинополю в 1043 году, отправив туда флот во главе с Владимиром, своим старшим сыном. Русь потребовала у греков выкуп, угрожая нападением на их столицу. По какой причине князю вздумалось вести дела дедовским (норманнским) способом, неясно. Не опустошило ли его казну сооружение Царьграда-на-Днепре? Мы можем только гадать. Возможно, империя чем-либо задела младшего союзника и внук Святослава решил ее проучить. Что бы там ни было, ромеи отказались платить и приняли бой. Владимир нанес им поражение, но затем налетел шторм, который разметал его флот. В Киев он вернулся с пустыми руками. Роль викингов киевским князьям уже не давалась.

Если считать программу Византии по христианизации Руси, начиная с набега Аскольда на Константинополь в 860 году, средством умиротворения северных варваров, налаживания дружеских контактов с ними, то уже при Ярославе эти усилия бесспорно принесли плоды. В отличие от предков, тот предпочитал по возможности жить в мире и согласии с империей. Но едва ли обращение ястреба в голубя произошло благодаря кресту животворящему. В то время правители Руси просто не думали о новых завоеваниях — главной задачей было удержать и освоить то, чем они владели. Поэтому видеть в Византии наставника оказалось гораздо выгоднее, чем врага.

При Ярославе Русь заняла видное место в содружестве христианских государств. Позднее историки назовут его “тестем Европы” — столько сестер и дочерей он выдал за европейских правителей. Принятие его отцом христианства из Византии, насаждение на восточнославянской почве ростков ее культуры стали важными предпосылками дипломатических успехов. Ярослав не повел под венец императорскую дочь, зато женил своего сына Всеволода на дочери Константина IX Мономаха. Сам киевский князь женился на Ингегерде, дочери шведского короля Олафа Эрикссона (норманнское происхождение Рюриковичей кое-что значило). Их дочь Елизавета вышла за Харальда III, короля Норвегии. Сын Изяслав женился на сестре польского князя Казимира I, замужем за которым была одна из сестер Ярослава. Еще двух дочерей, Анастасию и Анну, князь выдал за королей Венгрии и Франции: Андраша Белого и Генриха I соответственно.

Глава 5

Ключи от Киева

Подобно Византии, страну восточных славян окрестили “Киевской Русью” намного позднее — в нашем случае историки XIX века. Современники ни Романию, ни Русь под этими именами не знали. Сегодня Киевской Русью мы называем государственное образование со столицей в Киеве, что существовало с X до середины XIII века, когда монголы нанесли ему смертоносный удар.

Кто же его законный преемник? В чьих руках ключи от Киева? Эти вопросы не дают покоя тем авторам, что трудятся над историей Руси, начиная с XVIII века. Изначально предметом дебатов служила только родословная княжеской династии — скандинавы они или славяне? К середине позапрошлого столетия круг таких вопросов стал шире, тогда же между русскими и украинцами началась тяжба за наследие уже не одних только Рюриковичей. Ожесточенность этих споров подчеркивает перетаскивание с места на место, уже в наше время, бранных останков Ярослава Мудрого, чье правление подробно рассмотрено в предыдущей главе.

Ярослав умер в конце февраля 1054 года. Погребли его в Софийском соборе, возведенном в его правление, в саркофаге из белого мрамора, украшенном резьбой: крестом и мало

ему известными на Руси средиземноморскими растениями вроде пальмы. Исследователи допускают, что в саркофаге первым упокоился некий византийский аристократ, но хищные викинги либо предприимчивые греки увезли это свидетельство культурного расцвета империи в Киев. Саркофаг до сих пор находится в соборе, зато останки князя исчезли оттуда не позднее 1943 года, во время Второй мировой войны. Затем их якобы видели на Манхэттене. Журналисты утверждают, что теперь они хранятся в бруклинском соборе Святой Троицы — в руках Украинской православной церкви США.

По какой же причине кости Ярослава увезли так далеко — в Новый Свет? Претензии Америки на мировое лидерство здесь ни при чем. Все дело в тяжбе за наследие Киевской Руси. Наступление Красной армии вынудило украинских священников бежать из родной страны. Вот они и прихватили с собой останки, чтобы те не попали в руки большевиков. Возвращать их в Киев не хотели и после войны, боясь того, что они окажутся в России.

И Москва, и Киев пытаются присвоить память о Ярославе как одном из великих правителей прошлого. Его изображение украшает банкноты обоих государств. На украинских гривнах первых образцов князь щеголяет казачьими усами, примерно такими, какие носил его дед Святослав. На русских рублях мы видим памятник легендарному основателю Ярославля — города, впервые упомянутого в летописи через семнадцать лет после смерти князя. Там он показан с бородой и мало отличается по виду от российских царей, вроде Ивана Грозного.

Чьим же князем был Ярослав — русским, украинским или еще каким-то? Возможно ли вообще установить “национальную” идентичность его самого и его подданных? Мы попы-

таемся найти ответ на этот вопрос, рассмотрев те события, что произошли после смерти Ярослава. Его уход с политической сцены Киевской Руси завершает период укрепления государства и открывает новый, весьма схожий с поздней историей державы Каролингов. Не прошло и ста лет после смерти в 814 году ее основателя, Карла Великого, как империя разделилась на несколько государств. Причины кризиса и распада в случае Руси были почти те же. Здесь и беспрерывные споры о престолонаследии, междоусобные войны членов правящей династии, укрепление политических и экономических позиций регионов, неспособность справляться с внешними угрозами, отражать набеги чужеземцев. Нашим современникам крах этих имперских конгломератов интересен прежде всего тем, что благодаря ему получили шанс на существование такие страны, как Франция и Германия в случае державы Каролингов, Россия и Украина в случае Киевской Руси.

Ярослав предвидел те трудности, что встанут перед его потомками. Он хорошо должен был помнить, какой долгой и кровавой выдалась борьба за власть для него самого. Началом ее стала смерть князя Владимира в 1015 году, завершилась же она только в 1036 году, когда в иной мир отправился Мстислав, вынудивший старшего брата поделиться землями Руси. Между этими датами произошла не одна битва, и большая семья Владимира заметно поредела. Борис и Глеб не взошли на трон, зато были канонизированы как страстотерпцы. В убийстве братьев подозревают не только Святополка, но и самого Ярослава. Как бы то ни было, в преклонные годы князь, по свидетельству летописи, пожелал избавить своих детей от междоусобиц.

Летописец пересказывает нам завещание Ярослава: ... Живите мирно. Вот я поручаю престол мой в Киеве старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его,

слушались меня, пусть будет он вам вместо меня; а Свя-
 славу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Вячеславу
 Смоленск” Изяславу вместе с Киевом достались и Новго-
 род, и статус верховного правителя. Остальным братьям сле-
 довало княжить под его надзором у себя в уделах. Предпола-
 галось, что киевский престол будет переходить от старшего
 брата к средним, затем младшим, пока не умрет последний.
 Поколение внуков должно было пройти этот цикл еще раз,
 начиная со старшего сына Изяслава. Большинство исследо-
 вателей ставит подлинность завещания Ярослава Мудрого
 под сомнение, но текст Начальной летописи в любом слу-
 чае отражает установившийся после смерти князя обычай.

Пережило его пятеро сыновей, в завещании упомянуто
 четверо, и только троим довелось отведать верховной вла-
 сти. Изяслав разделил ее с двумя средними братьями, чьи
 столицы — Чернигов и Переяславль — располагались не-
 подалеку от Киева. Решения их неформального триумвира-
 та для остальных Рюриковичей были в общем обязательны.
 Одним из шагов по укреплению власти троицы стало плене-
 ние Всеслава, полоцкого князя и двоюродного племянника
 Ярославичей, — его заточили в Киеве. Вокруг трех столиц
 сложилась имперская метрополия, которую ученые называ-
 ют “Русью в узком смысле слова”, а летописи — то просто
 “Русью”, то “Русской (укр.: Руською) землей”

“Русская земля” известна со времен Ярослава Мудрого —
 митрополит Иларион употребил такой термин в “Слове
 о законе и благодати” Весьма часто он встречается в лето-
 писном рассказе о конце XI и начале XII веков, когда Изя-
 слав, Святослав и Всеволод уже сошли с подмостков истории,
 а их сыновья и племянники сводили счеты или распутыва-
 ли клубок противоречий между разными ветвями династии,
 одновременно отражая набег кочевников с юга. Владимир
 Мономах, внук Ярослава и Константина IX Мономаха, им-

ператора ромеев, не уставал выказывать словом и делом свою любовь к Русской земле — и был щедро вознагражден. Сын младшего триумвира долгое время правил в двух левобережных центрах Руси. Черниговское княжество занимало огромную территорию от рубежа степей до лесов вокруг Москвы, большую часть которой населяли мятежные вятичи, Переяславское же — степные просторы от берегов Днепра до верховий Северского Донца.

Владимира тревожили не столько вятичи, что не оставляли язычества и время от времени убивали присланных из Киева миссионеров, сколько набравшие силу кочевники у южных границ. В 1036 году Ярослав разбил печенегов, однако их сменили торки. Затем явился новый, более дерзкий враг — кипчаки (половцы). К концу XI века они господствовали в западной части евразийских степей от Иртыша до Дуная. Княжествам было не под силу отбивать их набеги по одиночке — положение требовало собрать дружины в один кулак. Настойчивее других добивался этого Мономах, которого “Повесть временных лет” превозносит как организатора успешных походов против половцев.

Защитник единства Русской земли провел и реформу системы престолонаследия. В 1097 году при участии Мономаха прошел княжеский съезд в Любече. Рюриковичи постановили упразднить сложное и чреватое междоусобицами лествичное право, якобы введенное Ярославом Мудрым. Его внуки и правнуки предпочли стабильное правление в своих уделах переездам по очереди из города в город в надежде рано или поздно достичь Киева: “Каждо держитъ очьчину свою”. Великокняжеский трон должны были сохранить потомки Изяслава. На практике дала сбой и новая система. Сам Владимир нарушил ее, когда после смерти в 1113 году Святополка перешел в Киев. Не соблюдали ее и Мономашичи. Между 1132 и 1169 годами князья в столице сменяли

дуг друга не менее двадцати раз — чаще, чем за всю предыдущую историю Руси.

Киевский престол добывали и утрачивали с помощью переворотов или войн. Каждый князь мечтал о столице, и те, кому хватало ратников, не раздумывая вступали в эту игру. Но в 1169 году обычай был нарушен. Киевом завладела рать Андрея Боголюбского, одного из самых могущественных и честолюбивых Мономашичей, правителя Владимиро-Суздальской земли — нынешней Центральной России. Князь даже не вышел в поход лично, отправил вместо себя сына Мстислава. Захватив город, победители два дня его грабили. Андрей добыл великокняжеский титул, но переезжать в Киев не стал.

Предпочтение, которое он отдал своей столице — Владимиру-на-Клязьме, отражает перемены в политической, экономической и социальной жизни Руси XII столетия. Крупные княжества на периферии Киевской Руси становились богаче и могущественнее, тогда как столицу и Среднее Поднепровье терзали нескончаемые войны. Галицкое княжество в Прикарпатье вело, с благословения Царьграда, торговлю с балканскими странами на Дунае. В Днепровском пути тамошняя элита не нуждалась. Владимиро-суздальские князья успешно конкурировали с булгарами за контроль над Волжским путем. На северо-западе Новгород богател за счет балтийской торговли. Значение Киева и Днепровской торговой артерии не упало — объем перевозок даже вырос, несмотря на козни половцев. Однако монополия или хотя бы первенство Днепра в экономической жизни Руси миновали безвозвратно.

Чем прочнее стояли на ногах удельные князья, тем больше их тянуло к фактической, а то и формальной самостоя-

тельности. Они вполне естественно отдавали предпочтение малой родине, своей вотчине, а не далекой Руси близ Киева, Чернигова и Переяславля. Андрей Боголюбский встал на этот путь едва ли не первым. Разорение столицы в 1169 году, которое надолго травмировало киевлян, стало лишь кульминацией. Началось все с того, что Андрей покинул Вышгород (теперешний киевский пригород) против воли отца — Юрия Долгорукого. Юрий, младший Мономашич и летописный основатель Москвы (1147), мыслил по-старому. Проведя почти всю взрослую жизнь в Ростово-Суздальском княжестве, глухом уделе Всеволода Ярославича, последовательно укрепляя и расширяя его, Юрий тем не менее рвался в Киев. В накопленной мощи он видел лишь средство завоевания желанного трона. На этом троне он и умер, а похоронили его в одном из столичных храмов.

Непокорный сын Долгорукого смотрел на такую перспективу совсем по-другому. Он перевел столицу унаследованных им владений из Суздаля во Владимир и немало потрудился, чтобы превратить этот город в Киев-на-Клязьме. Из Вышгорода он приехал не с пустыми руками — прихватил икону Богородицы, что позднее прославилась под именем Владимирской. Перенос реликвии с берегов Днепра в Верхнее Поволжье как нельзя лучше иллюстрирует намерение Андрея забрать на север символический капитал столицы Руси. Значение Киева подкрепляла и резиденция митрополита. Боголюбский хотел провести границу между своим княжеством и Русью в узком смысле слова еще и там: около 1162 года, до взятия Киева, его послы просили в Константинополе поставить избранного князем кандидата в митрополиты, лишив духовного владыку Руси власти над ее северо-восточной окраиной. Амбициозный план Боголюбского провалился, несмотря на большие средства, потраченные на златоверхий Успенский собор во Владимире, схожий

с Михайловским собором в Киеве и достойный стать кафедральным для нового архипастыря. Пришлось ограничиться епископом.

Отголоском киевской архитектуры, безусловно, стали и Золотые ворота во Владимире. И ворота, и собор до сих пор напоминают жителям города и туристам о честолюбивых планах Андрея. Подобно Ярославу Мудрому, тот копировал далекую южную метрополию ради того, чтобы укрепить независимость от нее. Впрочем, Боголюбский этим не ограничился — он не только переносил с юга иконы, идеи для построек и т. п., оттуда приходили и люди. Возможно, таким образом притоки Клязьмы получили хорошо знакомые киевские имена: Лыбедь и Рпень.

Ярослав и его правнук Андрей принадлежали к княжеской династии Руси, и их этнокультурная идентичность, вероятно, совпадала. Однако воздвигнутые ими храмы и укрепления показывают, что как правители они воспринимали Русь по-разному и ставили перед собой разные задачи. Ярославу дороги были и Киев, и огромное пространство до Новгорода — этим он отличался и от викинга Святослава, и от Владимира Мономаха, который защищал прежде всего Русь в узком смысле слова (киевскую, переяславскую и черниговскую). Боголюбского же отличала от предков привязанность к уделу, одной из периферийных частей Руси. Такая перемена лояльности у Рюриковичей хорошо вписывается в историю развития русских идентичностей, которые проявились и на страницах летописей, житий и посланий.

Авторам — все новым поколениям монахов, что регистрировали и комментировали минувшее, — приходилось выводить общий знаменатель для трех различных идентичностей: скандинавской у тех, кто захватил Киев и остался в нем пра-

вить, восточнославянской у нарождавшихся элит и местной племенной. Когда русью стали называться и государь, и подданные, славянская — не скандинавская — идентичность под этим именем стала господствующей. Большинство тех, над кем княжили Рюриковичи, были восточными славянами. На древней славянской земле стоял Киев. Что еще важнее, распространение принятого из Нового Рима христианства, усвоение церковнославянского языка как богослужебного и книжного тоже несло за пределы метрополии общую славянскую идентичность. На окраинах православие проповедовали среди восточных славян и неславян — однако на славянском языке первых. Христианизация Руси утверждала ее славянство. Киевские же летописцы встраивали свой рассказ о локальной истории в широкий контекст — южнославянский, византийский, общехристианский.

Племенная идентичность в глуши медленно, но верно уступала место лояльности к удельному княжеству, центру военной, политической и экономической власти, форпосту Киева. В летописи жителей той или иной земли, как правило, называют не племенным этнонимом, а по их главному городу. Так, в описании той рати, что взяла в 1169 году Киев, мы видим смолян, суздальцев и черниговцев, а не кривичей, радимичей, северян, вятичей или мерю. Единство всех земель под властью киевских монархов осознавалось довольно ясно, и при всех междоусобицах их обитатели строго отделялись от чужих: иноземцев и язычников. Главным было признать верховенство Рюриковичей. Когда под их начало перешли некоторые тюркские племена, этих степняков стали называть “своими погаными”.

Приведение племенных земель к административному единообразию повлекло за собой стандартизацию их общественного устройства. Наверху пирамиды стояли князья — потомки Владимира (и, за редким исключением, его сына

Ярослава). Под ними — дружина, первоначально из норманнов, но с течением времени все более славянская. Такие дружинники сливались с племенной знатью, образуя боярство. Бояре несли военную и чиновничью службу, они же владели многочисленными вотчинами. Степень их влияния на политику князя в разных землях существенно отличалась. Дополняли правящий класс церковные иерархи с их ближайшим окружением.

Прочее население уплачивало князю подати. В городах голос купцов и ремесленников был слышен на вече — общем собрании, где обсуждали дела местного управления. Изредка в Киеве и гораздо чаще — в Новгороде вече определяло расстановку сил при замене одного князя другим. Крестьяне, подавляющее большинство населения, никакого влияния на политику не имели. Они делились на свободных смердов и полусвободных рядовичей (закупов). Как правило, последние попадали в зависимость из-за долга, выплатив же долг, возвращали себе свободу. Ниже их стояли рабы (челядь, холопы) — главным образом захваченные в походах пленники. Если взятого в плен воина могли отпустить за выкуп, простолодину на это рассчитывать не стоило.

Кара за те или иные преступления, установленная “Русской правдой”, как нельзя лучше выявляет общественную иерархию на Руси. Законодатели преследовали две цели: упразднить кровную месть и наполнить княжескую казну. Поэтому за убийство людей, смотря по сословию, полагался различный штраф (вира): боярина — 80 гривен, свободного человека на государевой службе (княжьего отрока и т. п.) — 40 гривен, ремесленника — 12 гривен, смерда или холопа — 5 гривен. Холопа, что ударил свободного человека, последний имел право убить. На просторах Руси царили не всегда схожие обычаи, но введение общего свода законов работало на унификацию огромной державы, как это было в случае

распространения из Киева христианства и церковнославянской культуры. По-видимому, этот процесс набирал обороты именно в то время, когда во внутренней политике центробежные силы неуклонно разрывали на части огромную, трудную для управления из одного центра территорию Руси. Число потомков Владимира и Ярослава стремительно росло, и каждый из них грезил о собственном уделе, элиты тех или иных княжеств закономерно ставили перед собой совсем разные задачи. Единство империи между Балтийским и Черным морями оказалось весьма хрупким.

Смена геополитической стратегии князей от Ярослава Мудрого до Андрея Боголюбского отражает сужение их амбиций и размеров того государства, которое они возглавляли: от Киевской Руси до отдельных княжеств, будь то Русь-метрополия с центром в Киеве или, позднее, одно из окраинных княжеств — Галицко-Волынское или Владимиро-Суздальское. Последние набрали такую силу, что в XII и первой половине XIII века могли бросить вызов старой столице. Историки ищут в возникающих там идентичностях прообразы современных славянских наций. Владимиро-Суздальская земля вырастает в Великое княжество Московское и нынешнюю Россию. Белорусские ученые прослеживают свои корни от Полоцкой земли, украинские же основу разных версий национальной идеи выводят из Галицко-Волынской державы. Но истоки всех этих идентичностей ведут в Киев, что дает жителям Украины одну, но важную привилегию — они могут исследовать свои корни, не покидая собственной столицы.

Глава 6

Монгольский мир

У Киевской Руси нет общепризнанной даты рождения, зато дата гибели сомнений почти не вызывает. 6 декабря 1240 года столицей когда-то могучей державы овладела очередная волна пришельцев из евразийских степей. На сей раз это были монголы.

Монгольское нашествие в значительной мере вернуло степи ведущую роль в политической, экономической, отчасти и культурной жизни Восточной Европы. Как следствие, утратили независимость преемники Киевской Руси, государства, которое объединило на время народы, живущие к северу от границы леса и степи. Лишились они и прочных связей с побережьем Черного моря (Крымом в первую очередь) и средиземноморским миром вообще. Монголы повернули время вспять — в эпоху скифов и сарматов, гуннов и хазар, когда кочевые державы контролировали далекие от Черного моря земли и богатели благодаря торговым путям, что вели к портам на его северных берегах. Военная мощь Монгольской империи, конечно же, намного превосходила все, что здесь видели раньше. Ее предшественники в лучшем случае доминировали на пространстве от Средней Волги до устья Дуная. Походы же Чингисхана, его полководцев и наслед-

ников — завоевателей всех евразийских степей от бассейна Амура до венгерской равнины — привели к образованию монгольского мира, конгломерата покоренных земель и вассальных государств, где земли Руси, хоть и располагались в далеком северо-западном углу, имели весьма важное значение.

Удары монгольских полчищ развеяли иллюзию политического единства Киевской Руси. Покончили они и с ее церковным единством, вполне еще прочным. Но, вопреки общепринятому мнению, монголы были не только разрушителями, но и созидателями и объединителями. Они приостановили дальнейшее дробление княжеств, не препятствуя образованию довольно мощных государств на окраинах бывшей Киевской Руси. Новые сюзерены отводили значимую роль двум княжествам: Владимиро-Суздальскому и Галицко-Волынскому. Их примеру последовал Константинополь, чей патриарх стал делить митрополию Руси на две. Киевская держава сошла с исторической сцены. Владимирский и галицкий князья стали собирать земли Руси — каждый свои собственные. И те и другие претендовали на одно название — Русь, но очутились в разной геополитической обстановке. Их пути разошлись, несмотря на общность происхождения династии, права, литературного языка, веры и многих обычаев. И те и другие утратили суверенитет, но природа их подчинения монголам не была одной и той же.

Власть завоевателей над Великим княжеством Владимирским, нынешней Центральной Россией, продержалась до второй половины XV века и вошла в историю под именем монголо-татарского ига. Татарами называли тюркоязычные племена, которые преобладали в Батыевом войске и превратились в “титульный народ” Золотой Орды, когда язык и культура немногочисленных монголов оттуда уже выветрились. В традиционной историографии оценка ига как невыносимо свирепого и долгого гнета казалась самооче-

дной. Она до сих пор определяет взгляд многих ученых на этот отрезок прошлого Восточной Европы. Тем не менее в прошлом столетии приверженцы евразийства решительно отвергли такой подход. Анализ монгольского владычества над Украиной позволяет придать двумерной картине дополнительный объем. В жизнь Галицко-Волынского княжества завоеватели вмешивались реже, чем в России. И продержалось “иго” не слишком долго — до середины XV века. Такое различие в немалой степени предопределило судьбы обеих стран.

Головокружительное превращение монголов в самую грозную силу Евразии началось в 1206 году, когда в степях бассейна Амура провозгласили великим ханом Темуджина, известного нам под именем Чингисхана. Объединив монголов, хан первые десять лет воевал главным образом с Китаем. Завоевание северных провинций современной КНР открывает перечень блестящих побед новой империи. Великий шелковый путь вел монголов на запад, и вскоре под их ударами пали города Хорезма: Бухара, Самарканд, Мерв. В начале 20-х годов XIII века мощь монголов ощутили западнее Центральной Азии, в том числе волжские булгары и половцы — последних разбили в 1223 году на Калке вместе с союзными Рюриковичами. Вторглись монголы и в Крым (подконтрольный тем же половцам), взяли Судак — перевалочный пункт на Шелковом пути.

Перед смертью в 1227 году Чингисхан разделил владения между сыновьями и внуками. Западные страны, включая часть Центральной Азии и степи к востоку от Волги, получили два внука: Орда и Батый (Бату-хан). Но второго наследство не удовлетворило — и он повел войско дальше на запад. Его походы и стали монгольским вторжением

в Европу. В 1237 году кочевники овладели Рязанью, столицей княжества к юго-востоку от Владимиро-Суздальской земли. В феврале следующего года пал Владимир. Защитники укрылись в Успенском соборе, возведенном по приказу Андрея Боголюбского, но монголы подожгли его. Население тех городов, что оказывали ожесточенное сопротивление захватчикам, истребляли поголовно. Такова была участь Козельска, который выдержал семинедельную осаду. Князья северной Руси противостояли новому врагу как могли, но разрозненность действий и растерянность военачальников сводили их шансы на успех на нет. Монголы отличались подвижностью, прекрасной организацией, умелым применением осадных орудий.

Осенью 1240 года настал черед Киева. В душах его жителей монгольские сонмища вызвали неподдельный ужас. Галицко-Волынская летопись воссоздает атмосферу осады: “Был Батый у города, а воины его окружали город. И нельзя было голоса слышать от скрипения телег его, от рева множества верблюдов его, ржания стад коней его, и была вся земля Русская наполнена воинами”¹. Горожане отклонили предложение сдаться, и Батый велел разрушить из катапульт стены, возведенные по большей части из бревен при Ярославле Мудром. Когда удерживать их стало невозможно, киевляне, прихватив свои пожитки, сбежали в Десятинную церковь — построенную Владимиром в память о своем крещении, — и каменные стены рухнули под их напором. Софийский собор устоял, но, подобно остальным храмам столицы, был разграблен, остался без икон и утвари. Богатый и многолюдный мегаполис, чьи князья так хотели затмить Константинополь, обратился в руины. Немногочисленные люди, что не покинули его после разгрома, пребывали в по-

Здесь и далее Галицко-Волынская летопись в переводе О. П. Лихачевой.

янным страхе. Джованни да Пьян дель Карпине (Иоанн Плано Карпини), посол папы Иннокентия IV к великому хану, проходил через Киев в феврале 1246 года. “Когда проходили через их землю, мы находили разбросанное по полям неисчислимое множество черепов и костей погибших людей”¹, — писал он в “Истории монголов”

Монголы не просто разрушили Киев — его на долгие столетия вперед лишили прежних величия и богатства. Тем не менее Киевская и Переяславская земли окончательно запустели, их население не ушло целиком в бассейн Оки и Волги, как утверждали некоторые ученые в XIX веке. Если жителям Киевщины приходилось покинуть открытые пространства, то им незачем было идти в такой дальний путь. Леса начинались уже на севере современной Украины, вдоль берегов Десны и Припяти. Неслучайно ведь наиболее архаичные диалекты украинского языка сохраняются в бассейне Припяти и на склонах Карпат — там, где пуши, болота или горы помогают спастись от кочевников.

К тому времени, когда монголы появились у стен Киева, столица уже утратила власть над окраинными землями и даже сама оказалась под властью их князей. Обороной города командовал воевода Дмитрий, тысяцкий галицко-волинского князя Даниила Романовича. Немного ранее Даниил взял Киев под свою опеку по соглашению с Михаилом Всеволодовичем, который пытался организовать сопротивление монголам, потерял Чернигов, родовую твердыню, и бежал из Киева на запад.

Даниил Галицкий был одной из самых заметных фигур на шахматной доске Руси XIII века. Подобно Чингис-

хану, он рано осиротел. В 1205 году четырехлетний Даниил лишился отца, названного в летописи самодержцем всей Русской земли. Роман Мстиславич погиб в бою с поляками. За несколько предыдущих лет волынский князь овладел соседней Галичиной и таким образом стал правителем мощного объединения к западу от Киева. Однако Даниил и его младший брат Василько получили в наследство одни лишь титулы. На их пути встали другие Рюриковичи, а также непокорные галицкие бояре. Затем в усобицу вмешались поляки и венгры. Даниил вернул себе власть над вотчиной лишь в 1238 году, когда монголы уже терзали Русь. Сразу же после этого он поставил в Киеве своего воеводу.

Монгольское вторжение вынудило князя показать все, на что он был способен как полководец и государь. Проявился при этом и его дипломатический талант. Когда предводитель монгольского войска потребовал сдать Галич, Даниил поехал в ставку самого Бату-хана — временную столицу Улуса Джучи (Золотой Орды) в низовьях Волги. До него Рюриковичи уже проложили туда дорогу. Князья должны были убеждать хана в своей преданности и просить у него ярлык — право на свои владения. Летописец воспроизводит диалог Батыя и Даниила:

- Пьешь ли черное молоко, наше питье, кобылий кумыс?
- До сих пор не пил. Сейчас, раз велишь, выпью.

Что еще оставалось Даниилу, как не попробовать предложенный ханом напиток и засвидетельствовать ему покорность? Летопись говорит о принятии князя в монгольскую элиту и вкладывает в уста Батыя слова “ты уже наш же тотаринь”

Составители этой хроники крайне болезненно воспринимали те клятвы, что христианские правители Руси вынужденно давали “поганым”, и описывали три пути, которые

мог избрать князь под угрозой монгольского меча. Михаил, черниговский князь, стал примером мученичества и заслужил дифирамбы автора-монаха. Летопись утверждает, что он отказался почитать языческих богов (“кланяться кусту”) и отступать от православной веры. Батый велел убить князя. А вот Ярослав Всеволодович, владимиристо-суздальский князь, якобы предпочел отступничество — поклонился кусту. В хронике такой поступок, само собой, осуждают. Даниил же выбрал золотую середину: злить монголов не стал, но и совести пытался не запятнать. Автор, явно благосклонный к этому князю, утверждает, что “он был избавлен Богом от злого их беснования и чудесничания”. Даниил всего лишь отведал кумысу, показав, что признает хана мирским владыкой.

На самом деле монголы никогда не принуждали Рюриковичей отречься от христианства и вообще относились к церкви с уважением. Но представленные в летописи три выбора, что вставали перед князьями, правильно отражают возможности коллаборации и сопротивления в отношениях с Ордой. Михаил Всеволодович, убитый по воле Батыя, в 1239 году не только ответил отказом ханским послам, что передали ему предложение о сдаче, но и казнил их. Ярослав Всеволодович, напротив, стал первым на Руси, кто формально признал себя вассалом монголов — те наградили его титулом великого князя и правом назначить наместника в Киев. Ярослав оставался лоялен захватчикам до смерти в 1246 году. Его примеру последовал и сын, Александр Невский, канонизированный после русской церковью за оборону Руси от западных агрессоров: шведов и тевтонских рыцарей. Даниил пошел своим путем: клятву верности Батыю он дал, но долго соблюдать ее, как показали последующие события, не собирался.

Ярлык на Галичину и Волынь хан пожаловал в обмен на обещание платить ему дань и принимать участие

в походах Орды на этом направлении. Сюзеренитет монголов защищал земли Даниила от посягательств не только родственников, но и западных и северных соседей. После продолжительных войн настало затишье, которое князь использовал для восстановления экономики своего государства. Галицко-Волынская Русь была разорена меньше других частей современной Украины. Туда бежали тысячи людей, чтобы уйти подальше от степи — из тех земель, где монголы завели свои форпосты и установили прямое правление. Если верить летописи, благополучие галицких и волынских городов в то время привлекло множество переселенцев из Киевщины.

Даниил перенес подальше от кочевников и свою столицу — в новопостроенный Холм (Хелм в теперешней Польше). Он сделал все, чтобы город процветал. Летопись гласит: «Когда Даниил увидел, что Бог покровительствует месту тому, стал призывать туда иноземцев и русских, иноязычников и ляхов. И изо дня в день приходили подмастерья и мастера всякие: бежали от татар седельники, лучники, колчанщики, кузнецы железа, меди и серебра. И все ожило, и наполнилось дворами и селами поле вокруг города». Заботился государь не только о Холме. Он велел укреплять старые города, строить новые, основал и Львов, названный в честь княжича Льва. Будущий центр этого региона впервые упоминается под 1256 годом.

Под началом потомков Романа Мстиславича Галицко-Волынское княжество объединило большинство земель населенных тогда предками украинцев. Достижения этого государства связаны с теми же политическими, экономическими и культурными факторами, что ослабили еще до нашествия Киев и дали шанс окраинным уделам. Потрясения 1239-го и последующих лет только ускорили этот процесс. Некоторые историки утверждали, что подчинение монголам

было наилучшей стратегией князей для сохранения жизни и имущества подданных. К тому же “иго” принесло относительную стабильность и дало толчок развитию торговли. Да, Киев превратили в пепелище и былое величие вернется туда лишь многие столетия спустя. Но главные причины затянувшегося упадка Киева состоят прежде всего в перемещении торговых путей с Днепра на Дон и Волгу на востоке и Днестр на западе.

Не так уж пострадал от монголов и Крым. Вопреки распространенному мифу, крымские татары не поселились там в эпоху Золотой Орды. Новые завоеватели лишь поставили точку в истории перехода Крыма в руки тюркоязычных кипчаков, что начался задолго до них. Судак, взятый еще в первый поход, в начале 20-х годов XIII века, только со временем уступил первенство в международной торговле Кафе (нынешней Феодосии), где обосновались венецианцы, которых вскоре вытеснили генуэзцы. Крым оставался коммерческим перекрестком и связывал подвластные монголам евразийские степи со средиземноморским миром.

При всем могуществе монголов на украинских землях второй половины XIII столетия видели их там не так уж часто. Властители Галицко-Волынской Руси только и ждали шанса воспользоваться этим упущением противника. Вырваться из-под власти Орды можно было за счет объединения сил с другими государствами.

Даниила Галицкого интересовал главным образом союз с его западными соседями, чтобы те пришли ему на помощь в случае восстания против монголов. В 1246 году, по дороге домой из ставки Батыя, князь встретил Платона Карпини, посла Иннокентия IV в Каракорум, — слова итальянца о разорении Киевщины приведены выше. Они обсудили возможность

диалога с папой римским. Уже из Галицкой земли Даниил от правил доверенного православного епископа непосредственно в Лион, где в то время обосновался понтифик. Иннокентий IV желал, чтобы церковь на Руси признала его верховенство. Даниил же надеялся, что папа сумеет объединить против кочевников хотя бы несколько католических стран.

Установленные таким образом дипломатические связи принесли результат: первосвященник издал в 1253 году буллу с призывом державам Центральной Европы и Балканского полуострова выйти в крестовый поход на монголов. Также он выслал в Галицкую землю легата с короной — теперь князь мог именоваться *rex ruthenorum* (король Руси). К тому же галицко-волынский правитель заключил союз и с Венгрией — за его сына Льва Бела IV согласился выдать свою дочь. Другой княжич, Роман, женился на австрийской герцогине. В 1254 году, после многократных заверений со стороны Запада в том, что один на один с монголами он не останется, Даниил пошел на тех войной. Довольно скоро государь отбил волынские и подольские земли, что пребывали под их властью. Время для похода он выбрал самое удачное: Батый долгое время болел и в 1255 году умер. Потомки хана на троне не задерживались.

Тем не менее через несколько лет завоеватели все же вернулись в Галицко-Волынскую державу, чтобы привести ее к покорности. Обещания католических монархов оказались пустыми словами. Они пренебрегли буллой папы Иннокентия, призывавшей к крестовому походу. Не принесли пользы и родственные связи — Венгрия не могла толком оправиться от нанесенного ей Чехией поражения. В итоге Даниилу пришлось обороняться одному. В его земли вторглось крупное войско во главе с Бурундаем. Тот потребовал от князя, ставшего королем, помощи в войне с литовцами и поляками, бывшими союзниками Руси. Также Бурундай

велел снести городские укрепления, чтобы на следующий раз Даниил не мог устоять против атаки степняков. Тому ничего не оставалось, как подчиниться и вновь признать себя вассалом Орды.

Альянс с римским папой в 50-х годах XIII века стоил Даниилу не только неудачной войны против монголов, но и добрых отношений с православным духовенством, как византийским, так и собственным. После взятия Константинополя крестоносцами в 1204 году раскол восточного и западного христианства утратил характер богословского спора и банальной тяжбы иерархов за контроль над паствой. Ромеям нанесли кровную обиду, и присланный из Царьграда митрополит не уставал настраивать жителей Руси против католиков. В Галицко-Волынской державе Даниил усмирил церковную оппозицию, но с патриархом ему не удалось найти общего языка. Когда в 1251 году Кирилл, ставленник князя, прибыл в Никею (Константинополь еще не отбили) за благословением, его сан митрополита подтвердили на том условии, что он уедет из юго-западной Руси, где светская власть затеяла сближение с Римом. Кирилл, уроженец Галицкой земли, перебрался во Владимиро-Суздальскую.

Перенос митрополии официально утвердили лишь в 1299 году при Максиме, преемнике Кирилла греческого происхождения. В 1325 году уже в Москву из Владимира кафедру перенес другой клирик, который родился и сделал карьеру при Данииле и его потомках, — митрополит Петр. Это стало важным фактором усиления Московского княжества, ядра будущего Российского государства. Монгольское владычество над современной Центральной Россией было намного жестче и длилось дольше, чем над остальными частями Руси. Москва, Рязань, Владимир располагались ближе всех к центру Золотой Орды. Орда же дала северо-восточным Рюриковичам титул великих князей всея

Руси — так было легче управлять подданными и собирать с них дань. За него стали соперничать московские и тверские государи. В итоге те, в чьей столице осел митрополит, закрепили за собой великокняжеское звание — статус представителей хана на подвластной тому восточнославянской территории.

Кафедра переехала с берегов Днепра на Клязьму и Москву-реку, но осталась митрополией всея Руси. Однако в Константинополе в 1303 году Юрию, внуку Даниила, позволили основать собственную. Столицей ее стал Галич, титуловали же нового архиерея митрополитом Малой Руси. Под его омофор ушли шесть из пятнадцати епархий, некогда подчинявшихся Киеву, среди прочих и Туровская, на территории нынешней Белоруссии. Таким образом утвердилось название “Малая Русь” (Микра Росия) — что, по мнению ряда исследователей, служило грекам синонимом “ближней” или “внутренней” Руси. Значительно позже, в форме “Малороссия”, это слово станет предметом ожесточенных споров о национальной идентичности украинцев. Со второй половины XIX столетия к малороссам относят тех, кто так или иначе поддерживал идею “общерусской нации”, куда входили бы и русские, и украинцы.

Монгольское нашествие и вековое присутствие Орды в восточноевропейской степи впервые поставило перед элитами Руси выбор между Востоком, представленным не только кочевниками, но и христианской традицией Нового Рима, и Западом — странами Центральной Европы, признававшими авторитет первосвященника Рима первого. Восточные славяне оказались на линии политического и культурного разлома, а наследники киевских князей на землях современной Украины начали долгий процесс балансирования между Востоком и Западом в надежде удержать независимость и от одного, и от другого.

Вотчина потомков Романа Мстиславича редко когда подчинялась ордынцам беспрекословно, временами даже восставала против них, но все же оставалась их вассалом и платила дань до самого конца — 40-х годов XIV века. Взамен ханы давали этой ветви Романовичей полную свободу во внутренних делах. На международной арене она использовала преимущества монгольского мира с тем же постоянством. Однако стабильный миропорядок в этой части света продержался недолго, а его крах повлек за собой и распад Галицко-Волынской державы.

Поводом для этого послужило событие, что в наши дни показалось бы тривиальным, — угасание правящей династии. Однако в государствах Средних веков и раннего Нового времени это имело огромное значение. В 1323 году скончались Андрей и Лев, правнуки Даниила Романовича, — некоторые исследователи думают, что в бою с монголами (крайне опасная затея в те времена). Других наследников мужского пола не нашлось, и престолом завладел их племянник Болеслав, сын одного из мазовецких князей. Болеслав крестился в православие и стал Юрием — Русь стояла обедни. Это не принесло ему любви местной знати, которая возненавидела Юрия за то, что он пренебрегал ее интересами и окружил себя людьми, приглашенными из Польши. В 1340 году бояре отравили последнего правителя, носившего титул *dux totius Russiae Minoris* (князь всея Малыя Руси). Это привело к продолжительной войне за трон и разделу государства. Уже во второй половине XIV столетия Галичину и западное Подолье захватила Польша, Волынь — Великое княжество Литовское.

Польский монарх Казимир III немало потрудился для того, чтобы перенести свои рубежи так далеко на восток. В 1340 году он впервые пытался завладеть Львовом (столи-

цей с 70-х годов XIII века). Галицкие аристократы, во главе которых встал боярин Дмитрий Дедько, позвали на помощь ордынцев и отразили это нападение. Но в 1344 году Казимир выступил во второй поход и захватил западную часть Галичины. Еще через пять лет, когда Дедько уже умер, поляки взяли Львов и все княжество вместе с ним. С Волыни, впрочем, уже в 1350 году их изгнали литовцы при поддержке местных жителей, но Галичине было суждено веками пребывать под властью Польши. Туда перебрались сотни польских шляхтичей — король награждал их за военную службу поместьями. Казимир таким образом вынуждал новых землевладельцев ревностно оборонять его новую провинцию от возможных покушений извне.

Окончательно Польша поглотила эту территорию лишь в 30-х годах XV века с образованием двух воеводств: Руського и Подольского (в 1462 г. Белзское княжество также превратили в воеводство). Примерно в то же время монархия пошла навстречу требованиям знати, как пришлой, так и туземной, и дала ей право на безусловную земельную собственность вне зависимости от службы королю. Вообще, самым значительным последствием инкорпорации Галичины и западного Подолья в Польшу стало распространение на тамошнее боярство привилегий шляхты, среди них и права участия в сеймиках — парламентах воеводств, где обсуждали не только местные, но и общегосударственные проблемы, включая внешнеполитические. Более того, аристократия избирала депутатов (“послов”) на сеймы — в парламент королевства. Защита его юго-восточных границ от вторжений кочевников на протяжении XIV–XVI веков становилась только труднее, зато придавала обитателям фронта дополнительный вес при дворе.

Такая интеграция Галичины и западного Подолья утвердила в этих регионах польскую модель шляхетской демокра-

тии и немецкую модель городского самоуправления, а также открыла дорогу для высшего образования по лекалам, созданным в Италии эпохи Возрождения. Но за это пришлось заплатить слишком высокую, на взгляд многих историков, цену. Самостоятельность канула в Лету, а с ней и боярство, княжеская династия и далеко не последнее место страны в Восточной Европе. Полонизация затронула всю элиту, не только высшую аристократию, в городах ремесленник-русин превращался в нежелательный элемент, православная церковь едва выдерживала конкуренцию с католической.

Великое княжество Литовское предложило иную модель инкорпорации украинской территории в соседнее государство. Литовцы завладели Волынью в ожесточенной борьбе против юго-западных конкурентов. Вскоре они распространили свою власть и на Киевскую землю — та, в отличие от Галицко-Волынской державы, до середины XIV века находилась под более-менее прямым управлением Орды. Литовцы принесли модель, которая позволяла местным элитам сохранить политический вес, положение в обществе и культурные традиции лучше, чем в Польше.

Великое княжество вышло на украинскую сцену в начале XIV века, в правление Гедимины — умелого строителя империи и основателя ее династии. Есть непроверенные сведения о том, что Гедимин ухитрился поставить своего человека князем в Киеве еще в начале столетия. Непосредственно на статусе княжества это, видимо, не сказалось, но вскоре литовские князья при поддержке местных аристократов стали вытеснять монголов в степи. Решающее сражение обычно относят к 1362 году. Тогда дружины Литвы и Руси во главе с Ольгердом, сыном Гедимины, разбили ордынских ханов Северного Причерноморья — на Синих Водах (Синюхе) в центре нынешней Украины. Впоследствии южный фронтир великого княжества сместился к морскому побережью

между устьями Днепра и Днестра. Литва стала не только могучей преемницей Киевской Руси, но и госпожой большей части украинских земель.

Когда династия Гедиминовичей утвердилась в главных городах Руси, ее ассимиляция произошла еще быстрее, чем в X столетии у Рюриковичей. Литовцы связывали себя брачными узами с местной знатью, без особых колебаний принимали православие и распространенные у восточных славян имена. В культурной сфере никакой конкуренции Руси составить они не могли, и это облегчило слияние элит. Литовская аристократия, что придерживалась язычества до начала XV века, склонилась перед авторитетом восточного христианства. Государственный аппарат по всему великому княжеству пользовался сниженным регистром церковнославянского языка. Законодательство, оформленное в XVI веке в “Литовские статуты”, в какой-то мере опиралось на “Русскую правду”. Литва оказалась наследницей Руси во всех отношениях, кроме династического. В прежние времена имперские историки нередко называли это государство Литовско-Русским и даже Русско-Литовским.

Великое княжество Литовское и Польша не просто прибрали к рукам большинство украинских земель, но и задали их развитию новые направления. Эти государства, как отмечалось выше, имели совсем разные стратегии по отношению к той элите и тому обществу, что попали в их подданство. Но в обоих случаях мы видим становление одного и того же процесса — упадка автономии украинских княжеств. К концу XV столетия на политической карте страны их уже не останется. Так завершится эпоха, которую открыли в X веке правители Киевской Руси.

Раздел II
**Восток и Запад:
встреча на Днепре**

Глава 7

Люблинская уния

Во второй половине XIV века почти все украинские земли вошли в состав Польши и Великого княжества Литовского. С этого времени политика этих государств и отношения между ними стали в той или иной степени определять судьбу региона. Огромное значение для экономического, общественного и культурного развития Украины имел ряд соглашений, заключенных Польшей и Литвой в течение двух столетий.

В 1385 году в городке Крево (теперь белорусском) Ягайло — сын Ольгерда, тридцати с лишним лет от роду, “божьей милостью великий князь литовский, Руси господин и дедич природный” — подписал грамоту, которая фактически служила брачным контрактом с представителями польской королевы Ядвиги, которой не исполнилось и двенадцати. В обмен на польский трон Ягайло согласился принять католичество. Он обещал привести в новую веру родственников и остальных вельмож, а также ограничить суверенитет великого княжества — Польша и Литва должны были войти в союз. Год спустя Ягайло короновался Владиславом II, а в 1387 году объединенные польско-литовские силы выгнали из Галицкой земли венгров и вернули ее под управление Польши.

После Кревской унии интеграцию двух государств укрепило несколько новых договоров. Точку в процессе объединения поставила в 1569 году Люблинская уния — именно тогда на свет появилась Речь Посполитая. Внутреннюю границу значительно передвинули, и почти все украинские земли перешли к Польскому королевству (Короне), тогда как белорусские остались у Великого княжества Литовского. Таким образом, слияние Польши с Литвой означало политико-административное разделение двух восточнославянских народов — это стало одним из важнейших последствий Люблинской унии, положило начало формированию современной территории Украины и Белоруссии и соответствующей картины мира у местных элит.

С точки зрения аристократа-русина, подданного Великого княжества Литовского, Кревская уния с Польшей принесла одни невзгоды. Она лишила Русь бывшего влияния на Ягайло — тот не только покинул родные земли, но и стал католиком. Его братья, среди которых часть уже была православными, тоже должны были перейти в “латинство”. Надежды местных иерархов на введение христианства византийского обряда в последнем языческом государстве Европы не оправдались.

Еще хуже на политическом положении Руси сказалась Гуродельская уния 1413 года. Историки обычно считают ее династическим союзом тех же двух государств, переизданием Кревской унии. Ее заключили Ягайло, теперь уже в качестве короля Польши, и Витовт, его двоюродный брат и новый великий князь. Литовская знать получила многие права польской шляхты, включая безусловную собственность на землю. Полсотни аристократических фамилий королевства предложили разделить свои гербы с таким же числом семейств из великого княжества. Но с одной оговоркой: своими на этом пиршестве бы-

ли только католики, православных же обнесли. Элита литовской Руси впервые ощутила на себе открытую дискриминацию на государственном уровне. Оставив ее без новых привилегий, великий князь закрыл ей доступ к выгодным должностям в собственном окружении. Беда не приходит одна: немного раньше Витовт урезал автономию Руси, заменив наместниками волынского и некоторых других наследственных князей.

Возможность ответить ударом на удар представилась православным вельможам после смерти Витовта в 1430 году. Борьба за литовский трон довольно скоро вылилась в междоусобную войну. Волынская знать и ее сородичи из соседних земель поддерживали Свидригайла. Его соперник Сигизмунд (Жигимонт) распространил в 1434 году на православную элиту великого княжества права, данные католикам согласно Городельской унии, и таким образом переманил Русь на свою сторону. Князья и бояре Волыни и Киевщины и после этого косо смотрели на Сигизмунда, но поддержка Свидригайла ослабела, и война более-менее утихла. Установив религиозный мир, литовские государи получили больше пространства для маневра — в первую очередь их заботила избыточная, по их мнению, автономия княжеств и земель Руси.

В 1470 году Казимир IV, великий князь и польский король, упразднил последний пережиток былых времен: Киевское княжество. Через десять лет три аристократа задумали убить Казимира и возвести на трон Михаила, сына предпоследнего киевского князя, но в 1481 году заговор был раскрыт. Одних заговорщиков схватили, другим пришлось бежать. Их отъезд за рубеж окончательно похоронил надежды на восстановление традиций Руси периода раздробленности. К началу XVI века не только политическая карта Украины, но и ее общественный и культурный пейзаж имеют мало общего с тем, что мы видели двумя столетиями раньше — в период борьбы Галицко-Волынской державы за уход из-под

монгольского протектората и самостоятельную роль в Восточной Европе. Язык и правовая система, унаследованные от Киевской Руси, еще прочно стоят на ногах, однако с каждым десятилетием все большую конкуренцию им составляют латинизация и полонизация — тенденции, возникающие в Великом княжестве Литовском после унии 1385 года.

По всей Европе XVI век отмечен усилением монархической власти, централизацией государственного аппарата, регламентацией политической и общественной жизни. Реакцией на это стало ожесточение аристократической оппозиции монархам. В случае нарождавшейся польско-литовской федерации ее опорой составляли магнаты из восточных земель — зачастую потомки Рюриковичей и Гедиминовичей, носители старых княжеских традиций. Однако в середине века противостояние знати и короля ослабло, поскольку возросла внешняя угроза Великому княжеству Литовскому и без помощи Польши обойтись было нельзя. Речь идет об угрозе с востока, где в течение XV века окрепла новая держава — Великое княжество Московское.

В 1476 году Иван Васильевич, который затем первым примерит на себя царский титул, порвал с Ордой и отказался платить ханам дань. Он же добился успеха в деле, которое назовут “собиранием русских земель”, — завоевал Новгородскую республику, великое княжество Тверское и т. д. (оставив сыну присоединить только Псков и Рязань). Иван претендовал и на те земли Руси, где “ига” давно уже не было, в том числе современные украинские. В конце XV века между Московским и Литовским государствами начинается затяжная война за наследие Киевской Руси. Иван действовал активно, и в начале следующего столетия противнику пришлось уступить ему Смоленскую и Черниговскую зем-

ли. Московское государство впервые установило свою власть над частью нынешней территории Украины.

Несколько десятилетий Великое княжество Литовское удерживало восточную границу на месте, но при Иване Грозном наступление возобновилось. Волевым, харизматичный, жестокий и явно неуравновешенный царь, который сам немало повредил своей державе, в 1558 году напал на Ливонскую конфедерацию — государство в Прибалтике, куда входили территории современных Латвии и Эстонии. Ливонская война шла четверть века, до 1583 года. Участие в ней приняли также Литва, Швеция, Дания, а затем и Польша. В 1563 году московское войско вторглось в великое княжество, овладело Полоцком, разорило Витебск, Шклов и Оршу. Военные поражения вынудили литовских бояр встать на путь объединения в одно государство с Польшей.

В декабре 1568 года Сигизмунд Август, польский король и великий князь литовский, созвал в Люблине два сейма — по одному на каждое государство, которым правил. Он рассчитывал, что послы сумеют договориться, на каких условиях образовать союз. Начало внушило ему оптимизм: постановили вместе избирать монарха и вместе собирать сейм, оставив при этом Литве широкую автономию. Но поляки потребовали вернуть королю земли, которыми пользовались в великом княжестве магнаты. Те не уступали, а потом собрали вещи и уехали из Люблина с большой помпой. И просчитались. Без них польский сейм взялся с благословения Сигизмунда штамповать законы, согласно которым королевству переходила одна литовская земля за другой.

Литовская знать опасалась, что земли у нее отнимет русский царь, — но беда пришла, откуда не ждали. Рейдерский захват надо было остановить, поэтому незадачливые послы вернулись в Люблин и заключили соглашение на тех условиях, что диктовали им поляки. Впрочем, от аннексии земель

Польшей это их не уберегло. В марте 1569 года королевство присвоило Подляшское воеводство, на стыке польской, украинской и белорусской этнических границ. В мае та же судьба постигла Волынь, а 6 июня, за день до возобновления переговоров двух делегаций, Польша забрала воеводства Брацлавское (восточное Подолье) и Киевское. Аристократия великого княжества должна была смириться с этим — отказ от объединения с Польшей сулил им еще худшие несчастья. Ян Матейко, прославленный польский художник XIX века, ярко изобразил Люблинский сейм, избрав для одной из центральных фигур главного противника унии — Николая Радзивилла. Тот стоит перед королем на коленях, но в руке его обнаженный меч, опущенный острием на пол.

Таким образом возникла Речь Посполитая — единое государство с единым парламентом и королем, которого выбирала вся шляхта. Права польской распростирали на шляхту Великого княжества Литовского. Оно сохранило свои учреждения, скарб (казну), судебную систему и армию. Новое государство, известное в историографии под именем Речи Посполитой обоих народов, стало квазифедерацией, в которой доминировала Польша — благодаря унии королевство значительно увеличилось и окрепло. Три юго-восточных, украинских, воеводства вошли в него не единым целым, а поодиночке, однако с сохранением права пользоваться в судах и администрации привычным книжным языком, свободно исповедовать православие.

На сейме в Люблине украинские воеводства представлял тот же слой общества, что и земли к северу от Украины, — князья и бояре. Однако, в отличие от литовской и белорусской аристократии, что не покинула пределов великого княжества, депутаты от Волыни, Брацлавщины и Киевщины

желали перехода в состав Польши. При этом они просили гарантий сохранения религии, языка и законов своих предков. Почему элита украинских воеводств, особенно княжеские роды, пошли на такую сделку? Вопрос далеко не праздный, ведь установленный в 1569 году внутренний рубеж станет основой для тех административных границ, что в двадцатом веке превратятся в межгосударственные, украинско-белорусские.

Присоединились ли украинские воеводства к Польше, поскольку идентичность и образ жизни отличали их от современных белорусских земель, или наоборот, Люблинская уния стала отправной точкой для разделения украинцев и белорусов? У нас нет оснований предполагать, что в середине XVI столетия эти народы говорили на совершенно разных языках. В наши дни в Полесье можно услышать переходные между украинским и белорусским диалекты — должно быть, они звучали там и в те времена. Поэтому одного только лингвистического критерия для проведения границы недостаточно. Тем не менее аннексии по итогам Люблинской унии подчеркнули, видимо, те различия, что наметились уже давно, — очертания воеводств в общих чертах совпадают с древнерусскими княжествами предыдущих эпох. Развитие Киевской земли, Волыни и Галичины с одной стороны и Полоцкого княжества с другой далеко не всегда шло одинаково. В отличие от защищенной лесами и болотами Белоруссии, историю украинских пределов великого княжества всегда определял степной фронт со своими уникальными проблемами.

В отличие от северной знати, князьям и боярам этих территорий было немного проку от самостоятельности Литвы, которой не хватало сил для обороны от растущей крымской и ногайской угрозы. Польское королевство приходило на выручку во время войн с Россией, но беспрестанные пограничные стычки с татарами за пределами Галичины его заботили мало. Передача окраинных воеводств в состав Польши мог-

ла изменить баланс сил в степи. Так или иначе, местная элита сделала выбор в пользу королевства — и едва ли пожалела об этом (источники не позволяют нам предполагать обратное). После 1569 года волынские княжеские роды не только сохранили свои владения, но и значительно их увеличили.

Исход Люблинской унии определил голос Василия-Константина Острожского, самого богатого и влиятельного волынского князя. Он поддержал Сигизмунда, а тот оставил ему должности старосты владимирского и воеводы киевского. Острожский приобретал новые земли, и к концу XVI века его личная империя насчитывала 40 замков, тысячу городов и местечек, 13 тысяч сел и хуторов. В начале следующего века сын Константина Януш имел столько золота и серебра, что их хватило бы на все государственные расходы в течение двух лет. Острожский мог выставить до 20 тысяч пешего и конного войска — вдесятеро больше, чем держал у границ монарх. Константин за свою долгую жизнь успел побыть претендентом на трон сначала Речи Посполитой, затем Московского царства. Шляхте, зависимой от князя в том числе и материально, приходилось мириться с ролью его клиентелы. Таким образом Острожские превращали в марионеток многочисленных депутатов сейма и сеймиков. Некоронованного правителя Руси побаивались не только соседи — ему не отважились бы бросить вызов ни монарх, ни парламент. Сейм запрещал князьям выставлять в военное время частные армии, но бесконечные татарские набеги на степном фронтире вынуждали принимать помощь от Константина. Государству просто не хватало солдат.

Острожские возглавили ряд вельмож, которые преумножили свои и без того огромные богатства после 1569 года, но в затылок этому семейству дышали другие. Крепко стояли на ногах Вишневецкие. Князь Михаил, чьи земли на Волыни казались малы по сравнению с империей Острожских, стал одним из пионеров освоения Левобережной Украины. Про-

сторы к востоку от Днепра почти обезлюдели после монгольского нашествия и долгое время были под контролем ногайцев и крымских татар. Теперь же Вишневецкие руководили заселением лесостепи — закладывали села, укрепленные города и монастыри. Вскоре на Левобережье у них образовалась держава едва ли меньше той, которой владели Острожские на Волыни. Латифундии двух этих княжеских родов далеко превосходили имения всех остальных магнатов.

Перемены, что произошли на юго-востоке Речи Посполитой после 1569 года, облегчали князьям-первопроходцам освоение пограничья. В Польше сформировали небольшую, но подвижную “кварцяную” регулярную армию, которую содержали на четвертую часть доходов (“кварту”) с коронных земель, — это помогало успешнее отбивать набеги кочевников и распахивать пустоши. Другим мощным стимулом такой колонизации стала торговля через порты Балтийского моря. Растущий спрос на хлеб на рынках Северной Европы дал Украине шанс попробовать себя в роли житницы континента. Украинское зерно впервые с античных времен стало экспортным товаром. Земледельцы тысячами переезжали на восток — к еще недавно пустынным берегам Днепра, где не укоренилось крепостное право. Латифундисты украинского степного фронта приглашали крестьян в слободы — поселения, освобожденные на долгое время от барщины и оброка. Слобожанину требовалось только завести хозяйство и богатеть.

Массовая миграция на восток открыла новые перспективы, материальные и духовные, и для еврейства Речи Посполитой. По осторожным оценкам, за сто лет, считая от середины XVI века, число евреев на Украине выросло с 4 до 50 с лишним тысяч, то есть более чем в двенадцать раз. Переселенцы создавали новые общины, воздвигали синагоги, открывали хедеры. Новые возможности, однако, подразумевали новые риски — евреи заняли нишу между двумя

сословиями с враждебными интересами: крестьянами и аристократией. Вначале и те и другие исповедовали православие, но к середине XVII века в рядах знати многие перешли в католичество. К тому же на Украину перебралось и немало польской шляхты. Таким образом, иудеи очутились между католическим молотом и православной наковальней, между алчными господами и обиженными рабами. Ничем хорошим это кончиться не могло.

Сигизмунд Август надеялся, что Люблинская уния поможет ему обуздать упрямых аристократов. И просчитался — благодаря унии положение Острожских и других князей только укрепилось. Но их заботило не одно лишь накопление земель и богатств. После ухода с исторической сцены Галицко-Волынского государства Константин и его современники впервые стали покровителями книжности и культуры. Такой ренессанс наблюдался по обе стороны новой польско-литовской границы. Питало его не только честолюбие вельмож, но и межконфессиональные конфликты той эпохи.

В Литве деятельность князей Радзивиллов служила образцовым примером того, как тесно связаны политика, религия и культура. Главный противник унии 1569 года — Николай по прозвищу Рыжий — возглавил кальвинистов Речи Посполитой и основал школу для юных единоверцев. Его двоюродный брат, Николай Черный, оплатил издание первого перевода Библии на польский без купюр — в Бресте, на стыке этнически белорусских и украинских земель. В 70-х годах XVI столетия Константин Острожский занялся книгоизданием в своей волынской столице — Остроге. Он собрал там группу ученых, которые исправили перевод Священного Писания путем сравнения греческих и церковнославянских текстов. Благодаря им вышла из печати самая авторитетная в пра-

вославной среде церковнославянская Библия. Проект приобрел международный размах. Среди филологов были выходцы не только из Речи Посполитой, но также и из Греции, а редакции библейских текстов, над которыми они работали, происходили в том числе из Новгорода и Рима. Острожская Библия вышла в 1581 году тиражом около полутора тысяч экземпляров. До наших дней дошло менее четырехсот — один из них хранится в библиотеке Хоутона при Гарвардском университете.

Полный церковнославянский текст Библии впервые напечатали в Остроге, а не Москве или Константинополе, что показывает, какое важное место Украина заняла в православном мире. Князь на этом, впрочем, не остановился. Издание печатных книг продолжалось как на церковнославянском языке, так и на более понятной светской элите простой мове (староукраинском). Константин следовал примеру Радзивиллов — обеспечил доступ к образованию православной молодежи и таким образом нашел своим ученым еще одно занятие. По некоторым свидетельствам, честолюбивый князь мечтал даже о переносе кафедры вселенского патриарха из Царьграда в Острог. Из этого ничего не вышло, но в конце XVI века Острог успешно претендовал на звание православной культурной столицы.

Константин, некоронованный правитель Руси, желал найти исторические и богословские обоснования своего первенства. Введение к Острожской Библии, произведение ученых, которые трудились под его опекой, изображают князя-просветителя наследником равноапостольного Владимира и Ярослава Мудрого. Один из тех, кто работал над изданием, восхваляет мецената: “Владимер бо свой народ крещением просвѣтил, Константин же богоразумия Писанием освѣтил”. И далее: “Ерослав зиданием церковным Киев и Чернигов украси, Константин же едину съборную церковь Писанием възвыси”. Известный теолог Герасим Смотрицкий —

скорее всего, именно ему принадлежат строки выше — происходил из “польской Руси”, то есть Галичины либо западного Подолья. Там шляхтич-русин, да и мещанин тоже, мог отвесть плодов Возрождения, получив солидное образование, намного раньше, чем его собрат в Великом княжестве Литовском.

Константин собирал в Остроге интеллектуалов из разных стран. Нашлось там место — причем далеко не последнее — и чистокровным полякам. Дифирамбы князю от лица польской шляхты не отличаются ревностной защитой православия, зато щедры на доказательства силы и мудрости полусуверенного властелина. Если православные книжники изображали его достойным потомком Владимира и Ярослава, католики приравнивали его к Даниилу Романовичу — известнейшему в истории его родной Волыни государю — и доказывали, что князь от него и происходит. Поляки на службе у этого славного рода, а также князей Заславских, связанных с Острожскими матримониальными узами, помещали его во главе пространства, пределы которого не совпадали ни с канонической территорией православной церкви, ни с Литовской Русью до унии. Это была “польская Русь” — православные земли Короны после унии. Накладывая на карту Киевской Руси карту Речи Посполитой с новой внутренней границей между Короной и Литвой, эти панегристы наметили новое историко-политическое образование — будущую колыбель современной украинской нации.

И это новшество не ограничилось миром изящной словесности. Перемены 1569 года на просторах польско-литовского государства затронули и картографию как таковую. В 90-х годах XVI столетия Томаш Маковский составил карту под названием “Великое княжество Литовское и прочие смежные с ним страны”, где была показана новая граница между Короной и Литвой — почти та же, что разделяет теперь Украину и Белоруссию. Нашлось там место и украин-

ским землям, и Днепру (см. карту “Речь Посполитая в XVI–XVIII вв.”). Исследователи полагают, что материалы для южной части этой карты предоставил Константин Острожский. Влиянием князя или его приближенных объясняют и то, что на карту попало привычное для местных жителей название — “Украина”. Так обозначали территорию на юг от великого княжества, а именно правобережье Днепра от Киева до Канева и устья реки Рось. За Росью, согласно карте, лежали *campi deserti citra Boristenem* (“безлюдные степи на ближнем берегу Борисфена”). Таким образом, Украиной именовали немалую часть степного фронта Речи Посполитой. Колонизация региона, судя по всему, шла семимильными шагами — многие замки и поселения на более ранних картах отсутствуют. Украина имела два альтернативных названия: Низ и *Volynia Ulterior* (“дальняя”, или “внешняя”, Волынь). Второе подчеркивало тесную связь между новоприобретенной землей и вотчиной Острожских — Ближней Волынью.

Перемены по итогам Люблинской унии открыли золотую жилу прежде всего для православных князей. Ни рычагов влияния, ни престижа у них меньше не стало — напротив, им покорилося новое пространство. Когда интеллектуалы из княжеской свиты принялись наполнять это пространство смыслами, чтобы обосновать амбиции своих патронов, они искали прецеденты в минувшем — в деяниях Владимира Великого, Ярослава Мудрого и Даниила Галицкого. Но какую бы пыль веков они ни поднимали, в результате их трудов возникло нечто новое — то, чему суждено будет стать современной Украиной. Это слово, впервые употребленное в летописи под 1187 годом, приобрело новую популярность в XVI веке, в разгар княжеской колонизации, обозначая именно колонизированный степной фронт. На все новое пространство, созданное в 1569 году в Люблине, название “Украина” распространится при этом далеко не сразу.

Глава 8

Казачество

В течение XV и XVI столетий в украинских степях происходят тектонические сдвиги с точки зрения политики, экономики и культуры. Впервые со времен Киевской Руси фронт — линия размежевания между земледельцами и кочевниками — не отступает к болотам бассейна Припяти и Карпатским горам, а движется на юго-восток. Исследования лингвистов показывают, что в ту эпоху две главные группы диалектов украинского языка, полесская и карпато-волинская, двинулись в том же направлении, перемешались и образовали третью, что в наши дни простирается от Житомира и Киева через Донбасс вплоть до Краснодара и Ставрополя на территории России. Смещение диалектов отражает миграцию этнических групп.

Причины такого преобразования таились в самих степях. Междоусобицы, охватившие Золотую Орду в середине XIV века, столетие спустя привели к ее распаду. Преемниками Орды стали Крымское, Казанское, Астраханское ханства и другие образования. Никому из них не было под силу восстановить былое могущество Улуса Джучи. Крым отделился от Орды в 1449 году, первым самостоятельным ханом стал Хаджи-Гирей, чингисид. Династия Гиреев продерж

жится в Крыму до конца XVIII века, но вот независимость им сохранить не удастся. К 1478 году Крым станет вассалом Османской империи. Эта великая мусульманская держава во главе с турками-османами в XIV–XV веках заменила Византию в роли властелина Восточного Средиземноморья и Черного моря. В 1453 году османы захватили Константинополь и перенесли туда столицу, дав городу новое имя: Стамбул. Несколько позже они овладели южным берегом Крыма, где их цитаделью стала портовая Кафа (нынешняя Феодосия). Гирейи правили к северу от Крымского горного хребта. Подчинялись им и кочевники-ногайцы в степях на юге современной Украины.

Крым привлекал Турцию с разных сторон, в том числе коммерческой. Особый интерес представляла работорговля. Она всегда занимала видное место в экономике Восточной Европы, но теперь затмила все прочее. Законы Османской империи позволяли обращать в рабство только неверных и давали стимулы к освобождению рабов. Поэтому товар на невольничьих рынках всегда шел нарасхват. Ногайцы и крымские татары почуяли конъюнктуру. В погоне за живым товаром они принялись терзать расположенные у Дикого поля окраины Речи Посполитой и Московского царства, проникая и вглубь их территории. Работорговля значительно повышала доходы скотоводов-ногайцев и крымских татар, которые вдобавок возделывали землю. Неурожаи, как правило, оборачивались учащением набегов на вышеназванные государства и увеличением потока невольников на юг.

Все маршруты, по которым татары выступали в походы на север, пересекали территорию нынешней Украины. Черный шлях и его ответвления шли между Днестром и Днепром к западному Подолью, Волыни и Галичине. Муравский шлях, также с несколькими ответвлениями, — через будущую Слободскую Украину (в частности, Харьковскую об-

ласть) к Южной России. Спрос на зерно привел к тому, что Украина уже в XVI веке вошла в орбиту балтийской торговли, в средиземноморском же мире она, как объект татарских набегов, превратилась в невольную поставщицу ясыря (рабов). Украинцы преобладали среди населения лесостепи и колонизированного в первые десятилетия Речи Посполитой степного пограничья — они же стали главной жертвой нехватки бесплатных рабочих рук в османской экономике. На втором месте, с небольшим отрывом, оказались этнические русские.

Автор середины XVI века, известный нам как Михалон Литвин, посетил Крым и описал размах работорговли словами, услышанными на Перекопе: “Один иудей там в Таврике, у тех единственных врат ее, стоящий во главе таможни, видя, что туда постоянно ввозится бесчисленное множество пленных людей наших, спрашивал у нас, все так же ли наши земли изобилуют людьми или нет и откуда здесь такое множество смертных”¹. Число украинцев и русских, угнанных в Крым за XVI и XVII столетия, оценивают по-разному: от полутора до трех миллионов. Выше всего ценили детей и подростков. Вообще, новых рабов ждала разная участь. Мужчин обычно посылали на галеры (по-гречески “каторги”) османского флота либо на поля, женщины становились домашней прислугой. Кое-кому, можно сказать, везло. Одаренные молодые люди время от времени делали карьеру — но чаще всего в качестве евнухов. Красавицы могли очутиться в гареме того или иного сановника и даже самого падишаха.

Украинская девушка, известная нам под именем Роксоланы, стала женой Сулеймана Великолепного — могущественнейшего султана, который правил с 1520 по 1566 годы. Ему наследовал сын от их брака — Селим II. Роксолана получила

Перевод В. И. Матузовой.

да в гареме имя Хюррем-Султан и, как предписывает ислам, опекала сирых и голодных. Под ее покровительством были воздвигнуты изумительные образцы османской архитектуры, например названные ее турецким именем общественные бани возле Айя-Софии в Стамбуле. Над ними работал Мимар Синан, едва ли не самый талантливый из османских зодчих. С начала позапрошлого века Роксолана служит героиней многих книг и телефильмов — как на старой родине, так и на новой. Ее жизнь, конечно же, была редким исключением, никак не правилом.

Нападения татар и увод миллионов людей в рабство надолго травмировали украинскую историческую память. Участь пленных стала сюжетом многочисленных дум — эпических песен, чьи авторы оплакивали невольников, рассказывали о попытках бежать из Крыма, славил тех, кто отбивал ясырь по пути к Перекопу или в Крыму. Таких народных героев называли казаками. Они бились с татарами в степи, совершали морские набеги на турецкие берега и иногда действительно освобождали из рабства единоверцев.

Кем же были казаки? Ответ зависит от исторического периода, о котором идет речь. Без сомнения, появились они в среде тюрков-кочевников. Слово “казак” — тюркского происхождения и может означать дозорного, разбойника или просто свободного человека. Первые казаки были всем этим сразу. Они собирались в ватаги и рыскали по степи, за пределами постоянных или временных поселений тех народов, из которых происходили. Кормились они рыбной ловлей, охотой и разбоем. По степи проходило немало торговых путей, и купцы, что не заботились о достаточной охране для своих караванов, рисковали стать добычей казаков. Вылазка казаков в украинскую степь не с юга или востока, а с севера — с заселенной

окраины Великого княжества Литовского — в источниках впервые упоминается именно в связи с налетом на торговцев

В 1492 году — когда Фердинанд Арагонский и Изабелла Кастильская велели изгнать евреев из своих королевств, а Христофор Колумб высадился на острове в Вест-Индии и дал тому имя Сан-Сальвадор — казаки заявили о себе на Украине. Согласно жалобе, высланной крымским ханом великому князю Александру, подданные Литвы из Киева и Черкасс захватили и ограбили татарский корабль в низовьях Днестра. Александр в ответном письме не доказывал, что те явились из какой-то другой страны, не придумывал им оправдания. Он уверил Менгли-Гирея, что велел “украинным” (пограничным) чинам расследовать это дело. При поимке разбойников следовало казнить, имущество же их — видимо, включая награбленное — передать представителю хана.

Если даже слуги великого князя выполнили его приказ, на становлении казачества это никак не отразилось. На следующий год Менгли-Гирей обвинил казаков из Черкасс в нападении на посла Ивана III. В 1499 году казаки “гуляли” у побережья Черного моря, в окрестностях Очакова. Хан подумывал о том, чтобы протянуть цепь от этого города через Днепровский лиман — чтобы закрыть казакам выход в море. У нас нет оснований думать, что его намерение, будь оно даже воплощено в жизнь, сколько-нибудь помешало казацким рейдам. Немного проку было и от жалоб из Крыма литовскому государю.

Воеводы и старосты южных пределов великого княжества одной рукой пытались удержать казаков от набегов на мусульман, другой — использовать их же для защиты границ. В 1553 году Сигизмунд Август велел князю Михаилу Вишневецкому, черкасскому и каневскому старосте, соорудить крепость за порогами Днестра, чтобы блокировать казацкие экспедиции во владения Османской империи. Тот исполнил при

каз монарха с помощью собственных казаков. Неудивительно, что хан в таком предприятии увидел подготовку к нападению на Крым. Четыре года спустя высланное Девлет-Гиреем войско изгнало Вишневецкого из аванпоста на Хортице. Зато в народной традиции князь превратился в героя и первого казацкого гетмана (титул командующих армиями Речи Посполитой) и неукротимого борца с турками и татарами.

К середине XVI века земли южнее Киева изобиловали новыми поселениями. Михалон Литвин не скрывал восторга: “Счастливая и обильная Киевщина богата и людьми, ибо на Борисфене и на других впадающих в него реках есть немало многолюдных городов, много деревень”. Происхождение переселенцев он описывал так: “Одни скрываются от власти отца, или от рабства, или от службы, или от [наказания за] преступления, или от долгов, или от чего иного; других же привлекают к ней, особенно весной, более богатая нажива и более обильные места. И испытав радости в ее крепостях, они оттуда уже никогда не возвращаются”. Автор уверял, что казаки зарабатывают на пропитание не только рыболовством и охотой, но и грабежом. “Киевские хаты, изобилуя плодами и фруктами, медом, мясом и рыбой, но грязные, полнятся драгоценными шелками, камнями, соболями и другими мехами, пряностями”. В этой земле он видел “шелк дешевле, чем в Вильне лен, а перец дешевле соли”. Купцы экспортировали пряности и предметы роскоши из Османской империи в Польшу, Литву и Россию.

Если первые украинские казаки были жителями городов у Днепра и его притоков, к концу XVI столетия их ряды пополнило множество земледельцев. Приток крестьян-русинов снял вопрос о политической, этнической и религиозной идентичности раннего казачества — татары ли это (ногайцы или кто-то еще), подданные короля и великого князя или продукт полиэтничного плавильного котла, где

нашлось бы место кому угодно. Теперь это были преимущественно украинцы, что происходили главным образом из княжеских и прочих латифундий, а в казаки ушли, чтобы избежать “второго издания крепостного права”, как называют это явление историки. Выше, в 7-й главе, уже приведены мотивы, по которым магнаты и шляхта привлекали переселенцев на недавно освоенные земли вдоль фронта. Бесперывную угрозу татарских набегов должны были уравновесить длительные отсрочки на уплату податей. Когда время их истекало, многие крестьяне, не желая превращаться в крепостных, уходили дальше в степь. Довольно часто они вливались в казачество, заражая его социальным радикализмом.

Заселение Украины — степного пограничья, как показано на вышеупомянутой карте Томаша Маковского, — стало общим делом князей с “ближней” и казаков с “дальней” Волыни. В 1559 году Константина Острожского назначили киевским воеводой, так сказать, вице-королем огромных пространств на обоих берегах Днепра. Его власть распространялась на Канев и Черкассы — и на тамошних казаков, которые одновременно помогали и мешали освоению степи своими рейдами на татар и турок. Благодаря Острожскому, казаков впервые стали привлекать на военную службу, не столько ради пополнения войска, сколько для того, чтобы хоть немного обуздать их и не дать обосноваться на землях за днепровскими порогами. В ходе Ливонской войны значительные силы пришлось сосредоточить на литовско-российских рубежах, и это подстегнуло в 70-х годах XVI века формирование казацких подразделений. Одно из них, принимавшее участие в Ливонской войне, насчитывало пять сотен воинов.

Реорганизация казаков из стражи на службе приграничных воевод и старост в отряды, командовать которыми доверили уже офицерам, открывает новую эпоху в истории ка-

зачества. Впервые появляется термин “реестровый казак” — в реестр (список) вносили тех, кого зачислили на военную службу. Это освобождало их от уплаты налогов и выводило из-под юрисдикции местных чиновников; полагалось им и жалованье. Охотников оказаться в реестре, понятное дело, хватало с избытком, но Корона вербовала лишь немногих казаков, а на оклад и привилегии те могли рассчитывать только до увольнения от службы. Тем не менее казаки, которых не брали в реестровые или же исключали оттуда во время очередного затишья, желали сохранить казачий статус, что приводило к нескончаемым тяжбам с приграничными властями. Учреждение реестра позволило государству разрешить одну проблему, но вскоре породило другую.

В 1590 году сейм Речи Посполитой постановил набрать в реестр тысячу казаков для защиты украинских земель от татар, а татар — от казацкого своеволия. Король издал соответствующую ординацию (устав), но толку от нее было немного. В 1591 году казаки поднимают свое первое восстание. До этого времени они “шарпали” подданных султана — Крымское ханство, Молдавское княжество (вассала Османской империи), побережье Черного моря. Теперь же эта лавина выплеснулась в другую сторону. Взбунтовались казаки не против государства, а против своих патронов — князей с Волыни, главным образом Януша Острожского и его отца Константина. Януш был старостой Белой Церкви, укрепленного города на Южной Киевщине, где жило немало казаков. Константин же, киевский воевода, присматривал за сыном. Старый князь и княжич правили этой землей словно собственной. Из местной знати никто не посмел бы им перечить, несмотря даже на алчность вельмож, которые вынудили многих шляхтичей уступить им свои владения.

Но тут нашла коса на камень. Один из пострадавших от самоуправства Острожских, Криштоф Косинский, был казацким атаманом. Когда Януш, презрев королевское пожалование, выгнал этого шляхтича из его усадьбы, Косинский не стал тратить время на жалобы монарху — это ничего бы не дало, — а собрал казаков и напал на Белую Церковь. Частные армии Острожских и Александра Вишневецкого, еще одного волынского князя, за два года разбили повстанцев. Аристократы управились с мятежом и без помощи Речи Посполитой. По иронии судьбы, крестные отцы казацкой вольницы уладили непокорных молодцов с помощью других казаков — тех, что были у них на службе. Из атаманов, что были на жалованьи у Острожских, особую известность приобрел Северин Наливайко. Он командовал надворными казаками, но после разгрома Косинского в 1593 году собрал рассеянных по степям Подолья повстанцев и увел их как можно дальше от владений старика Острожского.

Острожские манипулировали непокорными казаками, но с переменным успехом. Казаки сами выбирали себе командиров и подчинялись им в бою — когда же возвращались к мирной жизни, ничто не мешало им не только сбросить атамана, но и казнить, если его действия шли вразрез с их нуждами. Сверх того, внутри казачества возникли серьезные противоречия, которые не сводились к одному противостоянию реестровых и нереестровых. В реестр набирали казаков-землевладельцев, что жили в городах и селах между Киевом и Чигирином. Им открывались пути к привилегиям, положенным воинам короля. Но возникла и другая группа — запорожцы, где много было бывших крестьян. Их “штаб-квартира”, Сечь, располагалась намного ниже по Днепру, на одном из островов за порогами. Запорожцы были недосягаемы для королевских чиновников, чаще других дрались

с татарами, а во время восстаний Сечь служила опорой всем недовольным, что бежали в степи.

Наливайко, которому Острожские, очевидно, поручили держать в узде казацкую голытьбу — главным образом беглых крестьян, вскоре нашел общий язык с недавними врагами, заключив с Запорожьем союз. В начале 1596 года когда-то дояльный князь атаман повел казаков на восстание еще большего размаха, чем предыдущее. В тот период Украина несколько лет страдала от неурожаев, и множество голодных крестьян ушло в казаки. В этот раз магнатам не хватило собственных войск для победы, поэтому вызвали армию Короны во главе со Станиславом Жолкевским, польным гетманом. В мае 1596 года поляки окружили лагерь казаков на Левобережье, под Лубнами. Старые, городовые, казаки обратились против новых и выдали полякам Северина в обмен на амнистию. Вождя повстанцев казнили в Варшаве. Надворный сотник стал бунтарем, а затем мучеником за казачество и православие — в глазах позднейших летописцев и романтиков. Среди последних оказался и русский поэт Кондратий Рылеев, который так же сложил свою голову за участие в восстании декабря 1825 года.

В конце XVI века фактор казачества стали принимать в расчет стратеги не только Речи Посполитой и Османской империи, но и других европейских держав. В 1594 году на Сечь приехал Эрих Ляссота фон Штеблау с предложением от императора Рудольфа II помочь Священной Римской империи в борьбе против турок. В то же время и с поручением подобного рода на Украине побывал папский посланец Александар Комулович (Алессандро Комулео). Из этих посольств ничего в общем не вышло, зато нам остались письма Комуловича и дневник Ляссоты, где описано демократическое устрой-

ство Запорожья, — весьма ценные источники по раннему казачеству. Слава о казаках, уже известных в Вене и Риме, скоро дойдет и до Парижа с Лондоном. Для Москвы же они будут представлять нешуточную угрозу.

Украинские казаки, что в середине XVI столетия кормились и за счет жалованья из казны Ивана Грозного, в начале XVII века явились в Москву гостями уже незванными. Россия переживала тогда Смутное время — династический, политический и экономический кризис. В первые годы нового века страну поразил долгий и жестокий голод, отчасти вызванный тем, что теперь именуют Малым ледниковым периодом, — глобальным похолоданием, которое то усиливалось, то ослабевало с середины XIV до середины XIX века. Как раз в то время похолодало очень резко. Кризис ударил по России не вовремя — несколько лет назад вымерла московская ветвь Рюриковичей, и ряд аристократических семейств оспаривал права Годуновых на престол. Династические распри в 1613 году окончились избранием первого царя из новой династии — Михаила Романова. Но в промежутке несколько претендентов, в том числе самозванцы, что выдавали себя за Дмитрия, сына Ивана Грозного, устроили междоусобную войну и открыли дорогу в Россию авантюристам из Речи Посполитой.

В течение Смутного времени украинские казаки поддерживали двух самозванцев: Лжедмитрия I и Лжедмитрия II. До 10 тысяч пристало к польному гетману Жолкевскому, когда в 1610 году тот повел на Москву королевскую армию. Избрание на трон Романова не остановило украинских казаков. В 1618 году уже 20 тысяч приняли участие в походе и осаде Москвы войском Речи Посполитой. С их помощью война завершилась в том же году на невыгодных для России условиях. Польша получила Черниговскую землю, утраченную Великим княжеством Литовским столетием ранее. Вскоре, к середине XVII века, Черниговщина станет немаловажной частью

казацкого мира. Впрочем, сечевики по своему обычаю и помогали польскому королю, и мешали. Речь Посполитая так и не добилась никакой поддержки от Османской империи — не в последнюю очередь из-за морских рейдов запорожцев.

В 1606 году они спустились на чайках (ладьях) по Днепру, вышли в море и напали на Варну, одну из твердынь Османской империи на Балканском полуострове. В 1614 году казаки разграбили Трабзон на юго-восточном побережье Черного моря, а через год проникли в Золотой Рог и разорили пригороды Константинополя, словно подражая руси 860 года. Но если норманны с империей еще и торговали, запорожцы не слишком отличались от пиратов, терзавших берега не только Средиземного, но уже и Карибского моря. Казаки грабили турок, мстили за обиды, а согласно украинским думам, еще и спасали измученных рабов. В 1616 году казацкая экспедиция завершилась взятием главного невольничьего рынка на Черном море — Кафы — и освобождением всех пленников.

Беспрестанные налеты казаков на прибрежные районы Османской империи, что пребывала в зените могущества, приводили в негодование советников и в изумление послов иноземных государств. Теперь различные христианские монархи стали учитывать запорожцев как силу, которую не мешало бы привлечь к союзу против турок. Французский посол Филипп де Арлэ, граф де Сези, писал в августе 1620 года Людовику XIII: “Казаки бывают каждый раз поблизости отсюда на Черном море, где они захватывают невероятную добычу, несмотря на свои слабые силы, и имеют такую славу, что нужны палочные удары, чтобы заставить турецких солдат выступить на войну против них на нескольких галерах, которые великий сеньор (султан. — С. П.) посылает туда с большим трудом”¹.

Цит. по “Босфорской войне” В. Н. Королева.

В то время как де Сези сообщал своему королю о неспособности Блистательной Порты закрыть казакам выход в Черное море, советники шестнадцатилетнего Османа II соображали, как вести войну на два фронта: против польской армии на суше (куда входили и отряды казаков на службе у магнатов) и запорожцев на море. Летом 1620 года турецкая армия вдоль Прута приблизилась к юго-восточному рубежу владений польского короля Сигизмунда III. В Стамбуле ему грозили неминуемой карой за попустительство описанным выше казацким набегам. На самом же деле Османская порта преследовала различные цели, прежде всего — не допустить, чтобы ее вассалов затянуло в орбиту Речи Посполитой, чье влияние в Восточной Европе заметно росло. Десятитысячная польская армия и турецкая, что, по некоторым оценкам, превышала ее вдвое, сошлись в битве в сентябре 1620 года возле Цецоры (на современной румыно-молдавской границе). После трехнедельных боев поляки потерпели сокрушительное поражение.

Других регулярных войск у Речи Посполитой не было. Королевский двор и всю страну охватила паника — все ждали турецкого вторжения. Османская империя же собрала громадное войско, до 120 тысяч солдат, во главе с самим падишахом. Уже в следующем, 1621 году турки прошли через Молдову к Днестру. Навстречу им вышла сорокатысячная армия, половину которой составили украинские казаки. Командовал ими Петр Конашевич-Сагайдачный, предводитель рейда на Кафу пятилетней давности и похода на Москву в 1618 году.

Битва на берегах Днестра, у крепости Хотин, шла целый месяц и не принесла ни одной стороне явной победы. Впрочем, такой результат в Польше встретили ликованием. Гетманам Ходкевичу и Сагайдачному удалось остановить турецкую махину на границе и заключить мирный договор без каких-либо территориальных потерь. Никто не сомне-

вался, что, не приди казаки на помощь Короне, дело обернулось бы намного хуже. Впервые, хотя и ненадолго, казаки стали героями Речи Посполитой. Книжки, что вышли тогда в свет, превозносили Сагайдачного, называя его одним из величайших польских витязей. Оценили его вклад в борьбу с османами и украинские историки. Памятник ему стоит теперь в Киеве на Подоле.

Пролитую под Хотинном кровь казаки сумели конвертировать в успех на внутривполитической шахматной доске королевства. Главным их требованием было шляхетство для старшины (офицерства), если не всего войска. В 1622 году, когда Сагайдачный умер в Киеве от ран, полученных на поле битвы, преподаватель Киевской братской школы Кассиан Сакович написал на смерть гетмана стихи, вскоре напечатанные в Киево-Печерской лавре. Там он расхваливал казаков, представляя их наследниками древних князей, что в первые столетия истории Руси осаждали Царьград. Согласно автору, казаки вполне заслуживали добываемую мечом “золотую вольность”. Этим словосочетанием обозначали права и свободы польско-литовской шляхты. Сакович наставлял:

Золотая вольность — так ее называют,
 Получить ее все страстно желают.
 Но отнюдь не каждому ее даруют —
 Лишь тем, кто за отчизну и за пана воюет.
 Мужеством ее рыцари в войнах добывают.
 Не деньгами, но кровью ее покупают.
 (Пер. с укр.)

Признание рыцарского статуса казачества почти гарантировало бы ему нобилитацию — обращение в шляхту.

Но здесь казаков подстерегала неудача. В 1632 году они хотели прорваться на сейм, где избирали нового короля, — право отправлять туда депутатов было только у шляхты. Однако их поставили на место. Этому унижению предшествовало несколько проигранных битв. Разгромом кончилось восстание 1625 года, не принесло успеха и новое, через пять лет. У Хотина казаков насчитывалось 20 тысяч, однако после первого из двух восстаний реестр ограничили шестью тысячами, в 1630 году расширили — но только до восьми. Очередное восстание бушевало в 1637–1638 годах, и точку в нем снова поставила коронная армия. Вопрос православия, о защите которого твердили своенравные подданные короля-католика, отчасти утратил первоначальную остроту, когда власть пошла навстречу требованиям преследуемой церкви. Если в 1630 году часть духовенства бунтовщиков поддержала, то уже в 1637–1638 православный клир остался к ним глух. Казаки заговорили о предательстве. Панегирики, что выходили в свет из типографии Лавры, уже не славили казацких гетманов. Теперь их героями стали православные вельможи, что усмиряли восстания.

Разгром последнего из них дал властям возможность установить долговременный мир. Фундамент под него подвели незамысловатый: воинам пожалуют определенный статус, в обмен те интегрируются в правовое и социальное пространство Речи Посполитой под началом новых командиров, назначенных монархом. Ординация 1638 года удовлетворила многие требования казацкой старшины. Казаки в ней признавались отдельным сословием, со своими правами, которые не утрачивали силу при увольнении с военной службы. Пожаловали им и право передавать такой статус по наследству, а с ним и земельные владения. Правительство намеревалось оградить новое сословие от притока людей из других

слоев общества — главным образом мещан, которые жили бок о бок с казаками на степном фронтире.

Сверх того, реестр уменьшили до шести тысяч человек (норма 1625 года), а реестровых поставили под начало великого гетмана коронного, главнокомандующего польской армией. Должности казацкого комиссара и шести полковников заняли польские шляхтичи. Казаки в этом войске могли дослужиться самое большее до сотника. Полки должны были по очереди стоять гарнизоном на Сечи, в цитадели мятежных казаков у самой крымской границы. Чтобы положить конец морским рейдам запорожцев и поправить отношения с Турцией, отстроили заново Кодак — крепость у самого верхнего порога (возле нынешнего города Днепра). Впервые укрепления там возвели в 1635 году, но сечевики незамедлительно их сожгли. Руководить восстановлением Кодака назначили французского военного инженера по имени Гийом Левассёр де Боплан. Вскоре, в 1639 году, он составил первую (но не последнюю) карту Украины — степного пограничья Речи Посполитой, а именно Подольского, Брацлавского и Киевского воеводств. Благодаря кипучей деятельности Боплана, слово «Украина» уже во второй половине XVII столетия было знакомо всем европейским картографам.

После умиротворения казачества, когда недавних бунтарей, включая и запорожцев, как будто встроили в социальную иерархию Польши, а низовья Днепра надежно закрыли от их набегов, государство на десять лет погрузилось в «золотой покой». Продолжалась колонизация фронта, открывались возможности обогащения, прирастали земли магнатов и шляхты. На освоенные земли шел приток крестьян, там возникали новые латифундии и новые общины евреев, которые играли роль посредников. Довольно скоро выяснилось, что это затишье перед бурей. Назревало новое казацкое восстание невиданного прежде размаха.

За полтора века казачество заметно эволюционировало — от ватаг охотников и рыболовов, что искали пропитание в степях на юг от Киева, до колонизаторов степи; от стражников на службе у князей до бойцов самостоятельного войска, обративших на себя внимание Европы многочисленными подвигами; наконец, от беглецов и авантюристов до членов крепко спаянного ордена, который считал себя отдельным сословием и требовал от властей не только денег, но и признания высокого статуса. Речь Посполитая могла извлечь пользу как из отваги, так и хозяйственной активности казаков — но только в обмен на уступки. Последующие события показали, как трудно было им найти общий язык.

Глава 9

Восточная Реформация

Одно из многих стереотипных представлений о современной Украине предполагает, что страна расколота на православный Восток и католический Запад. В бестселлере Сэмюэла Хантингтона “Столкновение цивилизаций” опубликована карта, где разлом между западнохристианским и восточнохристианским мирами проходит по Украине. Западная Украина очутилась на католической стороне, остальная — на православной. Проблема с этой картой в том, что римокатоликов на якобы католическом западе Украины совсем немного. На Волыни и в Буковине преобладает православие, Галичина же и Закарпатье отличаются разнообразием конфессий. Католики среди верующих составляют там относительное, но не абсолютное большинство — и в любом случае стороннему наблюдателю нелегко отличить их церкви и службу от православных, поскольку почти все они придерживаются византийского обряда.

Впрочем, картографов нельзя судить слишком строго. В такой стране, как Украина, трудно, если вообще возможно, провести четкую границу. Это верно для зон смешения любых культур, но появление гибридной церкви, в чем-то романской, а в чем-то ромейской, особенно затрудняет ана-

лиз. В первые столетия ее именовали униатской, что отражает ее предназначение — союз (унию) двух ветвей христианства: православия и католицизма. Теперь же ее официальное название — украинская грекокатолическая церковь. “Греко-” указывает на византийский обряд. Это плод, без сомнения, самой удачной попытки заделать одну из тех трещин, что тысячу лет, если не дольше, портят фасад христианства. Эта церковь образовалась в конце XVI века — в эпоху, когда западные политические и религиозные идеи проникали на восток и укоренялись в традиционно православных странах. Как правило, это побуждало туземные общества к сопротивлению и выработке собственных взглядов. В украинском православии хорошо умели и приспособиться под западные влияния, и противостоять им. Брошенный Западом вызов послужил причиной существенного преобразования украинской культурной среды в первой половине XVII века.

Прозападная тенденция резко набрала силу в Киевской митрополии в начале 90-х годов XVI столетия в ответ на кризис, поразивший православие Речи Посполитой. Церкви принадлежали обширные земли, поэтому светская знать неумолимо пристраивала своих детей архиереями и архимандритами. Такие люди, само собой, редко думали о Боге, зато грезили церковными богатствами. Глав епархий и крупных монастырей назначал король, и расположение самых влиятельных мирян для них значило очень много, а монашеские обеты — настолько мало, что они даже не принимали пострига. Православные священники получали лишь начальное образование, как и добрая половина епископов. А тем, кто хотел учиться дальше, просто некуда было пойти. Тем временем сыновей православных аристократов начали принимать в протестантские и католические школы. Особен-

но успешны в этом были иезуиты. В 1579 году их коллегия в Риме стала академией (университетом). Пятью годами раньше открыли первую коллегию на Руси — в Ярославле (у западных рубежей Галичины, теперь в Польше).

Коррупция в Киевской митрополии была похожа на ту, что наблюдалась в Западной Европе перед Реформацией и самоочищением католической церкви. В общем-то, верхи могли, а низы хотели, но часть православной элиты не желала больше с этим мириться. Католики Речи Посполитой деятельно модернизировались, иезуитское образование открывало перед ними новые перспективы. Закоснелая православная церковь рано или поздно должна была пасть их жертвой. Издательские и просветительские начинания кружка эрудитов при князе Константине Острожском стали первой реакцией на такой вызов. Не меньше пеклись о будущем церкви и члены православных братств — объединений купцов и ремесленников из числа горожан-русинов. Самым богатым и влиятельным стало Львовское братство, которое подвергло сомнению авторитет галицко-львовского епископа. Львовяне считали поведение владыки Гедеона далеко не безупречным — а это усложняло их противостояние католической экспансии. В 1586 году братство получило от антиохийского патриарха Иоакима широкие права (подтвержденные затем патриархом константинопольским), что давали ему независимость от епископа. Вскоре братчики открыли за свой счет школу и типографию.

Епископы — столпы “греческой веры” очутились в незавидном положении. Их статус в государстве был явно ущербным по сравнению с латинскими коллегами — те заседали в сенате, и король к ним прислушивался. Острожские и другие православные вельможи вели себя так, словно церковь была их вассалом. Снизу монополию епископов на пастырскую роль дерзко подрывали братства, а восточные патриар-

хи приняли сторону этих смутьянов — ведь им сильно нужны были деньги, а горожане не скупилась. Внезапно из этого тупика нашелся простой выход — уния с Римом. Идею, за которую ухватились епископы, выдвинули еще в 1439 году на Флорентийском соборе, православном и католическом. Византия тогда доживала под ударами турок последние дни, император и вселенский патриарх впали в отчаяние. Рим предложил свою помощь, но ценой было признание папы главой всех христиан. В Константинополе пошли на объединение церквей и принятие католической догмы. Среди прочего ромен согласились на принципиальное для католиков *filioque* — постулат о том, что Святой Дух исходит не только от Бога-Отца, но и от Сына (Христа). Взамен католики оставили белому духовенству право на брак, не тронули византийский обряд и богослужение на греческом.

Летом 1595 года два епископа-русина отправились в Италию с письмом, согласно которому желанием всех иерархов Киевской митрополии было подчинить ее понтифику на условиях такого же рода. Папа Климент VIII приветствовал “возвращение” духовенства и мирян в лоно католической церкви на церемонии в Ватикане, в зале Константина. Епископы вернулись в Речь Посполитую с папской буллой и множеством писем королю и его сановникам. Оставалось только утвердить на соборе договор о подчинении Риму православных подданных Сигизмунда III. Тот не замедлил назначить дату и место собора: октябрь 1596 года, Брест.

Какое-то время казалось, что дело сделано: папа римский, король и епископы согласны. Но пастыри забыли о пастве — о князьях Острожских и других православных магнатах, а также о братствах. Да и монахам, и немалой части белого духовенства такой поворот пришелся не по душе. Аристократы боялись утраты контроля над церковью — в эпоху Реформации настолько крупным активом ни в коем

случае не следовало пренебрегать. Братства подталкивали ее к переменам снизу, и усиление епископов им было ни к чему. Те настоятели, что снимали сливки с монастырских владений, не постригшись в монахи, желали и далее совмещать приятное с полезным. Многих иноков, священников и мирян возмущала сама мысль об измене православию и Константинополю. Так сложилась пестрая, но сильная коалиция реформаторов и консерваторов, людей набожных и маловерующих, — замысел Рима, Варшавы и православных архиепископов оказался под угрозой.

Константин Острожский — самый могущественный человек на Украине — твердо решил не допустить унии. Проект, который привезли из Рима епископы владимирский и брестский Ипатий Потей и луцкий и острожский Кирилл Терлецкий, грозил лишить князя рычагов влияния на церковь, которую он использовал как инструмент против притязаний монарха. Православие служило одним из козырей в борьбе за власть. Потей, собственно, был старым другом князя. Некоронованный король Волыни убедил его уйти из политики и занять кафедру во Владимире-Волынском, чтобы стать реформатором всей митрополии. Острожский говорил, что поддержит унию, но только с благословения патриарха. Потей знал, что в Царьграде добро не дадут, и начал собственную игру. Его напарник, луцкий епископ Кирилл, был экзархом (полномочным представителем) того же константинопольского патриарха и занимал кафедру в центре владений Острожских.

Узнав, что эти двое отправились в Рим, старый князь послал своих людей на перехват — но тщетно. Осенью следующего года Константин поехал в Брест на собор с целым войском из православных шляхтичей и слуг. Поддерживали его и союзники-протестанты, магнаты Великого княжества Литовского. Один из них предложил свой дом для заседания

противников унии, поскольку король велел закрыть православные храмы в городе. Сторонники Сигизмунда III прибыли в Брест со своими отрядами — атмосфера накалилась. Объединение церквей вполне могло обернуться не только раздорами, но и кровавой баней.

Той Брестской унии, которую можно представить себе по учебникам, в общем-то не было. Параллельно происходили два события противоположного содержания. Униатский собор, где присутствовали киевский митрополит Михаил Рогоза и большинство епископов, утвердил заключенное в Риме соглашение. Православный собор возглавил представитель константинопольского патриарха. Туда явились два епископа, многочисленные архимандриты и священники, которые отвергли такой союз и заверили Константинополь, что остаются его паствой. Киевская митрополия раскололась: частично перешла в унию, частично осталась в православии. На карте такой раскол выглядел приблизительно так: Галичина (галицко-львовская и перемышльская епархии) стала бастионом православия, тогда как Волынь и нынешняя Белоруссия — оплотом новой церкви. В действительности все было сложнее: отношение к унии разделяло семьи; приходы и монастыри метались то туда, то обратно.

Несмотря на упорное противодействие унии, монарх неумолимо навязывал ее подданным. Он признавал только один собор — митрополита и большинства епископов, и униатская церковь в его глазах была единственной законной церковью византийского обряда в государстве. Два епископа, десятки настоятелей, тысячи приходских священников, сотни тысяч (а то и миллионы) мирян оказались таким образом вне закона. Православная знать открыла второй фронт на сейме и сеймиках, обвиняя Корону в нарушении

гарантированной шляхте свободы вероисповедания. Так оно и было.

В 70-е годы XVI века, после смерти Сигизмунда Августа, аристократы-протестанты сделали такую свободу одним из главных обязательств, которые под присягой принимал на себя каждый новоизбранный монарх. Теперь протестанты не оставили своих обиженных собратьев в парламенте Речи Посполитой, то и дело требуя “успокоения народа русьского греческой религии” Но дело не двигалось, пока жив был Сигизмунд III — то есть до 1632 года. Более тридцати лет “схизматики” не имели официального статуса. Новых епископов без согласия монарха ввести на кафедру было невозможно, поэтому униаты просто ждали смерти епископов Гедеоны Балабана и Михаила Копыстенского, которые в 1596 году остались верны православию. Церковь выжила только за счет неповиновения монаршей воле — Брестская уния не укрепила королевскую власть, а стала очередным бременем для нее. Подобно Люблинской унии 1569 года, этот союз дал совсем не тот результат, на который рассчитывали.

Борьба вокруг унии не ограничивалась прениями депутатов — она породила обильную полемическую литературу: десятки выпадов и контрвыпадов, изложенных в трактатах и протестациях пера украинских и белорусских авторов. Впрочем, и униаты, будущие грекокатолики, и православные оказались не слишком хорошо подготовлены к серьезным богословским дискуссиям, поэтому вынуждены были довериться своим сторонникам-полякам. За унию высказался Петр Скарга — иезуит, присутствовавший на Брестском соборе. Ответный удар князь Константин поручил протестантам из своего окружения. Такие авторы-протестанты укрывались под псевдонимами (обычно греческими), чтобы ни у кого не возникло сомнений в их глубоком знании пра-

вославному вероучению. А вот языком большинства ранних трактатов в защиту православия закономерно стал польский. Со временем, однако, доля действительно православных авторов среди участников дискуссии росла, а с ней и число текстов, написанных на их родном языке.

Униаты и православные все чаще стали опираться на собственных эрудитов, которые использовали аргументы из области религиозной политики, церковной истории и теологии. Среди православных авторов блистал Мелетий, сын Герасима Смотрицкого — одного из тех, кто готовил издание Острожской библии. Разнообразные таланты Смотрицкого-младшего обнаружили и в его грамматике церковнославянского языка, первой — и эталонной в течение двух столетий. Судя по количеству изданий, православные уделяли больше внимания полемике, чем униаты. Возможно, причиной этого стала стена непонимания со стороны католиков, которую им приходилось преодолевать и в судах, и на сеймах, — из законных методов борьбы оставался лишь печатный станок.

Брестская уния и рост казачества привели к передвижению на юг и на восток двух ключевых цивилизационных фронтиров Украины: христианско-мусульманского и римско-византийского. Это, в свою очередь, повлекло за собой коренные перемены в экономической, социальной и культурной жизни. По тем же причинам Киев вновь оказался в гуще событий — впервые со времени монгольского нашествия в середине XIII века. Через четыреста лет после разграбления Батыем древняя столица Руси стала очагом православного ренессанса, то есть усилий духовенства на пространстве от Средиземного до Белого морей догнать западный мир с его Реформацией и Контрреформацией, пройти тот же путь обновления и совершенствования.

Возрождение Киева как религиозного и культурного центра мы наблюдаем уже в начале XVII столетия, когда в городе обосновались православные интеллектуалы из Галичины. Там комфортнее было исповедовать ненавистную королю веру, трудиться на ниве просвещения — в западных епархиях принуждение к унии, поддерживаемое из Варшавы, становилось все тягостнее. Большим успехом православных было сохранение за ними, несмотря на постановления собора в Бресте, Киево-Печерской лавры — богатейшей обители на востоке Речи Посполитой. В 1615 году архимандрит Елисей Плетенецкий перенес в Киев печатный станок, когда-то принадлежавший Гедеону Балабану. Из Галичины прибыла не только типография, но и писатели, корректоры и наборщики, которые образовали новый интеллектуальный кружок под началом Плетенецкого. В том же году в Киеве создали православное братство, при котором открыли школу, по примеру львовского. Школа с годами станет коллегией европейского типа, а типография до смерти архимандрита в 1624 году успеет выпустить одиннадцать книг. За эти годы Киев опередит Острог и Вильно в деле издания православной литературы.

С конца XVI века земли к югу от древней столицы фактически превратились в казацкую вотчину, и это помогло Киеву вернуть себе статус религиозного, образовательного и культурного центра — твердыни тех, кто боролся против ополячивания и окатоличивания. Казаки приложили руку к ренессансу на Днепре с двух сторон. Во-первых, благодаря им ослабла угроза татарских набегов. Теперь мирным людям стало легче жить и работать в Киеве, да и на полях вокруг него тоже: монастырские владения давали прибыль, за счет которой содержали школу и типографию. Во-вторых, когда из Варшавы пытались дотянуться и до этой цитадели православия, монахам из Галичины не было нужды бежать еще дальше, их нашлось

кому защитить. В 1610 году гетман Тискиневич письменно предсказал будущее епископа митрополита Ипатия Потея, который должен был обращать киевских “схизматиков” в унию: “Дозволили есьмо... яко пса убити”. Восемь лет спустя казаки утопили его в Днепре — это не были пустые угрозы. Православные епископы, апологеты степного воинства в то время, писали в “Протестации”, трактате, который, кроме прочего, оправдывал их союз с казачеством: “Co inszy narodowy słowie u dyskursy walczą, to kozacy rzeczą samą odprawują”¹.

Благодаря казачеству стало возможно рукоположение новой иерархии — без этого православия на территории Речи Посполитой грозила гибель. Король упорно не давал согласия на интронизацию новых епископов, Балабан и Копыстенский умерли. Осенью 1620 года Петр Конашевич-Сагайдачный, в то время самый знаменитый и авторитетный казацкий вождь, убедил иерусалимского патриарха Феофана, который возвращался через Украину из России, посвятить новых предстоятелей. Церемония не только вдохнула новую жизнь в Киевскую митрополию, но и вернула Киеву статус православной столицы. По-другому просто и быть не могло. Сигизмунд III не признал новых архиереев и велел арестовать их всех, включая митрополита Иова Борецкого. Таким образом, и речи быть не могло о приезде Борецкого в Новоградок (теперь в Северо-Западной Белоруссии), где киевские митрополиты пребывали с XIV века. Оставалось только и дальше жить на берегу Днепра — там, где казаки не допустили бы насилия над пастырем. Православное духовенство таким образом получило собственное войско, казачество же — благословение церкви и типографию, инструменты пропагандистской войны.

За что другие народы словом и диспутами борются, того казаки делом гают (польск.).

Союз казачества и православия крайне обеспокоил Варшаву осенью 1632 года, когда царь Михаил Романов, а вернее его отец — патриарх Филарет, приказал своим воеводам отбить земли, утраченные в ходе Смуты: в первую очередь Смоленщину. Речь Посполитая к войне оказалась не готова, армии на восточной границе явно не хватало. Как и в 1621 году под Хотинном, на помощь пришли казаки. Время для перехода в наступление в России выбрали с умом: Сигизмунд III весной умер, а выборы нового короля всегда шли долго и трудно. С другой стороны, смерть монарха, который стоял за Брестской унией, дала элитам возможность пересмотреть отношение к спровоцированному ею кризису. Давно уже стало ясно, что уния не смягчила религиозные противоречия, а расколола Русь и обратила многих православных против государства.

Выход из тупика, придуманный в Варшаве, назвали “Пунктами успокоения жителей... народа русьского, в религии греческой пребывающих” Православная церковь получила официальный статус и те же права, какие имела униатская. Сделка, заключенная в 1632 году на элекционном сейме депутатами православной знати при поддержке Владислава IV, нового короля, давала ощутимую выгоду обеим сторонам. Речь Посполитая обеспечила лояльность православных и участие казаков в Смоленской войне против России (а могло быть и наоборот). Сверх того, признание епископов вбило клин между ними и казачеством. Церковь хотела избежать конфликта с монархом и теперь, не беспокоясь уже о защите от его чиновников, к степным рыцарям охладела.

Король не упустил шанса взамен за уступки православной иерархии поставить ее под контроль своего человека. Чтобы совсем уж выбить почву из пророссийской партии, по-

слы “благочестивой веры” на сейме избрали себе нового митрополита — Петра Могилу, архимандрита Киево-Печерской лавры. Явившись в Киев, он велел схватить Исайю Копицкого, своего предшественника, и заточить его в лавре. Бывший офицер польской армии, человек из окружения Борецкого и Смотрицкого, он действовал решительно, в помощи казаков не нуждался и не церемонился с их ставленниками.

Кроме того, Могиле покровительствовал король — он ведь и сам был немного принцем. Симеон, его отец, занимал какое-то время престол господаря Валахии, затем Молдавии. Когда Петру ребенком пришлось уехать в Речь Посполитую, он занял подобающее место среди знати. Теперь Могиле славали панегирики, восхваляли его как нового владыку Руси, или, в подражание грекам, России. В роли наследника Владимира Великого и Ярослава Мудрого он заменил вельмож вроде Константина Острожского и казацких гетманов — таких как Петр Сагайдачный. Один из поэтов, выступая от лица Софийского собора, предварил похвалу риторическим вопросом митрополиту:

Помниш, яко пред тым Россія бывала
Славна, як много патронов мѣвала?
Тепер их мало: тебѣ хочет мѣти.

Могила с большим пылом взялся за восстановление храмов, сооруженных во времена Киевской Руси, и многое успел сделать. Однако в XVII столетии под реставрацией понимали совсем не то, что в наше время. Облик Святой Софии до сих пор показывает, насколько пренебрегали византийскими канонами архитекторы киевского митрополита. Они отстраивали здания в стиле, который сложился под воздействием европейского барокко. Нынешний собор на Софийской площади ярко демонстрирует характер тех перемен, которые

внес в церковную жизнь митрополит Петр. Хотя внутренние стены украшены византийскими фресками, снаружи собор выглядит так, словно его возвели в эпоху барокко.

Вестернизация византийского наследия и реформа церкви, необходимые, чтобы ответить на вызов обеих ветвей западного христианства, — вот две задачи, которые поставил перед собой Могила, пастырь и просветитель. И в обновлении зданий, и в воспитании умов подражать приходилось Западу — главным образом католическому. Униаты и православные, ожесточенные конкуренты, желали пустить в дело все полезные новшества, не слишком жертвуя византийским обрядом. Но униаты без зазрения совести могли отправлять молодежь учиться в Рим и коллегии иезуитов по всей Европе. Что было делать православным? Могила нашел выход: в 1632 году учредил в Киеве первую православную коллегию с учебным курсом, основой которого послужил иезуитский. Ее образовали путем слияния Киевской братской и Лаврской школ. Позднее ее повысили до университета — Киево-Могилянской академии, затем преобразовали в духовную академию, а при большевиках закрыли. Едва Украина добилась независимости, “Могилянку” возродили в виде современного университета — как и в те далекие времена, наиболее западного по духу во всей стране.

Могила, сын румынского господаря, закрепил за Киевом статус столицы православного книгоиздания. Напечатанные в 40-х годах XVII века в Киеве книги читали далеко за пределами Украины. Одна из них, “Литургикон”, стала первым систематическим изложением православного богослужения. Другая, “Собрание короткой науки об артикулах веры”, представляет собой катехизис — 260 вопросов и ответов, раскрывающих основы православной религиозности. Завершена она была около 1640 года, через несколько лет одобрена всеми четырьмя восточными патриархами.

С 1645 года ее издавали на разных языках от Киева до Амстердама. Руководимый Могилей авторский коллектив составил ее под явным влиянием католического мировоззрения и в ответ на вышедший в 1633 году по-гречески в Стамбуле, под эгидой патриарха Кирилла Лукариса, катехизис ярко выраженного протестантского характера. Утверждение труда Петра Могилы главами восточных церквей сделало этот катехизис эталоном для всего православного мира, включая Россию.

Издательская и образовательная деятельность киевского митрополита и его окружения имела своей целью реформу православия в Речи Посполитой. Хорошо подкованное духовенство, подробно и точно изложенное исповедание веры, упорядочивание литургии сопровождалось политикой Могилы по укреплению власти архиереев внутри церкви, очищению духовенства от пороков, нахождению общего языка с монархом. Такая модернизация давала православию возможность на равных сосуществовать с христианством западным в период конфессионализации в Европе. Этот термин подразумевает несколько взаимосвязанных явлений. Почти весь XVI век католики и протестанты занимались тем, что формулировали символы веры, “подтягивали” духовенство — и знания, и поведение — и стандартизировали богослужение рука об руку с государственной властью. В середине следующего века под началом Петра Могилы общеевропейскому примеру последовала и “греческая вера”.

Так ключевую роль в православной реформации стал играть не Константинополь, не Москва, а Киев — город, почти исчезнувший с культурной карты после монгольского разорения в 1240 году. Помимо тех причин, что обрисованы выше, успех Киева обеспечили и другие. Смутное время привело к изоляции Московской патриархии даже от восточнохристианского мира — в России утвердилось мне

ние, что за ее пределами истинной веры больше нигде нет. В Константинополе под властью турок наблюдалась попытка своеобразной реформации. Безуспешно: в 1638 году Кирилл Лукариса, которого обвинили в появлении упомянутого катехизиса с протестантским уклоном — да еще и сначала по-латыни, а затем уже по-гречески, — задушили по приказу султана Мурада IV из-за слухов о том, что патриарх подстрекает казаков к очередному набегу на Османскую империю. Церковный собор немедленно предал его анафеме за пристрастие к кальвинизму. В заочном соревновании с Кириллом победил Петр Могила и его модель перестройки церкви по римскому лекалу. Деяния киевского митрополита оставили отпечаток на всей православной цивилизации, особенно заметный в первые полвека после его смерти.

Брестская уния расколола восточнославянское население Речи Посполитой вообще и украинские элиты в частности между двумя церквями. Подобное разделение сохраняется на Украине и сегодня. Но вызванная этим междоусобица заставила общество по-настоящему глубоко задуматься над тем, что его объединяет: историей, культурой, религиозной традицией и прочим. При всей ожесточенности спора, несмотря даже на кровопролитие, эти распри дали зеленый свет новой политической и конфессиональной культуре, где есть место для дискуссии и плюрализма. Расположение Украины на линии разлома между восточным и западным христианством породило не одну “фронтирную” церковь, сочетающую наследие римской и византийской традиций — нередко так описывают только униатов, — а две. Православие тоже напиталось богословским и культурным богатством Запада в ходе “работы над ошибками” и адаптации к тем условиям, в которые ее поставила Брестская уния. В начале XVII ве-

ка провести четкую границу между восточным и западным христианством на Украине было еще труднее, чем сейчас.

Вспыхнувшая тогда полемика вынудила Русь по обеим сторонам линии религиозного “фронта” пробудиться от долгого интеллектуального сна. Авторы дискутировали о крещении Руси, прошлом Киевской митрополии, правах церкви, положении Руси под властью литовских князей, участи православных подданных Короны, о монарших эдиктах и постановлениях сеймов. Тем, кто читал и принимал участие в политической, общественной и религиозной жизни, полемисты привили чувство идентичности, прежде им неизвестное. Каковы бы ни были разногласия в вопросах веры, книжники возвели “народ русский” (*naród Ruski*) на пьедестал как высшую ценность — ведь именно ради него они проливали чернила и даже кровь.

Глава 10

Казацкая революция

В 1648 году разразилось седьмое за пятьдесят с лишним лет казацкое восстание, вошедшее в историю под многими именами — от Хмельниччины до Национально-освободительной войны украинского народа. Предыдущие Речь Посполитая подавила, но в этот раз стихия бушевала слишком сильно. Война перекроила политическую карту Восточной Европы и стала отправной точкой истории казацкого государства — по распространенному мнению, первого издания современной Украины. Этот же катаклизм открыл России дорогу к участию в украинских делах. Отсчет взаимоотношений Украины и России как двух стран и народов принято вести именно с середины XVII века.

Поводом для вспышки возмущения стала коллизия того же рода, что и во время первого казацкого восстания — Криштофа Косинского в 1591 году. Магнат позарился на земли мелкого шляхтича-украинца Богдана Хмельницкого. Ему было за пятьдесят, и никто бы не заподозрил в нем руководителя будущего восстания — Хмельницкий служил королю верой и правдой, бился с турками, отвел плен, в 1637 году занимал должность войскового писаря. Когда его хутор отняли люди Александра Конецпольского, что правил

на Украине несколькими староствами сразу, пожилой сотник без толку таскался по судам. Более того, влиятельные враги заперли его в тюрьму. Он бежал и подался на Запорожье, где непокорным сечевикам только вождя и не хватало — они избрали его гетманом. Это было в марте 1648 года. “Золотому покою” настал конец, грянула “Великая казацкая война”

До этого момента все напоминало предыдущие восстания, однако Хмельницкий действовал не по шаблону. Перед тем как повести запорожцев на север, где их ждали не только богатые города и местечки, но и коронная армия, он поехал за помощью на юг. Нарушая привычные представления о степном фронтире, гетман предложил союз крымскому хану. Ислам-Гирей сам в поход не выступил, но дал добро ногайцам, кочевавшим к северу от Перекопа. Казаки одержали первую победу. Стереотип нашего времени рисует казака верхом на резвом скакуне, но в середине XVII века он обычно дрался пешком. Конницы на Запорожье почти не было, потому что ее содержание стоило довольно дорого. Только шляхта могла позволить себе боевого коня и еще одного-двух на смену. Наездники-татары прикрыли казаков с этого фланга. Теперь войско могло не только осаждать пограничные города с их примитивной фортификацией и отражать атаки в укрепленном лагере, но и выйти на битву с коронной армией.

Заключенный Хмельницким союз незамедлительно оправдал себя. В мае 1648 года украинско-татарские силы разбили два польских соединения: на Желтых Водах, у северной границы “запорожских вольностей”, и под Корсунем, на Киевщине. Помимо ногайской конницы (около четырех тысяч человек), успех восставшим обеспечил переход на их сторону реестровых казаков (около шести тысяч), что служили под знаменем Короны. Постоянно дислоцируемая на Украине польская армия была уничтожена. Двое главнокомандующих (великий и польный гетманы), а с ними и сотни офицеров попали в татарский плен.

Речь Посполитую словно громом поразило, гетман же и войсковая старшина поражались тому, как им везло. Хмельницкий просто не знал, что делать дальше. В июне, пока его враги не могли собраться с силами, он уехал в Чигирин — обдумать в тишине обстановку. А вот повстанцы передышки не желали. Пока старые казаки собирались у Белой Церкви, народ взялся за оружие по всей Украине. Вдохновленные вестью о победах запорожцев, крестьяне и мещане развернули партизанскую войну против частных магнатских армий, стали нападать на латифундии, мстить господам и охотиться на ксендзов. Но больше всего от гнева украинского простолюдинства летом 1648 года пострадали евреи.

В первых письмах, которые Хмельницкий адресовал различным сановникам после начала восстания, мелькают и арендаторы-евреи. Гетман жаловался на “несносные кривды”, что причиняли казакам воеводы и старосты, полковники — командиры реестровых казаков — “и даже евреи”. Хмельницкий никак не считал их главными врагами, упоминал их мимоходом, но вот у повстанцев на Правобережье, где в июне начались массовые погромы, было другое мнение. Нападения на евреев часто заканчивались убийством (особенно мужчин) и к осени 1648 года привели к исчезновению десятков общин. Количество жертв установить нельзя, поскольку нет точной статистики по воеводствам перед началом восстания, но историки сходятся на числах от 14 до 20 тысяч человек. Для Украины того времени это очень много. Несмотря на бурный экономический рост, плотность населения страны в XVII столетии была довольно низкой.

Украинские и еврейские ученые прошлого века немало потрудились над освещением социальной подоплеку этно-религиозного противостояния на берегах Днепра. В городах купцы и ремесленники-евреи составляли конкуренцию христианам, крестьяне ненавидели арендаторов — посред-

ников между ними и знатью. Это взвинтило градус насилия. Но и религиозный фанатизм отбрасывать никак нельзя. Вера служила одной из основ идентичности тех и других. Неслучайно самый известный свидетель этих погромов, Натан Ганновер, именовал врагов на иврите “греками”, указывая на их конфессию, а не этнос. Некоторые повстанцы полагали необходимым обратить уцелевших евреев в православие. Насильное крещение спасло жизни многих людей. Кое-кто из выкрестов сделал карьеру в рядах запорожцев, другие вернулись к иудаизму, когда гроза миновала.

Осенью 1648 года войско Хмельницкого двинулось на запад. К этому времени польской шляхты, ксендзов и евреев на восток от таких твердынь, как Львов и Каменец-Подольский, почти не осталось. Униаты либо бежали, либо обратились в православие. Это было нетрудно, поскольку дело сводилось к (не)подчинению папе — обряды двух церквей совпадали. Догматы мало кто ставил во главу угла или хотя бы просто понимал.

Речь Посполитая собрала новое войско, которое преградило путь на запад казакам и татарам, — но битва под Пиливцами (на Подолье) завершилась его разгромом. В конце 1648 года союзники уже осаждали Львов и Замостье, на польско-украинском этническом рубеже. На этом Хмельницкий и остановился. Хотя враги и не могли помешать его наступлению на Варшаву, политические соображения подсказывали другую тактику.

Теперь целью гетмана стала задача более важная, чем просто защита казацких прав и привилегий, как в начале восстания. С другой стороны, к распаду Речи Посполитой он тоже не стремился. Он обрисовал новый идеал королевским комиссарам, что прибыли к нему в Переяслав в начале 1649 го-

да. Хмельницкий заявил, что теперь единолично правит Русью, и грозил загнать “ляхов” за Вислу. Казацкий предводитель уже видел себя преемником первых Рюриковичей.

На подобной же ноте гетман устроил себе триумфальный въезд в Киев чуть раньше — в декабре 1648 года. Героя приветствовали киевский митрополит Сильвестр Косов и Паисий, иерусалимский патриарх, который величал Хмельницкого государем и благословлял на расправу с католиками. Преподаватели и студенты Киево-Могилянской коллегии славили нового властителя Руси как Моисея, что вывел народ из польской неволи. Им бы и в голову не пришло назвать так предыдущего покровителя — Петра Могилу (он умер в январе 1647 года). Казацкий гетман брал в свои руки бразды правления страной, а с ними и ответственность за весь народ, не только казаков. Средство защиты прав народа было одно — образование государства. Происходила настоящая революция. Казаки, еще недавно маргинальная группа, особенно рядом с князьями, шляхтой и духовным сословием, замахнулись теперь на перестройку общества по-своему.

Границы нового государства определяются в сражениях. Ключевая битва произошла летом 1649 года у Зборова на рубеже Галичины и Волыни. Казаки Хмельницкого и татары под началом самого Ислам-Гирея атаковали войско, командовал которым новоизбранный монарх — Ян II Казимир. Силы короля потерпели поражение, и гетман с помощью хана вынудил его заключить мир, по которому признавалась автономия, а фактически и независимость казацкого государства внутри Речи Посполитой. Реестр увеличивали до 40 тысяч (под Зборовым собралось около 100 тысяч человек, включая вооруженных крестьян и мещан). Казаки получили право жить в трех юго-восточных воеводствах. В действительности же на территории этих воеводств — Киевского, Черниговского и Брацлавского — появилось новое государство,

Войско Запорожское (неофициально: Гетманщина, или Гетманат). Большая часть Гетманщины располагалась на степном пограничье, что на картах польских и французских картографов именовалось Украиной уже полувеком ранее. Вскоре это слово стало еще одним названием казацкой державы.

Возглавил ее гетман — главнокомандующий. Править ему помогала генеральная старшина (генштаб): обозный (начальник артиллерии), писарь, судья и другие. Военная демократия раннего казачества, которая как будто возродилась в первые месяцы восстания, снова ушла в прошлое. Черные рады (общие собрания), где торжествовало равноправие казаков, уступили место совещаниям полковников и генеральной старшины. Теперь они определяли судьбу страны. В огне восстания сгорела система латифундий и аренд, скрылись либо погибли те, кто держал в руках рычаги экономики Украины, — в том числе тысячи евреев. Крестьяне же объявили себя казаками и больше не гнули спину на пана. Казну молодого государства наполняли военной добычей, таможенными пошлинами и податью на помол зерна.

Теоретически структуры Речи Посполитой на востоке бывших земель Короны никуда не исчезли (киевским воеводой назначили Адама Киселя, православного вельможу). На деле же гетман правил самостоятельно и даже не извещал монарха о своих решениях. На подконтрольных им территориях казаки вводили военную администрацию, основанную на вековом опыте фронтирного существования и на примере Турции, где методы управления во многом походили на казацкие. Гетманщина была разделена на полки. Полковник на своей земле руководил всем: управлением, судами, сбором налогов — но в первую очередь войском. Каждый из двадцати территориальных полков, названных по своей столице, обеспечивал боеготовность казацкого полка, на который всегда могло рассчитывать правительство. Такое же сосредото-

ние в одних руках военной, административной и судебной власти воспроизводилось на уровне сотни. Местечки и села стали резиденциями сотников. Готовность выступить на войну во главе сотни оставалось их главной задачей.

Украинские победы первых двух лет войны стали возможны благодаря союзу с крымскими татарами. Эта комбинация дала Гетманщине место на геополитической орбите Османской империи, у которой в Причерноморье было несколько вассальных государств, прежде всего Крым, Молдавия и Валахия. Их отношения с султанами послужили Хмельницкому моделью для дрейфа в сторону от Речи Посполитой при сохранении добытой в бою государственности. Гетман стремился поставить Войско Запорожское в вышеназванный ряд — под защиту далекого Стамбула. Именно это обсуждали на украино-турецких переговорах весной и летом 1651 года. Поскольку надвигался новый виток войны с поляками, Хмельницкий даже заключил договор, в котором признавал повелителя правоверных своим сюзереном.

Взамен ему требовалось подкрепление на подольском берегу Днестра, причем немедленно, — турецкие войска, те самые, что торжествовали в 1620 году под Цецорой и осаждали затем Хотин. Но ресурсы империи поглощали морские битвы с Венецией. Советники девятилетнего Мехмеда IV ограничились приказом крымскому хану выйти в поход вместе с гетманом. Хмельницкий добивался большего — Ислам-Гирей вел собственную игру, целью которой было истощение и Польши, и Украины, так чтобы никто не добился решительного успеха. Хан показал это уже под Зборовом в 1649 году, когда договорился с Яном Казимиром и не захотел помочь украинцам разгромить его армию. Теперь вполне могло повториться то же самое.

Так и произошло, причем вероломство крымского владетелина стоило казакам очень дорого. Летом 1651 года на Волини, под Берестечком, татары покинули союзное войско в разгар битвы — значительная часть его попала в окружение и через несколько дней была перебита. Гетман же стал заложником Ислам-Гирея. Впрочем, тот скоро отпустил Хмельницкого, позволив ему перегруппировать силы, чтобы не допустить краха новорожденного государства. Надежды Хмельницкого на Крым оказались несбыточными. Осенью того же года он заключил новый договор с Речью Посполитой: реестр уменьшили вдвое, до 20 тысяч, а под властью гетмана оставили только Киевское воеводство. Брацлавское и Черниговское должны были вернуться под прямое управление Короны. Это условие казаки так и не выполнили, поэтому новая война не заставила себя ждать.

Украине требовались новые союзники. Хмельницкий имел далеко идущие планы на Молдавское княжество — этот ненадежный вассал Порты веками пытался найти свою нишу на линии польско-турецкого противостояния. В 1650 году гетман послал туда войско и вынудил Василе Лупу, молдавского господаря, заключить формальный союз, а также согласиться на брак его дочери Руксандры с сыном гетмана Тимофеем Хмельницким. После неудачи казаков у Берестечка Лупу хотел было расторгнуть помолвку, но на следующий год из Украины к нему в гости явились тысячи «сватов». По пути, у Батога, они разгромили армию польного гетмана Калиновского. Поход закончился в Молдавии, пышной свадьбой Тимоша и Руксандры. Такой маневр обеспечил Хмельницкому членство в клубе международно признанных правителей.

Но как Османская империя, так и ее вассалы мало что могли дать ему в качестве союзников. Тупиковость этого направления внешней политики Войска Запорожского стала совершенно ясна осенью 1653 года, во время очередной бит-

вы с поляками — у Жванца. Союзники-татары повторили тот же маневр, что и в 1649 году, и помешали казакам разгромить противника. Речь Посполитая и Гетманат восстановили Зборовский мир: реестр в 40 тысяч и три воеводства под контролем Хмельницкого. Все понимали, что это краткая передышка: компромисс не найден, прочного мира нечего и ждать. Казаки желали отбить у поляков всю Украину и часть Белоруссии, Речь Посполитая же (особенно сейм) не желала уступать им даже вышеназванные три воеводства, хотя и потеряла над ними контроль.

Гетману и его окружению ничего не оставалось, как искать иного союзника. Долговременный договор с Польшей оказался невозможен, а война с таким мощным врагом в одиночку грозила катастрофой. Крымский хан оберегал казаков от поражения, но не давал победить Яна Казимира. Османская империя не считала возможным воевать еще и на Украине, а молдавская затея кончилась для Хмельницкого личной трагедией. В сентябре 1653 года Тимош, его первенец, погиб во время защиты Сучавы (в теперешней Румынии), которую осаждали войска Валахии и Трансильвании. Их князьям альянс гетмана и Василе Лупу пришелся не по душе. В конце декабря того же года Богдан прощался с сыном в своем имении Суботове, в Михайловской церкви. (Самого же гетмана через несколько лет отпевали в возведенной им Ильинской, образце казацкого барокко, что сохранился до наших дней и изображен на купюре в пять гривен.) Вместе с Тимошем пожилой гетман похоронил свои надежды добиться для Украины места под османским солнцем.

На мировой шахматной доске самый значительный по своим последствиям ход гетман сделал 8 января 1654 года в Переяславе. В этот день Хмельницкий и спешно собранная

группа старшины присягнула новому сюзерену — российскому царю Алексею Михайловичу, открыв таким образом долгую и сложную историю русско-украинских отношений. В 1954 году Советский Союз пышно отпраздновал юбилей “воссоединения” двух стран. Определение подразумевало, что вся Украина в Переяславе избрала вариант “навек вместе” и признала над собой царскую власть. На самом деле постановление рады вовсе не означало ни воссоединения с Россией, ни слияния двух “братских народов”, как это преподносили советские авторы. Ни в Переяславе, ни в Москве никто не мерил это соглашение национальной меркой.

Речь Богдана Хмельницкого на раде перед старшиной, известная по отчету царских послов, дает нам представление о том, как он изложил и пояснил свои действия:

Собрали мы Раду, явную всему народу, чтоб вы с нами выбрали себе государя из четырех, кого хотите: первый царь турецкий, который много раз через послов своих призывал нас под свою власть; второй — хан крымский; третий — король польский, который, если захотим, и теперь нас еще в прежнюю ласку принять может; четвертый есть православный Великой России государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Руси самодержец восточный, которого мы уже шесть лет беспрестанными молениями нашими себе просим; тут которого хотите выбирайте!¹

Гетман, очевидно, лукавил — он уже сделал выбор в пользу Романовых. Судя по боярскому докладу, Хмельницкий упирал прежде всего на православную солидарность. Участники рады закричали, что “волят” под руку “восточного” православного царя.

Цит. по “Истории России с древнейших времен” С. М. Соловьева.

Это походило на один из множества основанных на профессиональной принадлежности союзов периода Реформации и Контрреформации. Всего лишь пятью годами прежде завершилась Тридцатилетняя война, в ходе которой европейские страны становились, как правило, на сторону единоверцев. Ни от российской знати, ни от их украинских партнеров по переговорам нельзя было ждать осознания братства либо общности в рамках “русского народа” — ведь стороны тогда нуждались в толмачах, а письма Хмельницкого в Москву сохранились в российских архивах главным образом как тексты штатных переводчиков. Традиции Киевской Руси в исторической памяти и религиозных догмах существовали, но были достоянием малочисленной прослойки интеллектуалов.

Четыре столетия, проведенные двумя странами в разной политической обстановке, в составе разных государств, углубили давние языковые и культурные различия между будущими Украиной и Белоруссией с одной стороны и будущей Россией с другой. Это несходство проявилось, когда гетман и полковники захотели обсудить условия договора с послом Василием Бутурлиным. Боярин обещал им, что царь окажется добрее короля, но на торги не пошел. Хмельницкий возразил, что казаки привыкли заключать сделки с королем и его сановниками, но услышал в ответ, что выборный монарх не равен наследственному государю. Бутурлин не стал клятвенно подтверждать свои щедрые посулы — царь не присягает подданным. Казакам не терпелось получить поддержку российских войск, поэтому гетман согласился на присягу только с украинской стороны.

Переяславское соглашение казалось ему контрактом, связывающим обе стороны. Хмельницкий ставил Войско Запорожское под протекторат Алексея Михайловича, обещал верность и военную службу в обмен на защиту со стороны

России. Однако его новый сюзерен воспринимал “черкас” как новых подданных — единожды дав согласие сохранить за ними определенные права, в дальнейшем он ничем не будет им обязан. Что касается территории Украины, в Москве опирались на династическую традицию. Царские советники считали, что Романовы просто возвращают свое наследство: Киев, Чернигов, Переяслав.

На каких бы идеологических и правовых основаниях ни покоился Переяславский договор, в Москве посулов Бутурлина не забыли и дали украинцам то, чего они тщетно добивались от Варшавы: признание казацкой государственности, реестр в 60 тысяч, привилегированный статус казаков как сословия. Царь сохранил и те свободы, которыми при королевской власти пользовались другие слои общества.

В первую очередь, конечно же, соглашение заложило фундамент военного союза. Западные границы Войска Запорожского не оговаривались — проводить их предстояло на поле брани. Украинская и российская армии вступили в новую кампанию на двух театрах боевых действий: казаки при поддержке отряда новых союзников наступали на Правобережье, владение Короны, тогда как основные силы Романовых ударили на Смоленск и двигались все глубже в белорусские и затем литовские земли — к северу от установленного Люблинской унией рубежа. Объединенные силы двух стран добились решительного перелома в войне: если в 1654 году польско-литовские войска с помощью крымского хана еще сдерживали натиск, то летом и осенью следующего их контрнаступление провалилось. Украинцы вновь осадили Львов, россияне заняли Вильно, столицу Великого княжества Литовского.

Так открывается глава в истории Речи Посполитой, которую поляки окрестили “Потопом”. Серьезная угроза центральной части государства исходила не только с востока. В июле 1655 года Швеция вторглась в Великую Польшу с северо-запада, из Померании, а также в Литву — из Лифляндии. К ноябрю в руках шведов оказались Познань, Варшава и Краков. Однако перспектива краха Речи Посполитой и торжества Швеции, которая претендовала и на часть Литвы, оккупированную российским войском, насторожила царя. Осенью 1656 года его дипломаты заключили в Вильне перемирие со старым противником. Хмельницкого и верхушку Гетманщины разъярило то, что договаривались без них. Сепаратный мир с Польшей оставил казаков один на один с тем же врагом. С их точки зрения, царь не выполнил главного обещания, данного в январе 1654 года, — пренебрег обороной новых подданных.

Гетман не считал себя связанным Виленским перемирием и отправил войско на помощь трансильванскому князю, протестанту и союзнику Швеции в войне с Польшей. Таким образом, даже военный союз между Россией и Украиной держался теперь на волоске. С момента победного вторжения Карла X в Центральную Польшу Хмельницкий искал себе новых партнеров. Шведы, казалось, намеревались уничтожить Речь Посполитую, и это вполне его устраивало. Поворот российской политики осенью 1656 года — измена, с точки зрения гетмана, — дал новый импульс шведско-украинскому сближению, что могло бы гарантировать Войску Запорожскому всю территорию Украины и часть нынешней Белоруссии.

Хмельницкий, однако, до заключения такого альянса не дождался. Он умер в августе 1657 года, покинув на распутье украинских казаков и созданное ими государство. Хотя старый гетман уже не видел смысла в союзе с Москвой, за-

ключенный в январе 1654 года договор он формально не разрывал. Переяславская рада стала важной частью обширного и противоречивого наследия Хмельницкого. Хотя многие его преемники восстали против России, казацкие летописцы XVIII века, подданные Романовых, славили его во многом в тех же выражениях, что преподаватели и студенты Киево-Могилянской коллегии при триумфальном въезде в Киев. “Украинского Моисея” восхваляли как отца народа, который освободил его от польского ярма и заключил с Россией более чем выгодную сделку. Статьи договора, утвержденные царем после рады, представляли чем-то вроде Великой хартии вольностей Украины в составе империи.

Глава 11

Разделы

Восстание Хмельницкого стало первым в долгой веренице конфликтов, которые охватили Украину во второй половине XVII века. Из-за этого многие историки называют период до окончания этого века “Руиной” (разрухой, упадком). Часть украинских земель, особенно на правом берегу Днепра, действительно подверглись разорению и почти полностью обезлюдели. Но какой бы ущерб это ни причинило экономической, общественной и культурной жизни страны, в долгосрочной перспективе важнее оказалось другое: ее раздел между Россией и Польшей, главным образом по Днепру. Этот барьер стал одним из ключевых факторов истории Украины раннего Нового времени. Некоторые до сих пор подчеркивают, как жизнь по ту или иную сторону существовавшего со второй половины XVII до конца XVIII столетия Днепровского рубежа и по сей день сказывается на культурных, а иногда и политических предпочтениях украинцев.

Богдан Хмельницкий вел казацкое государство к территориальным приобретениям, а вовсе не распаду. Но вскоре после его смерти в 1657 году стали очевидны противоречия внутри казацкой верхушки, вскоре похоронившие единство Украины. Поводом послужила гетманская булава — вопрос

престолонаследия не раз погружал в глубокий кризис средневековые или позднейшие монархии. Старик мечтал об основании новой династии и перед смертью успел обеспечить избрание гетманом сына Юрия, шестнадцатилетнего юноши, который страдал от припадков эпилепсии. Дальнейшее во многом рифмуется с сюжетом Пушкина — трагедией “Борис Годунов”. Опытный и ловкий придворный, который должен был служить первым министром при юном правителе, занял его место сам. В случае Украины кровопролития не потребовалось, хватило и влияния на тех, кто выбирал нового гетмана.

Так начинается первый акт внутриукраинского раскола. Если основатель государства воображал преемственность власти такой, какую он знал по Речи Посполитой, где сейм утверждал на троне членов одной династии, на деле система напоминала скорее Молдавию и Валахию, где новых государей возводили на трон и свержали по воле султана или хотя бы с его одобрения. В отличие от дунайских княжеств, за Украину соперничали три державы: Россия, Речь Посполитая и Османская империя. Какая бы из них ни победила, это означало неминуемое поражение казаков. Система передачи власти в Гетманщине показала свое несовершенство и стала фактором дестабилизации Восточной Европы.

Осенью 1657 года, отодвинув в сторону Юрия Хмельницкого, гетманскую булаву взял Иван Выговский. Его биография заметно отличалась от жизненного пути отца Юрия. Выговский родился в семье признанной православной шляхты, которая не беспокоилась о своем привилегированном положении в обществе. Не знал таких забот и сам Иван. Его избрание гетманом стало успехом примкнувшей к восстанию шляхты и поражением старых казаков, до 1648 года пре-

бывавших в реестровом войске. Показательным стало назначение нового генерального писаря — Выговский дал эту должность не заслуженному казаку, а магнату, чьи латифундии немногим уступали имениям Вишневецких. Его звали Юрий Немирич.

Получив редкое по тем временам образование, Немирич примкнул к радикальному крылу реформации — отвергнувшим догмат о Троице социнианам, которых называли также арианами. (В Америке аналогичная конфессия, унитариянство, пустила корни в конце XVIII века благодаря прославленному ученому Джозефу Пристли.) Немирич учился в арианской коллегии в Центральной Польше, затем путешествовал по Западной Европе, учился в университетах Лейдена и Базеля, по неподтвержденным сведениям — и в Оксфорде с Кембриджем. Во время “Потопа” Немирич принял сторону шведов-лютеран. Впрочем, политика Карла X его вскоре разочаровала, он перешел в православие, сблизился с Богданом Хмельницким и уехал на Левобережье, в возвращенные ему старые владения.

Среди казаков многим пришлось не по душе усиление шляхетской партии во главе с Иваном Выговским. Открыто возмутились запорожцы, те самые, что привели Хмельницкого-старшего к власти весной 1648 года. Теперь же к северу от порогов, на хорошо освоенных землях Среднего Поднепровья, возникло казацкое государство, отобравшее у них не только возможность утверждать гетмана, но даже имя — Войско Запорожское. Сечевики, негодуя на то, что их оттерли в сторону, потребовали провести выборы у них, на Низу. Полномочия Выговского таким образом поставили под сомнение, а некоторые полковники охотно прислушивались к запорожцам и готовы были их поддержать. Еще одна угроза новому гетману исходила из Москвы: царь признал за непокорной Сечью право контактировать с его чинов-

никами напрямую. Российское правительство не упустило шанс использовать распри на Украине для того, чтобы ослабить Выговского, лишить его той самостоятельности, какой пользовался покойный Хмельницкий.

Не на того напали: в июне 1658 года армия Выговского при поддержке крымских татар атаковала стоявших в Подтаве пророссийских казаков — низовых (запорожцев) и 10-родовых (из Гетманщины). Он разгромил противника, но страшной ценой. Погибло до 15 тысяч человек. Впервые после 1648 года казаки дрались друг против друга, и этот прецедент знаменовал грядущий упадок их государства.

Выговский не сомневался, что мятежников поддержали из Москвы, и задавал себе вопрос: как быть дальше? Гетман полагал, что, подобно Хмельницкому четыре года назад, он заключил с царем договор на определенных условиях (называя это “вольным подданством”) и сохранял право расторгнуть его, если другая сторона явно нарушала эти условия. Алексей Михайлович же никаких условий не признавал, а верил только в свое неограниченное право повелевать подданными. Предшественнику Выговского в таком положении ничего не оставалось, как надеяться на шведов или турок, но новый гетман считал возможным компромисс и с Речью Посполитой. Шляхтичи вроде него не утратили чувства единства с этой державой, отлично знали ее изъяны и преимущества и стремились вернуть Войско Запорожское под скипетр Яна Казимира без утраты автономии.

В сентябре 1658 года Выговский созвал раду в Гадяче. Рада утвердила условия, на которых Гетманщина могла бы войти в состав Речи Посполитой. С Польшей заключили предварительный договор — Гадяцкую унию, подлинным автором которой был генеральный писарь Немирич. Таким

образом воплощались в жизнь грезы украинской шляхты первой половины XVII века. Во время ожесточенной полемики, вызванной унией Брестской, православная знать увидела в Люблинской унии 1569 года нереализованное намерение заключить равноправный союз не двух, а трех стран: Польши, Литвы и Руси. Теперь Немирич опирался на эти фантазии и предлагал Речи Посполитой на деле признать княжество Русское своей частью, равной Короне и Литве.

Потрясения десяти лет войны заставили некоторых польских вельмож внимательно отнестись к такой идее. С другой стороны, новое казачье государство, с его своеобразным политическим и общественным укладом, инкорпорировать в эту державу было непросто. Откликаясь на выдвинутые еще до 1648 года требования казацкой элиты, новая уния давала шляхетство тысяче казацких фамилий немедленно, а затем ежегодно в каждом полку по сотне семей. Немирич помнил и о нанесенных “благочестивой вере” обидах, что тревожили знать и казачество. В новом княжестве административные посты занимать могли бы только православные. Нашлось место даже для Киево-Могилянской коллегии — по договору ее статус повышали до академии. Шляхтичей, что стояли за Гадяцкой унией с казацкой стороны, заботили далеко не только сословные привилегии войска.

Новость о заключении договора с Польшей вынудила Алексея Михайловича обратиться к казакам и призвать их выступить против “предателя” Выговского. Российские ратники и местные противники гетмана, включая запорожцев, заняли территорию южной части государства. Весной 1659 года Выговский издал собственное воззвание, где доказывал, что царь не соблюдает договор с казаками, попирает их права и свободы. Он дождался прихода союзников-крымцев и ударил с ними по авангарду огромной армии противника. Конотопская битва (возле современной гра-

ницы двух стран) в июне 1659 года стала громкой победой Выговского. Оценка российских потерь сильно разнится — от 5 до 15 тысяч. В любом случае, как писал С. М. Соловьев, “цвет московской конницы сгиб в один день” Татары принялись грабить южные пределы России. По Москве даже пошли слухи, что царь бежит куда-то на север.

Выговский не стал вести казаков в поход на Россию. И после Конотопской битвы в его государстве держались кое-где российские гарнизоны, а казацкое восстание против гетмана только разгоралось. Масла в огонь подлили новости об утверждении Гадяцкой унии сеймом. Депутаты отредактировали текст, выбросив оттуда часть обещаний, данных украинцам польскими послами. Территорию Русского княжества ограничили все теми же тремя воеводствами (Киевским, Черниговским и Брацлавским), притязания гетмана на Волынь и западное Подолье не удовлетворили. Реестр установили в 30 тысяч казаков и 10 тысяч наемного войска — на 20 тысяч меньше, чем дал Гетманщине царь по итогам Переяславской рады. А ведь Юрий Немирич сам выступил в Варшаве перед сеймом и заявил: “Мы рождены в свободе, воспитаны в свободе и как вольные люди ныне возвращаемся к ней”. Увы, депутаты не пошли до конца навстречу желаниям Выговского и его канцлера. Когда гетману доставили из Польши текст урезанного договора, он сказал гонцу: “Ты со смертью приехал!”

Теперь среди казацкой элиты мало кто не считал Выговского изменником. Немирича убили в бою с приверженцами Москвы. Других членов делегации на сейм казнили по постановлению рады, созванной врагами злополучного гетмана, — сам он успел бежать. Выговский выиграл все битвы, в которых лично принимал участие, как против мятежных казаков (например, у Полтавы), так и против русских — под Конотопом. Тем не менее его программу сбли-

жения с Польшей старшина отвергла. Оставив булаву, он уехал на Подолье, возглавил Барское староство, сохраняя за собой и титул киевского воеводы, а также место в сенате Речи Посполитой. Эта привилегия была единственным пунктом Гадяцкой унии, который не остался на бумаге.

Правление Выговского открывает новый этап в истории казацкой Украины — этап кровавой междоусобицы. Гетманщина не имела достаточно войск для обороны, поэтому ее вождю следовало хранить единство казачества и одновременно маневрировать между соседними державами. Такая задача мало кому была по плечу. Хмельницкий-старший держал подчиненных в узде строгими мерами — Максима Кривоноса, полковника и зачинщика массовых погромов в 1648 году, велел приковать к пушке, других и вовсе предал смерти. Выговский же не уберег государство от раздоров, и булава перешла Юрию Хмельницкому, избранному заново после бегства предшественника. Впрочем, восстановление династии никак не облегчило участи страны.

Юрий пришел к власти осенью 1659 года с помощью той части старшины, что надеялась на подтверждение Москвой прав и свобод, “дарованных” его отцу. Только в ходе переговоров они поняли, как жестоко просчитались. Новая рада, созванная российским воеводой и окруженная его сорокатысячной армией, подтвердила полномочия молодого гетмана, однако на значительно худших условиях. С этих пор для избрания гетмана требовалось позволение царя, он же утверждал назначенных гетманом полковников, а права на самостоятельную внешнюю политику Украину полностью лишили. В крупных городах страны размещались российские гарнизоны.

Результатом изгнания Выговского стали не уступки со стороны Алексея Михайловича, как надеялась партия

приверженцев царя, а наоборот — ограничение автономных прав Войска Запорожского. Воеводы в январе 1660 года послали Хмельницкому письмо, где внушали ему, что новые подданные царя не имеют права своевольничать ни при каких обстоятельствах. В Суботов, родовое имение Хмельницких, доставили труп Даниила Выговского — брата “изменника” и зятя покойного Богдана, попавшего в руки противника после неудачной атаки на их гарнизон в Киеве. Юрий расплакался. Риторический вопрос польского дипломата Беневского воспроизводит это зрелище: “Когда бы увидел [Богдан Хмельницкий] другого зятя неслыханно замученного, когда бы увидел тело его, истерзанное кнутом, пальцы отрезанные, глаза вынутые и серебром залитые, уши, буравом просверленные и серебром залитые”¹. Впрочем, согласно донесению в Москву, пленник умер от болезни.

Если царь и его бояре хотели запугать юного гетмана и старшину, то просчитались. Согласно тому же источнику, искалеченные останки не только заставили Юрия расплакаться, но привели в ярость окружающих. Молодая вдова Даниила Выговского проклинала убийц. Шанс отомстить представился осенью того же 1660 года. Под Чудновом, во время битвы российской армии против польской, которую поддерживали крымские татары, Хмельницкий и его войско переменили сторону и присягнули Яну Казимиру. Русские были разгромлены, а командующий, Шереметев, попал на двадцать лет в татарский плен.

Казачи напрасно радовались польскому успеху — облегчить положение Гетманщины у них не вышло. Под власть старого монарха она вернулась на худших условиях, чем предусмотренные даже в той версии Гадяцкой унии, которую утвердили на сейме 1659 года. В новом договоре Рус-

Цит. по “Истории России с древнейших времен” С.М. Соловьева.

ское княжество, что было так дорого Выговскому и Немиричу, не упоминалось ни словом. За каждое возвращение под польскую власть Украина платила частичной потерей самостоятельности — то же происходило при очередном уходе в российское подданство. Давление двух мощных держав на казацкое государство оказалось фатальным, и оно раскололось по Днепру надвое.

В конце 1660 года Хмельницкий обосновался на Правобережье, а левобережные полки с одобрения Москвы выбрали себе наказного гетмана (исполняющего должность). Первый организовал несколько походов для усмирения мятежников, но цели не достиг. Левобережье непосредственно примыкало к России, и царские воеводы держали казаков в покорности. В начале 1663 года Юрий впал в уныние, сложил булаву и постригся в монахи. Войско Запорожское как политическое единство перестало существовать и формально. Правобережные полки избрали нового гетмана, Павла Тетерю, также послушного Варшаве, а левобережные — Ивана Брюховецкого, “подножку царского престола” (как называл он себя сам). В 1667 году, после долгой войны, Россия и Речь Посполитая заключили Андрусовское перемирие, которым утвердили раздел казацкой Украины на две части.

Тем не менее созданное в 1648 году государство без боя не сдалось. Петр Дорошенко возглавил тех, кто не хотел мириться с распадом своей отчизны. Происходил он из давнего казацкого рода: дед Михаил Дорошенко был гетманом в 20-х годах XVII века, отец — полковником при Богдане Хмельницком. Петр появился на свет в Чигирине и начал службу при гетманском дворе. После назначения полковником он участвовал в переговорах со Швецией, Польшей, Россией, однажды и сам ездил послом в Москву. В 1660 году

Дорошенко выбрал сторону Юрия Хмельницкого, и через пять лет правобережные казаки доверили ему булаву.

Новости о том, что Войско Запорожское формально разделяет надвое, глубоко потрясли старшину. Надо было что-то делать. Новый гетман решил объявить войну Речи Посполитой и воссоединиться с Левобережьем. Подобно основателю государства, он ставил на крымскую карту. Казаки вместе с татарами напали на польскую армию осенью 1667 года и вынудили короля признать автономию Украины. На следующий год гетман перешел Днепр и захватил большую часть Левобережья — там как раз вспыхнуло восстание против России, вызванное намерением переписать налогоплательщиков и соглашением в Андрусове.

Дорошенко выбрали гетманом и на раде левобережных казаков. Ни Варшава, ни Москва не смогли помешать ему восстановить единство Украины — но всего лишь на год. Вождю пришлось вернуться на Правобережье, чтобы отражать новое наступление поляков. А те не забыли выдвинуть и собственного гетмана, Ханенко. Российские войска шаг за шагом покоряли восточные полки. Единственной надеждой Дорошенко оставался Стамбул. В июле 1669 года Мехмед IV прислал ему новые знаки гетманской власти, включая булаву и знамя. Султан брал Украину под протекторат на тех же условиях, что Молдавию и Валахию, — выставлять войско по его требованию. Османская империя Войском Запорожским не удовлетворилась, а заявила претензии на всю Русь до Вислы и Немана.

Это был крайне амбициозный план, но обстановка, казалось, давала возможность осуществить мечту Хмельницкого-старшего и овладеть православными землями Речи Посполитой. На этот раз султан выслал не только клейноды, но и сотысячную армию, которая в 1672 году переправилась через Дунай и выступила на север при поддержке татар, ва-

дах, молдаван и казаков. Турки продвинулись дальше Хотина, где произошло одно из ключевых сражений первой половины XVII столетия, и осадили Каменец-Подольский. Мощные укрепления, что возвышаются на скале, окруженной глубоким ущельем, имели репутацию неприступных, но продержались лишь десять дней. Вскоре армия захватчиков осадила и Львов. Польша запросила мира и уступила Подолье и Правобережье, исключая северо-запад. Дорошенко торжествовал.

Но надежды казаков не оправдались и теперь. Турки взяли Подолье и Каменец, его столицу, под непосредственный контроль, а им оставили все те же полки на правом берегу Днепра. Независимой Украина не стала. Наступать за Днепр или на Волынь и Белоруссию Османская империя также не стремилась. Черная полоса Дорошенко на этом не кончилась. Украину охватили антитурецкие настроения — новые завоеватели обращали христианские храмы в мечети и разрешали татарам ловить ясырь без ограничений. Правобережье безлюдело, одновременно таял и авторитет гетмана. Его государство обратилось в пустыню, когда жители разбежались кто куда. Многие перешли Днепр и осели на Левобережье, где Россия сокрушила восставших против нее казаков, назначила гетманом лояльного Демьяна Игнатовича-Многогрешного и содействовала экономическому росту. Правобережье стало Руиной — так появилось название этого периода истории Украины.

Политическую карьеру Дорошенко ждал неминуемый и скорый крах. Вместо объединения Украины под номинальной властью далекого султана он привел на родину нового хищника, чьи действия оказались даже пагубнее, чем предшественников. В 1676 году российское войско при поддержке украинских сторонников подошло к Чигирину, где отсиживался гетман. Он отрекся от власти и присягнул царю

на верность. Раскаяние окупилось: его отправили воеводой в Вятку (нынешний Киров) и дали спокойно дожить в Яропольце (Московская область). Он женился на дворянке Еропкиной — их потомком была Наталья Гончарова — и умер в 1698 году. По иронии судьбы, в 1999 году часовню на его могиле восстановили на средства выходцев из Подолья — региона, который сильнее других пострадал от приведенных гетманом на Украину турок.

Прямое их правление в этой части Украины длилось недолго. Стамбул мало заботили события на далеком севере, войска же требовались в других странах, главным образом на Средиземном море. Через год после смерти Дорошенко Подолье формально вернулось в состав Речи Посполитой. Турки ушли, зато окончательно установилась российско-польская граница по Днепру, которая и стала причиной восстания в 1666 году. Государство не исчезло, но значительно потеряло и в территории, и в автономных правах. Гетманщине, которая располагалась теперь только на Левобережье, казалось, нечего было и думать о независимости. Земля казаков за счет бурного развития накопила в первой половине XVII века достаточно сил и богатства для схватки с могучими державами Восточной Европы, но защитить успехи революции 1648 года не смогла. Казаки испробовали все возможные альянсы: с Крымским ханством и Османской империей, Швецией, Россией, Польшей... Ничто не принесло желаемого результата. Единство Гетманщины, как и Украины вообще, было утеряно. До конца XVIII века земли, которые при Хмельницком вырвались из-под чужой власти, останутся разделенными между Российской империей и Речью Посполитой. Этот раскол окажет глубокое влияние на украинскую идентичность и культуру.

Глава 12

Приговор Полтавы

Войско Запорожское, сохранившееся только на Левобережье и под протекторатом российских царей, стало фундаментом нескольких проектов национального строительства. Один из них, чьи авторы признавали только имя “Украина”, а Гетманщину полагали не только своей родиной, но и вполне оформленным государством, лежит в основе современной украинской идентичности. Другой, где предпочтение отдали ее официальному русскому названию — Малороссия, стал начальным этапом малороссийства, то есть традиции считать Украину “Недороссией”, а украинцев — частью общерусской нации.

Обе политические традиции сосуществовали на Левобережной Украине еще до последнего крупного казацкого восстания, возглавленного Иваном Мазепой в 1708 году. Мазепа и его сторонники выступили против России и Петра I — царя, ставшего императором. Разгром шведской армии Карла XII означал и поражение гетмана. Полтавская битва оказалась роковой не только для Левобережья, но и для всей Украины. Неудача Карла нанесла тяжелый удар Мазепе и его мечте сделать свой край независимым государством. В последующие годы малороссийское видение укра-

инских истории и культуры как тесно связанных с русскими станет господствовать в официальном дискурсе на подвластных империи землях. Представление об Украине как отдельной нации со всеми ее атрибутами не исчезнет полностью, но сместится на периферию здешней картины мира почти на полтора столетия.

В конце XVII века Россия сохраняла контроль над Левобережьем благодаря не только превосходству в военной мощи, но и тактике — куда более гибкой, чем у той же Польши. С одной стороны, цари не упускали случая при каждом выборе гетмана урезать права, признанные за Войском Запорожским на Переяславской раде, с другой — умели вовремя включить задний ход. В 1669 году, во время восстания Дорошенко, Москва согласилась на почти такие же условия, какие выторговал у нее Богдан Хмельницкий. Как раз в это время Польша закручивала и так уже тугие гайки на своем берегу Днепра. С предсказуемым результатом: с запада на восток шли все новые волны переселений, и Левобережье процветало, тогда как противоположная сторона пустела. Ценой уступок Москва, а затем Санкт-Петербург ловко удерживали казаков в подданстве.

Довольно скоро экономический рост на Левобережье привел к возрождению богатства и славы Киева (он оставался в руках России). В Киево-Могилянской академии возобновили занятия. Преподаватели, бежавшие из города в 50-х годах XVII столетия, теперь учили юную поросль в том числе и новым предметам, слагали свежие стихи, играли новые пьесы. Украинская литература барокко, авторский ряд которой открывает в начале того же века Мелетий Смотрицкий, достигла расцвета в трудах таких поэтов, как Иван Величковский, и прозаиков вроде Лазаря Барановского, сначала профессора, а затем черниговского архиепископа. Студент последнего Симеон Полоцкий принес эту традицию и в Москву, где при

его участия возникает русская светская литература. Насаждение на северной почве киевских текстов, обычаев и взглядов стало одной из причин раскола в Русской православной церкви. Алексей Михайлович и патриарх Никон взялись за реформы в духе Петра Могилы, но консерваторы-старообрядцы им не покорились. Неслучайно официальное их название — раскольники — было переводом так хорошо знакомого украинцам слова “схизматики”

Тем не менее две культуры влияли друг на друга взаимно. Киевское духовенство несло в Москву западные тренды и в то же время брало на вооружение кое-что из арсенала российской идеологии. Главным в ней было представление о православном государе как центре политической и религиозной вселенной. Интеллектуалы “греческой веры” из Речи Посполитой, давно прозябавшие без монарха, ухватились за возможность примкнуть к “идеальному” миру, построенному по образу византийской симфонии (согласия) между православным василевсом и единственной истинной церковью. В итоге, впрочем, перевесил трезвый расчет. Уже в 20-х годах XVII века только что рукоположенные в Киеве православные иерархи, которым грозила Варшава, с надеждой взирали на Москву (куда можно было в крайнем случае и бежать). После Переяславской рады и особенно Андрусовского перемирия, разделившего в 1667 году Украину надвое, их надежда на стабильность у подножия царского трона лишь крепнет.

Согласно договору о перемирии, Киев, расположенный на правом берегу Днепра, должен был через два года вернуться к Польше. Но православных иерархов ужасало будущее под гнетом католического короля. Они пустили в дело все риторические навыки, усвоенные в Киево-Могилянской коллегии (либо иезуитских коллегиях западнее), чтобы убедить Алексея Михайловича не отдавать древней столицы.

Это им вполне удалось. Иннокентий Гизель, архимандрит Печерской лавры, был одним из тех, кто добивался того, чтобы оставить город в России, а вот митрополита — под омофором далекого константинопольского патриарха. Не тут-то было. Киев так и не вернулся к полякам, зато в 1685 году Романовы с помощью своих сторонников на Украине сумели перевести Киевскую митрополию под юрисдикцию Москвы. Киевское духовенство получило царя в покровители, но платилось за это автономией.

Тревоги, вызванные неопределенной принадлежностью Киева, стали поводом к написанию одной из самых важных по воздействию на умы в Российской империи книг — первого печатного учебника российской истории. Он имел долгое и цветистое название, характерное для барокко: “Синопис, или Краткое собрание от разных летописцев о начале славяно-российского народа и первоначальных князей богоспасаемого града Киева, и о житии святого благоверного великого князя Киевского и всея России первейшего самодержца Владимира, и о наследниках благочестивыя державы его Российския даже до пресветлаго и благочестиваго государя нашего царя и великаго князя Алексея Михайловича, всея Великия, Малыя и Белья России самодержца” “Синопис” издали в лавре по благословению Гизеля в 1674 году, когда в Киеве готовились отбивать нападение турок и молились, чтобы поляки не вытребовали город обратно. В книге город представлен первой столицей российских царей и колыбелью российского православия — святым местом, которое просто нельзя оставить католикам или басурманам. Поддерживали такой тезис упоминания славяно-российского народа — нации, что, согласно авторам “Синописиса”, объединяла Россию и Гетманщину. Именно так родился до сих пор принятый миф о киевском происхождении современной России. Однако для Москвы первых поколений Романовых та

кой взгляд был совершенно новым. Архитекторы империи лишь в XIX веке по достоинству оценят подарок, сделанный им велемудрыми киевскими монахами, — утверждение о национальном единстве России и Украины.

Кризис, вызванный формальным разделом Украины между Россией и Польшей, побудил к поискам новой идентичности не только киевское духовенство, но и казацкую старшину. Военная элита уже вполне могла обойтись своими силами, без оглядки на интеллектуалов в рясах, ведь в Киевской академии учились и будущие гетманы, и члены их ближайшего окружения. Если святые отцы не представляли державу без православного царя, старшине царь оказался не нужен вовсе. Она готова была служить казацкой отчизне по обоим берегам Днепра.

До 1663 года, когда Украину еще не поделили по Днепру между двумя гетманами, казаки называли своей отчизной либо всю Речь Посполитую, либо Корону польскую. При заключении в 1658 году Гадяцкой унии послы Яна Казимира убеждали их вернуться, взывая к лояльности польской отчизне. Появление правобережного и левобережного гетманов сделало вопрос об отчизне ключевым для самоидентификации казаков. Оба соперника в своих универсалах (манифестах) и письмах говорили о единстве отчизны украинской — Гетманщины по обоим берегам Днепра. После Андрусовского перемирия все, включая Петра Дорошенко и Юрия Хмельницкого, утверждали, что верно служат Украине, чье благо для них ценнее всего, важнее любых союзов и обязательств. Эта родина в глазах казаков выходила далеко за пределы Войска Запорожского, традиционного объекта их лояльности. Она включала не только Низ, но и Гетманщину с ее обитателями. Эту родину казаки и называли Украиной. После 1667 года они стали говорить об Украине по обе стороны Днепра.

Последним в ряду правителей, что желали объединить Правое- и Левобережье, стал Иван Мазепа (1639–1709). На бумажных деньгах независимой Украины изображены только два гетмана. Первый — Богдан Хмельницкий, чей портрет украшает пять гривен, второй — Мазепа, на десяти гривнах. Вероятно, последнего за пределами Украины, особенно на Западе, знают лучше, чем первого. Вольтер (благодаря ему он приобрел и лишнюю букву: *Mazeppa*), Байрон, Пушкин, Гюго — все они сделали Мазепу героем своих трудов, прославив как юного любовника и престарелого властителя и дав пример для подражания авторам европейских опер и североамериканских мюзиклов. Когда Мазепа совершил главный поступок своей жизни, приняв сторону Карла в конфликте с Петром, понятия “отчизны”, Украины, Малороссии вновь были поставлены на карту.

Мазепа удерживал власть дольше всех его предшественников — 22 года — и умер естественной смертью. Это само по себе было успехом. По меньшей мере двух гетманов убили, а Многогрешный и Самойлович, что правили непосредственно перед ним, были арестованы российскими войсками и сосланы в Сибирь по обвинению в измене. Кары обрушились и на их родственников. Чтобы потерять булаву, свободу, а то и жизнь, не требовалось затевать заговор против царя или переходить на сторону поляков (турок, шведов). Достаточно было не угодить влиятельным придворным.

Перипетии жизненного пути Мазепы в известной степени типичны для казацкого старшины второй половины XVII столетия. Будущий гетман родился на Левобережье в семье православной шляхты, учился в Киево-Могилянской академии и коллегии иезуитов в Варшаве. Путешествовал по Западной Европе, овладевая ремеслом артиллериста. Свою военно-дипломатическую карьеру начал при дворе Яна Ка-

мира. Через несколько лет уехал из Польши на Украину и прислал к Петру Дорошенко. Однажды гетман дал Мазепе дипломатическое поручение, которое кончилось пленом у восточных запорожцев. Впрочем, Вольтер поведал европейскому читателю более романтическую историю, впоследствии много раз пересказанную другими: Мазепа очутился на краю христианского мира якобы из-за неудачных любовных походов. Когда один польский сановник узнал, что его жена изменяет ему с Иваном, то велел раздеть наглеца, привязать к лошади и выпустить ее в степь. Легенда гласит, что лошадь принесла Мазепу на Украину, местные жители нашли его и в итоге он занял достойное место в рядах казаков. Как бы то ни было на самом деле, запорожцы стали очередной ступенью в карьерной лестнице будущего правителя. Они передали пленника Ивану Самойловичу, и гетман Левобережной Украины сделал хорошо образованного и повидавшего разные страны офицера своим помощником.

Мазепа влился в большую группу шляхтичей, простых казаков, мещан и крестьян, что в последнюю треть XVII века пересекли Днепр и осели на Левобережье, подвластном России. Его выгодно отличала политическая стабильность, цари мирились с довольно широкой автономией, и это создавало условия для возрождения экономики и культуры. Центрами последней, как при Петре Могиле, были митрополичья кафедра, Киево-Печерская лавра и Киевская академия. Став гетманом, Мазепа многое сделал для дальнейшего экономического роста Украины, не забывая религиозную и культурную жизнь.

Он оплачивал восстановление церквей, пришедших в упадок за полвека восстаний и войн. В их числе был и Софийский собор, над реставрацией которого трудились еще по распоряжению Могилы, а также Успенский собор и Троицкая надвратная церковь в лавре — все это осталось от Киевской

Руси. Мазепа заказывал и постройку новых церквей, среди которых храм Всех Святых (тоже в лавре) и многие другие — не только в Киеве, но и, например, в Батурине, гетманской столице на северо-востоке Левобережья, неподалеку от российских рубежей. Большинство храмов вне Печерской лавры не пережили тридцатые годы прошлого века — их взрывали один за другим, когда коммунисты делали из Киева подлинно социалистический мегаполис. Но сооруженные при Мазепе храмы лавры (а также часть ее стен) до сих пор служат наглядным свидетельством щедрости гетмана и его богатства. Он первым после митрополита Могилы заказал в Киеве новые постройки. Архитектурный стиль той эпохи известен под именем казацкого (или мазепинского) барокко.

В отличие от предыдущих гетманов, Мазепа сумел завладеть рычагами и политической, и экономической власти. Благодарить за это ему следовало имперский центр, который не поддерживал до такой степени ни одного предшественника Мазепы. Петр I видел в нем преданного слугу. В 1689 году, когда Петр открыто выступил против Софьи, старшей сестры, правившей государством, Иван Мазепа встал на его сторону. Позднее царь учредил орден Св. Андрея Первозванного, и хозяин Украины получил его вторым по счету. Старшина писала в Москву доносы на Мазепу и, как обычно, обвиняла в измене, но царь пересылал их в Батурин — не используя поклеп, по примеру Алексея Михайловича или Софьи, для расшатывания гетманской власти. Петр настолько доверял Мазепе, что позволял ему казнить злопыхателей по своему разумению.

Гармония в отношениях Петра и Ивана обернулась враждой довольно внезапно — осенью 1708 года, в разгар Великой Северной войны (1700–1721), после того как коалиция во гла-

Россией бросила вызов господству Швеции на Балтике. В начале Карл XII легко бил своих противников, в том числе русских. Разгромив в 1706 году польского короля Августа Сильного и вынудив его не только выйти из войны, но и отречься от польского трона, юный и честолюбивый шведский монарх выступил в поход на Москву. Российская армия отступала и затрудняла продвижение врага с помощью тактики выжженной земли.

Столь крутые меры растравили старые раны казацкой элиты и подтолкнули ее к переходу на сторону Карла XII. Полковники годами жаловались Мазепе на то, что царь не щадит полки за пределами Войска Запорожского — особенно при рытье каналов на месте будущей имперской столицы, в устье Невы, где Петр решил заложить новый город. От холода и болезней казаки там умирали как мухи. Административные же и налоговые реформы грозили превращением Гетманата из привилегированной автономии в обычную провинцию России. Все это, по мнению полковников, превращало в бессмыслицу договор о протекторате, заключенный Богданом Хмельницким и Алексеем Михайловичем.

Мазепа наводил мосты с польскими сателлитами Карла XII, прощупывал почву, но от решительных шагов воздерживался. Только когда шведская армия повернула с московского направления на украинское, а царь отказался прислать на выручку войска — Петр велел обороняться своими силами и жечь города и села на пути незваных гостей, — Иван Мазепа послушал советчиков и встал на сторону Швеции. Россия не исполнила главного обязательства — защиты территории Украины, которое много раз принимала, подписывая договоры с гетманами. Настало время и Левобережью войти в игру на восточноевропейской шахматной доске. Старшина вспомнила о Гадяцкой унии 1658 года. В начале ноября 1708 года Мазепа с группой приближенных и неболь-

шим казацким отрядом покинул Батурин и прибыл в расположение шведской армии.

Ради сохранения тайны Мазепа не вел среди земляков никакой антироссийской агитации до отъезда из Батурина. Благоразумный шаг с точки зрения личной безопасности гетмана — и явный просчет при подготовке восстания. Узнав о том, что Мазепа переметнулся к противнику, Петр выслал на Украину войско под началом Александра Меншикова, своей правой руки. Мазепа же не подготовил столицу к обороне, и Меншиков взял ее с наскока, овладев провиантом и боеприпасами, которые гетман запасал для украинских и шведских воинов. Еще худшим ударом стало то, как взятие Батурина отразилось на украинском обществе. Меншиков приказал солдатам перебить горожан — число жертв, включая женщин и детей, превысило пять тысяч. В наши дни археологи в Батурине (что стал не только местом раскопок, но и важным объектом на туристической карте Украины) находят время от времени скелеты убитых. Меншиков заявил жителям Гетманщины предельно жестко: царь беспощаден к дезертирам.

Началась борьба за умы казаков и других обитателей Левобережья. Петр стремился удержать их в подданстве главным образом прокламациями — Мазепа отвечал царю тем же. Война манифестов длилась несколько месяцев, до весны 1709 года. Петр обвинял гетмана в измене, называл Иудой и даже велел изготовить “орден Иуды”, которым Мазепу наградили бы с издевкой, попадись он в руки царских подданных. Иван Степанович вины за собой не признавал. Как и в свое время Выговский, отношения гетмана с царем он представлял в виде контракта. На его взгляд, царь нарушил казацкие права и привилегии, закрепленные договорами с Хмельницким и последующими гетманами. Мазепа доказывал, что служить он должен не государю, а Войску

Запорожскому и отчизне-Украине. Не забыл он и о клятве верности своему народу. Известны его слова в пересказе (декабрь 1708 года): “Москва, то есть народ великороссийский, нашему народови малороссийскому завше ненавистна, издавна в замыслах своих постановила злосливых народ наш до згубы приводити”

Война манифестов, решительные действия российских войск и проведенные по указу Петра выборы нового гетмана — Ивана Скоропадского — вызвали раскол в рядах мазепинцев. Старшин, еще недавно горячих приверженцев союза с Карлом XII, ужасали те кары, которыми грозила им Россия, и они стали вести двойную игру, а то и просто возвращались под российские знамена. Среди простых казаков, мещан и крестьян прошведская ориентация отклика почти не находила. Народ предпочитал православного монарха, а не мусульманина, католика или, в этом случае, лютеранина. Когда настало время генерального сражения между Карлом XII и Петром I, в рядах войска последнего украинских казаков оказалось больше.

В начале июля 1709 года на равнине у Полтавы шведской армии в 25 тысяч человек противостояла российская, превосходившая ее вдвое. Казацкие отряды с обеих сторон были на положении вспомогательных — признак не только определенного недоверия со стороны и короля, и царя, но и невысоких боевых качеств на фоне регулярных европейских полков. Времена, когда украинцы дрались с такими на равных, миновали. Мазепа вел за собой от 3 до 7 тысяч, на стороне же Петра казаков, по разным оценкам, насчитывалось от 10 до 20 тысяч. Карл не боялся превосходящих сил противника — он уже бил огромные русские и польские соединения. Но не в этот раз. Зима, проведенная в суровых условиях Украины, изнурила шведов. Короля, который обычно вдохновлял солдат личным примером, ранили накануне бит-

вы, и он передал командование не одному, а нескольким генералам — это затруднило управление частями.

Итог известен: полная победа русского оружия. Королю и гетману пришлось бежать в Молдавию, под защиту турок. Мазепа умер на чужбине, в Бендерах, осенью 1709 года. Карл вернулся на родину только через пять лет. Историки часто рассматривают Полтавскую битву как переломный момент в Северной войне. По прихоти фатума, исход борьбы за господство на Балтике решило сражение на берегах Ворсклы — гегемония Швеции в Северной Европе была подорвана, перед Россией открылась дорога к статусу великой державы. Но более всего Полтавская битва отразилась на судьбе той страны, где она произошла, — Украины.

Триумф России знаменовал новую эру в отношениях киевского духовенства и государственной власти. Осенью 1708 года Петр вынудил киевского митрополита отлучить Мазепу от церкви и предать анафеме как изменника. После Полтавской битвы Феофан Прокопович, ректор Киевской академии, который не так давно сравнивал гетмана с князем Владимиром, в присутствии царя произнес многословную филиппику против бывшего благодетеля. Гетман назвал бы иерарха предателем, зато царь услышал клятву верности. Вскоре Прокопович станет главным идеологом петровских реформ, благословит укрепление абсолютной монархии и обоснует право царя назначать наследником кого угодно, а не только первенца. Петр замучил в тюрьме старшего сына — непокорного Алексея, не предвидя, что вскоре умрет и младший (Петр, от будущей Екатерины I). Феофан, уже епископ, был главным автором “Духовного регламента”, которым оправдывал упразднение патриаршества и замену его Священным Синодом, где фактическая

власть принадлежала светскому обер-прокурору. Ему же пришлось на ум назвать Петра отцом отечества — этот древнеримский эпитет в России внедрили именно киевские духовные лица, те самые, что немного раньше славили таким образом Ивана Мазепу.

Блестящая карьера Феофана Прокоповича служит иллюстрацией типичного для той эпохи привлечения в духовное ведомство империи выпускников Киевской академии, с культурной точки зрения — полуевропейцев. Петр I нуждался в них для обновления российской церкви, вестернизации общества в целом. Десятки, а затем и сотни православных иерархов уехали в Центральную Россию и заняли там высокие должности — от местоблюстителя патриаршего престола до епископов и полковых священников. Митрополита Димитрия Ростовского (в миру Данило Туптало, еще один киевлянин) даже канонизировали за его борьбу против старообрядцев. Эти люди помогли царю не только приблизить Россию к Западу, но и начать ее преобразование в национальное государство. Они заложили фундамент идеи России-Отечества и трактовки русского народа как общерусской нации, в которой украинцам (малороссиянам) будет отведена роль одной из составных частей.

Если высшему духовенству политика царя по укреплению самодержавия и государственного аппарата открыла новые и весьма выгодные перспективы, то на казацкой старшине реформы Петра сказались очень тяжело. Переход Мазепы на сторону шведов усилил желание царя растворить Украину в общеимперских структурах. Над Иваном Скоропадским, новым гетманом, маячил царский резидент (посланник). Столицу из лежавшего в руинах Батурина перенесли еще ближе к Москве — в Глухов. На землях Войска Запорожского теперь постоянно располагались части российской ар-

мии. Арестам подверглись члены семей тех, кто последовал за Мазепой в изгнание, их имущество конфисковали. Победа России в Северной войне в 1721 году принесла новые невзгоды. На следующий год гетман умер, и царь использовал это, чтобы лишить Украину правителя вообще, поручив заведовать ею Малороссийской коллегии. Коллегию возглавил назначенный им сановник. Казаки протестовали, ссылаясь на свои права, и отправили в Петербург делегацию — без толку. Глава оппозиционного течения, полковник Павел Полуботок, был арестован и умер на берегах Невы, в камере Петропавловской крепости.

Мазепа поставил на карту и проиграл не только свою судьбу, но и будущее государства, ради которого пошел на риск. Никому не известно, что стало бы с Войском Запорожским, если бы Карла XII не ранили перед Полтавской битвой, а казаки массово поддержали Мазепу. Но мы знаем, о какой Украине мечтали в окружении гетмана, — благодаря документу под названием “Договоры и постановления прав и вольностей войсковых” (в латинском варианте: *Pacta et Constitutiones...*). Его преподнесли в Молдавии Филиппу Орлику, избранному эмигрантами гетманом после смерти Мазепы. Скоропадского, фактически назначенного Петром I, они законным вождем не признавали. “Договоры”, известные теперь на Украине под названием Конституции Орлика, нередко и воспринимают в качестве конституции — даже гордятся, что приняли ее раньше американской. На самом деле ближе всего к “Договорам”, видимо, условия, на которых сейм Речи Посполитой избирал короля. В тексте гетманскую власть пытались ограничить закреплением прав старшины и простых казаков, особенно запорожцев, что составляли немалую часть эмигрантов.

“Договоры” интересны тем, как их авторы видели прошлое, настоящее и будущее Гетманата. Высокопоставленные

казаки из окружения Орлика, генерального писаря при Мазепе, выводили свое происхождение не от Киевской Руси и Владимира — эту традицию уже оседлал пророссийский киевский клир, — а от кочевников-хазар. Опирались они не на исторические, а на лингвистические доводы, смехотворные сегодня, но вполне нормальные для науки раннего Нового времени — уж очень похоже звучат по-украински “козак” и “хозар”. Отсюда выводили существование казацкого народа, совершенно отдельного от Москвы. Орлик и его соратники называли свой народ по-разному: казацким, руським, малороссийским. Впрочем, высказанные эмигрантами идеи не получили на Украине признания, да и мало кто о них слышал. Казаков, что остались на родине, поглощала борьба за сохранение былой автономии хотя бы в урезанном виде.

На Гетманщине многие восприняли смерть Петра в феврале 1725 года, через несколько недель после гибели в темнице Полуботка, как божью кару за свирепость. И как возможность вернуть хотя бы некоторые попранные царем привилегии. Самым желанным было восстановление гетманства. В 1727 году казаки добились своего, выбрав гетманом Даниила Апостола, полковника и бывшего сторонника Мазепы. Радость по поводу возрождения одного из утвержденных при Богдане Хмельницком институтов власти вылилась и в такую форму: где-то нашли портрет старого гетмана и сделали его своеобразной иконой не только освободителя Украины от польского гнета, но и гаранта казацких прав и свобод. В новом воплощении Хмельницкий служил символом малороссийской идентичности старшины, подразумевавшей сохранение особого, привилегированного статуса в обмен на преданность империи.

Какова же была эта новая малороссийская идентичность? Довольно грубый сплав верноподданнических поведенческих с амвона и казацких надежд на сохранение автономии. Становым хребтом малоросийства была лояльность монарху. В то же время носители этой идеи рьяно защищали права и привилегии казацкого народа внутри его империи. Малороссия казацкой верхушки не выходила за пределы Левобережной Украины, отличной в политическом, общественном и культурном аспектах от белорусских земель на северо-западе и от украинских на другом берегу Днепра. При этом на ДНК новой идентичности сохранялся явный отпечаток более ранних проектов нациестроительства. В начале XVIII века возникает новое литературное явление — казацкая историография. Ее тексты отличает синонимичный ряд из таких названий, как Русь, Малороссия, Украина. Там была своя логика, поскольку за перечисленным стояли проработанные одна в другую протонациональные идентичности.

Для описания связи между этими словами и тем, что они значили, хорошо подойдет аналогия с матрешкой. Самая большая — малороссийская идентичность, окрепшая после Полтавы. Внутри нее — казацкая отчизна, Украина, на обоих берегах Днепра, а внутри этой — Русь времен складывания Польско-литовского государства. Ядро малоросийства хранило память о старой княжьей Руси и казацкой Украине, что пришла той на смену. В середине XVIII века никто не мог бы предсказать, что пройдет немного времени и украинское нутро пробьет малороссийскую оболочку и заявит свои права как на территории, которыми гетманы правили, так и на те, о которых они лишь мечтали.

Раздел III
В объятиях империй

Глава 13

Новые рубежи

В последнюю четверть XVIII столетия политическую карту Восточной и Центральной Европы перекроили почти до неузнаваемости. Движущей силой этого процесса был рост военной мощи и политического веса Российской империи. Начало ее карьере европейской сверхдержавы положила Полтавская битва 1709 года. Александр Безбородко, украинец, потомок зажиточного старшинского рода и канцлер при Павле I, заявил однажды молодым дипломатам: “При нас ни одна пушка в Европе без позволения нашего выпалить не смела”. Границы империи Романовых стремительно смещались на юг и на запад. Османам пришлось уйти из Северного Причерноморья, а разделы Речи Посполитой привели к исчезновению этого государства.

Эти радикальные перемены во многих случаях совершались руками украинцев. Тот же Безбородко играл ключевую роль в планировании российской внешней политики в 80-е и 90-е годы XVIII века. Решения, принятые с его участием в Петербурге, заметно сказались на его земляках. Украина попала в центр геополитического циклона — одновременно и выиграв, и пострадав от него. В это время Гетманщина с карты Восточной Европы исчезает уже окончательно. Два

главных культурных рубежа на Украине — между православием и католичеством и между исламом и христианством — также сдвинулись, поскольку изменение политических границ оказывало на них непосредственное влияние. На западе российские власти сдержали наступление римо- и грекокатоличества на Днестре и перешли в контратаку. На юге решение “степной проблемы”, то есть устранение фронта, дало толчок к переселению украинцев на побережье Черного и Азовского морей.

В истории идей, культуры и политики XVIII век известен главным образом как эпоха Просвещения. Начинают этот период иногда с середины предыдущего века, заканчивают Великой французской революцией, а определяют через утверждение — и в теоретической, и в практической плоскости — индивидуализма, скептицизма и рационализма, или “разума”. Собственно, Просвещение часто называют эпохой торжества разума. Однако разум у каждого был свой собственный. Философия того времени уделяет огромное внимание идеям свободы и защиты прав личности, но не меньшее — рациональной политике и абсолютизму. Книги французских мыслителей послужили фундаментом для построения теории как современной республики, так и современной монархии. На Просвещении были воспитаны как отцы-основатели Соединенных Штатов, так и самодержавные властители Европы, их современники. Из числа последних прославились три просвещенных монарха: Екатерина II, Фридрих II Гогенцоллерн и Иосиф II Габсбург. Их объединяли не только нумерация и не только вера в рациональное правление, абсолютизм и свое право повелевать. Именно эти три монарха осуществили разделы Речи Посполитой (1772, 1793, 1795) и не оставили полякам, вдох-

новым тем же Просвещением, шанса на обновление державы. На первый раздел восторженно откликнулся кто иной, как Вольтер, увидевший в этом событии победу либерализма, толерантности и, вы угадали, разума. В письме Екатерине он выразил надежду, что российское правительство наконец-то наведет порядок в этой части Европы.

Абсолютная власть монарха, продуманное управление и распространение одинаковых норм на всех подданных во всех частях империи — вот принципы, которые вдохновили царствование Екатерины II (1762–1796), в том числе и реформы. Ни один из них не предвещал Войску Запорожскому ничего хорошего. Под властью Романовых это автономное образование существовало именно благодаря своему особому статусу. Одной из задач, что поставила себе Екатерина на южном направлении, стали отмена внутренних границ и окончательное поглощение казацкого государства общеимперскими структурами. В 1764 году она наставляла князя Вяземского: «Малая Россия, Лифляндия и Финляндия суть провинции, которые правятся конфирмованными им привилегиями <...> Сии провинции, также Смоленскую, надлежит легчайшими способами привести к тому, чтоб они обрусели и перестали бы глядеть, как волки к лесу. К тому приступ весьма легкий, если разумные люди избраны будут начальниками в тех провинциях; когда же в Малороссии гетмана не будет, то должно стараться, чтоб век и имя гетманов исчезли, не токмо б персона какая была произведена в оное достоинство».

Первым царем, который упразднил гетманство, был Петр — после смерти в 1722 году Ивана Скоропадского. Но вскоре он умер и сам, и на Украине появился новый гетман, хотя ненадолго. Даниил Апостол умер в 1734 году, и правительство империи запретило выборы преемника. Его вновь заменил государственный орган — Малороссийская коллегия. Последний раз гетманство восстановили в 1750 го-

ду, когда булаву дали не казацкому полковнику и не кому-то из генеральной старшины, а 22-летнему президенту Академии наук и художеств Кириллу Разумовскому.

Появился на свет он в простой казацкой семье из окрестностей Козельца (между Киевом и Черниговом), а вот шлифовал свои многочисленные таланты уже в университете Геттингена. Разумовский, впрочем, был прежде всего придворным. Секрет его молниеносной карьеры заключался в выгодном родстве. Алексей, старший брат Кирилла, превосходно пел, играл на бандуре и очутился в придворном хоре. В Петербурге юный певец повстречал Елизавету — дочь Петра I и будущую императрицу. Они жили вместе, а в 1742 году, по неподтвержденным сведениям, обвенчались. Так или иначе, казак Олексий Розум стал графом Алексеем Разумовским. Эпоха “разума” была необычайно добра к Разумовским. Под влиянием “ночного императора”, как прозвали его при дворе, Елизавета восстановила должность гетмана и пожаловала ее младшему брату Алексея.

Если любовник Елизаветы сыграл важную роль в перевороте, который привел дочь Петра к власти (в 1741 году он был одной из главных фигур ее двора), Кирилл помог взойти на престол уже Екатерине. Скипетр к ней перешел вследствие устроенного гвардией переворота — Петра III, ее супруга и законного монарха, свергли, а затем и прикончили. Вообще, права на имперский трон София-Августа-Фредерика фон Ангальт-Цербст-Дорнбург имела весьма сомнительные. Участники переворота считали, что Екатерина у них в долгу. Она с горечью признавалась, что каждый гвардеец видит в ней дело своих рук. Среди таких людей был и гетман Разумовский. В благодарность за услуги он добивался позволения передавать титул по наследству. Его подданные на Украине заговорили о расширении автономии, о собственном законодательстве.

Среди патриотически настроенных казаков нашлись такие, что ставили Гетманщину — Малороссию, как ее уже привыкли звать, — на один уровень с ядром империи. В 1762 году, вскоре после прихода Екатерины к власти, Семен Дедович писал: “Не тебе, государю твоему поддалась”. Эти слова в его поэме воплощенная Малороссия бросает в лицо Великому государю. Автор продолжает: “Не думай, чтоб ты сама была мой властитель, но государь — твой и мой общий повелитель”. В таком представлении о династической унии Малой и Великой Руси возрождались идеи Гадяцкого договора 1658 года. Однако у царицы не было желания править конфедерацией государств, что претендовали каждое на свои привилегии. Екатерина видела империю централизованной, мудро разделенной на административные единицы — и никаких автономий наподобие Войска Запорожского.

Осенью 1764 года она вызвала Кирилла Разумовского в Петербург и окончательно упразднила гетманство, разрушив надежды не только самого гетмана, но и многих украинцев Левобережья. Теперь на его земле хозяйничал генерал-губернатор Петр Румянцев, этнически русский. Он же командовал размещенными там войсками. Правление Румянцева длилось более 25 лет. При нем на Гетманщине ввели крепостное право по российскому образцу, общеимперские налоги и почту, а в начале 80-х годов XVIII века упразднили последний бастион автономии — казачье военно-административное устройство (полки и сотни). Военный компонент влился в регулярную армию, административный был превращен в три наместничества и три десятка уездов по стандартной модели екатерининских времен.

Царица не торопилась воплотить в жизнь свой идеал государственного строя. Процесс поглощения Войска Запорожского, начатый отрешением Разумовского от булавы, занял почти двадцать лет. Дело шло медленно, без новых вос-

станий и новых мучеников в списке пострадавших за свободу Украины. Многие обитатели Левобережья такую инициативу восприняли радостно, как божий дар. Институты и обычаи Гетманщины нередко казались им безнадежно устарелыми, неадекватными эпохе Просвещения. Включение вспомогательных казацких частей в регулярную армию повысило их боеспособность. В мирной жизни появились государственные школы, почтовое сообщение и тому подобные вещи. Появилось и крепостное право, но старшина, за редким исключением, не жаловалась — эксплуатация крепостных приносила ей прибыль.

На Левобережной и Слободской Украине — в регионе на современной северо-восточной границе Украины и России (Харьков и окрестности), которым правили напрямую из Москвы уже в XVII веке, — господствовала казацкая элита, но большинство населения там составляли крестьяне. В течение всей истории Гетманщины их понемногу лишали и земли, и свободы — главных завоеваний восстания Хмельницкого. Во второй половине XVIII столетия около 90% крестьян Левобережья и свыше 50% слобожанских жили на земле православной церкви либо казацкой старшины, примерявшей на себя роль аристократии. Указ Екатерины II от 3 (14) мая 1783 года запретил 300 тысячам крестьян, что обитали на частных землях, покидать место жительства и обязал их работать на барщине. Крепостное право в очередной раз вернулось на восток Украины.

Хотя старшина, получив крепостных, праздновала победу, из ее среды прозвучал по крайней мере один голос против закрепощения крестьян-соотечественников. Это был Василий Капнист, из полтавского старшинского рода греческого происхождения. В 1783 году он пишет один из самых известных антиправительственных текстов времен Екатерины — “Оду на рабство” Одни видят в этой поэме протест

против порабощения села, другие — против поглощения Гетманата. Вполне возможно, он осудил и то и другое, ведь во времена два указа одной царицы почти совпали. Капнист не скрывал разочарования тем, как Екатерина обошлась с его родиной. О последствиях ее деяний для народа, не то просто людей, не то нации, он высказался так: “А ты его обре-нешь: ты цепь на руки налагаешь, благословящие тебя”.

Капнист, как и многие другие представители украинской знати, сделал неплохую карьеру в Петербурге и внес вклад не только в украинскую, но и в русскую культуру. Та же “Ода” заняла достойное место в истории русской литературы. Если во времена Петра I высокие посты в Центральной России оккупировали украинские архипастыри, то при Екатерине II мы видим тут наплыв потомков казацкой старшины и питомцев Киевской академии, подвизавшихся на светском поприще. Только в 1754–1768 годах более трехсот выпускников этого университета поступили на имперскую службу либо уехали в Россию. Полученное ими образование подготовило их к обучению за границей, с тем чтобы впоследствии занять как можно лучшие должности. В империи докторов медицины из малороссов насчитывалось вдвое больше, чем из великороссов, а во второй половине правления Екатерины и при Павле Гетманщина давала более трети студентов Учительской семинарии в Петербурге. Царица перестала рассаживать украинцев по епископским кафедрам (в 1762 году таких в России все еще было большинство), но приток их на военную и гражданскую службу нисколько не уменьшался.

Карьера Александра Безбородко служит отменным примером того, как новое поколение украинской верхушки сочетало любовь к украинской отчизне и жизнь на службе империи. Родился он в 1747 году в семье генерального писаря,

учился в Киевской академии. Полувеком ранее это послужило бы наилучшей отправной точкой для блестящей карьеры в Войске Запорожском. Но времена настали другие. Безбородко отличился в свите уже не гетмана, а генерал-губернатора Румянцева. Юный казак принял участие в русско-турецкой войне 1768–1774 годов и показал себя не только храбрым воином, но и превосходным начальником штаба при командующем — том же Румянцеве. Получив полковничье звание в год завершения войны, на следующий он уже покорял царский двор в Петербурге.

Война, которая дала Безбородко шанс прыжком одолеть пару ступенек на карьерной лестнице и уехать в столицу, стала переломным событием в истории всей Украины, не только Левобережной. Поводом к ней стало восстание, охватившее правый берег Днепра весной 1768 года, — собственно, два восстания одновременно. Первым была “конфедерация”, как это называли тогда в Речи Посполитой, католической шляхты (польской или ополяченной) против постановления сейма, который дал “диссидентам”, прежде всего православным, равные права с духовными чадами Рима. Посол Екатерины II просто напугал депутатов, сплошь католиков, что последнее слово останется за российской армией. Царица таким образом ясно давала понять, что на деле она русская и православная. Конфедераты отвергли решение сейма, усматривая за ним московскую интригу — подрыв не только религиозных, но и политических устоев Польши. По имени города на юго-западе современной Украины, где началось это выступление, конфедерацию назвали Барской.

Конфедераты отвели душу на тех, кто все еще держался “благочестивой веры” на Подолье и Правобережье. В ответ разразилось восстание гайдамаков — православных казаков, мещан и крестьян, подталкиваемых как духовенством, так и российскими сановниками. Казалось, вернулся 1648 год

и католикам снова несдобровать. Как и в тот раз, на помощь казакам, что обратили оружие против прежних господ, пришли запорожцы. Среди первых прославился Иван Гонта, вторых — Максим Зализняк, будущие герои украинского народнического нарратива, а затем и советского. Как и в 1648 году, резали шляхту, римо- и грекокатолических священников и евреев. Евреи с начала века возвращались на эту территорию и возрождали свою экономическую и культурную жизнь на юго-восточной окраине Польши. Многих из них обратил в свое течение иудаизма раввин Исраэль Баал-Шем-Тов, в 40-х годах начавший проповедовать хасидизм в Меджибоже на Подолье. Конфедераты дрались за католическое государство, независимое от России, гайдамаки — за православное казацкое государство под протекторатом империи. Евреи просто надеялись, что их оставят в покое. Желаемого не получил никто.

Летом 1768 года российская армия перешла границу на Днестре и атаковала конфедератов, а заодно и гайдамаков-единоверцев. Последних это застало врасплох — ведь они видели в царском войске освободителей. Империя, однако, руководствовалась другой логикой. Оба восстания угрожали стабильности империи, поэтому оба и подавили. Но отряд украинских казаков, что прикрывался именем России, успел перейти у Балты польско-турецкую границу (видимо, преследуя конфедератов) и вторгнуться на землю Едисанской орды. Султана, в том числе и под влиянием Франции, тревожило усиление позиций России в Восточной Европе. Он ухватился за этот повод, чтобы объявить Екатерине войну, — та приняла вызов.

Генерал-губернатор Малороссии Румянцев возглавил одну из армий и повел ее в Молдавию и Валахию. При ней были и казаки. После ряда победных сражений (Безбородко отличился при Ларге и Кагуле) Россия завладела этими кня-

жествами, включая столицы — Яссы и Бухарест. Взяли также Измаил и Килию, турецкие крепости на Дунае, теперь в украинской Бессарабии. Другая российская армия захватила Крым. Под властью империи очутился весь юг современной Украины, османы отовсюду бежали. В Эгейском море российский флот, на котором служили британские советники, разгромил противника в Чесменской битве.

Договор в Кючук-Кайнарджи (1774), казалось, стал крахом надежд России утвердиться одним махом на Черном море. Ее армиям пришлось уйти из Молдавии, Валахии и Крыма. Доминирование империи в этой части Европы обеспокоило сразу несколько великих держав. И все же договор Екатерину не разочаровал. Османская империя утратила почти все позиции в Северном Причерноморье и в Крыму, который стал теперь независимым. Россия же получила прочный выход к морю, а хан после войны был независимым только от Стамбула, но никак не от Петербурга.

Формально же Крым аннексировали в 1783 году, когда российские войска вторглись на полуостров и выслали последнего хана, Шахин-Гирея, в Воронеж. Важную роль в этих событиях играл Безбородко — к тому времени он стал одним из творцов внешней политики России. Он в числе тех, кто придумал “Греческий проект”, план сокрушения Османской империи и возрождения Византии под контролем Романовых, а также предложил создать Дакию — образ Румынии. “Греческий проект” не воплотился в жизнь и напоминают о нем только названия, данные имперскими чиновниками крымским городам: Евпатория, Феодосия, Симферополь и Севастополь — база Черноморского флота, созданная вскоре после аннексии.

Султан, напуганный путешествием Екатерины на полуостров и слухами о “Греческом проекте”, в 1787 году начал еще одну войну за контроль над северными берегами Чер-

ного моря. Проиграл и на этот раз (Россия воевала в союзе с Австрией). В 1792 году Безбородко заключил в Яссах мир — теперь российская территория простиралась от Днестра до Кубани. Его подпись под документом равнялась окончательной ликвидации степного фронта на юге Украины. Культурный рубеж, впрочем, не исчез, но стал из внешнего внутренним.

Военные победы не только сделали степную границу историей, но и открыли степи для массовой колонизации под началом имперского центра. Нужда в казаках отпала. Теперь власть видела в них только потенциальных бунтовщиков или провокаторов конфликта с соседними государствами, поэтому предпочла бы их куда-то выселить. Еще одним сигналом тревоги стало восстание яицких казаков Емельяна Пугачева, разгромленное в 1774 году. В следующем году по пути домой из Молдавии российская армия окружила Сечь и разогнала запорожцев. Некоторых зачислили в новые казачьи войска, главным образом Черноморское — пройдет несколько лет, и его переселят на Кубань, на фронт с воинственными горцами. Прочие остались на Украине, но организованной силы уже не представляли. Григорий Потемкин, фаворит императрицы, хвастал их селами по пути в Крым в 1787 году. Пышное зрелище, породившее мем “потемкинские деревни”, было очковтирательством не из-за того, что села оказались декорацией, а потому, что существовали задолго до эскапад Потемкина.

Массовая колонизация степей юга Украины началась раньше, когда принадлежали они запорожцам. Сечь сама зазывала беглых крестьян, а правительство в середине XVIII века, отобрав у казаков кое-какие земли, учреждало там новые поселения. Сербь и румыны, вынужденные поки-

нуть пределы Османской империи, обосновались в районах Елисаветграда (теперь Кропивницкого) и Бахмута (в Донецкой области, еще недавно — Артемовска). Эти территории получили название Новой Сербии и Славяносербии. Вековое движение российских укрепленных линий на юг закончилось, империя стала осваивать новые земли, включая Крым, и все бывшие владения запорожцев стали частью Новороссии. (Ее границы колебались, то включая полуостров и нижнее течение Северского Донца, то нет, — но никогда не заходили на Слободскую Украину, будущую Харьковскую губернию, как утверждали идеологи раздела Украины в 2014 году.) Новороссия, нынешний юг Украины, стала магнитом для внутримперской и внешней иммиграции уже в конце XVIII столетия.

В 1789–1790 годах туда добрались первые меннониты из Пруссии — они бежали от обязательного призыва — и поселились на Хортице, прославленном острове за порогами Днепра. Вскоре следом за ними прибыли другие меннониты и вообще немцы-протестанты, а также католики из Центральной Европы. Преобладали, однако, иммигранты из турецких владений: греки, болгары и румыны. Власти хотели заполучить как можно больше работоспособных земледельцев и ремесленников, поэтому давали им землю, налоговые льготы и такие привилегии, какие другим подданным Екатерины II и не снились.

Имперской верхушке льстила этническая пестрота поселенцев — в этом усматривали свидетельство величия России и ее государыни. Василий Петров писал в оде Потемкину (1778):

Молдавец, армянин, индеец иль еллин,
иль черный эфиоп; под коим бы кто небом
на свет не произник — мать всем Екатерина.

К концу века иноземцы составляли около пятой части мужского населения Новороссии, что достигло отметки в полмиллиона. Остальные были восточные славяне. Попадались там и православные еретики, изгнанные из русской глубинки, но большинство бежало туда с украинских территорий севернее, в первую очередь Правобережья. Новороссия возникла под эгидой империи, населяла ее дюжина этносов, но первое место осталось за украинцами.

Если Новороссия превращалась в юг Украины, то в Таврии (Крым и степи к северу) сохранялось численное преобладание татар. Петербург решил смягчить инкорпорацию полуострова в империю: знати дали дворянство и раздали принадлежавшие когда-то ханам земли. Без перемен оставались общественный строй ханства, высокий престиж ислама. Россия не спешила — как и в случае Гетманата, процесс поглощения растянется на многие десятилетия. По разным причинам резких движений следовало избегать. Одной была эмиграция — к концу века около 100 тысяч бывших подданных Гиреев выехало в Османскую империю. Многие не желали жить под властью неверных, но экономическая конъюнктура играла свою роль: степной фронт исчез, а с ним и работорговля, и возможность военной добычи.

В 1792-м Ясский мир с Турцией в глазах всего мира закрепил права России на Крым и Северное Причерноморье, а год спустя на западном рубеже Гетманщины мы видим новый геополитический кульбит. Российско-польская граница по Днепру, которая столетие с лишним делила Украину надвое, внезапно исчезла. Войска Екатерины, частично под командованием бывших казацких старшин — теперь штаб-офицеров или генералов, перешли на правый берег Днепра.

Они оккупировали Житомир, Брацлав, Каменец и немного не дошли до Ровно, заняв Подолье и Восточную Волынь. В Белоруссии та же участь ждала Минск и Слуцк.

Это был Второй раздел Речи Посполитой — событие, которое покончило с расколом Украины по Днепру и осуществило давнюю казацкую мечту объединить Лео- и Правобережье. Первый раздел произошел в 1772 году, когда три великие державы: Пруссия, Россия и Австрия — отрезали по ломтю от Польско-литовского государства. Фридриху II достались земли вокруг Данцига (но не сам город), что позволило объединить Померанию с Восточной Пруссией. Екатерина взяла Восточную Белоруссию и Латгалию, ее австрийская коллега Мария-Терезия — Галичину (Галицию). Российская империя немалую часть XVIII века контролировала всю Речь Посполитую, оказывая давление на сейм, если не грозя напрямую военной силой, а при Екатерине польский трон занимал лояльный Станислав Август Понятовский. Поэтому для России первый раздел кажется скорее неудачей — и даже вынужденной мерой, чтоб избежать войны на два фронта, к чему в Петербурге не были готовы. Австрию напугали победы России в ходе войны с Турцией, и Мария-Терезия решилась выступить на стороне султана. Вот первый раздел и стал взяткой одной императрицы другой — Австрию задобрили польскими землями.

Габсбурги согласились. Они мечтали о Силезии с центром в Бреслау (нынешние юго-запад Польши и Вроцлав), но взяли и Галицию. Мария-Терезия терпеть не могла слова “раздел” — ей казалось, что передвижение границ из-за него выглядит как разбой, — и подыскала в истории оправдание для аннексии новых земель. В XIII–XIV веках венгерские короли претендовали на Галицко-Волынское княжество, поэтому новую территорию назвали “королевством Галиции

и "одомерии" (от Владимира-Волынского). Эту воображаемую преемственность Вена воспринимала вполне серьезно. В 1774 году там припомнили, что галицкие князья имели права на Буковину, и аннексировали северо-запад Молдавского княжества. Закарпатье под властью этой династии оказалась еще в 1699 году. Таким образом, Габсбурги объединили под своим скипетром три части современной Украины, что в будущем имело важнейшие последствия для нее и для Восточной Европы вообще.

По первому разделу Российская империя украинских земель не получила, только белорусские и латвийские. Совсем по-иному дело пошло в 1793 году, когда события в Варшаве спровоцировали второй раздел. В мае 1791 года на сейме принята конституция, которая давала Речи Посполитой шанс на возрождение. Под влиянием идей Просвещения и Французской революции авторы документа стремились к централизации, разумной и дееспособной власти, распространению грамотности. Наметился и прогресс веротерпимости. Агрессивные соседи обратили внимание прежде всего на восстановление управляемости страной за счет укрепления королевской власти и отмены печально известного *liberum veto* — права любого депутата ветировать постановление сейма по собственной воле.

Несмотря на тяжелый удар 1772 года (или же благодаря ему), Речь Посполитая, казалось, могла вырваться из болота аристократических междоусобиц и вернуть себе статус великой восточноевропейской державы. Чтобы не допустить этого, Пруссия и Россия аннексировали еще больше ее территорий, причем вторая изображала защитницу старинных польских прав и свобод, включая *liberum veto*. Рубеж по Днепру, в центре Украины, исчез — установился новый, по Збручу (притоку Днестра). Империи Романовых и Габсбургов стали соседями, ведь занятое россиянами Подолье граничило

с Галицией. Екатерина II, как и покойная уже Мария-Терезия, не могла обойтись без благовидного предлога для аннексии. После событий 1793 года власти отчеканили медаль с картой новых границ и надписью “отторженная возвратихъ” — намек на то, что Правобережье когда-то принадлежало Киевской Руси.

Вскоре Российская империя продвинулась еще дальше на запад. Дело было не в том, что карты домена Рюриковичей изучили внимательнее, — причиной стало польское возмущение вторым разделом, в центре которого оказался Тадеуш Костюшко, уроженец Белоруссии, современник Барской конфедерации и участник Войны за независимость США. В Америке Костюшко строил укрепления Вест-Пойнта и получил от Континентального конгресса звание бригадного генерала. После войны он вернулся в Речь Посполитую и служил в армии генерал-майором. В 1794 году в Кракове он принял командование всеми вооруженными силами и начал восстание. Армии России, Пруссии и Австрии вторглись на польскую территорию, чтобы разгромить инсургентов, а заодно аннигилировали и саму Речь Посполитую.

Три просвещенных монарха расчленили оставшийся после второго раздела огрызок. Австрия хотела заполучить Вольты (“Лодомерию”), но уступила России и удовлетворилась Краковом и Люблином. Чтобы придать аннексии пристойный вид, на этнически чисто польские земли распространили имя Галиции. Пруссия увеличила свои владения к югу от Балтики, овладев Варшавой. Самый большой кусок достался России: Курляндия (часть Латвии), Литва, Западная Белоруссия и Вольты (с такими городами, как Ровно и Луцк).

Кое-кто усматривает в разделах Речи Посполитой воссоединение украинских земель — такого взгляда придерживались, например, советские историки. На самом же деле

Объединение произошло одновременно с новым разделом. Если до 90-х годов XVIII века на украинских землях было два главных господина, Речь Посполитая и Россия, теперь их полностью поделили Россия и Австрия. Империя Романовых стала мажоритарным акционером, поскольку владела большей частью Украины. К концу столетия доля этнических украинцев в их владениях выросла с 13 до 22%, а этнических русских — упала с 70 до 50%. На приобретенных в ходе разделов территориях более 10% населения было евреями, около 5% — римокатоликами (поляки либо ополяченные русины). Этническая картина пестротой никак не уступала той, какой империя любовалась в Новороссии. Но вот верность монарху его новых подданных — поляков, евреев и даже украинцев (малороссиян, как тогда говорили) никто не гарантировал. Не эти народы пришли туда, чтобы жить под царским покровительством, — пришельцами были царские солдаты и чиновники. Государство к новым подданным отнеслось с подозрением. Уже в 1791 году ввели черту оседлости, позволив евреям жить только в бывших воеводствах Речи Посполитой и позднее добавив к ним завоеванное Северное Причерноморье. В пределах черты оседлости оказалась почти вся Украина.

Важнейшей фигурой в тех переговорах, что вылились в кардинальное передвижение границ по Украине в конце XVIII века, был не кто иной, как Александр Безбородко, казак и светлейший князь. В Петербурге он оставался патриотом своей родины, Малороссии, называя ее отчизной. Он помог напечатать казацкую летопись и сам составил историю Гетманщины от смерти Даниила Апостола в 1734-м до начала русско-турецкой войны в 1768 году. Хроника изобиловала описаниями сражений казаков против турок, татар и поляков. Он явно гордился своей казацкой отчизной. Впрочем, едва ли можно проследить влияние “малороссийских” кор-

ней на Безбородко-дипломата, который отстаивал аннексию Крыма, вел переговоры с послами султана в Яссах о судьбе Причерноморья, а затем с австрийцами и пруссаками — о судьбе польского государства. К тому времени, когда с его помощью Крымское ханство и Речь Посполитая пропали с карты Европы, родины Безбородко там уже тоже не было. XVIII век стал эпохой не только Просвещения и рационализма. В первую очередь он оказался эпохой империй.

Глава 14

Книги Бытия

Государственный гимн Украины открывают слова “Еще не умерла Украина” — не самый жизнерадостный зачин. Но среди гимнов таких скорбных песен много. Польский гимн начинается похоже: “Еще не сгинула Польша”. Польский текст сочинили в 1797 году, украинский — в 1862-м, и в том, кто на кого повлиял, сомнений нет. Но откуда этот пессимизм? В обоих случаях представление о смерти страны было вызвано событиями конца XVIII века — разделами Польши и поглощением Гетманщины Россией.

Как и многие другие гимны, польский изначально служил маршем — предназначенным для польских легионов, что дрались в 1797 году в Италии под командованием Наполеона Бонапарта. Песня получила название “мазурки Домбровского”, по имени командира легионеров Яна-Хенрика Домбровского. Из легионеров добрая половина, включая их вождя, принимала участие в восстании Костюшко, так что стихи должны были поддерживать их морально в то время, когда три имперских хищника добивали Речь Посполитую. Вторая строка уточняет, что Польша не сгинет, “пока мы живы”. Под основой нации автор понимал не государство, а тех, кто себя к ней относил, — таким образом, гимн давал надежду

не только полякам, но и другим безгосударственным нациям. Новые поколения патриотов Польши и Украины не смирились с катастрофами предыдущего века, не сочли их приговором своим странам. Политические деятели как польских, так и украинских кругов утверждали новое понимание нации как демократической общности граждан-патриотов, а не просто жителей какого-либо государства.

В начале XIX века император Наполеон и его солдаты принесли идеи Французской революции и народного суверенитета почти во все европейские страны на своих штыках и в своих песнях. В 1807 году мечта польских легионов почти осуществилась — разгромив Пруссию, Наполеон создал Варшавское герцогство на территории, аннексированной Пруссией во время разделов. Поляки предвкушали реставрацию своей державы. В 1812 году поляки, жившие под властью Александра I, восстали — вторжение французов казалось им освобождением. Адам Мицкевич, великий поэт того времени, отразил воодушевление шляхты при входе Великой армии на белорусские земли в поэме “Пан Тадеуш” Ее до сих пор проходят в польских школах (но не белорусских). Один из польских героев Мицкевича ликует: “Коль семя славы располдится, у нас республика родится”¹.

В 1815 году при поступлении в Виленский университет юный творец указал свое имя так: Адам-Наполеон Мицкевич. К этому времени надежды поляков на “рождение нашей республики” рухнули. Наполеон и Домбровский отступили из Российской империи с ничтожным войском. В 1814 году российская армия заняла Париж, Наполеона сослали на Эльбу. Но это поражение не вернуло Польшу в прежнее состоя-

Перевод Н. В. Берга.

Венский конгресс в 1815 году поместил на карту Европы Польшское королевство, восстановив таким образом герцогство Варшавское (включая и отнятые в 1809 году у Австрии польские земли). Поскольку монархом стал российский император, в России это государство стало известно под именем Царства Польского. Александр I пожаловал новым подданным автономию и привилегии, о которых другие жители империи могли только мечтать.

Ушел в прошлое просвещенный абсолютизм Екатерины II — унификация империи, стремление к единообразию в законодательстве и практиках управления. Вернулись особые статусы для отдельных земель. Полякам завидовали те, кто уже потерял свои свободы, — элиты бывшей Гетманщины в том числе. Но если современный польский национализм окреп под крылом Наполеона, его украинский аналог делал первые шаги под знаменем защиты отечества от нашествия французов. В журналах Российской империи даже стали выходить патриотические поэмы не по-русски, а по-украински. Одна из первых, в 1807 году, называлась “Ага! Чи вже ты нахопився, катюжий сыну Бонапарт?” Так или иначе, французский император пробуждал местный патриотизм и национальное чувство. Поляки, немцы и русские давали этим чувствам выход на родных языках, и кое-кто из украинцев решил последовать их примеру. На Украине, как и в остальной Европе, язык, народное творчество, литература и, само собой, история служили материалом для построения современной национальной идентичности.

Среди украинцев, готовых лично оборонять родину от французов в 1812 году, был и основатель современной украинской литературы Иван Котляревский — он набрал из ополченцев Украинский казачий полк. Сын мелкого чиновника из Пол-

тавы, в южной части Гетманщины, он учился в духовной семинарии, служил домашним учителем у дворян, принимал участие в Русско-турецкой войне 1806–1812 годов. В 1798 году он опубликовал первую часть “Энеиды” — поэмы-бурлеска на сюжет Вергилия, превратив героев из греков в запорожцев. А как же еще говорить запорожцам, если не по-украински? Но выбор языка кажется закономерным только в ретроспективе. На Левобережной Украине конца XVIII столетия Котляревский стал пионером — автором первой крупной поэмы, написанной на живом народном языке.

Отчего Котляревский выбрал именно его? У нас нет ни малейших причин полагать, что за его поступком стояли политические мотивы. Он скорее играл с языком, чем слагал литературный манифест, ведь его “Энеида” — одна огромная шутка. У полтавчанина, конечно же, были и литературный талант, и тонкое чувство времени. На рубеже столетий по всей Европе умы интеллектуалов занимал образ нации в качестве не только государства, где суверенитет принадлежит народу, но и культурной общности — этакой спящей красавицы, которую пробудит национальное возрождение. В Германии Иоганн Готфрид Гердер новое представление о нации основывал на языке и культуре. По всей Западной и Центральной Европе энтузиасты, которых позже назовут фольклористами, собирали народные сказки и песни — а если не находилось ничего примечательного, просто выдумывали. На Британских островах Джеймс Макферсон, якобы открыв поэмы древнего барда Оссиана, дистиллировал ирландское народное творчество в шотландский национальный миф.

Котляревский написал первую часть “Энеиды”, когда церковнославянская надстройка, присущая литературе Российской империи прежних времен, уже рушилась. Наступало время литератур, так или иначе основанных на разго-

ворном языке. В русской культуре взошло солнце Пушкина. Зарей украинской литературы стал Котляревский. Какие мотивы ни обусловили бы его выбор в пользу украинского, Иван Петрович об этом никогда не жалел. Он добавил к “Энеиде” еще пять частей. Его перу принадлежат и дебютные пьесы на украинском, в том числе “Наталка-полтавка”, любовная история на фоне сельского быта. Наречие малой родины автора, Полтавщины, ляжет в основу литературного языка носителей диалектов украинского от Дона до Карпат. Творчество Котляревского ознаменовало появление на свет новой литературы. В 1818-м вышел и научный труд ему под стать — “Грамматика малороссийского наречия” Алексея Павловского. Через год Николай Цертелев напечатал первый сборник народного творчества: “Опыт собрания старинных малороссийских песней”

Поэмы и пьесы Котляревского могли бы остаться курьезом, достойным в истории литературы только примечания, если бы за ним не последовали десятки, а потом и сотни талантливых авторов. Не все писали по-украински, но почти всех вдохновили идеи романтизма — характерное для начала XIX века увлечение фольклором и традицией, упор на чувства, а не рассудок, как в эпоху Просвещения. Родиной украинского романтизма стал Харьков, где власти открыли в 1805 году университет, приглашая на вакантные кафедры преподавателей отовсюду. В то время профессорский статус предполагал интерес к местной истории и культуре, а Слободской Украине было что рассказать. Харьков служил столицей тогда уже губернии, населенной казаками и крестьянами, чьи предки бежали на восток во времена Хмельниччины и последующих войн. В XVIII и начале XIX веков эту землю нередко называли просто Украиной. Неудивительно, что первый литературный альманах, который стали издавать в Харькове, получил название “Украинский вестник” Ос-

новным языком служил русский, но принимали и тексты по-украински. Авторы регулярно обсуждали вопросы региональной истории и культуры.

Примат казацкого прошлого для романтической лиры, очевидный уже из выбора пародийного приема в “Энеиде”, еще очевиднее проявился в том, с каким рвением харьковские литераторы популяризовали программный текст той эпохи — “Историю русов”. Автором этой повести о казаках назначили посмертно Георгия Конисского, православного епископа XVIII века, но истинный автор (либо авторы) относятся, видимо, к казацкой старшине Стародубского полка, самого северного на Гетманщине. Чьему перу ни принадлежала бы “История”, в ней сквозит обида на положение старшины относительно русского дворянства и вообще Малороссии относительно метрополии. Казацкие хронисты отстаивали равноправие этих частей империи еще в XVIII веке. В “Истории русов” ту же мысль проводили уже с поправкой на романтические идеи и чувства.

Книга изображает казаков отдельным народом и превозносит их славное минувшее — подвиги украинских гетманов, сражения и гибель от рук врагов. Роль антагонистов в этом сюжете отведена другим народам: туркам, полякам, евреям и русским. “История русов” разожгла огонь воображения писателей-романтиков по всей империи. В Петербурге она стала стимулом для Пушкина, Рыльева и Гоголя. В Харькове жрецом таинственного откровения стал Измаил Срезневский, профессор тамошнего университета. Подобно Макферсону в предыдущем столетии, он был не прочь выдумывать фольклор и сам. Но если первого вдохновили ирландские мифы, Срезневскому послужила источником “История русов”. В 30-е и 40-е годы XIX века она приобрела огромную популярность в бывшей Гетманщине, превратила память об успехах и невзгодах казацкого

Сюжетовия в повесть об этнической общности и стала важным этапом в построении современной украинской идентичности.

Левобережье подарило всей Украине ключевой исторический миф, культурную традицию и литературный язык — необходимые компоненты создания современной нации. А также ее созидателей. Упомянутые выше Иван Котляревский, Николай Цертелев, Алексей Павловский родились именно в Гетманщине. Причина преобладания левобережных казацких элит на ранних стадиях строительства нации проста: территория бывшего казацкого государства была единственным местом на Украине позапрошлого века, где землевладельческую верхушку не отделял от селян непроходимый культурный барьер. В австрийской Галиции и юго-западных владениях Романовых (Волынь, Подолье, Правобережье) земли и богатства оставались в руках поляков или ополяченных и окатоличенных русинов. В колонизируемых южных степях — Новороссии — если не этнически, то культурно элита была русской. Отпрыски казацкого народа Гетманщины оказались почти единственными кандидатами на роль борцов за будущую нацию. И нация закономерно унаследовала от этих земель не только литературный язык, но и название Украины.

Начало построения современной нации на Украине — его называют стадией сбора (культурного) наследия — пришлось на период наполеоновских войн и первые годы Европейского концерта — континентального правопорядка, созданного Венским конгрессом 1814–1815 годов. Повестку дня следующей стадии задало польское Ноябрьское восстание 1830 года. Именно после него нарождавшаяся нация стала обдумывать свою возможную политическую программу.

В Польше дело шло к новой войне давно. Постановления Венского конгресса сделали российского императора Александра I также польским царем. Вольнодумствующий государь даровал новым владениям одну из самых либеральных в Европе конституций. Однако выяснилось, что от абсолютной власти Романовы так просто не отказываются. Александр дал это понять довольно скоро после того, как прочие державы признали его суверенитет над Польшей. Царские наместники нередко пренебрегали сеймом, держали печать в ежовых рукавицах и попирали остальные свободы, которые царь посулил “Конгрессовке”. Молодые поляки в ответ начали собираться в подпольные кружки и превратились для власти в объект охоты.

Ухудшили политический климат события декабря 1825 года в Петербурге. Декабристы проиграли, и началось тридцатилетнее правление консерватора Николая I. В ноябре 1830-го мятеж юных офицеров в Варшаве стремительно перерос в общешляхетское восстание — не только в “Конгрессовке”, но и бывших воеводствах Речи Посполитой в Литве, Белоруссии и на Украине. Одна из армий повстанцев вышла в поход на юго-восток, и шляхта взялась за оружие на Волыни, в Подолье и на Правобережье. Призывали они в свои ряды и крестьян-украинцев, иногда обещая освобождение от крепостной зависимости. Армия империи нанесла Польше сокрушительный ответный удар. Вожди, участники и сторонники восстания, включая Мицкевича, бежали — главным образом во Францию. Тем, кому повезло меньше, пришлось отведать российских тюрем и ссылки.

Ноябрьское восстание не только взвинтило националистические настроения в Польше, но и вызвало жесткую шовинистическую реакцию в империи. Российский патриотизм, которому с наполеоновских времен была присуща антифранцузская направленность, стал теперь яростно поло-

нофобским. Идеологическую контратаку на польских “бунтовщиков” с их заграничными покровителями из Парижа возглавил сам Пушкин. В “Клеветникам России” он увещевал пропольски настроенных французов: “Оставьте — это спор славян между собою” Война грозила владениям империи далеко на восток от Царства Польского — на Украине в том числе. В “Бородинской годовщине”, напечатанной в брошюре “На взятие Варшавы”, поэт вопрошал:

Куда отвиним строй твердынь?
 За Буг, до Ворсклы, до Лимана?
 За кем останется Волинь?
 За кем наследие Богдана?
 Признав мятежные права,
 От нас отторгнется ль Литва?
 Наш Киев дряхлый, златоглавый,
 Сей пращур русских городов,
 Сроднит ли с буйною Варшавой
 Святыню всех своих гробов?

Во время Ноябрьского восстания Пушкин задумал даже написать историю Малороссии.

Оборона Украины и других бывших восточных земель Речи Посполитой против западной крамолы — особенно польской — стала лейтмотивом политики Петербурга в регионе на десятилетия вперед. Империя Романовых созрела до того, чтобы стать менее европейской и более туземной, использовать патриотическое чувство русских, которое складывалось уже в идеологию, для удержания завоеванных территорий. Именно в это время министр просвещения граф Сергей Уваров формулирует основу новой российской идентичности: православие, самодержавие, народность. Первые два элемента триады для имперской идеологии были вполне

традиционны, зато третий стал уступкой эпохе подъема национализмов. Уваров в народности видел понятие не общее имперское, а сугубо русское. Он писал о трех “началах” как “составляющих отличительный характер России и ей исключительно принадлежащих”, что должны были “собрать в одно целое священные останки ее народности” Народность эта распространялась на русских, украинцев и белорусов.

Пусть даже ученые до сих пор спорят о том, что именно значила триада, Уваров задал превосходные координаты для осмысления российской политики на западных окраинах начиная с 30-х годов XIX века. Идеальные подданные должны были не только выказывать преданность императору (этого Романовым хватало в эпоху Просвещения), но и быть русскими, исповедовать православие. Ноябрьский мятеж поставил под вопрос лояльность крестьян Правобережной Украины. В глазах властей это были русские, но далеко не всегда православные — на присоединенных в 1793 и 1795 годах землях преобладали униаты. Превращение их в идеальных подданных требовало возвращения их назад в православие. Это была страховка против союза римокатолической шляхты и грекокатоликов из простонародья. Намечалось нечто обратное Брестской унии: вместо проповеди православия среди униатов-мирян правительство нашло сторонников в их духовенстве и с помощью последних обращало саму церковь в православную — примерно так же, как Речь Посполитая поступала с церковью “схизматиков” и в конце XVI, и в начале XVIII века.

В 1839 году Полоцкий церковный собор по прямому указанию властей провозгласил “воссоединение” грекокатоликов и православных и просил благословения императора. Николай I дал согласие и ввел в Западный край дополнительно войска, опасаясь, что расторжение унии вызовет очередную бунт. Полторы с лишним тысячи приходов и, как по-

дагают некоторые, в тысячу раз больше прихожан на Украине и в Белоруссии одним махом были “возвращены” в православие. В Белоруссии, на Волыни, Подолье и Правобережье самодержавие ставило себе на службу остальные компоненты триады: православие и народность. Началось долгое “оправославливание” бывших униатов, которое шло рука об руку с их культурной русификацией. В семинариях преподавали по-русски, поэтому интеллектуальную элиту церкви обратили не только в православие из грекокатоличества, но и в русские из русинов или украинцев.

Куда сложнее оказалась битва за умы светской верхушки тех земель, которым угрожало возмущение Польши. Сперва Романовы применили обычную тактику: зазывали аристократов потрудиться на благо России, не покушаясь на их статус и собственность. Александр I нашел в польских магнатах и интеллектуалах ценных помощников для своих либеральных начинаний. Крайне полезны они оказались в деле народного просвещения, ведь Речь Посполитая достигла там больших успехов, прежде чем ее добились разделами.

Князь Адам Ежи Чарторыйский, отпрыск знатнейшего русинско-польского рода, стал одним из главных архитекторов системы школ в юго-западных владениях империи. В первые годы XIX века он входил в число ближайшего окружения Александра и фактически несколько лет руководил его внешней политикой. Император назначил Чарторыйского попечителем Виленского учебного округа — центром его был Виленский университет, а в состав входили бывшие польские воеводства на Украине. Другой польский магнат, Северин Потоцкий, стал попечителем Харьковско-го учебного округа — из Харьковского университета заведовали образовательными учреждениями Левобережья и юга Украины. Открытие обоих университетов и развитие сети государственных школ на этих территориях вошли в число

главных достижений реформы, проводил которую Петр Завадовский — выпускник Киевской академии и первый в ряду министров просвещения России.

Если в Петербурге времен Александра I и существовало понятие о национальной политике, оно сводилось к идее славянского братства поляков и русских (в число которых включали украинцев). Ноябрьское восстание его разрушило. Чарторыйский, что до 1823 года занимал вышеупомянутый пост, в декабре 1830 года возглавил революционное правительство Польши. Затем из своего парижского центра (отель “Ламбер”) он руководил правым крылом “Великой эмиграции” — так назвали бегство тысяч повстанцев в Западную Европу. Союз российского самодержавия и польской шляхты распался. Пострадало и дело народного просвещения, в котором лояльные Александру поляки играли ключевую роль. Россия приняла вызов Польши и вступила в культурную войну на Украине и в других бывших воеводствах Речи Посполитой. Граф Уваров занялся рурфисикацией западных окраин, насаждая там русскоязычные образование и культуру.

Виленский университет, числом студентов еще недавно равный Оксфорду, в 1832 году закрыли как рассадник польского национализма. Та же участь ждала и некоторые другие учебные заведения, где звучала польская речь, — среди них и Волынский лицей в Кременце. Власти велели перевезти его богатую библиотеку, коллекцию скульптур и растения из ботанического сада в Киев. В 1834 году там создали новый очаг высшего образования, который должен был заменить виленский. В новом университете язык мятежников запретили — преподавать разрешалось только по-русски. Назвали его именем св. Владимира, первого православного самодержца и человека русского хотя бы с точки зрения официальной историографии.

Имперские власти задумали превратить Киев — “дряхлый”, по словам Пушкина, город с 35 тысячами обитателей — в бастион не только военной мощи, но и национальной политики на европейском культурном фронтире. В городе запретили жить евреям, а православные храмы реставрировали сообразно вкусу высшего света. Строили новые улицы и бульвары, которым давали новые имена. Жандармская улица, например, доходчиво символизировала собой то значение, что имела на пограничных землях полиция. В 1833 году новый генерал-губернатор Подолья и Волыни, от которого царь ждал глубокой интеграции Правобережной Украины в империю, предложил возвести в Киеве монумент князю Владимиру. Николай I изучил проект и горячо одобрил. На стацию ушло двадцать лет — открыли ее в год начала Крымской войны. Он возвышается и сегодня — не перед университетом, как вначале задумали, а на берегу Днепра. Фигура князя на этих склонах допускает разные интерпретации: от знака русско-украинского религиозного и этнического единства до памятника основателю первого украинского государства. Мало кто сегодня помнит, что империя таким образом просто застолбила бывшие польские владения на Правобережье.

Основание в Киеве современного университета (третьего на украинских землях после Львовского и Харьковского) стало поворотным моментом в истории региона. Перед университетом ставили задачу готовить из местных кадров исполнителей воли Петербурга и проводников русской идентичности. Сформировали также комиссию для сбора и публикации древних актов, которые доказали бы, что Правобережье, Подолье и Волынь издавна принадлежали Руси. В первые годы все шло по плану. Уроженцы окрестных губерний — потомки казацкой старшины, поповичи и дети чиновников из бывшей Гетманщины — приезжали в Киев

и вступали в интеллектуальный поединок с “ляхами”, старыми врагами казаков. Тем не менее к концу 40-х годов власти поняли, что спокойствие было иллюзорно: Киевский университет и Археографическая комиссия, задуманные как бастион русскости в борьбе с польской угрозой, послужили питательной почвой для новой идентичности и нового национализма.

В 1847 году Алексей Петров, студент юридического факультета университета св. Владимира, явился к попечителю Киевского учебного округа, чтобы донести о тайном обществе республиканцев, врагов самодержавия. Расследование обнаружило подпольное Славянское общество св. Кирилла и Мефодия, братьев-просветителей, что распространили не только новую веру, но и язык и письменность. Среди членов общества были Николай Костомаров, профессор Киевского университета (позднее — родоначальник современной украинской политической мысли и исторической науки), и Тарас Шевченко, недавно назначенный в тот же университет учителем рисования. Костомаров родился в семье помещика Воронежской губернии, на северо-восточном рубеже Слободской Украины, и нередко подчеркивал, что его мать была крестьянкой-украинкой. Правда это или нет, интеллигенция Киева середины позапрошлого века к тем, кто вышел из низов, относилась с уважением — из-за желания трудиться для народа и быть к нему ближе.

С точки зрения народнической никто из заговорщиков не имел такого безупречного происхождения, как Шевченко. Он родился в 1814 году в семье крепостных на Правобережье и в составе двора местных помещиков Энгельгардтов уехал сначала в Вильно, а затем в Петербург. Там проявились его наклонности художника. Иван Сошенко, коллега и зем-

ляк, открыл томимый в рабстве талант, когда тот срисовывал статуи в Летнем саду. Тараса познакомили с несколькими корифеями российской культурной сцены — в том числе Карлом Брюлловым и Василием Жуковским. Картины Шевченко, его судьба и личность произвели впечатление на артистические круги. Юного крепостного решили освободить любой ценой. Вольная обошлась в 2500 рублей — огромную сумму по тем временам. Портрет Жуковского, написанный ради этого Брюлловым, разыграли в лотерею, и его купила царица (однако всех положенных денег от августейшей особы не дождалась).

В двадцать четыре года Шевченко обрел свободу и показал свой талант не только в живописи, но еще больше в поэзии — и в 1840 году напечатал первый сборник “Кобзарь”. Кобзарь (странствующий певец) станет его вторым именем для последующих поколений. Издали сборник в Петербурге, однако по-украински. Почему же Тарас, которого увезли с родины ребенком, который сложился как личность, художник и поэт на берегах Невы, не избрал тот язык, что слышал на столичных улицах, в мастерских и салонах?

Среди явных причин — влияние на него в Петербурге земляков, которые помогли ему получить волю. Одним из них был уроженец Полтавской губернии Евгений Гребинка. В год знакомства с Шевченко он как раз трудился над украинским переводом “Полтавы” Пушкина. Гребинка твердо верил в то, что украинцы должны иметь собственную литературу, включая и переводную. В 1847 году автор “Кобзаря” объяснил причины выбора языка в предисловии к новому изданию того же сборника:

Великая тоска одолела душу мою. Слышу, а иногда и читаю: ляхи печатают, чехи, сербы, болгары, черногоры, молдавы — все печатают, а у нас ни гугу, будто у всех язык

отнялся. Что ж вы так, братия моя? Может, испугались нашествия иноплеменных журналистов? Не бойтесь, собака лает, а ветер носит <... > А на москалей не оглядывайтесь, пусть они себе пишут по-своему, а мы по-своему. У них народ и слово, и у нас народ и слово. А чье лучше, пусть судят люди¹.

Особенно Шевченко расстраивал Николай Гоголь, уроженец бывшей Гетманщины и основоположник современной русской прозы, пусть даже и корифей украинской темы. “Они ссылаются на Гоголя, что он пишет не по-своему, а по-московскому, или на Вальтера Скотта, что и тот не по-своему писал”, — сетовал поэт. Его такие параллели не убеждали. “Почему В. С. Караджич, Шафарик и иные не постриглись в немцы (им бы удобнее было), а остались славянами, подлинными сынами матерей своих, и славу добрую стяжали? — приводил он в пример отцов сербского и словацкого культурного возрождения. — Горе нам! Но, братия, не предавайтесь унынию, а молитесь Богу и работайте разумно, во имя матери нашей Украины бес-таланной”.

Авторство программного документа Кирилло-Мефодиевского общества, “Книги бытия украинского народа”, принадлежит Костомарову. Вдохновила его среди прочего “Книга польского народа и польского пилигримства” Мицкевича, где тот представил историю своей отчизны как хронику мытарств “Христа народов”. Польский поэт утверждал, что его нация воскреснет и спасет все порабощенные нации. Костомаров же отвел эту роль Украине — ее казачье происхождение гарантировало демократичность и эгалитарность. Украинцы не знали ни царей, как русские, ни магна-

Цит. по сборнику “Шевченко об искусстве” (1964).

тов, как поляки. Члены Кирилло-Мефодиевского общества гордились былой славой украинского казачества, желали отмены крепостного права и выступали за преобразование Восточной Европы в федерацию славянских республик-сестер, в том числе Украины.

В это братство вступило немного людей, а раскрыли его через год с небольшим. “Заговорщиков” арестовали — Костомарова за несколько дней до свадьбы, а Шевченко по прибытии в Киев гостем на эту же свадьбу. Бюрократы разглядели в их деятельности признаки новой и потенциально опасной тенденции. В документах следствия несколько раз идет речь о “восстановлении независимости Малороссии”, сам же Николай I охарактеризовал общество так: “Явная работа той же общей пропаганды из Парижа; долго этой работе на Украине мы не верили...” (имея в виду польскую эмиграцию). Но другим казалось, что общество объединило верных подданных царя, защитников Руси от польского влияния, которые просто переборщили с малороссийским патриотизмом и не заслужили строгой кары. В итоге власти наказали кирилло-мефодиевцев сравнительно мягко, чтобы не привлекать к ним лишнего внимания и не толкнуть их собратьев-украинофилов (к середине XIX века в правительственных кругах утвердился именно такой термин) в объятия польских националистов.

Следствие полагало программой общества объединение славян под скипетром российского царя. Подлинные цели арестованные ухитрились скрыть от имперских сановников (либо те сами не желали их видеть). Костомарова заключили на год в крепость, другим дали от шести месяцев до трех лет или отправили на службу в удаленные великорусские губернии. Николай Павлович суровее всех покарал Шевченко — службой рядовым солдатом на десять лет, “с запрещением писать и рисовать”. Его возмутили выпады поэта и художни-

ка лично против него и царицы. Но не осталось незамеченным и то, как Тарас Григорьевич проклинал в стихах империю за тяжкую долю его земляков, его отчизны — Украины, а не России. Его поэзия подрывала два столпа уваровской триады: самодержавие и народность. Да и православие он исповедовал совсем не то, не имперское.

Творчество и деятельность Костомарова, Шевченко и других кирилло-мефодиевцев положили начало тому, что в наше время называют украинским национальным проектом. Они впервые сплавили из находок историков, языковедов, фольклористов, трудов писателей фундамент политической программы, которая приведет к образованию спаянной национальным самосознанием общности. В XX веке идеи “Книги бытия украинского народа”, чьи семена в образованном слое взошли благодаря страстной поэзии Шевченко, коренным образом преобразуют Украину и всю Восточную Европу. Нагляднейшим свидетельством этой перемены служит памятник Тарасу Шевченко перед главным корпусом Киевского национального университета им. Т. Г. Шевченко. Он стоит там, где до революции возвышалась статуя Николая I, основателя Киевского императорского университета св. Владимира и гонителя украинского поэта.

Глава 15

Прозрачная граница

В 1848 году, через год после разгрома Общества св. Кирилла и Мефодия в Российской империи, украинцы империи Австрийской создали во Львове первую политическую организацию под названием “Головна руська рада”, то есть Главный рус(ин)ский совет. Галицких украинцев по-славянски называли русинами, а в германоязычной державе Габсбургов — рутенами. Рада оказалась организацией совсем иного рода, чем общество в Киеве. То действовало в тайне, насчитывало всего несколько членов и было ликвидировано царской властью. Здесь же все началось с благословения австрийского губернатора Галиции при поддержке и широком участии публики.

Каковы бы ни были различия между двумя организациями, время их создания почти совпало, и это указывает на важнейшую черту становления украинской культуры, национальной идентичности и политической жизни. Процесс шел двумя параллельными путями — если на одном воздвигали барьеры, на другом развитие могло идти с той же скоростью, если не большей. Разделенные российско-австрийской границей, деятели национального возрождения были связаны тысячами нитей, которые пересекали не только по-

литические, но и конфессиональные рубежи между православными и грекокатоликами. Активисты обходили препятствия, которые то и дело воздвигала то одна, то другая империя, используя самые разные каналы и создавая общую для “Великой Украины” и Галичины мечту о будущем.

Понять друг друга адептам национального возрождения из империй Габсбургов и Романовых — разделенным границами, но объединенным образом мыслей — было нетрудно еще и потому, что два правительства проводили совершенно разную линию в отношении украинского меньшинства. Как никто другой, это несходство ощутили на себе униаты — грекокатолическую митрополию обе империи получили в наследство от Речи Посполитой. В отличие от России, Австрия их не преследовала и не принуждала к “воссоединению” с доминантной церковью — в этом случае с римокатоличеством, религией немецкой и польской знати. Габсбурги относились к ним тепло, на что указывает их новое название — грекокатолики, католики византийского обряда. Открыли и семинарию для грекокатолического духовенства, сперва в Вене, затем во Львове. В начале позапрошлого века церковь стала независима от предстоятеля, чья резиденция находилась в Российской империи, — львовские епископы сами получили митрополию. Светская элита к тому времени ополчилась и перешла в римокатоличество, поэтому церковь для крестьянина-русина осталась единственным маяком в жизни. Она же затем служила почвой для роста национальной интеллигенции.

По какой причине Габсбурги избрали эту стратегию? Как ни странно, по той же, что Романовы. У двух империй была одна головная боль — Польша, но разные способы борьбы с ней. Российское правительство поглотило в 1839 году уни-

атскую церковь и сдерживало украинское возрождение, чтобы уберечь “русский народ” (имперскую нацию) от “польской пропаганды”. Австрийское же поощряло рутенов, чтобы их движение служило противовесом полякам в Галиции. В Вене не стремились онемечить этих славян и не боялись того, что у них утвердится собственное национальное самосознание, — напротив, радовались тому, что эти миллионы не пополнят уже вполне сформированную польскую нацию.

Впервые ставку на такую политику сделали в год “Весны народов” — 1848-й. Либеральный национализм громко заявил свои права по всей Европе, от Палермо до Парижа и до Вены. Европейский концерт, плод договоров 1815 года, поставили под сомнение — не только границы государств, но и политические режимы. В марте 1848 года вдохновленные свержением Луи-Филиппа венгры, решив сбросить австрийское иго, взялись за оружие. За ними восстали поляки в Кракове, а затем и во Львове — с требованиями автономии и гражданских свобод. Врагами последних оказались не только Габсбурги, но и добрая половина населения Галиции. Украинцев в этом коронном крае насчитывалось около 50%, поляков — около 40%, евреев — 7%. Поляки преобладали в Малой Польше (с Краковом включительно), которую империя окрестила Западной Галицией. В Галичине как таковой большинство составляли украинцы. Евреи жили повсюду — чаще в городах и местечках. В восточной половине края уровень их урбанизации был равен 60%.

Край отличался слабым на фоне остальной империи развитием, аграрным укладом экономики. После первого раздела Речи Посполитой император Иосиф II отобрал у галицийской шляхты рычаги управления и поручил бюрократам — прежде всего онемеченным чехам из Богемии — построить там новую административную систему. Он пекся и о повышении уровня образования и культуры, о защите

прав крепостных от землевладельцев. Уделив внимание полякам и русинам, на евреев Иосиф махнул сперва рукой и позволил им сохранить традиционное устройство — взамен им пришлось платить “налог на веротерпимость”. Но в 1789 году император издал эдикт о толерантности для евреев Галиции. Важнейший шаг на пути эмансипации евреев предусматривал и роспуск их общественных институтов, запрет на идиш и древнееврейский в официальных документах, учреждение школ с преподаванием по-немецки и призыв евреев на военную службу. Когда в марте 1848 года во Львове началась революция, немало евреев примкнуло к польским повстанцам. Однако Австрия при поддержке российской армии справилась и с венграми, и с поляками. Надежды шляхты на восстановление Речи Посполитой рухнули, а с ними и надежды евреев на равенство.

Из жителей Галичины революция 1848 года облагодетельствовала больше всего украинцев — самых лояльных, вероятно, подданных императора, тех, кто бунтовать как раз и не желал. Они не пристали к полякам, ведь в воззваниях повстанцев не было ни слова о крестьянине-русине и его нуждах. В апреле 1848 года лидеры украинской общины — исключительно из грекокатолического духовенства — издали свое воззвание. Они уверяли Фердинанда I в преданности и просили защиты от польской аристократии, от притеснений родного языка. Губернатор края, граф Франц Стадион, дал добро, и клир образовал упомянутую выше Раду. Львовский полицмейстер Леопольд фон Захер-Мазох, отец известного писателя, разрешил издание газеты под названием “Зоря¹ галицкая” Стадион видел в этом средство парализо-

Зд.: звезда (укр.).

вать польское влияние и укрепить австрийское господство в Галиции.

Возглавленный духовными лицами совещательный орган и вправду послужил неплохим противовесом польскому Национальному совету (Раде народóвой), катализатору революции. Споры вызывал почти каждый сколько-нибудь значительный вопрос. Поляки были настроены радикально, украинцы — крайне консервативно. Поляки требовали автономии для всей Галиции, украинцы в первую очередь добивались ее раздела, восстановления прежней Галичины, где их доля равнялась 70%. Петицию о разделе коронного края подписало 200 тысяч человек. Тщетно — коронный край оставался в тех же границах и в 1918 году. Но революция принесла народу политическую организацию и собственную газету — нечто невиданное дотоле.

Истинным переворотом в укладе общества, конечно, стала отмена крепостного права и наделение крестьян правом голоса. Поляки-мятежники требовали и того и другого — но осуществили обе реформы австрийские власти, а выиграли от них главным образом украинцы, преобладавшие в сельском населении края. Из 25 украинских депутатов рейхстага от Галиции 16 были крестьянами, в Буковине — все пятеро. Избрание этих депутатов глубоко отразилось на украинских подданных Габсбургов, познакомив их с электоральной политикой и научив самоорганизации не для восстания (крестьяне время от времени бунтовали), а для защиты своих интересов в правовом поле.

Поражение революции привело, однако, к угасанию легальной политической жизни. В 1851 году Раду распустили. Но украинское национальное движение не исчезло. Грекокатолический клир руководил им еще и в 60-е годы XIX века. Это были “святоюрцы”, что группировались вокруг митрополичьего собора Святого Юра, — по национальной же

ориентации их называли старорусинами. Их отличали политический и социальный консерватизм, лояльность империи. При этом себя и свою паству из крестьян они полагали отдельным русинским (рутенским, руським) народом. Врагами их были поляки, покровителями — Габсбурги, а на соотечественников-украинцев (малороссов) по ту сторону восточной границы они почти не обращали внимания.

Итак, “Весна народов” ускорила складывание в Галиции новой украинской нации, однако не ответила на вопрос, что это будет за нация. Все варианты идентичности, включая вышеупомянутый, заключала в себе, словно в зародыше, “Руська трійця”, то есть “Рус(ин)ская троица” — группа романтически настроенных писателей, вышедшая на культурную сцену в середине 30-х годов XIX века. Ее лидеры: Маркиан Шашкевич, Иван Вагилевич и Яков Головацкий — учились в грекокатолическом отделении львовской семинарии. Как и другие европейские “будители”, они собирали фольклор и страстно увлекались историей. С одной стороны пример им подавали светочи национального возрождения западно- и южнославянских народов, что пребывали под властью Габсбургов, с другой — первопроходцы с Левобережной Украины: Иван Котляревский, собиратели песен, романтики из Харьковского университета. В 1837 году в столице Венгрии эта группа опубликовала “Русалку Днестровую”, свой первый и последний альманах.

В то время все члены “Троицы” видели своих земляков частью большого украинского народа. Затем их взгляды разошлись. Только Шашкевича в наши дни почитают как основателя украинской литературы в Галичине. Он умер в 1843 году, до революционных потрясений и связанных с ними мировоззренческих раздоров. Вагилевич в 1848 году вступил в “Руський собор”, организацию-сателлит польской Рады, и в глазах украинских националистов стал предателем. Голо-

вацкий в 50-х годах возглавил галицких русофилов, которые включали местных украинцев в единую общерусскую нацию. Таким образом, если применить термины более поздней историографии, лидеры “Троицы” символизируют три варианта политической ориентации, которые могли избрать коренные жители Галичины: проукраинский (Шашкевич), пропольский (Вагилевич) и пророссийский (Головацкий).

Такие предпочтения шли рука об руку с выбором алфавита для родного языка. В 30-е, а затем в 50-годы XIX века местное общество потрясали “азбучные войны”, противоборство опять же трех вариантов: старой кириллицы (церковнославянской), гражданской кириллицы, похожей на введенную в России Петром I, и латиницы. Австрийские власти и польская шляхта не прочь были навязать именно последнюю, чтобы украинская литература легче вошла в общеимперское поле и с большей вероятностью подверглась полонизации. Но когда Вена в 1859 году попробовала ввести латиницу сверху, украинцы единодушно сопротивлялись. Выяснилось, что национальное возрождение Галичины крепко держится за кириллицу. А вот вопрос, станет ли этот народ чем-то особым, вольется в российскую или украинскую нацию, оставался открытым.

Азбучная война 1859 года в Галиции заметно повлияла на политический климат державы Романовых. Власти в том же году запретили ввоз и публикацию украинских и белорусских изданий латиницей — очередная мера против “польской пропаганды” Киевский цензор Орест Новицкий докладывал наверх, что Австрия путем смены алфавита обращает “русских” Галиции в поляков. Он полагал, что допущение латиницы в Российской империи грозит ей тем же. “Крестьяне западных губерний, встречая здесь книги, написанные

на малороссийском языке, только польскими буквами, естественно, захотят более изучать польский, чем русский алфавит”, — писал Новицкий, предупреждая, что они “легко могут перейти и к чтению собственно польских книг и через то подвергнуться влиянию лишь польской литературы, с отчуждением от духа и направления литературы русской” Запрет ввели без промедления.

Цензора более всего тревожили крепостные, которые должны были вот-вот получить волю. В России это произошло на двенадцать с половиной лет позже, чем в Австрии. Революция при отмене крепостного права не вспыхнула, но без вооруженного выступления поляков не обошлось — в январе 1863 года. Как и в империи Габсбургов, при освобождении подданных Александра II землей наделили крайне скупой и они по-прежнему зависели от помещиков. Разница же заключалась в том, что им даже на время не позволили ни политических объединений, ни выборов. Об университетских кафедрах с преподаванием на украинском можно было лишь мечтать — да что там, даже о книгоиздании. Именно тогда запретили любые предназначенные для народа книги (духовные, учебные и т. д.) на “малороссийском наречии”.

Удар по украинской культуре пришелся на лето 1863 года, разгар польского восстания. Вновь многое зависело от того, на чью сторону встанут крестьяне Правобережья. На берегах Невы озаботились укреплением общерусской нации и решили защитить народ от агитации украинофилов, а заодно и родного языка. “Прежние произведения на малороссийском языке имели в виду лишь образованные классы Южной России, ныне же приверженцы малороссийской народности обратили свои виды на массу непросвещенную, и те из них, которые стремятся к осуществлению своих политических замыслов, принялись, под предлогом распространения грамотности и просвещения, за издание книг для первоначально-

го чтения, букварей, грамматик, географий и т. п.”, — писал министр внутренних дел Петр Валуев в циркуляре, которым запрещал публиковать книги на украинском уже и кириллицей. Эта мера не касалась только “изящной словесности”, в то время довольно слаборазвитой. За пять лет до 1868 года, когда Валуева отправили в отставку, число украиноязычных изданий упало с тридцати одного до одного.

Ограничение, казавшееся временным, подтвердил своим указом Александр II. В мае 1876 года в Эмсе (курортном городе в Германии) он подписал документ, который ужесточил положения Валуевского циркуляра. Под нож пошло в общем все, что издавали по-украински в империи, и абсолютно все, что ввозили извне. Не забыл император запретить и спектакли с концертами. Подобно циркуляру, Эмский указ держали в тайне от общественности. В 1880-е годы певцам и театральным актерам дали послабление, но амбарный замок на украинском книгопечатании висел еще четверть века. Правительство взяло на вооружение слова, введенные в оборот Валуевым: “Никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может”. К тому времени язык, культура, идентичность украинцев в глазах империи стали угрозой столь же серьезной, как польский национализм. На кону стояла судьба единой общерусской нации.

Хотя царь подписал Эмский указ в далекой Германии, истинный его автор и вдохновитель жил в Киеве. Михаил Юзефович, уроженец Полтавской губернии, учился в Благородном пансионе при Московском университете, писал стихи, сражался в Русско-турецкой войне 1828–1829 годов в Закавказье, где его ранили; был на короткой ноге с Пушкиным. В 40-х годах Юзефович стал важной персоной в Киевском учебном округе. В то же время он активно участвовал в работе Комиссии для разбора древних актов, которой надлежало доказать права России на Правобережную Украи-

ну. По культурным и политическим убеждениям Юзефовича можно назвать совершенным малороссом. Он был патриотом своей родины, полагая, что трудится на благо Малороссии по обе стороны Днепра, и умеренным народником, защитником селян от польской шляхты, католического духовенства, евреев-арендаторов. Также он верил в единство всех “племен” русского народа, верно служил императорам, в которых видел покровителей именно такого малороссийского патриотизма.

В зависимости от обстоятельств, Юзефович то хорошо, то враждебно относился к интеллигентам, которых власти со времен Кирилло-Мефодиевского общества звали украинофилами. Сыграв не последнюю роль в задержании “заговорщиков”, он служил им скорее адвокатом, чем обвинителем, — не принял письменный донос у студента, который явился разоблачить их подрывную деятельность. Юзефович предупредил Костомарова о скором обыске и помог уничтожить те бумаги, что послужили бы уликами. Чиновник не верил, что Николай Иванович и его приятели нанесли государству какой-либо ущерб, зато почитал их союзниками в борьбе против польского засилья в юго-западном крае. Памятник гетману Богдану Хмельницкому у Софийского собора в Киеве, возведенный при деятельном участии Юзефовича, воплощает его кредо. В дореволюционный период на постаменте была надпись: “Богдану Хмельницкому — единая и неделимая Россия”

Открыли памятник в 1888 году. К тому времени Юзефович уже пересмотрел свое отношение к украинофилам. В 1875 году он послал в Петербург записку “О так называемом украинофильском движении” с обвинением в государственной измене — они якобы замыслили оторвать Малороссию от России. Валуевский циркуляр, по мнению Юзефовича, не дал должного эффекта, а только послужил

упрочению связи между украинофилами местными и галицкими, причем в деятельности последних он видел “измышление австрийско-польской интриги”. Правительству надлежало принять более суровые меры. Местные власти, включая киевского генерал-губернатора, считали, что Михаил Владимирович увлекся, зато центральные, которые боялись именно подрыва единства империи Австрией и Польшей, вполне ему поверили. Эмский указ не только запрещал издание и ввоз печатной продукции на украинском, но и предусматривал субсидию галицкой русофильской газете.

Кем были те люди, от которых Юзефович желал уберечь владения Романовых? Его удар был направлен прежде всего против Павла Чубинского, автора слов гимна “Еще не умерла Украина”, и Михайла Драгоманова, историка, доцента Киевского университета. Оба входили в Киевскую громаду (общину), где украинские интеллигенты занимались культурной работой, почти вне политики. Никто из них не выступал за отделение Украины от Российской империи, не отличался полонофилией. При этом они критиковали стариков за неспособность устранить запрет, наложенный в 1863 году Валуевым. Для понимания предыстории Эмского указа немаловажно, что они отняли у Юзефовича бразды правления Киевским отделом Императорского географического общества — средоточием научной жизни в городе. Никто не мог предвидеть, каков будет ответный ход пожилого сановника.

Конфликт поколений между малороссами и украинцами (в политическом смысле) стал после Эмского указа вполне идеологическим. Более других он сказался на Драгоманове, которого уволили из университета. Он уехал из Киева, поселился в Женеве и создал там тексты, благодаря которым считается сегодня крупнейшим украинским политическим мыслителем позапрошлого столетия. В эмиграции Михайло

Петрович радикализовался и перешел на социалистические позиции. В 1880-е годы он доказывал, что украинцы — отдельный от русских народ, и предлагал европейскую федерацию, куда вошла бы и Украина (эхо идей Костомарова, изложенных в “Книге бытия”). Однако федерация, которой грезил изгнанник, не должна была включать одних лишь славян. Благодаря трудам Драгоманова украинское движение оправилось от удара, нанесенного ему в 1847 году, и вновь поставило перед собой политические цели, осознав, что нельзя быть только культуртрегерами.

Драгоманов же стал первым политическим мыслителем, чьи идеи глубоко отразились на австрийской части Украины. Юзефович часто возводил на украинофилов напраслину, но вот утверждения о тесных контактах с галичанами, что лишь окрепли после Валуевского циркуляра, были правдой. Публиковать свои труды на родном языке в империи Романовых эти люди не могли, поэтому Галичина стала для них отдушиной. Козни Юзефовича и Эмский указ сделали ее только ценнее. Когда в Российской империи уже и художественную прозу по-украински стало не издать, самые известные авторы — Иван Нечуй-Левицкий, Михайло Старицкий — обратились к единокровным братьям по ту сторону Збруча. Запрет 1876 года не прервал развитие украинской литературы, но создал ненормальное положение, когда ее лучшие произведения создавали в Российской империи, а читали главным образом в Австрийской. Контакт между автором и читателем был затруднен. По иронии судьбы, это помогло развитию общего для всех украинцев литературного языка, сглаживанию культурных различий жителей обеих империй.

К тому времени, когда уроженцы востока и центра Украины открыли для себя свободную от цензуры Галичину и ее читателей, сами читатели раскололись на две враждующие

группы: русофилов (москвофилов) и украинофилов (народовцев). Раскол обострила в 1867 году конституционная реформа империи Габсбургов. Проиграв войну с Италией и Пруссией, двумя молодыми национальными государствами, те решили уберечь державу от распада за счет уступок самым непокорным националистам — венграм. Компромисс привел к созданию Австро-Венгрии, двуединой монархии. Королевство Венгрия получило широкую автономию и отдельный парламент. С австрийской частью ее связывали особа монарха, армия, внешняя политика. Но Габсбурги развязали руки не только венграм, но и хорватам и полякам. В чужом пиру похмелье досталось среди прочих украинцам — к их ужасу, Вена фактически отдала власть над Галицией польской шляхте.

Лидеры украинского движения сочли это предательством, ведь Габсбурги наплевали на их лояльность и одарили мятежные народы. Компромисс 1867 года похоронил ведущую роль грекокатолического клира и старорусинство. Резко возросло влияние русофильства, чьи проповедники, включая отца Ивана Наумовича, доказывали, что империя отплатила русинам черной неблагодарностью и для отпора полонизации надо переменить отношение к Вене. Наумович критиковал идею построения отдельной русинской нации. Сами по себе коренные жители Галичины не могли сдержать политическую и культурную агрессию Польши. Москвофилы доказывали, что русины — это малороссы, часть общерусской нации, и что ее литературный язык они способны выучить за какой-то час, ведь язык Пушкина “возник в Южной Руси и только усовершенствован великоруссами” (по словам Головацкого). На деле это было куда труднее. Плохо владея русским, авторы этого направления писали и говорили “язычем” — хаотичной смесью церковнославянских, украинских и русских слов.

В конце 60-х годов XIX века русофилы взяли верх в большинстве украинских организаций Галичины и Буковины. В Закарпатье какое бы то ни было культурное развитие стало невозможно вследствие агрессивной мадьяризации. Петербург оказывал русофилам денежную помощь, что не могло не насторожить Вену. В 1882 году власти арестовали Наумовича за измену, а именно составление петиции жителей одного села о переводе их прихода из грекокатоличества в православие. Вместе с ним под суд отдали еще ряд лидеров русофильского движения Галичины и Закарпатья. Наумович со товарищи провел несколько месяцев в тюрьме. Позднее он эмигрировал в Россию, и многие последовали его примеру.

Процессом 1882 года гонения на русофилов не ограничились. Если в империи Романовых наказывали тех, кто ставил под сомнение принадлежность украинцев к единой общерусской нации, Габсбурги преследовали ровно за обратное. Репрессии против москвофилов отодвинули их на периферию политической сцены Галичины и дали зеленый свет другой группе активистов. Украинафилы (народовцы) вели свою историю от Маркиана Шашкевича, члена “Руської Троиці”, не изменившего ее идеалам. Украинафильское движение встало на ноги в 1868 году с основанием общества “Просвіта” (“Просвещение”). Австро-венгерский компромисс убедил народовцев, как и русофилов, что надежды на Вену не оправдались, старорусинская модель нации утратила смысл. Но выход из положения они предлагали совсем иной. Народовцы тоже утверждали, что русины Австрийской империи были частью большой нации, что жила по ту сторону границы, — но не русской, а украинской. Они не находили общего языка с духовенством, традиционным оплотом старорусинов, и рьяно защищали интересы простого народа — отсюда и название.

Галицкие авторы-народовцы не могли не найти общего языка с украинофилами Российской империи. В 1873 году Елизавета Милорадович, родственница гетмана Скоропадского, помогла открыть во Львове Научное общество имени Шевченко. Назвали его в честь поэта, чтобы подчеркнуть общеукраинские задачи этой организации, связи с украинской частью Российской империи. Киевские украинофилы помогли галицким коллегам создать украиноязычную прессу, которую читали и на восток от Збруча. Взаимодействие, интеллектуальная подпитка из “Надднепрянщины” стали ключевым фактором в постепенном вытеснении народовцами русофилов. В середине 1880-х годов они завладели украинскими организациями Буковины. Российская и австрийская ветви украинского движения нуждались в друг друге, получая, каждая по-своему, немалую выгоду от кооперации. Галицкие украинцы радикализовали киевских украинофилов, дав толчок к формированию образа украинской нации вне русского имперского проекта.

Украина вошла в последнее десятилетие XIX века разделенной австро-российской границей, как и на сто лет раньше, после краха Речи Посполитой, — однако и спаянной, благодаря невиданным до той поры явлениям. Это уже не было единство веры, ведь различие православных и униатов сохранилось, а “воссоединение” последних в России с православием в 1839 году превратило этот рубеж и в религиозный. Единство давала новая идея — национальная. Представление о русинах как отдельном грекокатолическом этносе под властью Габсбургов получило импульс в ходе “Весны народов”, но австро-венгерский компромисс 1867 года прозвучал для него похоронным звоном. Тогда же национальное движение на Галичине перестало цепляться за веру. И русофи-

лы, и украинофилы протягивали руку православным братьям в империи Романовых. Оба направления видели в местных русинах и в малороссах по ту сторону Збруча часть одной нации. Спор был только об одном: общерусская либо общеукраинская нация?

В Российской империи украинским активистам не давал покоя тот же вопрос, выбор из тех же двух проектов. Ответ на него предстояло дать новому поколению, вышедшему на политическую сцену России и Австро-Венгрии в конце позапрошлого столетия. Наставала эпоха ускоренного промышленного развития, урбанизации, распространения грамотности и массовых политических движений.

Глава 16

Набирая ход

В 1870 году Джон Хьюз, бизнесмен-валлиец, покинул британский берег во главе флота из восьми кораблей, груженных оборудованием для литья чугуна. Среди пассажиров насчитывалось около сотни опытных шахтеров и металлургов (большинство тоже из Уэльса). Пунктом их назначения были степи в Северном Приазовье, а целью — сооружение завода с полным циклом металлургического производства. Хьюз впоследствии писал: “Когда я начал свое предприятие, то вознамерился обучить российских рабочих, полагаясь на то, что с места они легко не снимутся”. Строительство заняло не один год. С помощью русских и украинских чернорабочих Хьюз (Юз) и его люди возвели не только доменные печи и прокатные станы, но и городок вокруг них. Так возникла Юзовка, нынешний Донецк, еще три года назад — город-миллионник и центр Донбасса.

Хьюз стал пионером новой эпохи в истории Украины. Конец позапрошлого и начало прошлого веков сопровождались кардинальными переменами в экономике и устройстве общества, повышенной географической и социальной мобильностью. Причиной было ускорение индустриализации. Юг и восток Украины переживали стремительную урбани-

зацию и рост экономики, наплыв рабочих из русской глубинки, составивших костяк промышленного пролетариата. Подобные явления в те времена происходили и в Галиции (где в середине XIX столетия возникает нефтедобыча европейского значения), да и по всей Европе: индустриализация и урбанизация на Украине составляли существенную часть процесса, который изменил ее экономику, общество и политическую жизнь на поколения вперед.

В российскую часть Украины перемены пришли в 1854 году с незванными гостями — экспедиционными силами Великобритании и Франции. Годом прежде началась Крымская война. Поводом к ней послужила ссора Николая I и Наполеона III из-за контроля над палестинскими святынями — на кону было наследие дряхлой Османской империи, которое возбуждало аппетиты великих держав. После долгой осады Севастополя и ряда битв (особенно памятна англичанам Балаклава), повлекших тяжелые потери с обеих сторон, в сентябре 1855 года защитники оставили город. Парижский мир 1856 года отнял у Романовых возможность иметь сколько-нибудь значимый флот на Черном море — угрозу интересам союзников на море Средиземном, — а его главная база лежала в руинах. В исторической памяти русских очень долго была ощутима горечь этого поражения.

Итоги Крымской войны вынудили власть и общество в России погрузиться в самоанализ. Как могла армия, вошедшая в 1814 году в Париж, через сорок лет проиграть битву за полуостров, который империя считала своей окраиной? Смерть изнуренного неудачами Николая I в марте 1855 года, после тридцатилетнего правления, делала перемену курса неминуемой. Александр II дал начало программе масштабных реформ, желая модернизировать всю страну, преодолеть

отставание от Запада в экономике и военном деле. В начале войны Россия на Черном море выставила главным образом парусные корабли против британских и французских эскадр, состоявших преимущественно из париходов. Чтобы не впустить их в бухту Севастополя, флот пришлось там просто затопить. Теперь во что бы то ни стало требовался новый. Острую нужду ощутили в железнодорожном сообщении — именно его нехватка не позволила перебросить войска, боеприпасы и провизию в далекий от имперского центра Крым. Еще обиднее было, что первую колею в Крыму, от Балаклавы до Севастополя, проложили в ходе войны англичане.

Полуостров так можно было и потерять. Власти осознали, что необходимо протянуть рельсы до Севастополя. И решили продать американцам Аляску — самую удаленную колонию, оборонять которую от Великобритании было бы крайне трудно. Но Крым продавать никто не хотел. Татары понемногу уезжали в Турцию, а Севастополь не имел ни флота, ни укреплений — зато стал новым местом паломничества патриотической российской публики. Правительство утвердило проект железной дороги из Москвы в Крым через Курск и Харьков. Но казна была пуста, а разгром польского восстания в 1864 году вызвал ответные меры европейских государств, которые можно сравнить с нынешними санкциями. Правительство Наполеона III убедило барона де Ротшильда, денежный мешок железнодорожного бума Франции, прекратить кредитовать Россию, а британские компании, готовые заняться проектом, не могли получить ссуды в лондонском Сити. Поэтому в Севастополь линию вели очень медленно — до 1875 года, но идея сооружения железных дорог на юге Украины завладела умами государственной и деловой элиты России намного раньше.

Первая колея оказалась куда скромнее проекта Москва — Севастополь. Она соединила Одессу и подольский горо-

док Балту. Построили ее в 1865 году, на четыре года позже, чем дорога из Вены достигла Львова (через Краков и Перемышль). В отличие от галицийской, колея вдоль Днестра не имела ни политического, ни военного значения — только экономическое. В середине позапрошлого века Украина давала, по некоторым оценкам, три четверти всего экспорта империи. Времена сибирской пушнины миновали, а сибирских нефти и газа — еще не настали. Дыру в бюджете можно было законопатить благодаря плодородным черноземам. Подолье опережало едва ли не все прочие губернии по вывозу хлеба, так что Одесса, основанная в 1794 году на месте турецкого городка Хаджибей, стала морскими воротами России, выходом на европейский рынок.

Империя Романовых стремилась наполнить казну за счет экспорта, что требовало железных дорог, а их постройка требовала капиталовложений. Одесский губернатор разорвал порочный круг, предложив использовать военно-рабочие роты (штрафные). Труд из-под палки стал палочкой-выручалочкой — далеко не единственный раз в истории России. По замыслу начальства дорога из Одессы через Балту должна была пересечь Правобережье, достигнув Киева, затем и Москвы. Таким образом, на землях мятежной шляхты слабело влияние Варшавы и крепло — имперского центра. Но с точки зрения хозяйственной идея выглядела глупо. Из северной части Киевской губернии и Полесья, что лежит за ним, экспортировали довольно мало. В итоге геополитики, которых заботило укрепление империи, проиграли деловым кругам. Линия из Балты свернула на Полтаву и Харьков, где в 1869 году соединились эта железная дорога и та, которую вели из Москвы до Севастополя.

Последняя играла важнейшую роль в постройке нового флота на Черном море. В 1870 году Пруссия разгромила в войне Францию, и Россия отвергла условия Парижско-

го мира. Дорога не только должна была помочь в постройке нового флота — ничуть не меньше было экономическое и культурное значение этой линии. Она ускорила развитие торговли и рост экономики на юго-востоке Украины. С культурной точки зрения — головокружительно приблизила далекий Крым к Москве и Петербургу, содействовала русской колонизации полуострова. Ялта, некогда простая рыбацкая деревушка, в последней четверти XIX века превратилась в летнюю столицу России. Царская семья возвела на южном берегу Крыма великолепные дворцы, финансировала строительство православных храмов и монастырей. Вслед за императором проводить лето на полуострове стали придворные, чиновники, а главное — писатели и люди искусства. Чехов, купив в Ялте скромный домик, изобразил курортников в знаменитой “Даме с собачкой” Элита добавила Крым, словно флигель, к просторному имперскому особняку.

В 1894 году Александр III умер в Ливадийском дворце. Его тело отвезли в Ялту, затем на корабле в Севастополь и поездом в Петербург. К этому времени железные дороги пересекали Украину вдоль и поперек, связывая ту же Одессу с Полтавой, Харьковом, Киевом, Центральной Россией, а также и Львовом. Из Киева поезда ходили среди прочего во Львов и Варшаву. Линия Одесса — Балта (1865) насчитывала 219 верст, а к 1914 году общая протяженность железных дорог на Украине превышала 15 тысяч километров. Они служили катализатором экономического роста и социальной мобильности, ломали старые барьеры: политические, хозяйственные, культурные. Нигде эти перемены не происходили так стремительно, как в новых владениях империи — степях юга Украины.

Просторы, где еще не так давно кочевали ногайцы, были разделены на латифундии и заработали себе славу житницы Европы. Не хватало только людей, способных возделывать целинные земли. Чичиков у Гоголя как будто работает

на общее благо, приобретая мертвых крепостных на вывод в Херсонскую губернию (с намерением заложить их государству). В действительности избыток земли и нехватка “душ” лили воду на крестьянскую мельницу — нигде им не жилось так вольготно, как в Причерноморье и Приазовье. В 1905 году надел крестьянского хозяйства в Таврической губернии (Крым и степи к северу) в среднем превышал 16 гектар, тогда как в Подольской и Волынской губерниях он был в четыре с половиной раза меньше.

Многовековая пропасть между оседлой лесостепью и Диким Полем, которую подчеркивали исламско-христианский фронт и стык рубежей Османской империи, Польско-литовского государства и России, уходила в прошлое. Железные дороги связали земледельческие районы с Одессой и другими портами, благодаря чему украинская глубинка стала намного ближе к Средиземноморью и богатым европейским рынкам. Торговые пути по Днестру, Днепру и Дону, на протяжении почти всей истории Украины ненадежные из-за степных пиратов, теперь были безопасны и стимулировали экономический рост. Транспортная артерия, на которой викинги основали государство, только теперь заработала на полную мощность — единственной помехой оставались днепровские пороги.

Железнодорожный бум подстегнул урбанизацию, в первую очередь на юге. Городское население росло как на дрожжах по всей Украине. Перепись 1897 года показала, что Киев стал пятым городом империи, его население с начала 30-х годов XIX века выросло с 25 до 250 тысяч человек. Но и такой результат выглядел бледно на фоне Одессы, где в 1814 году было 25 тысяч, а на рубеже прошлого века — свыше 400 тысяч жителей. Города разбухали главным образом из-за стремитель-

ной индустриализации — Причерноморье с Приазовьем вышли на первое место и здесь. Население той же Юзовки до 1900 года увеличилось многократно и достигло 30 тысяч, а к 1917 году — уже 70 тысяч человек (один из ярких примеров того, насколько урбанизация зависела от промышленного роста).

История Юзовки началась в 1868 году в Лондоне. Именно тогда Хьюз, 53-летний изобретатель и директор металлургического и судостроительного завода “Миллуол”, чье отплытие из Британии открывает эту главу, решил круто изменить свою жизнь. После внезапного фиаско в Крымской войне царские чиновники тщательно укрепляли границы империи на море и на суше. В 1854 и 1855 годах британская и французская эскадры заходили в Балтийское море и бомбардировали Кронштадт. Тревога об этом заслоне российской столицы вынудила правительство обратиться, по иронии судьбы, к английской компании “Миллуол”. Переговоры с ней вел не кто иной, как Эдуард Тотлебен, герой обороны Севастополя. Именно тогда Хьюз посетил Петербург, где ему предложили концессию — сооружение металлургического завода на окраине империи. Он ответил согласием.

Итак, валлиец и его подручные приехали в Приазовье и обосновались на хуторе Овечьем, построенном некогда запорожцами. Но для казацкой старины у Хьюза едва ли находилось время. Он застолбил землю в этих степях лишь по одной причине — за четыре года до экспедиции российские инженеры сочли их идеальными для развития тяжелой промышленности. В них обнаружили все необходимое: воду, руду и уголь. Правительство уже запускало там казенные заводы, но его уполномоченным не доставало опыта и сноровки. У Хьюза они были. В 1872 году первая домна дала первый чугун. В течение 1870-х годов Хьюз добавил еще печи. На заводе, который вышел на первое место в империи по производ-

ству металла, работало около 1800 человек. Трущобы, где эти люди жили, называли Юзовкой. В 1924 году ее переименовывают в Сталино, в 1961-м — в Донецк.

Хьюз оказался одним из немногих предпринимателей, кто лично переселился на Украину. Но вот квалифицированные рабочие из Великобритании, Франции, Бельгии ехали туда сотнями. Они как будто сопровождали миллионы франков и фунтов стерлингов. Именно французские, британские и бельгийские банкиры сделали ставку на эксплуатацию богатств юга Украины и преобразовали его за счет инвестиций. К 1913 году компании с иностранным капиталом давали более половины украинской стали, свыше 60% чугуна, свыше 70% угля. А машиностроения — все 100%. Русские капиталисты, подданные Николая II, испытывали нужду в деньгах, да и пуścić их в оборот предпочитали в Центральной России.

Владения Романовых изобиловали одним: рабочей силой. Улучшение санитарных условий и технический прогресс привели к снижению детской смертности и смертности вообще. Деревня стала многолюдной, поэтому далеко не каждому хватало теперь земли. После 1861 года перенаселение не давало вздохнуть русским и украинским крестьянам. Промышленная революция, что началась позднее европейской, открыла “избыточным” людям дорогу в города, где требовались рабочие руки. Уже в 1870-е заводы на юге Украины притягивают сотни тысяч деревенских бедняков. В поселки вокруг них народ стекался главным образом из южных губерний Центральной России — нехватку земли там ощущали куда острее, чем на украинском Черномозье.

Среди русских крестьян, привлеченных таким вредным, но неплохо оплачиваемым (по меркам того времени) трудом, был и юный Никита Хрущев. В 1908 году 14-летний уроженец Калиновки — в полусотне километров на северо-восток от Глухова, бывшей гетманской столицы, — присоединился

к родне в Юзовке. Его отец был сезонным рабочим на железной дороге, затем переехал туда окончательно и стал шахтером. Впрочем, скопить на лошадь и вернуться домой Сергей Хрущев мечтал по-прежнему. Никита о таком не думал, выучился на механика и вступил после революции 1917 года в партию большевиков. Его головокружительная политическая карьера общеизвестна.

Это был не единственный будущий вождь, чья семья переехала из русской деревни на заводы или шахты Южной Украины. Еще ранее Илья Брежнев приехал в поселок металлургов Каменское (переименованный большевиками в Днепродзержинск). Сын Леонид родился в 1906 году уже там. Крестьян Хрущева и Брежнева принес на Украину мощный миграционный поток, который заметно разбавил русскими тамошние города. В 1897 году, во время единственной в Российской империи переписи населения, в украинских губерниях проживало около 17 миллионов человек с родным «малорусским» языком и 3 миллионов — с великорусским. Соотношение было почти 6:1. Но вот в городах русских насчитали чуть больше миллиона, а украинцев — немного меньше. Первые преобладали в политических и экономических центрах, их доля составила 63% в Харькове, 54% в Киеве, 49% в Одессе.

Среди предпринимателей этнических украинцев было немного, а те, кто все же разбогател, обитали, как правило, не на юго-востоке. Во второй половине XIX века сахарные заводы, что работали на местном сырье — свекле, стали золотой жилой ряда украинских семейств. Из них, например, Платон Симиренко поддерживал Тараса Шевченко по возвращении из ссылки и стал меценатом переиздания «Кобзаря» (Сегодня эта фамилия известна прежде всего по сорту яблок, который назвал в честь Платона его сын Лев, ученый-помолог.) Это было скорее исключение — на Украине доминировал русский, польский и еврейский капитал.

Размах индустриализации и урбанизации привел к образованию рабочего класса с той же лавиной долей русских. Среди кустарей большинство было евреями, что уехали из местечек Правобережья в крупные города на юго-востоке Украины. Харьков находился вне черты оседлости, но в тех же Одессе и Екатеринославе евреи могли обособиться без препон. На Волыни, Подолье, в Причерноморье и Приазовье общая доля евреев не превышала 12–14% населения, но они преобладали в местечках, да и в крупных городах были весьма заметны — второе место по величине в Одессе (31%) и Екатеринославе (35%).

Почему же украинцы, составляя большинство населения, так мало принимали участия в индустриализации и урбанизации? Ответить на этот вопрос нам вновь помогут истории Хрущевых и Брежневых. Оба семейства переехали на Украину — а именно в Екатеринославскую губернию, где средний крестьянский надел превышал 10 гектар, — из Курской. Там во второй половине XIX века тот же показатель был примерно вчетверо ниже. Южные черноземы давали куда лучший урожай. Как отмечено выше, местным земледельцам жилось не в пример сытнее, чем где бы то ни было в империи Романовых. У них не было желания и, как правило, нужды перебираться на завод или шахту. Если дом все-таки приходилось покинуть, они предпочитали ехать на восток — на далекие целинные земли, избегая прелестей жизни в рабочем поселке начала прошлого века.

Именно так нередко поступали уроженцы центральных и северных украинских губерний, той же Черниговской — в среднем на хозяйство там приходилось около 7 гектар той же почвы. Родословная по материнской линии еще одного советского лидера, Михаила Горбачева, проливает свет на перипетии таких мигрантов. В начале XX века Пантелеймон Гопкало уехал из Черниговской губернии на Ставрополье —

там и родился в 1931 году его всемирно известный внук. Нигде было не найти условий жизни, так похожих на украинские. Многие другие крестьяне, обходя города стороной, уходили в поисках незанятых нив и пастбищ намного дальше — вплоть до Приамурья и Приморья. За время правления Николая II полтора миллиона украинцев переехало на южные и восточные окраины Российской империи, где целина еще пустовала.

Бегство из села, вызванное нехваткой земли, поразило Галичину, Буковину и Закарпатье еще больше, чем юго-запад Российской империи. Средний размер крестьянского хозяйства в Восточной Галиции начала прошлого века был на треть меньше, чем в самой перенаселенной из украинских губерний — Волыни, как раз по ту сторону границы. К тому же почвы в предгорьях Карпат, как правило, намного уступают даже полесским. Крестьяне уезжали за рубеж непрерывным потоком. В рассказе Василя Стефаника “Каменный крест” (1899), на который автора вдохновил исход его земляков-галичан в Америку, один из персонажей сетует: “Не в силах эта земля столько народу носить да столько горя терпеть”¹. Только из родного села Стефаника на поиски лучшей жизни пустилось полтысячи человек.

До 1914 года с Австро-Венгрией распрощалось около 600 тысяч украинцев. Ехали они в Пенсильванию и Нью-Джерси — в этих штатах восточноевропейские иммигранты трудились на заводах и шахтах — или в Манитобу, Саскачеван и Альберту, где распахивали канадские прерии. За лучшей жизнью в Америку из владений Габсбургов устремились не только грекокатолики. Довольно часто они застава-

ли там бывших соседей-иудеев. Только в США из Галиции до Первой мировой войны их перебралось около 350 тысяч. Причина была проста: бедные жители местечек, как и земледельцы, едва могли прокормиться в северо-восточном углу Австро-Венгрии. Переселенцы разных народов и разных вер внесли немалый вклад в экономику и культуру новой родины. Среди иммигрантов из Галиции в США были предки ряда голливудских и прочих звезд — вроде украинских родителей Джека Пэланса (Палагнюка) и еврейских дедушки и бабушки Барбры Стрейзанд. Реймон (Роман) Гнатышин, канадский генерал-губернатор в 1990–1995 годах, происходил из Буковины, Энди Уорхол (Андрей Варгола) — из словацкой Лемковщины.

Галиция была самым захудалым коронным краем Габсбургов — Станислав Щепановский, ученый, предприниматель и депутат, подвел на родном польском языке баланс ее бедствий в книге “Нищета Галиции в цифрах” (1888). Сравнив производительность труда и уровень потребления с другими странами Европы, он пришел к выводу, что в Галиции в среднем работают за четверть, а едят за пол-европейца. Индустриализация не миновала этот регион, но пополнила карману и карманы его жителей довольно скудно. С незапамятных времен жителям окрестностей Дрогобыча и Борислава докучал запах нефти, и только в середине позапрошлого века неприятную жидкость пустили в дело. Заслуга эта принадлежит тамошним фармацевтам, которые научились производить керосин и порадовали таким образом врачей и пациентов. В 1853 году львовский госпиталь на Лычакове стал первым в мире общественным зданием, освещаемым только керосиновыми лампами.

Щепановский, опередив многих, сделал состояние на галицкой нефти, используя буровые станки с паровым приводом. К нему, идеалисту и ревнителю интересов поль-

ской нации, часто нанимались единоплеменники издалика — он пекся о здоровье и благосостоянии работников, но в итоге обанкротился. Обогащение и нациестроительство в Галиции сочетались плохо. В конце XIX века на эту австрийскую окраину пришли британские, бельгийские и германские нефтяники, применявшие метод глубокого бурения, разработанный канадским инженером и бизнесменом Макгарви. Новички вытеснили мелких промышленников, среди которых было немало евреев. Упал спрос на неквалифицированный труд украинских и польских крестьян (половина и треть рабочей силы соответственно). К 1910 году добыча нефти возросла до двух миллионов тонн, что составило 4% на мировом рынке. Больше всего нефти в то время давали Соединенные Штаты и Российская империя.

Доходы от нефтедобычи положительно отразились на народном просвещении. В Бориславе открыли горнопромышленную школу. Рост благосостояния Галиции нефтяная лихорадка стимулировала, но лишь до некоторой степени. Борислав, ее центр, за вторую половину XIX века стал втрое больше — население города достигло 12,5 тысяч человек (там до сих пор можно видеть здания, что напоминают о тех “старых добрых” временах). Во всем нефтеносном районе к концу того же века обитало 42 тысячи человек. На фоне австрийской Украины в целом это была капля в море. С 1870 по 1910 годы число жителей Львова, столицы Галиции, возросло вчетверо — до 200 тысяч. Это выглядит неплохо, но только не в сравнении с показателями экономического развития и урбанизации “великой Украины”. Екатеринбург, один из центров лихорадки металлургической, за столетия с небольшим разбух в одиннадцать раз — его население в 1914 году составило 220 тысяч. Одесса сохраняла первое место на Украине, но Киев уже наступал ей на пят-

ки (670 и 630 тысяч соответственно). Таким образом, число киевлян с середины XIX века подскочило почти в десять раз.

Каковы бы ни были различия уровней промышленного роста и урбанизации в российской и австро-венгерской частях Украины, обе они в конце позапрошлого и начале прошлого веков прошли через глубокие перемены в экономической и социальной жизни. Неумолимо ускорялось движение капиталов, товаров и людей, а с ними — информации и представлений о мире. На авансцену истории выходило современное общество. Новое разделение труда меняло статус традиционных общественных групп и порождало новые, в первую очередь фабрично-заводской пролетариат. Одним регионам это сулило процветание, другим — упадок. Подобная трансформация благотворно сказалась на юге Украины. Международная торговля набирала обороты благодаря портам Черного и Азовского морей, заводы и шахты возникали с поразительной частотой.

Новый экономический и культурный рубеж окончательно заменил старый фронтир, разделявший кочевой юг и земледельческие центральные и северо-западные земли Украины. Югу выпала роль флагмана как индустриального, так и аграрного роста. Зажиточные по меркам России крестьяне степных губерний помнили еще Запорожскую Сечь, а крепостного права по большому счету избежали. Открытие залежей угля и железной руды дало Донецкому бассейну путевку в индустриальное будущее. Созрев под эгидой империи Романовых, юг, при его самых высоких на Украине показателях урбанизации и этнорелигиозного разнообразия, во многом определит судьбу страны в политических, экономических и культурных бурях наступающего столетия.

Глава 17

Незавершенная революция

Морозным воскресным утром 9 января 1905 года около 20 тысяч рабочих, их жен и детей собрались на окраинах российской столицы и начали шествие к ее центру. Возглавил их отец Георгий Гапон, 35-летний уроженец Полтавской губернии, выпускник духовной академии в Петербурге. В первых рядах несли портрет Николая II, иконы и хоругви. Толпа распевала церковные гимны, в том числе молитвы за царя. Рабочие хотели подать ему петицию, составленную тем же Гапоном, с просьбой защитить их от злоупотреблений начальства.

Крупные предприятия столицы бастовали, но хозяева отвергли требования “смутьянов” — среди них и введение восьмичасового рабочего дня. Промышленная революция породила новый класс, и теперь представители этого класса надеялись, что монарх обеспечит соблюдение их элементарных прав. “Мы немногого просили, мы желали только того, без чего не жизнь, а каторга, вечная мука”, — писал Гапон. В петиции он просил о даровании также и политических свобод, включая созыв Учредительного собрания. Прошло почти 80 лет с того момента, как у царя добивались конституции. В декабре 1825 года режим подавил восстание офицеров ар-

тиллерийским огнем. Николай и его чиновники верили, что им следует и теперь показать твердость и не повторить ошибку Людовика XVI: как им казалось, он потерял французский трон, а затем и жизнь только из-за мягкотелости.

Когда манифестанты подошли к Зимнему дворцу, войска открыли огонь, уложив на месте больше сотни человек и ранив полтысячи. Гапон уцелел, но это был последний день, когда он молился за императора и просил его заступничества. Той же ночью священник составил обращение к народу, где именовал Николая “зверь-царь” и призывал к возмездию: “Так отомстим же, братья, проклятому народом царю, всему его змеиному царскому отродью, его министрам и всем грабителям несчастной Русской земли!” Возмездия оставалось ждать еще 13 лет — большевики расстреляют семью Романовых в июле 1918 года, — но пожар революции, который во дворце надеялись погасить, вспыхнул немедленно. Эти события открыли новую главу в истории всей империи, и в частности украинских губерний, — эпоху массовых политических движений, образования партий, парламентских выборов, избирательного права для мужчин и нарастания зависимости власти от поддержки национал-патриотов.

На Украину революция пришла через три дня после Кровавого воскресенья в Петербурге. 12 января забастовали рабочие Южнорусского машиностроительного завода в Киеве. Их примеру последовали металлурги Екатеринослава, Юзовки и других городов Донбасса. Пучина классово́й борьбы поглотила те районы, что в предыдущие 15 лет отличал стремительный рост экономики. До января 1905 года там всего лишь просили об улучшении условий труда, повышении зарплаты и сокращении рабочего дня, теперь же перешли к демон-

страциям, стачкам и открытому сопротивлению. Впрочем, село, где не хватало работы и заработка, от города не отставало. Крестьяне, начав с вырубki помещичьих лесов, перешли к нападению на усадьбы хозяев. Известно более трехсот подобных случаев. Наиболее воинственными оказались жители бывших казацких земель Левобережья. Народ ожидал манифеста о передаче им всей барской земли. Не дождался — правительство вместо этого пустило в ход армию. Шестьдесят три человека было убито при расправе с крестьянами Великих Сорочинцев, родины Гоголя, в декабре 1905 года, и в Сорочинской трагедии не было ничего исключительного.

Летом 1905 года режиму перестал беспрекословно повиноваться человек с ружьем — как правило, призванный на службу из деревни. В июне на Черноморском флоте взбунтовалась команда броненосца “Потемкин”. Большинство зачинщиков и участников были украинцы. Хотя восстание планировали на октябрь, подняли его раньше срока из-за того, что в борще попало червивое мясо. Унтер-офицер Григорий Вакуленчук, родом с Житомирщины, закричал — по рассказам некоторых, на украинском — товарищам-матросам: “Да сколько ж мы будем рабами?” Старший офицер Гиляровский застрелил Вакуленчука, и атаманом стал Опанас Матюшенко, матрос из Харьковской губернии. Повстанцы убили командиров, подняли красный флаг и направились к Одессе, где поддержали забастовку рабочих. Прибытие корабля с трупом Вакуленчука вызвало новые протесты, возмущения и перестрелки со стражами порядка.

Казачьи отряды заблокировали подходы к порту — в том числе знаменитую Потемкинскую лестницу, изображенную в шедевре Сергея Эйзенштейна как место трагических событий, что унесли не одну жизнь. Вероятно, на самой лестнице в тот день кровь не пролилась, но вообще в Одессе от рук армии и полиции погибли сотни людей. Броненосец вновь

ушел в море, избежал битвы с эскадрой, оставшейся верной престолу, и сдался властям Румынии. Матюшенко прожил около двух лет в Европе и Соединенных Штатах, потом вернулся в Одессу продолжать революционную борьбу. Его арестовали, судили в Севастополе — на базе мятежного броненосца Черноморского флота — и казнили. Матюшенко, который ранее отказался вступать в политические партии, стал в 28 лет мучеником революции.

В октябре 1905 года волна забастовок приняла угрожающие размеры. Железнодорожники парализовали всю Россию. На Украине остановились главные узловые станции: Киев, Харьков, Екатеринослав. Примеру забастовщиков последовали коллективы заводов и фабрик. К середине октября работу бросили 120 тысяч человек на Украине и около двух миллионов в целом по империи. Тогда Николай II сменил тактику и пошел на уступки непокорному народу. 17 октября он издал манифест, которым даровал подданным базовые гражданские свободы: совести, слова, собраний и союзов. Тот же документ вводил всеобщее избирательное право для мужчин и гарантировал, что выборы в первый всероссийский парламент — Государственную думу — обеспечат представительство каждому классу. Царь обещал не утверждать новых законов без одобрения Думы. Абсолютная монархия, казалось, превращается в конституционную. Либеральная интеллигенция ликовала.

Среди тех, кто торжествовал на улицах крупных украинских городов при провозглашении манифеста 17 октября, были и национальные меньшинства, в первую очередь евреи. Консерваторы-монархисты подозревали в них сплошь сторонников революции. На евреев возлагали ответственность за все народные невзгоды, ставшие побочным эффек-

том промышленного развития и стремительной урбанизации. Во многих городах Украины толпа, которую возбудил манифест, принялась их громить. Такие эксцессы уже не раз происходили в черте оседлости, то есть в бывшей Речи Посполитой и Северном Причерноморье. Первая волна прокатилась в 1881 году — евреев назначили виновниками смерти Александра II (убитого народовольцами). Кишиневский погром 1903 года длился двое суток и унес 49 жизней. Американская пресса негодовала, поток евреев-эмигрантов резко вырос. Но погромы в разгар революции совершенно затмили предыдущие. В октябре 1905 года погибли сотни жителей Киева, Екатеринослава и Одессы, тысячи получили ранения. Разорению подверглись десятки тысяч еврейских домов и предприятий.

В Киеве погром вспыхнул после демонстрации, на которой отмечали победу и одновременно бранили царя за попытку запудрить народу мозги своим манифестом. Толпа бросилась к тюрьме, освободила политзаключенных, надругалась над памятником Николаю I перед университетом св. Владимира, сбила с фасада здания символы Романовых, порвала триколоры и заменила их красными флагами. И даже требовала повесить Николая II. Консервативная публика приписала этот бунт еврейским козням. Следующей ночью сезонные рабочие, православные фанатики и откровенные уголовники, образовав банды, начали погром. Избивая евреев, они кричали: “Вот тебе свобода, вот тебе конституция и революция, вот тебе царские портреты и корона”. Лишили жизни 27 человек, ранили около трехсот, разграбили до 1800 помещений, где жили либо трудились жертвы. Из 28 магазинов Крещатика, принадлежавших евреям, уцелел только один.

Шолом-Алейхем, знаменитый писатель, оказался свидетелем киевских событий, после чего уехал в Нью-Йорк.

Предчувствие погрома стало лейтмотивом его последнего рассказа о Тевье-молочнике. Присутствует оно и в текстах, на которых основан классический бродвейский мюзикл «Скрипач на крыше». И там и там полицейский урядник относится к евреям тепло. В то же время многие служители закона принимали сторону погромщиков, даже науськивали их — как и в украинской столице в 1905 году. Власти положили конец бесчинствам только через двое суток.

Киевская трагедия служит ярким примером того, что творилось в других крупных городах Украины. К насилью прибегали главным образом чернорабочие, мигранты из бедной российской деревни и украинцы из пригородных сел. Эксплуатировали их чиновники, фабриканты, кушцы, а в евреях они видели конкурентов и в то же время легкую и «законную» добычу. Злодеяния против них свидетельствовали о преданности православию, самодержавию и народности, доказывали подлинную русскость. Для уголовщины это было золотое время.

Хотя погромная толпа ставила знак равенства между революцией и еврейством, демонстрации с поддержкой манифеста 17 октября или осуждением его за половинчатость устраивали активисты множества политических партий — отнюдь не только еврейских. Большевики, радикальное крыло РСДРП, выступали катализатором рабочих демонстраций и забастовок. Манифест они отвергали и стремились к свержению императора путем всероссийской стачки и восстания. Собственную пропаганду развернули меньшевики — еще одно крыло РСДРП, которому претили диктаторские замашки Ленина. Весьма активно действовала российская партия социалистов-революционеров. Еще до революции возникли ее ячейки в Харькове, Житомире, Чернигове и других городах Украины. К социал-демократам (и большевикам, и меньшевикам) примкнули сотни евре-

но были у них и свои партии. В 1905 году одним из самых активных оказался Бунд (Всеобщий еврейский рабочий союз), социалистическое объединение, что представляло есмеленников.

Доля евреев среди революционеров — чаще всего подменами Бунда — показывала значение этнических и религиозных меньшинств в набравшем обороты кризисе перии, однако всероссийские левые партии национальм вопросом в общем пренебрегали. Вожди Бунда вошли число организаторов РСДРП, но оставили ее, когда Ленин высказался против их самостоятельности и монополии представительство рабочих-евреев. Социал-демократы елом стояли на платформе единства рабочего движения — кже единой и неделимой России. Эсеры проявили большгибкости, с пониманием относясь к требованию культурной автономии и допуская преобразование государства федеральных началах. Но таких скромных уступок оказаль недостаточно — этнические меньшинства стали формировать отдельные политические партии.

рочем, украинцы в державах Романовых и Габсбургов упили на этот путь еще в 90-е годы XIX века. В то время литически активные круги взялись за партийное строительство во всей Европе — они вышли на улицы, чтобы мобилизовать массы вокруг своих идей. На востоке Украины зую современную партию образовали в 1900 году. Мобилизация в ее ряды началась в Харькове, когда группа студентов решила не вступать в существующие нелегальные структуры всероссийского масштаба, а создать новую — Революонную украинскую партию (РУП), программа которой етала бы социалистические и националистические идеи. рвопроходцы создали сеть ячеек в разных местах и повели

среди крестьян пропаганду восстания. Их катехизисом стала напечатанная в Галиции брошюра “Самостоятельная Украина” авторства Микола Михновского, харьковского адвоката. Таким образом, первая украинская партия в Российской империи провозгласила своей целью независимость.

“Пятый акт великой исторической трагедии, называемой борьбой наций, уже начался, и окончание приближается”, — Михновский чуть ли не предвидел мировую войну. По его мнению, выход из того тупика, в который великие державы завел их антагонизм, “показали нации, что уже восстали против чужого правления, в какой бы форме политического верховенства оно ни проявлялось”. Далее он сосредоточился на Украине: “Мы осознаем, что наш народ тоже пребывает в положении поработенной нации”. Михновский провозгласил, что следует добиваться национального освобождения, и, будучи юристом до мозга костей, подверг подробному разбору соглашение, заключенное Хмельницким в 1654 году. Он утверждал, что Россия нарушила условия этого договора и урезала права, гарантированные казачьей старшине при Алексее Михайловиче. В XVII и начале XVIII веков два гетмана — Выговский и Мазепа — использовали подобные аргументы против царей. Однако Михновский, в отличие от них, вел дело не к автономии под эгидой Польши либо Швеции, а к полной независимости.

Труд харьковского юриста стал переломным в политической мысли украинцев империи Романовых. То, что первая на Украине партия ориентировалась на “Самостоятельную Украину”, казалось, давало ее автору надежду на воплощение его мечты. Но вскоре РУП раскололась из-за споров по поводу того, какие вопросы важнее: национальные или социальные. Идею Михновского о борьбе за независимость положили в долгий ящик — на семнадцать лет. Вынут ее оттуда лишь в январе 1918 года, в огне новой революции. Пока

что, в революционном 1905 году, деятели украинского движения, как правило, стремились только к автономии в освобожденной России — преобразованной на демократических и федеративных началах. О настроениях в обществе говорит успех “Спилки” (“Союза”), социал-демократической партии, что возникла на базе РУП. В ее ряды вступили представители разных народов, и она поддерживала тесные связи с РСДРП и Бундом. В апреле 1905 года “Спилка” насчитывала около семи тысяч членов.

Новые сдвиги в политическом ландшафте Украины произвел гамбит Николая II, который перехватил инициативу, желая расколоть оппозицию, — манифест, даровавший подданным гражданские права, в том числе и право голоса. В поддержку манифеста образовалась монархическая партия — “Союз 17 октября”. В октябре оформилась и либеральная партия конституционных демократов (кадетов), в ноябре — шовинистический, юдофобский “Союз русского народа”. На три группы разделились политически активные украинцы. Социалистов представляли “Спилка” и ряд всероссийских партий и течений, украинофильски настроенную либеральную интеллигенцию — Украинская демократическо-радикальная партия (не столь уж радикальная и близкая к кадетам), носителей малороссийской идентичности — монархические и черносотенные организации.

С точки зрения национальной каждый из трех лагерей вел свою историю от культурного возрождения 30–40-х годов XIX века и называл Тараса Шевченко предшественником — но как живописец и петербургский интеллигент он никого не интересовал. Нет, требовался именно народный поэт — в папахе и кожухе, с казацкими усами. Он служил хоругвью, вокруг которой можно было легко сплотить крестьянские массы, а в эпоху массовых политических движений без такого знамени далеко было не уйти. Но на языке

поэзии Шевченко к людям обращались только либералы. Революция 1905 года наконец-то устранила цензурные ограничения, введенные при Александре II. Начался этот процесс еще в феврале, когда Академия наук издала соответствующую записку. Ученые признали украинский (“малороссийский”) полноценным языком, а не наречием, и выступили за снятие запретов на публикации по-украински.

Согласие премьер-министра Витте на их отмену украинцы получили 17 октября, в день обнародования манифеста. В декабре уже выходили две газеты на украинском, в Полтаве и Лубнах. В сентябре 1906 года украинские либералы стали издавать первую ежедневную газету “Рада”. В 1907 году появился и журнал, а еще через год — первый научный журнал на украинском языке. К тому времени число украиноязычных газет выросло до девяти, их совокупный тираж составил 20 тысяч экземпляров. И это было только начало — к преддверию Первой мировой войны тиражи многократно выросли. Наибольший успех имели юмористические брошюры с иллюстрациями (850 тысяч экземпляров в 1908–1913 годах), второе место занимали сборники поэзии (около 600 тысяч экземпляров). Как выяснилось, простые люди предпочитали веселиться и читать стихи на родном языке.

Невиданная ранее битва за умы и сердца масс развернулась весной 1906 года, на выборах в первую Думу. Социал-демократы их бойкотировали, поэтому украинцы довольно часто отдавали предпочтение либералам. Демократическо-радикальная партия, сателлит кадетов, провела в Думу десятка три сторонников. Прибыв на берега Невы, они, заодно с другими земляками, образовали Украинскую думскую общину, чтобы содействовать культурному и политическому развитию украинцев. В эту общину (“громаду”) вступило 44 депутата из 95 избранных на Украине. Но Дума первого созыва работала недолго — царь находил ее слишком “крас-

ной” и распустил через два месяца. В начале 1907 года прошли выборы во вторую, теперь уже при активном участии социал-демократов. “Спилка” провела 14 человек и опередила все украинские партии, кроме монархистов, которые собрали четверть голосов. Депутаты-украинцы образовали новую общину. На этот раз в ней было 47 членов. Один из их законопроектов должен был снять запрет на преподавание на украинском в школе. Но украинской общине мало что удалось сделать, поскольку революция шла на спад, а Николай II разогнал вскоре и вторую Думу. Она заседала с марта по июнь 1907 года. Роспуск Думы второго созыва стал символом угасания революции.

Деятели украинского движения формировали общину в парламенте, создавали образовательные и научные учреждения национального характера и вообще много чего делали в 1905–1907 годах по примеру соплеменников из Австро-Венгрии. Туда эпоха массовых политических движений пришла на несколько десятилетий раньше. Как говорилось выше, граница двух империй стала не помехой в развитии Украины, а подспорьем: когда гайки закручивали по одну сторону, активисты с другой работали и за себя, и за собратьев. С 60-х годов XIX века жители центра и востока Украины, которым ставили палки в колеса чиновники Романовых, не только помогали украинцам Галичины, но и все чаще сами полагались на их поддержку. К началу прошлого века этот фактор стал еще значительнее.

Ключевой фигурой в распространении галицкого опыта на востоке стал Михайло Грушевский, сорокалетний профессор истории Украины Львовского университета. Выпускник университета св. Владимира, он переехал в Галицию в 1894 году и заслужил репутацию ведущего украин-

ского ученого в обеих империях. Там он начал работу над многотомной “Историей Украины-Руси”, первым обзорным научным трудом, где прошлое его отчизны было изложено вполне отдельно от истории России. Также Грушевский возглавил расположенное во Львове Общество имени Шевченко и превратил его в эквивалент академии наук, которой у его страны еще не было. Узнав, что в Петербурге возникла Украинская думская община, профессор бросил галицких студентов и вернулся в Россию, чтобы издавать публикации депутатов-соотечественников и влиять на их политику. За несколько последующих лет Грушевский перевел в Киев “Литературно-научный вестник”, который издавал еще во Львове. В Киеве же, по образцу Общества имени Шевченко, он учредил Украинское научное общество.

Историк доказывал, что цель широкой коалиции российских либералов, что сформировалась накануне революции 1905 года, — “освобождение России” — была невыполнима без освобождения Украины. Он видел Украину демократической автономией в составе демократической и федеративной России. Собратьев-интеллигентов Грушевский призвал вступать в местные партии, а не жертвовать национальными интересами ради общероссийских. Также он старался не допустить альянса российских либералов и польских националистов, который мог бы повредить культурным и политическим стремлениям украинцев. Профессор утверждал, что сделки между отдельно взятыми народами недопустимы — должно быть равное отношение ко всем. Грушевский боялся русско-польского компромисса. Вследствие такого договора школы бывшей Речи Посполитой могли перейти на польский, похоронив надежды на украиноязычное преподавание. Таким образом, русификацию крестьян в западных губерниях, в том числе украинских, заменила бы полонизация. Впрочем, опасения Грушевского не подтвердились.

Причиной же их стали главным образом воспоминания о Галиции. Там грекокатолический избиратель ориентировался прежде всего на Украинскую национально-демократическую партию. Ее создали в 1899 году при участии Грушевского и писателя Ивана Франко, его единомышленника. Партия объединила украинофилов (“народовцев”) и социалистически настроенных радикалов. УНДП объявила программой-максимум достижение независимости Украины — еще до появления РУП Михновского. Ближайшей целью партии были раздел Галиции на украинскую и польскую части и уравнивание в правах всех этносов под скипетром Франца-Иосифа. Польские политики выступили категорически против этого. Роман Дмовский и его эндеки (национал-демократы) добивались ополячивания украинцев, тогда как Юзеф Пилсудский и социалисты грезилы возрождением Речи Посполитой как федерации, где нашлось бы место и для юго-восточных соседей. Компромисс между польским и украинским образом Галиции был, в общем, невозможен.

Вражда двух групп обострилась в ходе выборов 1907 года в австрийский и галицкий парламенты. Право голоса впервые получили все взрослые мужчины. Украинцы показали неплохой результат на общеимперском уровне, но контроль над законодателями коронного края остался в руках поляков. Мало того что избирательная процедура играла против крестьян (читай: украинцев), чиновники-поляки прибегли к разнообразным манипуляциям. Насилие пускалось в ход с прискорбной легкостью — итогом выборов стало не только поражение украинцев, но и гибель нескольких человек. Отношения двух студенческих общин во Львовском университете также были напряжены до предела. Грушевский на вечерние занятия ходил с пистолетом. Кончилось это тем, что в апреле 1908 года студент-украинец Мирослав Сичинский убил графа Потоцкого, наместника Галиции.

Украинские национал-демократы так и не смогли убедить власти разделить Галицию и создать в империи Габсбургов украинскую автономию, зато достигли заметных успехов в развитии образования и культуры. В 1890-е годы, во время недолговечного примирения “народовцев” с польской элитой, в украинских школах Галичины начали преподавать с использованием фонетического правописания. Это не изменилось и в начале XX века, даже при ухудшении политического климата. Первое поколение галицких украинцев, избавленных от массовой неграмотности — накануне мировой войны в крае было две с половиной тысячи украинских начальных школ, — получало информацию о текущих событиях, как правило, на родном языке. Это заложило фундамент крепкой национальной идентичности на западе Украины на столетие вперед.

Галицкие русофилы, которые в той или иной форме пропагандировали русский язык, битву за умы школьников проиграли. Неважно обстояли их дела и на избирательных участках. В ходе выборов 1907 года украинские политики заключили союз с еврейскими (по меньшей мере двое депутатов-иудеев прошло в австрийский парламент благодаря грекокатоликам), поляки же без особого успеха поддерживали русофилов. Украинские партии отправили в Вену 22 депутата, русофилы — только двоих. В Галиции их движение уже не было способно конкурировать с украинским народничеством.

В Российской империи после революции 1905 года украинские партии находились в совершенно другом положении. Их популярность среди простого народа падала. Украиноязычное преподавание в школах оставалось неосуществимой мечтой. С провалом революции чиновники осмелели и не боялись запрещать украинские организации и пресле-

довать, вплоть до закрытия, их прессу. Зато русским националистическим объединениям никто не мешал обрабатывать пропагандой украинского крестьянина.

Консервативное правительство Петра Столыпина укрепляло позиции империи на западных рубежах путем нагнетания шовинистического угара. Новый избирательный закон помогал пройти в Думу кандидатам такого направления. На Украине, как и в других владениях Романовых, шовинисты действовали рука об руку с православным духовенством, насаждая юдофобию и русский национализм в душах крестьян и мещан. В Киеве прогремело наиболее скандальное в истории российского суда дело — Бейлиса, еврея, обвиненного в ритуальном убийстве мальчика-христианина. Почаевская лавра на Волыни в предвоенные годы служила рассадником шовинизма и юдофобии. Отделение черносотенного “Союза русского народа” в Волынской губернии стало крупнейшим в империи. Члены этого союза и подобных ему организаций утверждали, что отстаивают интересы русских (на Украине — малороссов) против эксплуататоров: поляков и евреев. Их пропаганда изображала этих “инородцев” капиталистами-кровопийцами и одновременно смутьянами-революционерами.

Итоги выборов депутатов третьей Думы (1907–1912) в украинских губерниях показали, как успешна оказалась имперская пропаганда. Из 41 депутата 36 удостоились звания “истинно русских людей” — так в то время обозначали националистов. Убийство в сентябре 1911 года в Киеве Столыпина эсером Богровым ничего в избирательной политике не изменило. Русские националисты в украинских губерниях набрали 70% голосов украинских избирателей в Думу четвертого созыва — поразительный, казалось бы, результат, ведь этнические русские составляли не более 13% населения Украины. Среди тех, кто голосовал за них, да и среди самих

депутатов по спискам русских националистов большинство было этническими украинцами — например, Анатолий Савенко, основатель “Киевского клуба русских националистов” и видный депутат четвертой Думы. Или же Дмитрий Пихно, который руководил киевским отделением “Союза русского народа”. Редактируемая им газета “Киевлянин” стала рупором подобных взглядов. В ходе революции 1905–1907 годов шовинизм в общем добил остатки украинской самобытности у тех, кто исповедовал малороссийскую идентичность.

Хотя революция 1905 года и осталась во многом незавершенной, ее нельзя не признать переломным моментом в истории украинского национального движения в Российской империи. Впервые деятели украинского направления получили шанс распространить в массах свои идеи, проверив на практике их доходчивость и популярность. Впервые им позволили обратиться к массам на украинском народном языке и вести агитацию в печати. По всей Украине возникала сеть украинских клубов и обществ “Просвіта” (“Просвещение”). Украинофилы прежних лет могли только мечтать о таком выходе из подполья. За короткое время удалось многого достигнуть. Но окончание революции, реакционная политика и укрепление шовинистических настроений привели к разброду и шатаниям в рядах украинских активистов.

В Галиции “народовцы” одержали верх над русофилами, но были неспособны вырвать управление коронным краем из рук поляков. В обеих империях украинские националисты провозглашали стремление к независимости родной земли, но получить даже локальную автономию им оказалось не под силу. Изменить что-то могло только потрясение основ хозяйственного, общественного и политического уклада имперских обществ. Для того чтобы в том или ином виде воплотить в жизнь грезы о самостоятельности Украины, требовалось политическое землетрясение. Разразилось оно в августе 1914 года.

Раздел IV

Мировые войны

Глава 18

Рождение нации

Утром 28 июня 1914 года в Сараеве прозвучали всего лишь два выстрела. Гаврило Принцип ранил из браунинга Франца Фердинанда, наследника престола Австро-Венгрии, затем его жену, герцогиню Софию. К полудню супруги будут мертвы. Они станут первыми из многих миллионов жертв 19-летнего студента. Его выстрелы послужат сигналом к началу Первой мировой войны.

Принцип, член сербского национально-освободительного подполья, ненавидел Габсбургов и мечтал о единой независимой Югославии. У Габсбургов же были другие мечты. Правительство желало сохранить империю и задумало обернуть убийство эрцгерцога против Сербии — та должна была понести наказание за разжигание в Австро-Венгрии славянского национализма. Петербург поддержал Белград, Берлин — Вену. Франция, а затем и Великобритания выступили на стороне России. К началу августа война охватила добрую половину Европы. Великая война, как тогда называли Первую мировую, отняла до 18 миллионов жизней солдат и мирного населения (ранения на фронте получили 22 миллиона).

Ученые давно спорят о причинах первой глобальной войны в мировой истории. Чаще всего говорят о расколе

на два военных лагеря: Тройственное согласие (Антанту, которую образовали Великобритания, Франция и Россия) и Тройственный союз (Центральные державы, то есть Германия, Австро-Венгрия, Италия — последнюю заменила в ходе войны Турция). Ленин не устал клеймить империалистических хищников за драку ради контроля над рынками сбыта и природными богатствами. Следует помнить и о расцвете массовых политических движений в Европе, а также военной доктрине, которая предписывала молниеносную мобилизацию и мощный первый удар. Все эти факторы сыграли свою роль в разжигании войны и помешали великим державам достичь мира, пока четыре года бойни не взяли свое.

Изучая скрытые пружины конфликта, необходимо не терять из виду наиболее очевидный вопрос: что именно толкнуло к убийству в Сараеве лично Принципа? Также важна причина, по которой Австро-Венгрия отвергла какой бы то ни было компромисс. Дело было в том, что все более агрессивный национализм грозил добить дряхлые полиэтнические империи. Пожар, разожженный националистами-смертниками, оставил в итоге эти империи в руинах. Австро-Венгрия распалась, Османская и Российская утратили институт монархии и уменьшились в размерах, но так или иначе выжили. В рядах победителей оказались десятки национальных движений, основавших собственные государства на обломках когда-то несокрушимых великанов. Украину даже при большом желании трудно записать в победители, однако Первая мировая дала шанс на государственность и этой нации.

В начале Великой войны перспективы национально-освободительных движений оставались так же туманны, как до 1914 года. Миллионы сплотились вокруг престолов в порыве верноподданнических эмоций. Российские власти

не преминули поставить эти чувства на службу русификации и дополнительно закрутить гайки. На украинофильские организации часто лепили ярлык “мазепинцев” — гетман не давал покоя царям даже через два столетия. Также в них подозревали потенциальное орудие Габсбургов. Как бы украинские активисты ни клялись в преданности Романовым, чиновники закрывали общества “Просвіта” и другие организации, а также все еще выходившие периодические издания — например, ежедневную газету “Рада”, последнее напоминание о вольном воздухе революции 1905–1907 годов. Тех интеллигентов по обе стороны Збруча, которые надеялись на автономию Украины в составе России после победы над Австро-Венгрией, постигло жестокое разочарование. Украинские либералы объявили нейтралитет, не желая воевать ни за ту, ни за другую империю. Радикалы левого толка сделали ставку на поражение Николая II и с надеждой смотрели на Франца-Иосифа.

Война началась блестящими победами российской армии на Юго-Западном фронте, в Галиции и Буковине. На Северо-Западном она вторглась в Пруссию. В начале сентября был взят Львов, а к концу 1914 года россияне овладели перевалами в Карпатах, выдавливая противника в Закарпатье. Теперь солоно пришлось украинским организациям и на правом берегу Збруча. Оккупация большей части Галичины и Буковины длилась до мая 1915 года. Ее вполне хватило, чтоб австрийские украинцы поняли, что им готовят чиновники Романовых. Новые власти провозгласили объединение “подъяремной Руси” и Руси Великой. Значительно возросло влияние галицких москвофилов, которых до войны оттеснили было на задний план. Преподавание в школах с украинского перевели на русский. Немецкий и ашкеназский Лемберг, польский Львув, украинский Львив становился русским Львовом.

Впрочем, многие москвофилы не дождались оккупационных войск и пострадали за симпатии к противнику Габсбургов уже в начале войны. 4 сентября 1914 года первые арестанты такого рода прибыли в лагерь Талергоф — в чистое поле неподалеку от Граца в Штирии. Вскоре туда стали массово свозить русофилов и членов их семей. Там очутилось немало интеллигентов — священников, преподавателей, вообще образованных людей, — но-еще больше простого народа. За годы войны около 20 тысяч человек бросили в печально известный в Европе концлагерь. От голода и болезни умер по меньшей мере каждый седьмой. Сегодня только название дороги возле аэропорта Граца — Лагерштрассе — напоминает о трагедии галицких и буковинских русофилов. Заклучали их и в крепость Терезиенштадт (Терезин) в нынешней Чехии, где содержался и Гаврило Принцип. Он умер в застенке от туберкулеза весной 1918 года — до конца начатой его руками войны оставалось немногим более полугода. В Канаде власти интернировали 4 тысячи украинцев и еще 80 тысячам велели регулярно отмечаться в полиции, считав их “иностранцами вражеской национальности”. По национальности их записали в австрийцы, ведь они приехали из Австро-Венгрии.

В отличие от москвофилов, вожди украинского движения в этой империи уверяли правительство в лояльности. Так же были настроены тысячи крестьян, что любили в предвоенные годы петь об императрице Сисси (Елизавете Баварской), убитой в 1898 году итальянцем-анархистом. В песне ее называли “наша пани цесарева”, а Франца-Иосифа — “наш батько цесарь”. В начале войны активисты образовали Главный украинский совет, чье название напоминало об аналогичном совещательном органе времен революции 1848–1849 годов. Благодаря совету возникло первое национальное украинское подразделение в австро-венгерской армии.

Из десяти тысяч добровольцев власти отобрали две с половиной тысячи. Их свели в легион Украинских сечевых стрельцов, чье название — очевидная отсылка к Запорожской Сечи — выражало надежду добровольцев увидеть воды Днепра и объединенную Украину.

У тех политиков, что стояли за ними, оставались все те же программа-минимум, разделить Галицию и добиться автономии для Галичины как таковой, и программа-максимум, создание независимого государства в российской части Украины. Ради достижения второй цели патриоты не только записывались в австро-венгерскую армию, но и вели агитацию среди военнопленных, стремясь полностью вытеснить у них малороссийскую идентичность украинской. Центром такой агитации стал “Союз освобождения Украины”, образованный в Вене главным образом эмигрантами с берегов Днепра. Они знали, какими словами обратиться к землякам. Среди них оказался и будущий идеолог украинского радикального национализма 1920–1930-х годов, уроженец юго-востока Украины Дмитро Донцов.

В мае 1915 года началось контрнаступление германских и австро-венгерских войск, в итоге которого под контролем России осталась только приграничная полоса Галиции и Буковины. Вследствие этого москвофилам пришлось окончательно покинуть эти земли, отступив на восток вместе с армией. “Шли они целыми семьями с войтом во главе, увлекая за собой лошадей, коров и тот клад [ценности], который успели захватить”, — писала об исходе галицких сторонников Николая II “Киевская мысль”. Многих беженцев поселили на Нижнем Дону, прежде всего в Ростове. Такой стала финальная глава истории москвофилов Западной Украины. Те, кто не попал в Талергоф или другие австро-венгерские тюрьмы, были вынуждены уехать далеко на восток. Летом 1916 года российская армия во главе с генералом

Брусиловым перешла в наступление, освободила часть Волыни и вновь завладела Буковиной и некоторыми районами Галиции. Но это был последний рывок империи, чья военная и экономическая мощь иссякла. Идея “общерусского единства” вскоре утратит былую привлекательность не только в украинских владениях Габсбургов, но и по другую сторону линии фронта.

В начале марта 1917 года империя рухнула — кончились времена Романовых. В течение нескольких недель перед революцией Петроград терзала нехватка продовольствия. Она стала причиной забастовок и мятежей в войсках столичного гарнизона. Думцы убедили психологически истощенного за годы войны царя отречься от престола. Николай отрекся в пользу брата Михаила, но тот не принял корону — ведь Дума в случае его согласия сулила новый бунт. Монархии в России не стало — голодная улица, непокорные солдаты, воодушевленные переменами и давно уже не преданные династии политики сделали свое дело. Последние сформировали Временное правительство, которому, помимо прочего, надлежало провести выборы в Учредительное собрание, которое должно было стать душеприказчиком империи.

Февральская революция — под таким названием вошли в историю события в Петрограде — застала врасплох измученных преследованиями вождей украинских организаций. Грушевский, ключевая фигура украинского движения в Австрии до 1905 года и в России в ходе первой революции, был арестован в 1914 году и сослан сначала в Симбирск, а затем переведен под надзор полиции в Москву. Он собирал материалы для научной работы в библиотеке московского Румянцевского музея, когда на улице раздались крики и шум. Расспросив зрителя, он узнал, что вспыхнула новая рево-

люция — москвичи сбегались к Кремлю, чтоб овладеть этим символом самодержавия. В марте представители украинских политических и культурных кругов Киева образовали координационный орган. Назвали его “центральным советом” — Центральной Радой. Грушевского избрали председателем еще до возвращения из ссылки. Вскоре он приехал и безоговорочно поддержал молодое поколение украинских активистов — двадцати- и тридцатилетних, нередко студентов.

Центральная Рада начала заседать немедленно, в одной из подвальных комнат Педагогического музея в центре Киева. Со временем она сформировала правительство автономной Украины — Генеральный секретариат, который возглавил известный писатель-модернист Владимир Винниченко. Он творил на двух языках и стал первым после Гоголя украинским автором, которого массово читали в России. Секретариат заявил о намерении управлять территорией, составлявшей добрую половину современного государства. В июле — августе Временное правительство признало его юрисдикцию над пятью губерниями: Волынской, Подольской, Киевской, Полтавской и Черниговской (без тех уездов, что теперь входят в Брянскую область).

Как это могло произойти? Как получилось, что украинская идея, перспективы которой после угасания в 1907 году революции выглядели, мягко говоря, бледно, стала победителем в соревновании с общероссийскими проектами: социал-демократическим, либеральным и панроссийским? В революционной атмосфере 1917 года смесь либерального национализма и социализма, предлагаемая молодыми ораторами в Раде, привлекла множество сторонников. Общественно активные люди поверили, что их кредо — территориальная автономия Украины — вытянет страну из того болота военных, экономических и социальных проблем, в котором она тонула. Центральная Рада наиболее убедительно выгля-

дела в качестве силы, способной разрешить два острейших на то время вопроса: о земле и о мире.

Горячо поддержали Раду солдатские массы, ведь у них было одно желание — вернуться домой как можно скорее. Временное правительство из кожи вон лезло, уговаривая армию перейти в новое наступление и биться до конца, чтобы не подвести союзников. Зато Центральная Рада обещала мир. Жители изнуренных боевыми действиями юго-западных окраин империи возлагали надежды именно на украинских политиков. В преданности Грушевскому и его соратникам клялись “украинизированные” подразделения, сформированные из призывников с Украины и отчасти переведенные в 1917 году на Юго-Западный и Румынский фронты. В целом они насчитывали около 300 тысяч человек. Утомленные продолжительной бойней, крестьяне в шинелях хотели не только увидеть свои хаты, но и поделить панскую землю. Рада обещала им это, несмотря на рьяное противодействие помещиков. Крестьяне отдавали предпочтение партии украинских эсеров — та имела в Раде первую по численности фракцию — и служили парламенту надежной опорой.

Летом 1917 года Рада из координационного совета украинских политических и общественных структур выросла в подлинный парламент — всеукраинские съезды советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов направили туда своих представителей. Так же поступили этнические меньшинства Украины. Грушевский не уставал твердить землякам, что нельзя допустить повторения погромов 1905 года, и уверял евреев, поляков и русских, что в самостоятельной Украине (республике в составе федеративной России) они получат культурную автономию. Еврейские социалистические партии благодаря этому включились в работу Центральной Рады и поддержали идею территориальной автономии Украины. Их примеру последовали левые партии других эт-

носов. В итоге число депутатов перевалило за восемьсот. Для лучшей работы неопытных революционеров ее вождям пришлось образовать небольшой президиум — Малую Раду.

Десятки выдающихся украинцев приехали в Киев из Петрограда и Москвы (столицы России с марта 1918 года), желая помочь построению нового государства. Среди них и Георгий Нарбут, художник мирового уровня, — он стал одним из основателей Украинской академии искусства. Ему принадлежит авторство банкнот и печатей, а также большого герба Украины (уже при гетмане Скоропадском). В дизайне последнего сочетаются два древних символа: трезубец, взятый с монет князя Владимира Великого, и фигура казака. Украина провозглашала себя преемницей Киевской Руси и Войска Запорожского. Национальные цвета герба, синий и желтый, происходили из Галичины и символизировали единство Украины по обе стороны линии фронта Великой войны.

Молодое автономное образование страдало от ряда проблем. Рада не сумела создать эффективный государственный аппарат и сформировать надежную армию, даже когда сотни тысяч солдат и офицеров кричали на митингах о преданности Украине. Писатели, ученые и студенты, возглавившие парламент, витали в облаках — романтика национальной революции, низвержение старого режима и т. д. Эти недостатки дали о себе знать осенью 1917 года, когда Рада, неспособная выполнить свои громкие обещания, начала терять контроль над положением в провинции. В городах число ее сторонников сократилось до 10–12% (исключением оставался Киев с 25%). Теперь горожане ждали чуда от Советов, где уверенно звучал голос большевиков. Крестьяне теряли терпение — ни мира, ни передела земли они не дождались. Самовольный захват участков и грабежи поместий происходили все чаще.

Большевицкий переворот на берегах Невы, названный позже Октябрьской революцией, всколыхнул и воды Днепра. Через две недели, 20 ноября, Рада провозгласила Украинскую народную республику (УНР) — самостоятельное государство в федеративной связи с Российской республикой. Она также подчинила себе юго-восточные территории, где преобладали этнические украинцы: Харьковскую, Екатеринославскую, Херсонскую губернии, отдельные уезды Таврической, Воронежской и Курской. Взаимопонимание членов Рады и большевиков — они вместе разоружили киевские части, преданные Временному правительству, — длилось недолго. В декабре разгорелась открытая война между правительством УНР и большевистским Совнаркомом.

Большевики встали у руля в Центральной России, поставив под контроль Советы — органы власти нового типа, где за умы депутатов от рабочих, крестьян и солдат бились различные партии. Октябрьский переворот был утвержден постфактум Вторым всероссийским съездом Советов — он заседал в столице как раз в это время, а заправляли там большевики и левые эсеры, их союзники. Ту же тактику опробовали на Украине, созвав в декабре 1917 года съезд Советов в Киеве. Однако в большинстве там оказались крестьяне, приверженцы Рады. Захватить власть таким путем у большевиков не вышло.

Но они и не думали сдаваться. Участники съезда из партии Ленина выехали в Харьков, где в последние дни 1917 года собрался съезд депутатов промышленных регионов востока Украины. 25 декабря там провозгласили Украинскую народную республику Советов — то ли новое государство, то ли УНР с новым государственным устройством. На Украину прибывали из России тысячи красногвардейцев и большевизированных солдат. В январе они пере-

шли в наступление на Киев и Екатеринослав под знаменем созданного в Харькове (будущей столице УССР) режима. Под фактическим командованием Михаила Муравьева, подполковника старой армии, они двигались по железным дорогам и захватывали крупные города, где на их сторону вставали распропагандированные большевиками местные рабочие. Центральная Рада, поддержанная либеральной интеллигенцией, битву за города проиграла. В ее распоряжении находилось очень мало боеспособных войск. Украинизированные в 1917 году части, как правило, тихо разлагались на фронте и в тылу на Правобережье. В январе 1918 года руководители УНР поняли, что настало время объявить о независимости от России, — но оборонять эту независимость было почти некому.

В последней декаде января Центральная Рада приняла последний, четвертый универсал — название декрета, унаследованное со времен Речи Посполитой и Гетманщины, в котором объявила о независимости Украины. Текст гласил: «Отныне Украинская народная республика становится самостоятельным, ни от кого не зависимым, свободным, суверенным государством украинского народа»¹. Представляя законопроект на заседании Рады, Грушевский говорил о выполнении двух безотлагательных задач: облегчить заключение мирного договора с Четверным союзом — на это имело право лишь независимое государство — и защититься от вторжения российских большевиков и бунта украинских, опиравшихся на красногвардейцев из числа рабочих крупных городов. Однако значение этого универсала в истории намного важнее причин голосования за него. Украина провела четкую границу между собой и Россией впервые после Мазепы. Идея независимого государства, какими-то семна-

Цит. по «Страницам истории Украины» П. Т. Фирова и др.

дцатью годами прежде высказанная Михновским и встреченная недоумением большинства, теперь приобрела многие тысячи сторонников в центре и на востоке Украины. Дожин независимости вылетел из имперской бутылки.

Авторы документа декларировали, что хотят жить в мире и согласии со всеми соседними государствами, а именно Россией, Польшей, Австрией, Румынией, Турцией и другими. И немедленно предупреждали, что ни одно из них не может вмешиваться в жизнь самостоятельной Украинской республики. Блажен, кто верует. Российские большевики наступали на Киев с северо-востока, а их подручные в столице толкнули рабочих Арсенала на восстание. Большевистские посулы, не выполненные в свое время Радой, — передел земли, немедленный мир, преобразование общества — привлекали колеблющихся, поэтому надежных войск Раде не хватало. Пришлось мобилизовать не обученных военному делу добровольцев. У станции Круты в Черниговской губернии отряд из 500 юнкеров, студентов и гимназистов вступил в бой с большевиками — красногвардейцами из Москвы и Петрограда, а также матросами-балтийцами. Двадцать восемь украинцев было взято в плен и казнено на следующий день в отместку за упорное многочасовое сопротивление. В украинской исторической памяти они стали первыми мучениками среди борцов за свободу. Их количество будет только расти.

В ночь на 9 февраля 1918 года Центральная Рада уехала из Киева на запад. Через несколько часов в Брест-Литовске ее представители заключили мирный договор с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией. Отвергнув идею формирования регулярной армии в середине 1917 года, УНР теперь была вынуждена обратиться за помощью к центральным дер-

жавам. Украинской делегации не пришлось долго упрашивать немцев и австрийцев — их армии немедленно выступили на восток. Изнуренные войной империи страдали от нехватки продовольствия, их могла выручить Украина — житница Европы. Брестский договор 9 февраля 1918 года предусматривал взаимный “обмен излишками” сельскохозяйственных и промышленных товаров первостепенного значения. В обмен на зерно центральные державы давали напрокат свою хорошо смазанную военную машину. Через десять дней после подписания договора она перешла в наступление, а 1 марта большевиков уже выгнали из Киева. Рада вновь обосновалась в здании Педагогического музея. Расстрелянных под Крутами юных воинов торжественно перезахоронили на Аскольдовой могиле — согласно легенде, когда-то там покоился первый в истории киевский правитель.

Отряды большевиков были неспособны отбить наступление германских и австро-венгерских войск (около 450 тысяч человек). Оставались только правовые и дипломатические методы. На юго-востоке Украины лихорадочно учреждали марионеточные советские республики: Одесскую, Донецко-Криворожскую, республику Тавриды. Процесс их формирования начался в январе, большинство провозгласили независимость в феврале или марте, но Германия и Австро-Венгрия наступали как ни в чем не бывало. С помощью украинских частей немцы заняли Крым. Центральная Рада на полуостров не претендовала, и теперь оккупанты не стали присоединять его к УНР. В мае большевиков практически изгнали из Украины. Ее независимость Ленину пришлось признать еще раньше — иначе центральные державы не заключили бы с ним в марте еще один Брестский мир.

Теперь новое украинское государство отгородилось от России границей не только формальной, но и фактической. Но вот о равноправии в отношениях с Германией

и Австро-Венгрией можно было лишь мечтать. УНР дала согласие поставить им один миллион тонн зерна и немало другой сельскохозяйственной продукции. Это ее не спасло — через несколько дней, в конце апреля 1918 года, центральные державы разогнали Центральную Раду, полагая, что выкачивать ресурсы из Украины без социалистического правительства будет легче. переворот, за которым стояли немцы, привел к власти Павла Скоропадского — генерала, родственника Ивана Скоропадского, гетмана начала XVIII века. Он был убежденным консерватором и выразителем интересов помещичьего класса. Взывая к исторической памяти масс, Скоропадский объявил себя гетманом, а УНР — Украинской державой. И правил он, как встарь, без оглядки на чье-либо мнение — кроме, конечно, руководства оккупационных войск.

Будущий диктатор рос в общем-то типичным российским аристократом. Стремительную трансформацию он пережил в 1917 году, когда Временное правительство назначило его командующим украинизированным корпусом, отчаянно пытаясь удержать армию в повиновении за счет уступок в национальном вопросе. Скоропадский поверил сначала в автономию Украины, а после и в независимость. Верность украинской идее и связи со своими германскими покровителями он хранил до самой смерти, наступившей его в Баварии в апреле 1945 года, после очередной союзной бомбардировки. Период гетманата был отмечен плодотворным строительством государственных и общественных институтов. Украина впервые получила банк и полноценную финансовую систему. Чиновников царского времени назначили министрами и губернскими старостами, офицеров же — командирами формируемых частей. Украина впервые создала академию наук и национальную библиотеку, шла подготовка к открытию национального архива. Открыли и два новых университета — в Екатеринославе и Каменце-Подольском.

Хотя гетман так и не овладел до конца украинским, он завершил начатое при УНР внедрение в школу народного языка — интеллигенты-украинофилы грезили этим на протяжении долгих десятилетий.

При всех перечисленных успехах режима социалисты из бывшей Центральной Рады думали только о том, как бы его свергнуть. Они видели в гетманской державе — и часто вполне оправданно — дело рук российских консерваторов, которые нашли себе убежище на юго-западном рубеже большевистской России. Часть вождей левых ушла в подполье. Дело пахло народным восстанием. Городские рабочие, которых заставили трудиться по двенадцать часов в день, и задавленные поборами крестьяне испытывали к режиму отнюдь не теплые чувства. К концу лета заводы и фабрики были охвачены забастовками, а повстанческие отряды в провинции насчитывали около 40 тысяч человек. После четырех лет мировой войны на Украине хватало оружия, да и опытных бойцов тоже. Карательные походы оккупантов только усугубили положение. К началу осени режим явно валился в штопор. Скоропадский ухватился за спасательный круг федерализма — он готов был вернуть Украину в орбиту меньшевистской России. Это была запоздалая попытка уبلажить Антанту, чьи лидеры поддерживали “единую и неделимую” Россию. Ничего хорошего она гетману не принесла — символическая утрата независимости вконец разъярила социалистов, и они перешли к активной фазе гражданского конфликта. Но главным ударом по украинской державе стало завершение Великой войны.

11 ноября 1918 года представители германского командования заключили перемирие с британскими и французскими коллегами в Компьенском лесу, к северу от Парижа. Конец бое-

вых действий означал и прекращение германской и австро-венгерской оккупации Украины. 14 ноября, всего через три дня, на Украине вспыхнуло восстание. Руководила им Директория — комитет пяти, названный в честь правительства революционной Франции в 1795–1799 годах, — во главе с Владимиром Винниченко, бывшим премьер-министром УНР. Иностранным армиям Директория позволила спокойно покинуть Украину. 14 декабря войска, составленные из мятежных частей гетманской армии и крестьянских отрядов, вступили в Киев. Украинская держава Скоропадского, созданная державами центральными, не устояла — новость о капитуляции покровителей прозвучала для нее похоронным звоном. Украинская народная республика пережила второе рождение и охотно обратила себе на пользу достижения предшественницы. Но удержать Киев новой власти оказалось отнюдь не легко. Восточную границу от большевиков немцы уже не обороняли, поэтому в Кремле готовили новое наступление.

По другую сторону распавшейся к началу 1918 года линии фронта — в Галиции — завершение мировой войны стало толчком к образованию еще одного государства, что вскоре получило название Западно-Украинской народной республики. Фундамент ее появился еще в октябре, когда Карл, последний император династии Габсбургов, объявил о федерализации Австрии. Украинцы устами своих политиков заявили претензии на этнические территории: Галичину, Закарпатье, Буковину. Двуетная монархия доживала последние дни — перемирие 3 ноября 1918 года с Антантой (включая и США) стало ее последним вздохом. Народы вырвались из имперской клетки, сбросив власть Вены и Будапешта. Но свобода от Габсбургов обернулась для многих из них междоусобной борьбой за жизненное пространство. В Галиции встретились в схватке поляки и украинцы. Ав-

стрийское правительство так и не разделило коронный край на две части, и теперь Польша, восставшая, словно феникс из пепла, претендовала на всю его территорию.

Украинцы не стали ждать атаки. Утром 1 ноября их отряды взяли под свой контроль столицу края. Во Львове говорили главным образом по-польски, преобладали римокатолики (на втором месте были иудеи), а вот в окрестных селах — грекокатолики. В тот же день провозгласили независимость нового украинского государства. Поляки не сложили оружия и через 12 дней отбили Львов. Руководству ЗУНР во главе с Евгеном Петрушевичем, известным юристом и общественным деятелем, пришлось уехать на восток, сначала в Тернополь, затем в Станислав (нынешний Ивано-Франковск). Так началась Укратино-польская война. 1 декабря представители двух украинских республик — той, что покинула Львов, и той, что не взяла еще Киев, — договорились о слиянии в единое государство. В такое трудное время надо было собрать армии в один кулак. Перспективы обеих республик выглядели неутешительно.

Великая война не стала последней в истории человечества, как многие надеялись. Напротив, перемирие в ноябре 1918 года спровоцировало ряд локальных конфликтов. Война подорвала устои империй на востоке и в центре Европы, социальная революция покончила с прежним укладом общества. Как и другие западные страны, Украина из пламени войны вышла жестоко израненной — с экономикой в упадке, меньшей численностью населения, обострением межэтнических раздоров и яростной идеологической враждой. Но крах империй расчистил путь украинской идентичности и украинскому государству с собственными бюрократией и армией, поместил Украину на политическую карту Европы.

Порожденная войной реальность дала коренным жителям по обе стороны бывшей границы двух империй новую политическую программу — достижение независимости. Еще летом 1914 года об этом мало кто говорил всерьез, теперь же эту идею разделяли социалисты из Центральной Рады, консервативные сторонники гетмана и солдаты галицкой армии. Как правило, борьба за независимость не только мобилизовала украинцев, но и настраивала против них этнические меньшинства и соседние державы. Удержать независимость оказалось куда труднее, чем провозгласить. Украинцы должны были воевать за нее самое меньшее на два фронта.

Глава 19

Несбывшиеся надежды

22 января 1919 года в Киеве выдался погожий зимний день с легким морозом. Ясное небо хорошо видно на одной из первых кинопленок, снятых в украинской столице. Официальные торжества привлекали кинооператоров уже тогда. Минувал год после того, как Центральная Рада своим четвертым универсалом провозгласила независимость Украины. Теперь те вожди первой УНР, что смогли вернуться к власти, использовали юбилей, чтобы объявить о другом важном событии — объединении в одно государство двух частей Украины, которыми еще недавно владели Романовы и Габсбурги. Они возвели на Владимирской улице, у Софийской площади, триумфальную арку и собрали вече у стен собора, помнившего времена Киевской Руси. Отслужили молебен и провели военный парад. Такие пышные церемонии вызвало событие, полугодом ранее показавшееся бы фантазией украинских интеллигентов, немногочисленных по обе стороны российско-австрийской границы.

Колокола Святой Софии отбивают полдень, и камера показывает нам радостные лица, женщин с цветами и толпы мужчин в военной форме. В центре внимания — Директория

и прежде всего ее глава, высокий, с бородкой, в темном кожаном пальто и шляпе, которой он время от времени машет окружающим. Это Владимир Винниченко, глава Генерального секретариата Центральной Рады. Справа от него идут представители Западно-Украинской народной республики. Парламент бывшей австрийской Галиции поручил им заключить договор о федерации двух республик. Но внимание оператора обращено не столько на Льва Бачинского, вице-президента Национальной рады ЗУНР, и даже не на Винниченко. В первую очередь его интересует невысокий человек средних лет в папаче и башлыке, таких же, как у многих офицеров вокруг. Он попадает в кадр то с сигаретой в зубах, то в момент, когда поправляет одежду и портупею. Это Симон Петлюра — главный атаман армии УНР.

Петлюре было тридцать девять лет (он родился в Полтаве в 1879 году). Подобно Иосифу Джугашвили, который был всего на полгода старше, он ушел в национальную и социальную революцию из духовной семинарии. Но если Джугашвили сменил перо грузинского поэта на карандаш редактора “Правды” и стал Сталиным, то Петлюра остался верен национальной идее и отцовской фамилии. Его избрали в ЦК Украинской социал-демократической рабочей партии. После поражения революции 1905 года Петлюра издавал несколько украинских газет и журналов — сначала в Киеве, затем в Петербурге и Москве, куда перебрался в 1911 году. В начале новой революции он возглавил Украинский генеральный военный комитет, а затем стал генеральным секретарем Центральной Рады по военным делам. Он руководил украинизацией отдельных частей и соединений российской армии. Командовать одним из таких соединений власти доверили генералу Скоропадскому.

На пленке, снятой в Киеве 22 января 1919 года, мы видим Симона Петлюру рядом с Владимиром Винниченко — но друг на друга они не смотрят. Отношения двух политиков оставляли желать лучшего. Их соперничество началось еще до Первой мировой, когда оба играли важную роль в Украинской социал-демократической партии. Винниченко симпатизировал российским большевикам и винил Петлюру в том, что он спровоцировал войну с ними (то есть их вторжение на Украину). В декабре 1917 года, как раз накануне войны, Петлюре пришлось уйти из правительства. Хотя Винниченко и Петлюра вдвоем возглавили восстание против гетмана в ноябре 1918 года, в составе Директории они по-прежнему были соперниками. К началу марта 1919 года просоветский Винниченко уже покинет свой пост и вообще Украину, вернется к писательскому труду. Петлюру в мае того же года изберут главой Директории с огромными полномочиями.

Восхождение Петлюры на вершину власти в то время, когда не только Винниченко, но и Грушевский — центральная фигура на Украине 1917 года — избрали эмиграцию, предопределили политические и военные факторы. Украинская революция перешла в новую стадию, и слова стали значить меньше выстрелов, поэтому резко возросло значение должностей, занимаемых Петлюрой: сначала военного министра, затем главнокомандующего. Зимой 1918—1919 годов, при новой атаке большевиков из России, Симон Петлюра стал ключевой фигурой Директории. 2 февраля, когда и двух недель не прошло после объединения украинских республик, руководству УНР пришлось оставить Киев. Оно переехало в Винницу, затем — в Каменец-Подольский. Не так давно возле этого города проходила российско-австрийская граница, теперь же за Збручем располагалась ЗУНР.

Отступления избежать было нельзя, поскольку армия вновь показала себя не с лучшей стороны. Отряды повстан-

цев, которые в ноябре 1918 года собрались под начало Петлюры, оказались крайне неустойчивы. Против гетмана выступило более 100 тысяч крестьян, но когда настало время держать оборону против большевиков, три четверти из них покинули армию УНР и разошлись по селам, полагая, что сделали свое дело, а республиканские вожди управятся без них. Из тех, кто не ушел, большинство составляло иррегулярные части под командованием атаманов — напоминание о казацкой эпохе. Титул Симона Петлюры, главного атамана, отражал печальный факт: он руководил группой своевольных атаманов, а дисциплинированных частей в его войске было немного. Под ним бушевала атаманская вольница, которую Петлюра и генштаб армии УНР не сумели переплавить в регулярную армию. Лидеры УНР получили широкую народную поддержку в ноябре 1918 года, в начале восстания, но при переходе к строительству государства и созданию вооруженных сил их дилетантизм проявился во всей полноте.

Одними из самых надежных на службе УНР оказались части, образованные галичанами, бывшими австрийскими солдатами, что попали в годы Первой мировой в российский плен, а после Февральской революции поддержали молодую республику. И при Центральной Раде, и при Директории их отличала безупречная дисциплина. В июле 1919 года главный атаман получил новые подкрепления с той же Галичины. Галицкая армия, 50 тысяч бойцов, перешла на левый берег Збруча — реки, что не так давно разделяла империи Габсбургов и Романовых, — и присоединилась к армии УНР на Подолье. Объединение УНР и ЗУНР, провозглашенное в январе 1919 года в Киеве, дало первые зримые результаты. Не было бы счастья, да несчастье помогло — и армия УНР,

и галицкая армия оказались на грани разгрома. Последнюю наступление польской армии вообще вынудило уйти с родной земли.

Как и почему это произошло? Несмотря на потерю Львова в ноябре 1918 года, правительство ЗУНР удержало под контролем почти всю Галичину — населенный украинцами восток и центр бывшего коронного края. Петрушевич и другие создали функциональный бюрократический аппарат, запустили ряд реформ, включая передел земли в пользу крестьян, и сплотили украинцев под лозунгом независимости от Польши. Тяжелым ударом для них стало прибытие на фронт к маю 1919 года армии под началом Юзефа Халлера фон Халленбурга. Шестидесятитысячное войско сформировали во Франции из пленных поляков — австрийских и германских солдат, а также поляков из США. Антанта вооружила их и обмундировала, офицеры частично были французами. “Голубую армию” (по цвету униформы) отправили сражаться против большевиков, но Халлер повел ее в Галицию. Франция протестовала, но Польша отвечала как ни в чем не бывало, что все украинцы — большевики. Галицкой армии не хватало вооружения и офицеров, поэтому летом 1919 года ЗУНР фактически прекратила существовать, а правительству и войску без государства ничего не оставалось, кроме объединения сил с УНР.

Вооруженные силы Украины в целом выглядели внушительно: 50 тысяч в галицкой армии, 35 тысяч в армии УНР и около 15 тысяч повстанцев, чьи атамань сохраняли лояльность Петлюре. Пополнение из Западной Украины давало шанс отбить у большевиков территории на Украине Центральной, если не Восточной. Но единство двух республик, как выяснилось, было непрочным. Консерваторы из руководства ЗУНР косо смотрели на своих коллег-социалистов, командованию галицкой армии претила слабая дисципли-

на недавних повстанцев. Остро противоречили друг другу внешнеполитические цели двух республик.

Октябрьский переворот 1917 года не признала не только Центральная Рада — так же поступили национальные правительства в других углах империи, прежде всего в Прибалтике и на Кавказе. На юге России белые офицеры (добровольцы) и донские казаки объединили силы, чтобы восновить тот политический и общественный уклад, который низвергли большевики. С большевиками дрались белые армии и казаки в других частях России. Запад — главным образом Британия и Франция — поддержал Деникина, Колчака и других противников Ленина. Вооруженные силы юга России во главе с Деникиным в мае — июне 1919 года перешли в наступление на востоке Украины. Белогвардейцы рвались на север и северо-запад, и это поставило перед руководством УНР трудный вопрос: следовало ли предлагать Деникину союз против большевиков либо видеть в нем очередного врага? Белое движение не только отвергало преобразования социалистов — украинских в том числе, — но и желало уберечь от распада единую и неделимую Россию.

Украинцы с берегов Днестра и Днепра дали разные ответы на этот вопрос. ЗУНР легко могла пойти на союз с противниками большевиков, которые холодно относились к возрожденной Польше. УНР не испытывала к полякам той же неприязни и не исключала альянса против большевиков и белых. Наконец, у атаманов красный флаг вполне еще был в ходу — Красная армия казалась им наиболее естественным ориентиром. Идеология и превратности судьбы собрали этих людей под одним знаменем, но они и дальше воевали каждый за свое дело. 31 августа, когда Киев одновременно заняли украинские и белогвардейские части, галицкий генерал Краус легко отдал столицу тем, кто не признавал независимую Украину. Отношения между Петлюрой и ру-

ководством ЗУНР стали заметно хуже. Затем обе армии — галицкая и УНР — понесли огромные потери от эпидемии тифа. В ноябре настал окончательный разрыв. Командование галицкой армии увело ее на сторону Деникина, полагая, что другого выхода нет. Петлюра же договорился с Польшей.

1919 год начинался на волне надежд — обе украинские республики надеялись отразить врагов, — но закончился катастрофой. К концу года ни ЗУНР, ни УНР не имели территории — а государственность Украины стала призрачной. С украинцами из владений Романовых злую шутку сыграли идеологические распри и плохая организация, галичане же не могли сдержать натиск Польши и получили очень мало помощи от собратьев с берегов Днепра. Объединение двух государств и двух армий больше походило на ситуативный военный союз. Длительное пребывание в двух империях с разными традициями наложило глубокий отпечаток на политическую и военную культуру обеих украинских элит, а также их сторонников — как бы горячо те ни верили в принадлежность к одной нации. Впрочем, бедствия 1919 года не заставили их отречься от этой веры.

Три внешних силы сошлись в битве за Украину, когда украинские отряды сложили оружие или дрались в заведомо безвыходном положении. Польша мечтала о восстановлении границ, максимально близких к тем, что имела до 1772 года, поэтому ее армия, удерживая Галичину, продвигалась вглубь Волыни и Подолья. Вооруженные силы юга России, захватив восток и центр Украины, наступали при поддержке Антанты на Москву, надеясь собрать воедино обломки империи даже в отсутствие царя. Программой-максимум большевиков провозглашалась мировая революция, но пока что им надо было просто выжить. Ленин даже не скрывал, что для до-

стижения обеих целей РСФСР были отчаянно необходимы украинские хлеб, руда и уголь.

Из всех режимов, чьи войска бились на Украине в 1919 году, советский оказался наиболее цепким. В руках красных Киев находился дольше всего — с начала февраля по конец августа (16 декабря они заняли его вновь). Но захват столицы и крупных промышленных городов на юго-востоке во все не означал контроля над Украиной вообще. Село не желало признавать “комиссародержавие”. Большевизм отвергали украинские либерал-демократы и социалисты, которые были не против власти Советов как таковой, но не за счет интересов нации. Для народа же, вдохновленного лозунгом “Земля — крестьянам”, холодным душем стала продразверстка. Село вспыхнуло десятками повстанческих очагов. Пожар в тылу оказался летом 1919 года для большевиков не меньшей проблемой, чем наступление белогвардейцев с юго-востока и украинских армий с запада. После разгрома Вооруженных сил юга России зимой 1919–1920 годов Кремль решил учесть ошибки недавнего прошлого.

Ленин сам разъяснил адептам коммунизма суть “уроков 1919 года”: большевики пренебрегли национальным вопросом. Поэтому Красная армия победной зимой не только не уставала напоминать, что Украинская ССР — независимое государство, но и обращалась по мере возможности к ее жителям по-украински. Времена русификации прошли, новая власть приняла культурную программу национальной революции. Подобно тому как империя Романовых открыла двери верхушке духовенства и казачества, большевики пригласили в ряды КП(б)У боротьбистов — бывших украинских левых эсеров и соцдемов, обязанных неформальным названием своему рупору, газете “Боротьба”. Распустив собственную партию и вступив в коммунистическую, они укрепили большевиков со слабейшей стороны — обеспе-

чили украиноязычные кадры и культурную элиту. Крестьянам наконец-то раздали давно обещанную землю. Весной 1920 года власть положила в долгий ящик планы по созданию коммун и других коллективных хозяйств на бывших помещичьих землях и дала добро на черный передел.

Новая стратегия принесла хорошие результаты. К концу 1920 года большевики сумели взять под контроль центр и восток Украины и отразить последнюю угрозу извне. 25 апреля польские войска, которым помогали несколько дивизий армии УНР, начали наступление на Киев. Пилсудский стремился прикрыть Польшу с востока буферным украинским государством. Первый удар оказался мощным — расстояние от Волыни и Подолья до Днепра прошли за две недели. 7 мая Петлюра в последний раз въехал в Киев, на этот раз в окружении бойцов только армии УНР. ЗУНР и галицкая армия остались в прошлом. И хотя уплаченная им за польский протекторат фактическая цена не заслуживала бы упоминания, символическая жертва оказалась велика. Главный атаман признал польский контроль над Галичиной, оставил соплеменников из бывшей империи Габсбургов один на один с их старым врагом и окончательно похоронил объединение двух украинских республик.

Успех такой комбинации был недолгим. В июне Красная армия нанесла ответный удар и уже 12 июня в пятый раз вступила в Киев. Первая конная армия во главе с Семеном Буденным прорвала фронт, обошла киевскую группировку с юга и сеяла хаос в тылу противника. Красные наступали не только на Украине, но и в Белоруссии, проходя по тридцать километров в день. В августе они заняли северо-восточную Галичину. Впереди лежал Львов, и Сталин, член Реввоенсовета Юго-Западного фронта, твердо намеревался прославиться, овладев этим городом. По иронии судьбы, его защитили не только поляки, но и солдаты УНР, выходя-

цы из Центральной и Восточной Украины. Стойкая оборона Львова стала одним из факторов провала советского наступления и благоприятного для Польши исхода войны.

Победное шествие большевиков запнулось в середине августа. Антанта снабдила Польшу новым оружием, ряды ее армии пополнили британские и французские офицеры (среди прочих и Шарль де Голль). Армии Тухачевского удалось остановить на подступах к Варшаве и разгромить — эта битва вошла в историю как “Чудо на Висле”. Одним из чудотворцев оказался Сталин. Он подбил Буденного не выполнять приказ сверху и продолжать драться за Львов, вместо того чтобы идти на выручку войскам под Варшавой. Красная армия спешно откатывалась на восток. В середине октября стороны заключили перемирие. Новый рубеж разрезал пополам Белоруссию и отделил Западную Украину от остальной — полякам достались Волынь и Галичина. Пилсудский все же передвинул границу Польши на восток, но не сумел создать буферное государство с центром в Киеве. Дело возрождения украинской независимости было проиграно, а “Чудо на Висле” положило конец мечтаниям большевиков об экспорте революции в сердце Европы.

Одним из летописцев Советско-польской войны 1920 года стал Исаак Бабель, одесский еврей. Он был свидетелем и участником рывка на запад конницы Буденного, вел дневник и написал затем “Конармию”. Командарм ругал этот сборник рассказов за искажение героического облика подчиненных — там нашлось место зверствам конников и прочим ужасам войны, как и словам о трагедии еврейства на седьмом году непрерывной войны. Только с начала Гражданской прошло почти три года — калейдоскоп смен режима, погромов и опустошений, без передышки на то, чтобы оправить

ся от "германской". Больше всех пострадали евреи, которых не щадили ни белые, ни красные, ни поляки, ни армия УНР, ни атаманы.

Украина и страны в черте оседлости вообще повидали уже немало погромов, но теперь преступники были хорошо вооружены. Число жертв выросло во много раз — по Украине осторожная оценка превышает 30 тысяч убитых. Мотивы были все те же: жажда наживы, избавление от конкурентов, религиозные предрассудки и этнический антисемитизм эпохи национальной мобилизации. Впрочем, эпоха революции добавила и новые, идеологические и политические мотивы. С одной стороны, красные на многих евреях наклеили ярлык эксплуататоров, с другой — в них видели горячих приверженцев большевизма.

Трагические события происходили уже весной 1918 года, когда германские и австро-венгерские армии вышли в последний поход на Восточном фронте Первой мировой. Виновниками стали не оккупанты и не армия УНР, а отступающие красные. Христианскую юдофобию сменил праведный гнев пролетариата, так что жертв среди евреев Новгорода-Северского и Глухова записали в "буржуи". В начале 1919 года, когда большевики, тесня Директорию, занимали Центральную Украину, части украинской армии устроили ряд погромов. Среди них был и кровавый проскуровский погром (в нынешнем Хмельницком), который унес жизни более полутора тысяч евреев. Весной того же года еще более жестокие удары по ним нанесли отряды Григорьева, Зеленого и других атаманов, которые никому не подчинялись — как правило, грабеж для них был важнее любой идеологии. К осени подоспели белогвардейцы, которые свирепствовали под лозунгом "Бей жидов, спасай Россию" Эти злодеяния оставили по себе жуткую память в городе Фастове, где в сентябре 1919 года убили тысячу мирных жителей. В це-

лом на белогвардейцах лежит вина за каждый пятый погром, на красных — за каждый десятый, на атаманах — за каждый четвертый, на петлюровцах — за два из пяти. Армия УНР падала на евреев чаще всего. Белогвардейские погромы выделяются в двух аспектах: массовыми групповыми изнасилованиями и тем, что командование не карало никого за эксцессы и даже подстрекало к ним. Единственной армией, чьих солдат евреям в общем-то нечем попрекнуть, была галицкая.

В штетлах Украины возникали отряды самообороны. Им было по плечу отбить набеги повстанцев, но, конечно же, они не могли противостоять частям регулярных войск. Еврейская молодежь тысячами шла в Красную армию. Предреввоенсовета Лев Троцкий родился на Украине, и многие тут видели в нем символ еврейского большевизма. Впрочем, симпатии к красным среди евреев одной фигурой Троцкого не объяснить. Революционеры из черты оседлости играли важную роль в партиях эсеров и социал-демократов (меньшевиков в том числе). Позднее динамика погромов показала, что Красной армии евреям стоило бояться меньше, чем ее заклятых врагов. Вот почему так типична для молодого украинского еврея биография Бабеля, который недолгое время служил в ЧК, а затем побывал в Первой конной как политработник и журналист.

Погромы 1919 года положили конец украино-еврейскому сотрудничеству начального этапа революции и превратили Петлюру в олицетворение украинского погромного антисемитизма. Этот ярлык прилип к нему еще крепче, когда в 1926 году Шолом Шварцбард, бывший красный командир, застрелил главного атамана в Париже. Многие убеждены, что убийство вождя украинской политической эмиграции — операция ОГПУ. Однако Шварцбард утверждал, что действовал сам и просто мстил за родственников, погибших в ходе погромов. Французский суд оправдал убийцу.

Надо ли возлагать на Петлюру ответственность за погромы? Симон Петлюра, который в 1919 году возглавил почти что красную Директорию, задолго до революции стал социал-демократом и убежденным интернационалистом, как было принято в этой среде. Он разделял взгляд Грушевского и других лидеров Центральной Рады на евреев как природных союзников украинцев в борьбе против классового и национального угнетения. Это отразилось на распоряжениях главного атамана армии УНР. В приказе от 26 августа 1919 года читаем: “Время уже понять, что мирное еврейское население — их дети, их жены, так же как и мы, — было поработщено и лишено своей национальной свободы. Ему некуда идти от нас; оно живет с нами с давних пор, разделяя с нами нашу судьбу и невзгоды <... > Всех, кто будет подстрекать вас на погромы, решительно приказываю выбрасывать прочь из нашей армии и отдавать под суд как предателей Отчизны”¹.

Для Петлюры злодеяния против евреев были изменой делу Украины. К сожалению, указы он издавал куда эффективнее, чем карал преступников. Ивана Семосенко, командира бригады и виновника проскурковского погрома в феврале 1919 года, расстреляли по приказу главного атамана лишь в марте 1920 года — слишком поздно, чтобы остановить погромную волну в армии. Петлюра неохотно следил за выполнением своих приказов, понимая, как хрупка его власть над человеком с ружьем. Причины массового участия его войск в погромах были те же, что привели к краху украинской независимости, — слабая дисциплина и несознательность. Идеологов вроде Петлюры вынесло на гребень волны крестьянского бунта, который с точки зрения организованного национального движения вспых-

Цит. по сборнику “Главный атаман. В плену несбывшихся надежд”

нул слишком рано. До того как страну поглотила пучина революции, иностранной интервенции и гражданской войны, украинские партии почти не имели возможности работать с народной массой, наставляя ее в социалистической вере. Неограниченную пропаганду на селе в канун Первой мировой вели приверженцы малороссийской идеи — черносотенцы, в чьей идеологии антисемитизм служил едва ли не краеугольным камнем. Именно на Правобережной Украине, в цитадели российского шовинизма начала прошлого века, произошли самые кровавые погромы 1919 года.

Единственным известным атаманом, который твердо, хоть и не всегда успешно, удерживал войско от погромов и стремился выкорчевать антисемитизм из народного сознания, был Нестор Махно. Невысокого роста и не особо мощного телосложения, носивший то усы, то волосы до плеч, он повелевал самой многочисленной армией без государства в бывшей Российской империи — в лучшие времена она насчитывала 30–40 тысяч бойцов. Этот крестьянин-анархист верил в свои идеалы, как никто из атаманов. Его базой стало местечко Гуляйполе в теперешней Запорожской области, земледельческой глубинке между угольными шахтами Донбасса и железными рудниками Кривого Рога. В 1898 году из Донбасса в Кривбасс протянули железную дорогу, которая пересеклась с магистралью между Москвой и Крымом (на которой стоял Александровск — нынешнее Запорожье). Железнодорожные узлы превратили родину Махно в театр непрерывных боевых действий.

Партизаны ценили Махно не за его политическое кредо. Они посмеивались над идеологами анархизма, что нашли убежище у батьки (так по старому обычаю называли “отца-

атамана”). Крестьяне хотели переделить землю и остальное помещичье добро и ненавидели государственный аппарат, чьим бы он ни был, — в этом анархисты целиком с ними соглашались. Подобно запорожским казакам XVI–XVIII веков, Махно, гроза степей Приазовья и Причерноморья, к украинским властям севернее относился прохладно, если не откровенно враждебно. Подавляющее большинство махновцев были этническими украинцами, да и сам батя украинскую идею напрочь не отвергал — ее активно пропагандировала его жена-учительница, — но его видение анархической революции сложилось исключительно в рамках интернационализма.

Среди тех, кто сошелся в битве за Украину, Нестор Иванович только в большевиках находил достойных союзников. Ленин и Троцкий, однако, предали его трижды, в последний раз — как только разбили с помощью махновцев Русскую армию Петра Врангеля. Это были остатки белогвардейцев, сделавших Крым своей цитаделью. Правительство Врангеля на полуострове стало восьмым за время Гражданской войны. Открывает этот ряд Крымская народная республика, провозглашенная татарскими политиками 25 декабря 1917 года. Две волны эмиграции в Османскую империю снизили долю крымских татар на полуострове до 30% (по соседству жили русские, украинцы, греки, болгары, евреи и другие). Эта республика была одной из первых попыток создать в исламском мире светское государство — такой результат дали усилия культуртрегеров предыдущего поколения, и прежде всего Исмаила Гаспринского, архитектора современной крымско-татарской культуры. Впрочем, уже в январе 1918 года власть над Крымом захватили большевики. Они создали формально независимую ССР Тавриды — точку в ее недолгой истории поставили в апреле немецкие и украинские войска.

Оккупанты и не думали присоединять Крым к Украине, но гетман Скоропадский ввел экономическую блокаду и в сентябре принудил крымское правительство Сулькевича к вхождению в состав Украины на правах автономии. Этот договор в общем остался на бумаге — поражение Германии в ноябре 1918 года привело к образованию нового правительства. Возглавил его Соломон Крым, либеральный политик и караим по происхождению. Министром юстиции у него служил Владимир Набоков, отец знаменитого писателя. Но красные уже рвались к Перекопу. Еще в июле 1918 года они казнили на Урале Николая II и его семью. В апреле 1919 года несколько выживших членов императорского дома покинули свои летние резиденции близ Ялты и отправились в эмиграцию на борту британского дредноута “Мальборо”. В июне 1919 года Крым заняли белогвардейцы. В апреле 1920 года Деникин ушел в отставку с поста главнокомандующего Вооруженных сил юга России, и его сменил Врангель.

При Врангеле “юг России” сократился до размеров полуострова — в июне белые захватили еще и степи Северной Таврии по ту сторону перешейка. Вскоре надежды на успешное наступление на Москву развеялись как дым. Несмотря на поддержку Антанты, белые не могли противостоять красным. 8 ноября 1920 года Красная армия и ее союзники-махновцы атаковали Крым. Войска шли вброд, в ледяной воде Сиваша, и штурмовали укрепления белых на семикилометровом Перекопском перешейке. К 17 ноября они взяли все города на южном берегу Крыма. Врангель и его подчиненные эвакуировались в Стамбул. Тех, кто остался на родине, ждала невиданная даже по меркам тех времен расправа: погибло свыше 50 тысяч солдат и офицеров. Это преступление завершило череду зверств Гражданской войны, но стало всего лишь прелюдией кровавой истории советского режима на одной шестой части суши.

В марте 1921 года представители РСФСР, УССР и Польши заключили в Риге мирный договор, которым утвердили новую советско-польскую границу. Галичина и еще недавно российская Волынь остались в пределах Польши. Украину теперь поделили не два восточноевропейских игрока, как до Первой мировой войны, а четыре. Буковина еще в конце 1918 года попала под власть Румынии, Закарпатье отобрали у побежденной Венгрии и отдали Чехословакии, новому славянскому государству. Все западные соседи Украины: литовцы, поляки, чехи, словаки — избавились от чужеземной власти. Украинцы же, сколько бы ни проливали крови в борьбе за свободу, достигли только формальной автономии в союзе, где тон задавали русские.

Что привело к такому исходу? Среди множества причин неверно было бы не назвать сильных соседей, которым приглянулись украинские земли. Но главной стала незрелость национального движения и то, что в идею суверенной государственности с опозданием поверили подданные как Романовых, так и Габсбургов. Галичина к 1918 году, впрочем, почти единодушно приняла украинскую идентичность, отвергнув общерусскую. Но к востоку от Збруча за все годы Гражданской войны такого единодушия не достигли. Регионализм, наследие несхожих исторических судеб разных частей Украины, путал карты и Западной Украине. Строительство нации на Галичине, Закарпатье и Буковине развивалось далеко не гармонично. Не лучше обстояло дело и в УНР. Территория бывшей Речи Посполитой, бывшей Гетманщины показала куда больше симпатий к украинскому государству, чем степные просторы Юго-Востока. Города — особенно крупные города с меньшинством украинцев — в общем выпали из процесса борьбы за независимость. Ее опорой служили крестьянские массы.

Но с учетом всех преград, которые встали перед украинским проектом, стоит задаться и другим вопросом: как могло нарождавшееся национальное движение, чьи деятели впервые заговорили о независимости только на рубеже веков, а решились на этот шаг лишь в 1918 году, продвигаться так далеко в обстановке Восточной Европы того времени — среди бывших империй и национальных проектов, явно опережавших украинский? Революционная волна, поднятая Великой войной, и крах двух великих держав в 1917–1918 годах дали украинскому движению непредвиденный его сторонниками шанс — и этим шансом оно воспользовалось в полной мере. Украинцы вышли из кровавого хаоса мировой войны и последующей борьбы за независимость более сплоченными, чем в начале века. Несмотря на неудачную попытку создания самостоятельной и работоспособной общности из тех, кого не так давно разделял рубеж двух империй, идеал единого независимого государства прочно занял центральное место в новом украинском политическом кредо.

Глава 20

Коммунизм и национализм

В межвоенный период (1921–1939) украинцы оказались самым многочисленным народом Европы с неразрешенным национальным вопросом. Они жили в пределах четырех государств: Советского Союза, Польши, Румынии и Чехословакии.

Украинская ССР, формально независимая до конца 1922 года, включала территорию Восточной и Центральной Украины. На западе Подолье и восточные окраины Волыни граничили с Польшей — согласно Рижскому миру 1921 года. По Днестру проходила граница с Румынией. Державы Антанты признали аннексию Бессарабии, заключив в 1920 году с Румынией Парижский договор, но СССР ее оспаривал.

Правительства, в чьи руки попали украинские земли, были намерены разрешить украинский вопрос каждое по-своему — кто маневрами, кто лобовыми ударами. В межвоенной Восточной Европе, кроме демократического либерализма, соперничали две ключевые идеи, два мировоззрения — коммунизм и национализм. В случае Украины (и далеко не только ее) коммунизм и национализм не только вошли в жесткий клинч, но и образовали гибридную форму — национал-коммунизм. Различные пути мобилизации украинской политико-культурной идентичности привели

к возникновению новых национальных проектов — на замену либеральному и социалистическому, рожденным еще до Первой мировой войны. Двумя самыми мощными проектами стали национал-коммунизм в УССР и радикальный национализм на украинских землях Польши. Противостояние этих моделей украинской идентичности в немалой степени определит историю страны в XX веке.

30 декабря 1922 года Украинская Социалистическая Советская Республика (рокировку второго и третьего слов сделают в 1937 году) заключила с Российской Федерацией, Белоруссией и Закавказской Федерацией соглашение об образовании Союза Советских Социалистических Республик. Появился СССР на карте мира благодаря вмешательству Ленина в диспут между вождями коммунистической Грузии и Украины с одной стороны и Сталиным, не так давно занявшим пост генерального секретаря ЦК РКП(б), — с другой. Сталин хотел включить Украину и другие республики в РСФСР на правах автономии. Грузины и украинцы возражали — как старые большевики, так и недавние члены других левых партий. Они верили, что социальная революция несет национальное освобождение, а лучшим средством достичь обеих целей станет объединение суверенных республик. Ленин грезил мировой революцией и воображал будущими членами Советского Союза Германию, Францию, Индию, Китай... Потому он и поддержал руководство Грузии и УССР.

Советский Союз был создан с учетом опыта долгой борьбы большевиков за Украину. Большевикам требовалось как можно скорее поставить заслон Польше на его западных рубежах, удержать Украину и приструнить Россию. Лидеры украинского движения, Петлюра и другие, дока-

зали, каким грозным может быть пожар крестьянских бунтов — Кремль отводил украинцам первое место среди некоренных этнических меньшинств. Но в Кремле опасались и русского национализма и шовинизма как угрозы единству многонациональной державы. Наконец, Польша могла при поддержке Запада вновь атаковать СССР и оторвать от него какую-то часть Украины. Федеральная природа союзного договора дала УССР фактическую автономию, ограниченную только центральной ролью правящей партии. Можно утверждать, что самостоятельность республики в 1920-е годы превосходила ожидания украинских политических деятелей в царские времена и даже членов Центральной Рады до ноября 1917 года.

Новый этап строительства украинской нации пройдет в политических и правовых рамках, установленных советским режимом — “диктатурой пролетариата” по самоопределению. В начале 1920-х годов большевикам необходимо было укрепить власть над страной, разоренной войнами и гражданским конфликтом. Им пришлось отказаться от военного коммунизма и пойти на компромисс НЭПа — частичное восстановление рынка. Удерживать контроль над политической и культурной жизнью окраин бывшей империи по-старому советским вождям было уже невозможно. Они нашли решение этой проблемы в коренизации — стимулировании экономического и культурного развития коренных, нерусских этносов на периферии. XII съезд РКП(б) в Москве, в апреле 1923 года — на заре существования СССР, — одобрил перевод государства и партии на рельсы коренизации.

Одной из задач такого курса было формирование лояльных элит из представителей местного населения. В эпоху революции уже не работала тактика Романовых — расширение границ за счет инкорпорации туземной знати

в общеимперский государственный аппарат. На Украине в 1920 году местных революционеров, а именно боротьбистов, все же приняли в компартию. Но такой ход подрывал идеологическое единство большевиков, и они едва ли могли рассчитывать на него в дальнейшем. Украина не имела собственной коммунистической прослойки, достаточно многочисленной, чтобы Кремль не тревожился за свою власть над страной. Население УССР по состоянию на 1926 год насчитывало 29 миллионов человек — из них 80% украинцев, 9,2% русских и 5,5% евреев. Этнический состав компартии значительно различался. В 1922 году среди 55 тысяч членов КП(б)У русских было чуть больше половины, остаток поровну делили украинцы и представители других этносов, главным образом евреи. Крестьянин-украинец в представителях новой власти нередко видел всего лишь иностранных оккупантов. Режим стремился сгладить такое недоверие к себе и нейтрализовать потенциальную угрозу со стороны украинской глубинки.

В руководстве КП(б)У сложилась группа национал-коммунистов, адептов революции как пути избавления нерусских этносов от социального и национального гнета. Они доказывали, что преодолеть противоречия между пролетарским городом и мелкобуржуазным селом партия сможет лишь тогда, когда примет язык и культуру большинства населения — украинские язык и культуру. Коммунистическая идеология плохо приживалась вне города, поэтому крестьянская масса в тот период казалась партии главной проблемой, что подтверждал опыт Гражданской войны. Украинские национал-коммунисты предлагали метод, как будто заимствованный у византийских проповедников христианства тысячелетней давности, — использовать местные язык и культуру для насаждения новой веры, на этот раз коммунистической. Восточноримский подход торжествовал над

западноримским, который видел в латыни “язык межнационального общения” для всех истинно верующих. Национал-коммунисты сумели передвинуть генеральную линию партии в национальном вопросе. Но утверждение этой линии было делом далеко не простым.

Самое упорное сопротивление оказывали члены той же КП(б)У, по большей части неукраинцы. В одном докладе утверждалось, что лишь 18% партийцев на гражданской службе могли похвастать приличным знанием украинского (при 44% служащих вообще). Народный комиссар просвещения Александр Шумский и другие лидеры национал-коммунистов требовали настойчивее проводить украинизацию. Шумский был намерен заменить на посту генсека КП(б)У близкого к Сталину уроженца Киевщины Лазаря Кагановича — русскоязычного еврея — на Власа Чубаря, председателя Совнаркома УССР. Шумский же склонял Москву и к пропаганде украинского языка среди городского пролетариата. Эта политика до тех пор распространялась только на этнических украинцев, не затрагивая русских и представителей других народов, для которых в республике предусмотрели собственные программы коренизации. Большевики не хотели раздражать русский или глубоко русифицированный рабочий класс языковой политикой, которую тот воспринял бы в штыки. Шумский предлагал изменить эту политику, но переоценил свои возможности.

Сталин отказался смещать Кагановича — время, мол, еще не пришло. Он упорствовал, даже притом что крайне нуждался в голосах украинской парторганизации, самой многочисленной в Советском Союзе, для борьбы за верховную власть после смерти Ленина в 1924 году. Никаких уступок не добились от него и относительно украинизации пролетариата. В апреле 1926 года Сталин писал Кагановичу и другим членам ЦК КП(б)У: “Можно и нужно

украинизировать, соблюдая при этом известный темп, наши партийный, государственный и иные аппараты, обслуживающие население. Но нельзя украинизировать сверху пролетариат. Нельзя заставить русские рабочие массы отказаться от русского языка и русской культуры и признать своей культурой и своим языком украинский” Особенно резкое неприятие генсека ЦК ВКП(б) вызвала идея отделения украинской культуры от русской, в которой он вибрил украинского автора Миколу Хвильевого, русского по происхождению (настоящее имя — Николай Фитилёв). Сталин продолжал: “В то время как западноевропейские пролетарии и их коммунистические партии полны симпатий к «Москве», к этой цитадели международного революционного движения и ленинизма, в то время как западноевропейские пролетарии с восхищением смотрят на знамя, развевающееся в Москве, украинский коммунист Хвильевой не имеет сказать в пользу «Москвы» ничего другого, кроме как призвать украинских деятелей бежать от «Москвы» как можно скорее”

Сталин решил перехватить инициативу у национал-коммунистов и велел своему протеже Кагановичу резко форсировать уже принятую программу украинизации и таким образом ответить на жалобы Шумского о ее пробуксовке. Каганович так и поступил. Политика, проводимая до 1926 года из-под палки, стала намного более последовательной и эффективной. В 1927 году Каганович даже сумел выступить по-украински с отчетным докладом на партийном съезде. Он перестал бояться крутых мер и в образовании и культурно-просветительской работе. В 1928 году Кагановича перевели в Москву, но его курс продолжал преемник — Станислав Косиор, этнический поляк. Согласно официальным данным, преподавание на украинском в вузах выросло с 33% в 1926–1927 учебном году до 58% в 1928–1929-м. Доля

украиноязычных газет в УССР подскочила с 30% в 1926 году до 92% в 1932-м.

Становым хребтом коренизации в УССР была украинизация, но одними лишь этническими украинцами эта политика не ограничивалась. В стране создавали многочисленные национальные районы: русские, немецкие, болгарские, еврейские, греческие и один польский. Издательства выпускали книги на языках народов УССР, детей в школах учили на их родном языке. Однако коренизация затронула главным образом село. В городах этнические меньшинства русифицировались еще легче украинцев. В 1926 году в Харькове только 41% евреев назвал родным свой этнический язык (в их случае — идиш), при 62% украинцев. Среди еврейских интеллектуалов кое-кто в свете новых веяний выбирал украинский — например, Григорий Кернер (Трицько Кернеренко), уроженец Гуляйполя, — но большинство выбирало русский. Многие уехали в Москву и Ленинград — и сделали там блистательную карьеру. Так поступили Илья Ильф (Файнзильбер) и Василий Гроссман, уроженцы Одессы и Бердичева.

Ставку на украинизацию генсек делал прежде всего из тактических соображений, поэтому заигрывание с меньшинствами не могло продлиться долго. В конце 1920-х годов партия решила, что выживание Советского Союза зависит от хорошего отношения к режиму самого многочисленного этноса — русских. Стремление украинцев к развитию целиком самостоятельной культуры теперь шло вразрез с приоритетами большевиков.

В 1929 году ОГПУ арестовало множество представителей украинской интеллигенции, которых сделали обвиняемыми на одном из первых показательных судилищ в СССР. Процесс так называемого “Союза освобождения Украины”,

выдуманного самими же чекистами, провели в Харькове. Прокуроры утверждали, что арестованные составили заговор с эмигрантами-петлюровцами и польскими властями, чтобы поднять восстание и образовать на территории УССР независимое государство. Главой заговорщиков назначили Сергея Ефремова, бывшего заместителя председателя Центральной Рады и вице-президента Всеукраинской академии наук, а также Владимира Чехивского, бывшего премьер-министра УНР. Последний к тому же играл важную роль в Украинской автокефальной православной церкви, независимой от Русской. Чекисты обвинили ее в соучастии в заговоре. Каким бы фантастическим ни было предъявленное обвинение, суд вынес 15 смертных приговоров. Еще 192 человека приговорили к различным срокам заключения и 87 — к ссылке. Процесс СВУ нанес удар по тем самым интеллигентским кругам, на которых держалась украинизация. Москва меняла курс и сигнализировала, что гонения на русский шовинизм, который представлялся в предыдущем десятилетии основным врагом режима, уходили в прошлое. Теперь под прицелом оказался периферийный национализм. Украинские национал-коммунисты, включая Миколу Скрипника, нового наркома просвещения, пытались повлиять на Кремль и убедить вождя устроить показательный суд над российскими «великодержавными шовинистами» Сталин их не слушал.

Языковая и культурная украинизация не смогла изменить идентичность промышленного юго-востока страны. Особенно показателен был пример Харькова, тогдашней столицы УССР. При всех мерах по украинизации мегаполиса, между 1926 и 1939 годами доля тех, кто называл родным языком украинский, выросла всего лишь с 24 до 32%. Более того, доля лиц с родным русским не упала, оставаясь на уровне 64%. Надо учесть, что население Харькова за это

время удвоилось (с 417 до 833 тысяч человек) и этнических украинцев стало больше — 48, а не 38%. Украинизацию притормозили, не дав ей шанса перетянуть город в украинское культурное поле, и это на десятилетия вперед определило самоидентификацию жителей востока Украины. Но коренизация оставила свой отпечаток на жителях УССР, создав такие условия, при которых все больше горожан относили себя к титульной нации, хоть и говорили в быту по-русски. Число русскоязычных украинцев росло, и они образовали важнейшую культурную перемычку между теми украинцами и русскими, что оставались верны своим этническим языкам. К тому же общение им до некоторой степени облегчал суржик — смесь двух языков.

В 1920-е годы советский режим грезил мировой революцией и активно вел подпольную работу среди украинцев за рубежом, стремясь расшатать хрупкий баланс в полиэтничных государствах Восточной Европы. С другой стороны, Франция и прочие западные державы стремились упрочить положение тех же государств как преграды распространению большевизма. Вожди УССР изображали республику новым украинским Пьемонтом — плацдармом национального и социального освобождения соплеменников, которые временно прозябали под гнетом чужеземной буржуазии. Метафора напоминала о воссоединении Италии в 60-х годах XIX века, поскольку осуществило его Сардинское королевство (Пьемонт). Поляки, а затем и украинцы окрестили собственным Пьемонтом Галицию — при Габсбургах и те и другие считали ее центром антиимперского движения. Украинизация дала коммунистам возможность присвоить это переходящее знамя — Советская Украина в ту пору и вправду издали казалась землей свободы. В те годы на украинских землях

к западу от УССР иностранный гнет не давал нормально развиваться общественной и культурной жизни коренного населения.

Хуже всего пришлось украинцам захваченной Польшей Галичины. Из пяти миллионов населения украинцы составляли около четырех с половиной. Версальский и Рижский мирные договоры, а также конституция Польши гарантировали украинскому меньшинству равные права — право на собственные школы, право на использование родного языка в официальной сфере. На деле же молодое польское государство нарушало взятые на себя международные обязательства. Слишком свежа была память об Украинно-польской войне 1918–1919 годов. В ходе войны и после нее власти интернировали около 70 тысяч украинцев. В ответ те бойкотировали институты Второй Речи Посполитой: перепись 1920 года, выборы 1922 года, университет — даже основали собственный, подпольный. Но их усилия свела на нет в марте 1923 года конференция послов, созданная Парижской мирной конференцией, — Галичину признали частью Польши. Надежды украинцев на вмешательство западных держав рухнули. В трудных обстоятельствах им оставалось полагаться только на себя.

Конференция послов приняла такое решение, подразумевая, что украинцам дадут автономию того или иного рода. Польша от пожеланий Запада отмахнулась. Ее правящий класс избрал курс не только на политическую унификацию, но и на культурную ассимиляцию этнических меньшинств (также и евреев, белорусов, немцев). Режим видел в них главную внутреннюю угрозу своей стабильности. В 1926 году республиканский строй фактически сменился диктатурой. Дискриминацию украинского большинства Галичины обнажил так называемый закон Грабского 1924 года, названный по имени будущего министра образования Станислава Граб-

ского. Закон установил ограничения на использование украинского языка в школе и открыл дорогу обращению украиноязычных учебных учреждений в двуязычные.

Лингвистический фактор стал ключевым в политике культурной колонизации этнических меньшинств. В 1910 году в Восточной Галиции перепись показала 65% украинцев и 21% поляков. К началу 1930-х годов доля тех, кто заявил родным языком украинский, упала до 59%, польский — выросла до 29%. Отчасти эту тенденцию объясняет курс, взятый Польшей в сфере образования: поддержка школ с государственным языком и меры против преподавания на других языках. В 1930 году жители Галичины могли отдать детей в 58 польских государственных гимназий и всего лишь в 6 украинских. Открывались и частные гимназии, но это мало что меняло: в том же году среди них было 22 польских и 14 украинских. На вакантные должности в школах назначали за редким исключением только поляков. Из 12 тысяч учителей Галиции от силы четверть приходилась на украинцев. Около 600 безработных учителей украинского происхождения перевели на запад, в населенные поляками районы.

Рост числа поляков по данным переписей стал следствием не только насаждения польского языка, но и стимулирования иммиграции в Галичину, бывшую Восточную Галицию, переименованную теперь в Восточную Малопольшу. В 1920-е годы власти позволили бедным крестьянам выкупить часть латифундий без согласия владельцев. Для Галичины реформа обернулась ударом по могуществу польской аристократии и обогащением украинского села. Спохватившись, правительство ввело льготы для ветеранов польской армии и просто поляков, которые желали поселиться у восточных границ. Тот же курс проводили и в бывшей Волынской губернии, где доля поляков была относительно невелика. На Волыни власти отвели польским “осадникам” (ко-

лонистам) 40% земли, перераспределенной в ходе реформы. В межвоенный период около 300 тысяч поляков поселились на украинских землях — Галичине, Волыни и Подляшье.

Дальнейшие события не оставляли у украинцев (подавляющего большинства крестьян) и евреев (свыше 70% жителей галицких местечек) сомнений в том, что им лучше бы уехать за границу. Застой в экономике и пренебрежение правительства восточными “кресами” (пограничьем) лишили перспектив тех, кто хотел остаться на родине. Добыча галицкой нефти упала на 70% по сравнению с пиком, который пришелся на 1909 год. Заменить ее было нечем, разве что вырубкой леса и повышением эффективности сельского хозяйства. К концу 1930-х годов рабочий класс Галичины насчитывал всего 45 тысяч человек. Украинское село пыталось избежать нищеты путем возрождения кооперации, развитой уже при Габсбургах. Наибольшего успеха достиг “Маслосоюз”, который не боялся конкуренции дома и даже наладил экспорт в Германию, Австрию, Чехословакию и другие европейские страны. Но возможности кооперативов были ограничены. Крестьянам редко удавалось устроиться на работу в город, земельные наделы оставались крохотными (у каждой второй семьи — не более 2 гектаров), поэтому многим приходилось выбирать эмиграцию.

Из Второй Речи Посполитой уехало до 200 тысяч украинцев. Многие отправились в США, а после того как правила въезда ужесточили в середине 1920-х годов — в Канаду и Аргентину. Примерно столько же выехало и евреев — около 75 тысяч в Палестину, прочие, как правило, за океан. Большинство евреев Галичины, да и вообще Польши, жило в бедности, но эмиграцию подстегивал и рост антисемитизма — польские радикалы устроили бойкот еврейских магазинов и не останавливались перед кровопролитием. Кончина Пилсудского, который старался умерить ксенофобию, при-

вела к тому, что во второй половине 1930-х годов еврейские погромы прокатились по всей стране. Счет убитых и раненых шел на сотни. Власти придумали, как “разрешить еврейский вопрос”: предложили самым богатым странам и тамошним еврейским диаспорам помочь деньгами или принять переселенцев. Западные демократии встретили эту идею равнодушным молчанием.

На восточных кресах Польша избрала тактику, в общем противоположную тому пути, которым повели в 1920-е годы советскую Украину коммунисты. Вместо форсированного промышленного развития — ставка на сельское хозяйство, вместо интеграции коренного населения в правящую верхушку — выдавливание его за рубеж и стремление заменить поляками даже на селе. С другой стороны, Вторая Речь Посполитая могла похвастаться электоральной демократией, которой в УССР не было и близко. Даже после переворота 1926 года государство сохранило элементы политического плюрализма и веротерпимости и не отнимало у меньшинств возможности учреждать свои партии и культурные общества, ходить в свои храмы.

После краха Западно-Украинской народной республики в 1919 году грекокатолическая церковь претендовала на роль главного выразителя национальных чувств и устремлений. Митрополит Андрей Шептицкий оставался бесспорным лидером украинцев Галичины. Общественный авторитет церкви не был чем-то новым, она занимала такое положение самое позднее с 1848 года. Но вот ее предстоятель как деятель такого масштаба был первым в своем роде. Его предками были бояре-русины. В XVIII веке род Шептицких дал двух униатских киевских митрополитов. Тем не менее отцы и деды графа Романа исповедовали римокатоличество и ве-

ли типичный для польских аристократов образ жизни. Среди украинцев многие с недоверием смотрели на постриг молодого графа в грекокатолические монахи под именем Андрея и его карьерный взлет — митрополитом он стал в 1900 году, в 35 лет. Не хотят ли поляки прибрать к рукам последний оплот галицкого украинства? Но Шептицкий, лояльный скорее Австро-Венгрии, чем Польше, делал все возможное, чтобы защитить клир и паству от полонизации. Когда в независимой Польше происходил ползучий языковой сдвиг, а власти не желали учитывать при переписи национальность, религия стала едва ли не главным признаком украинской идентичности.

В политической жизни Галичины доминировало Украинское национально-демократическое объединение, чьи вожди вышли из предвоенной национал-демократической партии. Но новую эпоху в галицкой истории открыло преобразование в 1929 году Украинской военной организации (УВО) в Организацию украинских националистов (ОУН). Нелегальную партию возглавил Евгений Коновалец, офицер армии УНР с 1917 года и вождь УВО с самого основания в 1920 году. ОУН унаследовала от УВО программу — объединить Украину в независимом государстве, подпольную структуру и опору на террор. Новшеством стала радикальная идеология, непривычная для ветеранов борьбы за независимость в 1917–1921 годах. Молодое поколение отвергало либеральный национализм предвоенного времени, винило его адептов в пораженчестве и самоограничении, боязни поднимать помимо языкового и другие вопросы. ОУН провозглашала нацию первейшей ценностью и ставила задачу создания “нового человека”. Главным идеологом ОУН стал Дмитро Донцов, уроженец Приазовья и бывший социал-демократ. Сам он не вступил в ряды организации, но своими произведениями оказал огромное влияние на ее костяк.

На политической сцене Западной Украины ОУН, казалось, была обречена на роль третьего плана. Тем не менее довольно скоро выяснилось, что вес определяет отнюдь не число сторонников. В июне 1934 года на всю Польшу прогремело убийство Бронислава Перацкого, министра внутренних дел. ОУН считала его одним из главных виновников пацификации осени 1930 года — карательных мер против украинского движения. Еще в 1933 году оуновец застрелил во Львове советского дипломата, отомстив за Голодомор 1932–1933 годов. За терактами стоял один и тот же человек — молодой студент Львовской политехники Степан Бандера. Летом 1933 года он возглавил ОУН в пределах Польши. Бандера стал широко известен, когда его и сообщников, схваченных польской полицией, судили в Варшаве за убийство Перацкого. В 1936 году он попал на скамью подсудимых еще раз, во Львове, — теперь и за убийство Ивана Бабия в июле 1934 года, через месяц после ареста Бандеры. Бабий, почтенный директор украинской гимназии в столице Галичины, получил от ОУН ярлык коллаборанта.

В последнем слове на Львовском процессе Степан Бандера объяснил, почему радикальные националисты так легко распоряжались своей и чужой жизнью: “ОУН ценит очень высоко жизнь своих членов, но наша идея в нашем представлении так велика, что если речь идет о ее осуществлении, то не единицы, не сотни, а тысячи жертв надо принести, чтобы ее реализовать”¹. Бандера имел в виду независимость Украины. На Варшавском процессе его приговорили к смертной казни, замененной пожизненным сроком (а потом и несколькими). В тюрьме он пробыл до сентября 1939 года, когда вторжение немецких и советских армий привело к распаду польского государства и досрочному освобождению многих заключенных.

Цит. по кн. “Степан Бандера: мифы, легенды, действительность” Р. В. Частина (с изм.).

Создали Организацию украинских националистов жители Галичины, но в 1930-е годы она предпринимала попытки утвердиться на других украинских землях — в первую очередь на Волыни, что еще не так давно лежала по ту сторону российской границы. Соотношение этносов там заметно отличалось от галицкого. В ходе переписи 1931 года 68% жителей Волынского воеводства назвало родным языком украинский, 17% — польский и 10% — идиш и иврит. При этом до Первой мировой войны на Волыни буйно цвел российский шовинизм. Украинские крестьяне не приобрели еще определенной национальной идентичности и выбирали в Думу членов Союза русского народа и тому подобных черносотенных объединений. После войны 1920 года сюда направили поток польских осадников и здесь же конкурировали два украинских национальных проекта. Один, родом из Галичины, был резко антипольским, второй, с Восточной Украины, лояльным режиму, хотя культурно и лингвистически украинским.

Власти приложили немало сил, чтобы оградить волыняков от “тлетворного” влияния галицких собратьев. Они установили “Сокальский кордон” (по городу Сокаль на севере Львовского воеводства), чтобы не дать украинским институтам Галичины распространить свое влияние на Волинь и Подляшье. Грекокатолическую церковь лишили возможности иметь там приходы, а верующих подчинили иерархам римокатолической церкви. К северу от Сокальского кордона запретили деятельность вышеупомянутых обществ “Просвіта”, ограничили оборот галицкой литературы. Особенно рьяно старались не допустить возникновения на Волыни ячеек ОУН.

Одним из тех, кого украинцам следовало благодарить за Сокальский кордон, был Хенрик Юзевский, с 1928 по 1938 год — почти бессменный волынский воевода (в промежутке служил министром внутренних дел). Поляк родом

из Киева, он получил там высшее образование и даже входил в правительство УНР. Юзевский много сделал для Петлюры и его союза с Польшей в начале 1920-х годов, а после установления диктатуры Пилсудского, как близкий к нему государственный деятель, — для нормализации польско-украинских отношений. Необходимым условием такой нормализации он считал защиту Волыни от пропаганды южных соседей. Юзевский сотрудничал с “лояльными” украинцами, уэзэровскими эмигрантами (его бывшими товарищами по оружию), чтобы запустить на Волыни полонофильский украинский проект. Он ратовал и за образование автономной Польской православной церкви под омофором Вселенского патриарха и совершенно отдельной от патриарха московского, а на выборах поддерживал умеренных украинских политиков. Среди них был и Степан Скрыпник, племянник Петлюры, депутат сейма и будущий епископ, который станет в 1990 году патриархом Украинской автокефальной православной церкви.

Националистические антипольские настроения проникали на Волынь не только с Галичины, благодаря ОУН, но и через восточную границу, посредством Коммунистической партии Западной Украины (КПЗУ). В последней к тому же в середине 1930-х годов состояло вдвое больше членов: около 1600 против 800 в ОУН. Оба течения предлагали украинскому селу идеологию социальной и одновременно национальной революции. В последние годы Второй Речи Посполитой власти ужесточили преследования КПЗУ и ОУН, причем сторонники первой снова пострадали больше: полиция арестовала около 3 тысяч коммунистов и 700 националистов. Несмотря на злодеяния сталинского режима, накануне вторжения в Польшу в сентябре 1939 года волынская молодежь продолжала верить советскому радио и с надеждой смотреть на УССР.

Юзевский боролся с влиянием коммунистов, укрепляя охрану советско-польской границы и безжалостно подавляя просоветские выступления крестьян. С другой стороны, советская украинизация вдохновила его на попытку построить украинский Пьемонт уже на Волыни. Он не хотел проводить тот курс, который польское министерство образования навязало жителям Галичины, и поощрял открытие украинских школ. С его подачи украинский стал обязательным предметом в двуязычных школах. Впрочем, в 1938 году Юзевский ушел с должности воеводы, и волыняки ощутили на себе, насколько после смерти Пилсудского в 1935 году ужесточилось отношение к этническим меньшинствам. Что бы ни затевал Юзевский, остановить рост национализма ему не удалось. Его благосклонность к украинскому языку и культуре облегчила превращение Волыни, недавнего форпоста российского шовинизма, в цитадель украинского антипольского национализма.

И национализм, и коммунизм успешно преодолевали как внутренние границы (Сокальский кордон в Польше), так и международные. Это верно и для украинцев межвоенной Румынии, чьи границы оказались прозрачны для обеих идеологий. В Бессарабии, Марамуреше и на Буковине, согласно переписи 1930 года, обитало около миллиона украинцев и русских. Как и Польша, Румыния между двумя мировыми войнами проводила разную политику в отношении разных групп украинцев.

Правительство благосклонно принимало эмигрантов из рядов армии УНР и позволяло открывать украинские школы на территории бывшей Российской империи, главным образом в Буджаке (Южной Бессарабии). Совсем другой подход Румыния избрала к бывшим австрийским землям, где становление национального самосознания шло заметно

интенсивнее. Чем сильнее в Бухаресте склонялись к диктатуре, тем более строгие ограничения накладывали на политическую и культурную жизнь украинцев, превзойдя в этом даже Польшу. Аграрная реформа содействовала заселению Буковины румынами в ущерб украинским крестьянам. К тому же власти форсированно насаждали там румынский, отнеся местных славян к потомкам даков и римлян, каким-то образом забывшим родную речь. Государственный язык полностью вытеснил прочие в администрации и школе, из православного богослужения изгонялся церковнославянский — его тоже переводили на румынский.

Естественно, новая власть претила украинцам, и они стали искать ту идеологию, которая выражала бы их потребности. В Буджаке хорошо прививался коммунизм, Буковина же стала благодатной почвой для роста национализма. Национал-демократическая партия, самое крупное объединение украинцев Буковины, старалась изо всех сил защитить в парламенте своих избирателей и содействовать развитию культурных организаций. В конце 1920-х годов она добилась некоторых успехов, но нейтрализовать государственную политику не могла. Это расчистило путь для более радикальных сил, в том числе ОУН — ее первая ячейка на Буковине возникла в 1934 году. Националисты, как правило студенты, вскоре повели пропаганду и в Марамуреше, и в Бессарабии. Их газета “Свобода” имела 7 тысяч подписчиков, пока власти не закрыли ее в 1937 году. Репрессии против националистов вынудили их уйти в подполье, где они и пережили без особых потерь начало Второй мировой войны.

В 1920-е и в начале 1930-х годов коммунисты обогнали националистов при пересечении еще одной европейской границы — чехословацкой. Распад империи Габсбургов застал врасплох

в Закарпатье около полумиллиона восточных славян, которые еще не решили, кто же они: русские, украинцы или русины, отдельный этнос. Перед ними стоял тот же выбор, что перед коренными жителями Галичины во второй половине XIX века, — однако в Закарпатье формирование нации шло намного медленнее и труднее. В 1919 году эта земля добровольно присоединилась к недавно образованной Чехословакии, где получила название Подкарпатской Руси. Прага вначале не вмешивалась в ее национальные процессы, но в итоге поддержала формирование политически нейтральной русинской идентичности — немалый прогресс по сравнению с предыдущими столетиями, когда Венгрия проводила насильственную мадьяризацию славянских народов. Чехословакия стимулировала развитие закарпатской экономики, ведь регион оставался медвежьим углом и давал только 2% промышленного производства страны. Тем не менее, подобно Польше и Румынии, новая власть назначала на административные должности главным образом не коренных жителей, а чехов и словаков, и поощряла колонизацию, щедро отводя землю переселенцам с запада.

Чехословакия оказалась единственным государством в межвоенной Восточной Европе, которое не только декларировало ценности либеральной демократии, но и придерживалось их на деле. Для Закарпатья это означало свободные выборы. Низкий уровень развития экономики, земельный голод на селе, нарастание социального напряжения привели к тому, что демократические свободы сыграли на руку коммунистам и другим крайне левым партиям: в 1924 году первые набрали на выборах 40% голосов. Элиты Закарпатья погрязли в бесконечных распрях сторонников русской, украинской и русинской идентичности. Впрочем, русинская фракция была слабее двух других. Украинофильское общество “Просвіта” открыло на Закарпатье 96 читален, русофильское общество им. А. В. Духновича — 192. Право-

славные священники держались пророссийской ориентации, а украинские националисты пытались переманить на свою сторону мадьяризованное грекокатолическое духовенство. Современная украинская идентичность преодолела Карпатские горы поздно, но в 1920-е годы уверенно набирала очки в регионе и связывала его жителей с украинцами по эту сторону Карпат в одну разношерстную, но единую нацию.

Из всех режимов, что властвовали над Украиной между двумя мировыми войнами, только российские большевики оставили ей какую-то форму государственности и поддержали развитие украинской культуры. Изначально советский украинский национальный проект выглядел весьма привлекательно как в пределах СССР, так и к западу от него, в глазах украинцев Польши, Чехословакии и Румынии. Однако национал-коммунизм как путь разрешения украинского вопроса чем дальше, тем больше казался тупиковым. В Восточной Европе его приверженцам приходилось трудно: государственный аппарат проводил антикоммунистическую и ассимиляторскую политику, традиционные украинские партии вынужденно выбирали приспособленчество, а за умы молодежи конкурировал радикальный национализм. Но главной причиной краха национал-коммунизма стал перелом во внутренней политике Советского Союза 1930-х годов. УССР, которая не так давно представляла красным украинским Пьемонтом, обернулась коммунистическими Помпеями. Извержение сталинского Везувия погрело то, чем грезили архитекторы украинской нации, поверившие революционной Москве.

Глава 21

Сталинская крепость

21 декабря 1929 года Иосиф Сталин отмечал пятидесятилетний юбилей. Это событие сделали фактически государственным праздником — чтоб и в СССР, и за границей поняли, что двадцатые годы, период борьбы преемников Ленина за власть, кончились. Теперь в государстве правил один вождь. В ходе этой борьбы Сталин превратил технический в общем пост генерального секретаря ЦК в императорский трон. Он использовал партийную номенклатуру для захвата контроля над государственной машиной и ее репрессивным аппаратом, ОГПУ.

В специальном выпуске “Правды”, отпечатанном по случаю юбилея, многочисленные статьи партийных бонз восхваляли Сталина не только как продолжателя дела Маркса, Энгельса и Ленина, но и как “организатора и руководителя социалистической индустриализации и коллективизации”. “Социалистическая индустриализация” обозначала промышленный переворот советского типа — комплекс мер, разработанных и профинансированных властью, которые должны были обеспечить скачок объемов производства. Предпочтение отдавали тяжелой промышленности, машиностроению, энергетике. “Коллективизация” же означала слияние в кол-

дективные хозяйства под государственным управлением земельных участков, розданных крестьянам во время революции и Гражданской войны — большевики заручились таким образом их поддержкой. Переход к индустриализации и коллективизации в конце 1920-х годов положил конец НЭПу и дозволенной в той или иной мере рыночной экономике в сельском хозяйстве, легкой промышленности и сфере услуг (а также ограниченному контролю власти над крупными предприятиями).

К двум столпам, на которых покоилось теперь выживание советского режима во враждебном капиталистическом окружении, большевики добавили и третий — воспитание нового поколения кадров на смену управленцам и чиновникам, оставшимся от царских времен. Индустриализация, коллективизация и культурная революция должны были преобразовать традиционное аграрное общество в современную промышленную державу, где доминировал бы пролетариат, а не крестьянство. На протяжении 1920-х годов красные вожди спорили, в каком темпе следует воплощать этот замысел. Очень скоро они поняли, что финансировать его смогут лишь изнутри: Запад не станет давать займы государству, которое отказалось платить по царским займам и помышляло о мировой революции. Единственным внутренним ресурсом для так называемого социалистического накопления капитала было сельское хозяйство, то есть земледельцы. Сталин вначале выступал за “естественную”, неторопливую индустриализацию, но вскоре перешел к стратегии форсированных экономических и общественных преобразований.

Вторую по численности республику (при 2% территории на СССР приходилось 20% населения Союза) Сталин видел одновременно спонсором индустриализации, благода-

ря объему и потенциалу ее сельского хозяйства, и местом для вложения капитала в производственные мощности юго-востока Украины. При этом ресурсы перераспределяли в Москве, так что тогдашней украинской столице Харьков приходилось упрашивать начальство направить в украинские города денежные средства, извлеченные из украинского же села. Республика хорошо начала первую пятилетку (1928—1933), получив около одной пятой всех инвестиций, что отвечало ее доле в населении Союза. Но после 1932 года советской Украине денег давали меньше. Их тратили главным образом на развитие Уральского региона и Сибири, вдали от опасной западной границы. Инвестиции внутри УССР доставались прежде всего промышленному юго-востоку: левому берегу Днепра и Причерноморью. Правобережье, округа у польской границы, оставалось аграрным. Капитал там вкладывали, как правило, в сооружение укрепленных районов.

Крупнейшим промышленным объектом, сооруженным в ходе первой пятилетки, стал Днепрогэс — гидроэлектростанция и плотина, воздвигнутая немного ниже днепровских порогов, близ Запорожья (Александровска до 1921 года). Новое название напоминало о запорожском прошлом и значении казацкого мифа в революционные годы. Запорожье — не так давно сонный уездный центр — превращалось в промышленного гиганта. Вокруг Днепрогэса, главного поставщика энергии Донбассу и Криворожью, строили металлургические заводы. Плотина не только помогала выработке электричества, но и содействовала углублению Днепра, что позволило затопить пороги и облегчить навигацию по реке. Исчезла еще одна преграда экономическому развитию. Днепрогэс служил витриной достижений первой пятилетки, а население Запорожья с 1926 по 1937 год выросло более чем вчетверо: с 55 до 243 тысяч человек.

Как большинство марксистов той эпохи, Ленин верил в преобразующую силу технологии и однажды заявил: “Коммунизм — это есть советская власть плюс электрификация всей страны”. Большевицкая пропаганда объявила ДнепрогЭС первым шагом на пути к коммунизму, но в Кремле знали, что одной советской власти для коммунизма не хватит, понадобится и капиталистическая хватка. Сталин в 1924 году утверждал: “Соединение русского революционного размаха с американской деловитостью — в этом суть ленинизма в партийной и государственной работе”. Американские консультанты, которых поселили в новопостроенных кирпичных коттеджах американского “города-сада” с двумя теннисными кортами и полем для гольфа давали полезные советы администраторам и инженерам ДнепрогЭса. Главным среди них был полковник Хью Линкольн Купер, инженер-строитель, который участвовал в возведении Торонтской электростанции на Ниагаре и плотины Уилсон на реке Теннесси. Полковник выступал за свободу предпринимательства и однажды убеждал Конгресс США отказаться от прямого участия правительства в промышленных проектах. Но стоило большевикам поместить 50 тысяч долларов на его счет, не оговарив даже, что именно ему надо будет делать, и он дал согласие приехать в СССР.

“Русский революционный размах”, который Сталин решил добавить к американской деловитости, пришел на ДнепрогЭС с десятками тысяч украинских крестьян. Они не владели рабочими профессиями, но им нужен был заработок. В 1927 году над сооружением плотины и электростанции трудились 13 тысяч человек, в 1931-м — уже 36 тысяч. Крестьянам следовало не только обучиться ремеслу, но и привыкнуть вовремя являться на проходную, не отлынивать и точно исполнять приказы. Для многих новичков на стройке коммунизма это оказалось нелегко. Текучка кадров была ог-

ромна, даже при отмене прежнего подхода к оплате, то есть равенства всех категорий. Начальство получало теперь вдесятеро больше чернорабочих, а квалифицированные работники — втрое больше. В 1932 году на Днепрогэсе наняли 90 тысяч работников и уволили 60 тысяч.

Первого мая того же года инженеры впервые испытали турбины и генераторы, изготовленные американскими компаниями, включая *Newport News Shipbuilding and Drydock Company* и *General Electric*. Проектная стоимость электростанции — 50 миллионов долларов — за пять лет работ подскочила в восемь раз. В октябре 1932 года состоялось ее торжественное открытие. Михаил Калинин, председатель ЦИК СССР (формальный глава Советского Союза), лично руководил церемонией — звучали дифирамбы светлomu будущему и коммунизму. Несколько позже Хью Линкольна Купера и еще пятерых американских консультантов за вклад в приближение коммунизма наградили орденами Трудового Красного знамени.

Сооружение Днепрогэса вошло в историю в нескольких аспектах. Впервые с начала промышленной революции на Украине большинство рабочих были этническими украинцами. Последних в штате насчитывалось около 60% — вдвое больше, чем русских. Причины такого сдвига не ускользнули бы ни от кого, кто в октябре 1932 года осмотрел бы села вокруг электростанции — там зияла бездна рукотворного голода.

В конце 1920-х годов жизнь в украинской глубинке стала так же тягостна, как в российской деревне до революции, если не еще хуже. Дело было не в тощей почве или суровом климате, а в резкой перемене климата политического. Крестьян поставили в нестерпимые условия, которые вынужда-

ли их бежать из дому на заводы и стройки вроде Днепрогэса. К такому результату привел курс Кремля на форсированную коллективизацию. Из села выжимали все сколько-нибудь ценное, а заодно выгоняли жителей.

Осенью 1929 года при поддержке Кагановича (бывшего генсека компартии Украины, переведенного в Москву годом раньше на должность заведующего сельхозотделом ЦК) Сталин резко ужесточил “обобществление” земли и хозяйств, требуя от подчиненных не щадить ни себя, ни других. Кампанию проводили по всему Союзу, но самую тяжелую травму она причинила черноземным районам, едва ли не в первую очередь — Украине. На село отправили десятки тысяч высокопоставленных и рядовых членов партии, сотрудников ОГПУ. Их заданием было заставить крестьян вступить в колхозы, сдав туда землю, скот и хозяйственную утварь. В марте 1930 года власти хвастали обобществлением 70% пахотных земель — невообразимый скачок по сравнению с предыдущим годом, когда коллективные и государственные хозяйства владели менее чем 6% земель. Крестьян принуждали силой, но многие все равно упирались. Весной 1930 года по Украине прокатилась очередная волна восстаний. Только в марте зарегистрировали более 1700 выступлений крестьян разного характера. От рук повстанцев пострадали сотни чиновников и активистов. На Правобережье люди целыми селами бежали к польским рубежам, чтобы уйти от принудительной коллективизации.

Стратегически значимые приграничные территории охватили волнения, которые стали распространяться на восток, в другие регионы СССР. Кремль пустил в ход армию и тайную полицию. Преследовали главным образом богатых крестьян, которые особенно противились коллективизации и нередко возглавляли повстанцев. Власти не только бросали за решетку вождей бунтовщиков, но и ссылали за пределы

Украины или хотя бы родного села любого, кого заклеямили “кулаком” Изначально этот термин имел более-менее строгий смысл, но теперь его применяли к кому угодно, за исключением беднейшего слоя крестьян. В 1930 году 75 тысяч семей так называемых кулаков выслали из УССР в глухие районы Сибири и Казахстана. Кого-то просто высаживали из вагонов посреди тайги и оставляли умирать от голода и болезней.

Но сопротивление оказалось слишком упорным, чтобы обойтись одним кнутом. Сталин решил показать народу и пряник. В марте 1930 года он издал статью под красноречивым заголовком “Головокружение от успехов”. Вину за форсированную коллективизацию генсек возложил на излишнее рвение на местах. Партийные кадры поняли его слова как приказ остановиться. В течение нескольких месяцев половина земли тех, кого загнали в колхозы, вернулась в руки частных владельцев. Но исход из “крепостного состояния” был недолгим — к осени 1930 года кампанию насильственной коллективизации возобновили. На этот раз крестьяне предпочитали пассивное сопротивление. Они засевали ровно столько земли, сколько требовалось для их пропитания, забивали скот, который у них могли отобрать, либо бежали в промышленные центры вроде Запорожья, пополняя ряды социалистического пролетариата.

Сталин и его подручные поражения не признали. Деревню обвинили в саботаже и попытке затормозить индустриализацию, оставив город на голодном пайке. Власти объявили, что кулаки прячут зерно, ужесточили нормы хлебозаготовок как для колхозов, так и для “крестьян-единоличников”. Из Украины выжимать продовольствие взялись особенно безжалостно, поскольку от нее во многом зависело выполнение планов Кремля. К середине 1932 года в УССР коллективизации подвергли 70% крестьянских

дворов, при 60% по Советскому Союзу вообще. Республику, которая давала 27% зерна, обязали выполнить 38% плана хлебозаготовок. Такая политика стала причиной массовой гибели крестьян от голода зимой 1931–1932 годов и следующей весной, главным образом в густонаселенных степных и лесостепных районах.

Только на Киевщине за 1932 год умерли более 80 тысяч человек, а пострадали сотни тысяч. Еще тяжелее пришлось селам близ Белой Церкви, Умани и других городов юго-западнее Киева, где большие площади отводили под сахарную свеклу. Влас Чубарь, председатель Совнаркома УССР, осознал, что к смерти от голода привели чрезмерные реквизиции. 10 июня 1932 года он писал Сталину: “При общей непопильности плана хлебозаготовок, основной причиной чего являлся более низкий урожай по Украине в целом и колоссальные потери при уборке урожая (результат слабого организационно-хозяйственного состояния колхозов и совершенно недостаточного руководства ими из района и из центра), практиковалась система изъятия у единоличников хлеба полностью, включая и семенные фонды, и почти полного изъятия всего наличия у колхозов”

Согласно Чубарю, тяжелее всего пострадали единоличники, которых власти за невыполнение хлебозаготовок карали конфискацией имущества. Едва ли лучше приходилось многодетным колхозникам. Уже в марте и апреле 1932 года тысячи крестьян по всей Украине оказались на грани гибели. В мае уполномоченный ЦК КП(б)У выяснил положение в семи случайно выбранных населенных пунктах Уманского района. Он уведомил Харьков, тогдашнюю столицу, что, по официальным данным, от голода там умерло 216 человек, еще 686 находились при смерти. В Городнице, одном из сел, куда наведалься чиновник, “умерло до 100, ежедневная смертность: 8–12 человек”. В другом, Степковке, был случай людо-

едства. Чубарь просил Сталина о продовольственной помощи, но генсек оставался непреклонным. Он запретил употреблять в официальной переписке слово “голод”, заявив, что это только “жалобы и нытье”

Вождь неудачу своих планов отнес на счет не только крестьянского саботажа и невыполнения заданий по заготовкам, но и вредительства со стороны украинских партийных кадров. “Самое главное сейчас — Украина”, — наставлял в августе 1932 года Сталин Кагановича. И далее:

Говорят, что в двух областях Украины (кажется, в Киевской и Днепропетровской) около 50 райкомов высказались против плана хлебозаготовок, признав его нереальным <...> Если не возьмемся теперь же за выправление положения на Украине, Украину можем потерять. Имейте в виду, что Пилсудский не дремлет <...> Имейте также в виду, что в Украинской компартии (500 тысяч членов, хе-хе) обретается немало (да, немало!) гнилых элементов, сознательных и бессознательных петлюровцев, наконец — прямых агентов Пилсудского. Как только дела станут хуже, эти элементы не замедлят открыть фронт внутри (и вне) партии, против партии.

Кремлевского лидера явно тревожила возможность падения большевистского строя. Он на всю жизнь запомнил бросок на Киев армий Польши и УНР поздней весной 1920 года. Тогда бывшие украинские эсеры помогали чем могли войскам Пилсудского и Петлюры. Сталин боялся подобного, если не худшего сценария. В начале 1930-х годов из полумиллиона коммунистов УССР 60% приходилось на этнических украинцев — коренизация дала запланированный результат. Ударь Пилсудский еще раз — не переметнутся ли они на сторону врага? Вождя терзали сомнения. В июле 1932 года

Советский Союз заключил с Польшей пакт о ненападении, снизив угрозу своим западным рубежам. Теперь, по мысли диктатора, настало время “укрепить” вторую по значению республику — вытрясти из крестьян зерно, да так, чтоб они поняли, каково противиться коллективизации. А заодно вычистить из партаппарата тех, кто не выполнял безропотно волю Сталина.

В письме Кагановичу от 11 августа 1932 года изложен подробный план того, как “не потерять” Украину: перетасовать высшее партийное и государственное руководство, включая ГПУ, отзывая кадры в Москву и назначая на их место людей из центральных органов власти. Вождь подчеркивал главное: “Поставить себе целью превратить Украину в кратчайший срок в настоящую крепость СССР, в действительно образцовую республику”. В ноябре 1932 года он вернул в УССР местного чекиста Всеволода Балицкого, вновь поставив того во главе тайной полиции. В декабре превратил заседание Политбюро ЦК ВКП(б) по хлебозаготовкам в порку украинского руководства за невыполнение плана, а также искажение партийной линии в коренизации. Постановление высших органов союзной власти гласило: “ЦК и СНК отмечают, что вместо правильного большевистского проведения национальной политики в ряде районов Украины, украинизация проводилась механистически, без учета конкретных особенностей каждого района, без тщательного подбора большевистских украинских кадров, что облегчило буржуазно-националистическим элементам, петлюровцам и пр. создание своих легальных прикрытий, своих контрреволюционных ячеек и организаций”

Постановление положило конец украинизации населенных этническими украинцами районов Северного Кавказа и других частей РСФСР (вплоть до Приморья). Облегчило оно и приглушение такой политики в УССР, и репрессии

против ее сторонников. Тысячи партийных функционеров уволили, а то и бросили за решетку. Мыкола Скрыпник покончил с собой — шесть лет занимая пост наркома просвещения, он был главным украинизатором республики. Кремль винил националистов в том, что из подполья и из-за границы они подбивали мужика прятать зерно и саботировать таким образом индустриализацию и коллективизацию. Атака на украинского крестьянина шла одновременно с атакой на национальную культуру. Когда ЦК и СНК СССР приняли процитированное выше постановление, республику уже охватил массовый голод. Причиной его стала не только политика Сталина в отношении села и партийных кадров УССР, но и сдвиги в той сфере, которая напрямую сельского хозяйства не касалась. Сопrotивление конфискациям зерна теперь объявили буржуазным национализмом. Идеологического врага можно было не жалеть.

В конце того же 1932 года на Украину командировали Молотова, главу советского правительства, а вслед за ним — Кагановича. Они любыми средствами добивались выполнения заведомо нереальных планов хлебозаготовок. Украинские коммунисты, на которых наседали не только вожди из центра, но и ГПУ, выжимали что могли из голодавших крестьян. Те села, что так и не справились с заданием, заносили на “черные доски” — блокировали подвоз товаров первой необходимости, вроде спичек и керосина, и отбирали у жителей не только все зерно, но и скот, и все, что годилось в пищу. Зимой наверх снова стали докладывать о волне голодных смертей. К марту 1933 года смертность от голода стала массовой. Партийное начальство в тревоге бомбардировало Харьков и Москву просьбами о помощи. Крестьянам помогли, но слишком поздно и слишком мало — катастрофу было уже не остановить. Наивысшая смертность пришлась на позднюю весну и начало лета 1933 года, когда запасы бы-

ди совершенно истощены. Многие погибли от того, что ели траву и незрелые овощи, — ослабленный длительным голодом организм не мог справиться с такой грубой пищей.

Особенно пострадали лесостепные Киевская и Харьковская области, по которым голод ударил еще весной 1932 года. Полумертвые крестьяне не сумели должным образом засеять поля, и низкий урожай яровых стал для них смертным приговором. К концу 1933 года каждая из двух областей потеряла до миллиона жителей. Житница украинского юга, Одесская и Днепропетровская области, — свыше 300 тысяч. Промышленный Донбасс голод задел несколько меньше — за 1933 год там умерло менее 200 тысяч человек. Степные районы относительно легко пережили первую половину 1932 года, поэтому число жертв большого голода там невелико на фоне лесостепных. К тому же в самые тяжелые времена люди могли спастись на заводах и стройках в Запорожье, Кривом Роге и городах Донбасса. А когда весной 1933 года Кремль озаботился продовольственной помощью, ее направляли главным образом в степную, а не Центральную Украину. Сталину требовалось новое зерно, и поэтому следовало сохранить тех крестьян, что производили больше всего хлеба. На гибель других можно было закрыть глаза. Всего голод на Украине унес около 4 миллионов жизней. Таким образом, с 1932 по 1934 год в УССР по этой причине умер каждый восьмой.

Голод преобразил советскую Украину. Сталин удержал ее под пятой, вычистив из партийного и государственного аппарата тех, кому совесть не позволяла отбирать у голодных последнее и уничтожать собственный народ. Из пятисот с лишним секретарей райкомов КП(б)У больше половины были уволены к лету 1933 года, многие — арестованы и сосланы. Остальные доказали делом, что готовы слепо придерживаться генеральной линии. Их в Кремле ценили (до поры до времени). Вывели таким чудовищным образом и новое,

социалистическое крестьянство. Народ, пережив голодные годы, усвоил: хочешь жить — тяни колхозную лямку. Налоги с колхозников взимали по сравнению с единоличниками невысокие, а продовольственную помощь весной 1933 года давали только им. Власти достигли коллективизации почти всех крестьянских хозяйств, и это кардинальным образом изменило экономический, общественный и политический ландшафт украинского села.

Был ли Великий голод (Голодомор по-украински) преднамеренным геноцидом жителей Украины? В ноябре 2006 года Верховная Рада оценила его именно так. Постановления такого рода приняли органы законодательной и исполнительной власти ряда государств мира. Российское правительство в ответ развернуло международную пиар-кампанию в опровержение такой точки зрения. О характере голода на Украине до сих пор дискутируют ученые, им до сих пор спекулируют политики. Прежде всего речь идет о применимости термина “геноцид”. Но вокруг фактической картины голода 1932–1933 годов и ее интерпретации понемногу возникает общий консенсус. Большинство исследователей согласны в том, что причиной голода служила политика властей. И что голод, который поразил также Северный Кавказ, Нижнее Поволжье и Казахстан, только в СССР стал следствием мер с явной этнической направленностью. Именно в 1932 году Сталин решил провести чистку кадров КП(б)У и начать свертывание украинизации. Эта катастрофа глубоко травмировала украинское общество и надолго подорвала его волю к сопротивлению режиму.

Сталин сделал искусственный голод методом превращения Украины в “образцовую республику”, как он выразился в письме Кагановичу. Превращение вполне автономной

и подчас строптивой республики в обычную провинцию советской империи завершилось с переводом столицы из Харькова в Киев, чьей интеллигенции, изнуренной репрессиями, большевики могли уже не опасаться.

Как и хотел кремлевский диктатор, Украинская ССР представляла теперь эталоном социальной и культурной революции. К концу 1930-х годов промышленное производство Украины в восемь раз превышало уровень 1913 года, то есть росло почти так же стремительно, как в РСФСР. Коллективизация сельского хозяйства была полной, охватив, по данным статистики, 98% дворов и 99,9% пахотных земель. Проблема заключалась в том, что за поразительными успехами на бумаге крылся фактический упадок земледелия. В 1940 году Украина дала 26,4 миллиона тонн зерна — то есть лишь на 3,3 миллиона больше, чем до Первой мировой войны (рост менее чем на 13%). Село, обескровленное катастрофой Голодомора и коллективизации, не поспевало за стремительно растущим промышленным городом. За скачок радикальной модернизации Украина заплатила страшную цену. Население УССР в 1926 году составляло 29 миллионов человек, в 1937-м — 28 миллионов и только, по данным переписи, в начале 1939 года достигло почти 31 миллиона.

Многие жители Украины разного этнического происхождения погибли в эпоху Большого террора 1936–1940 годов. Только за 1937 и 1938 годы на Украине бросили за решетку 270 тысяч человек, из которых казнили около половины. Террор продолжал политику Кремля начала 1930-х — его целью было обеспечить любой ценой непоколебимое положение Сталина и его режима. Он отдал под суд и велел убить многих бывших противников и союзников из высшего руководства: Льва Каменева, Григория Зиновьева, Николая Бухарина, Алексея Рыкова и других. На Украине та же судьба постигла элиту партии, государства и НКВД, несмотря на ее

лояльность Москве во время Голодомора. Вождь выдвигал новые кадры — абсолютно покорных людей, которые не были соучастниками его прошлых злодеяний. Кроме них, децимации подвергли бывших членов небольшевистских партий и этнические меньшинства. В приграничных областях УССР жило много народов, чьей преданности коммунизму диктатор не верил, поэтому на республику вновь обрушилась безжалостная чистка. Главными врагами назначили поляков и немцев. Хотя доля обоих этносов вместе не превышала в УССР 3%, среди репрессированных их было 20 и 10% соответственно. Их уничтожали как потенциальную пятую колонну — агентов Польши и Третьего рейха, главных противников Союза на тот момент.

В 1938 году Сталин послал на Украину нового эмиссара, Никиту Хрущева. В его задачи входили последняя волна террора и подготовка республики к войне. Вождь полагал, что мир долго не продержится. Хрущев завершал превращение Украины в крепость социализма, как Молотов и Каганович до него. В июне 1938 года, на XIV съезде КП(б)У, он провозгласил: «Мы сделаем все для того, чтобы задание и поручение ЦК ВКП(б) и товарища Сталина — сделать Украину неприступной крепостью для врагов — выполнить с честью» Следующие годы станут испытанием этой фортификации на прочность.

В конце октября 1938 года правительство Чехословакии после вынужденной передачи Германии Судетенланда назначило отца Августина Волошина, деятеля украинского движения, премьер-министром Закарпатья. Этот регион тогда же получил автономию и был переименован из Подкарпатской Руси в Карпатскую Украину. Немедленно вслед за этим южная часть Закарпатья, с немалой долей венгерского насе-

ния и самыми крупными городами (Ужгород, Мукачево и Берегово), отошла к Венгрии. Новая власть вытеснила из администрации русофилов и ввела украинский язык как один из двух официальных. Для отражения венгерской и польской угрозы образовали и свою военизированную структуру — “Карпатскую Сечь”. Название напоминало о запорожских казаках и сечевых стрельцах Гражданской войны, а в ряды этой организации вступило много членов ОУН, которые пересекли польскую границу, чтобы стать участниками создания нового украинского государства.

В начале 1939 года в кругах европейской дипломатии ходили слухи, что Гитлер задумал превратить Карпатскую Украину в плацдарм для атаки на Советский Союз и “объединения” всех украинских земель. В январе, когда Юзеф Бек, польский министр иностранных дел, посетил Берлин и фюрер предложил ему обменять Данциг и Польский коридор (выход к Балтийскому морю) на территории УССР, которые он отберет силой у Кремля, Бек отказал. Невзирая на Польшу, Гитлер решил приберечь пока украинскую карту в игре против Сталина. Когда в середине марта 1939 года вермахт занял остаток Чехии и положил конец славянской федерации, рейх махнул рукой на перспективы Карпатской Украины и отдал ее под власть Венгрии. Правительство Волошина ожидало другого решения фюрера и пошло ва-банк.

15 марта, в день оккупации Праги, в Хусте парламент Карпатской Украины объявил республику независимой. Новая страна избрала сине-желтый флаг и тот же гимн, что УНР и современная Украина. Это не остановило венгерскую армию, которой чехословацкая уже не оказывала сопротивления. С венграми дрались только стрельцы “Карпатской Сечи”. Один из галицких корреспондентов писал: “Тогда, когда восемь миллионов чехов отдали себя под владычество немецкой державы без малейшего сопротивления, тысячи украин-

цев выступили с оружием в руках против мадьярской многотысячной армии". Украинских бойцов с трудом набралось бы на два полка. При таком неравенстве сил венгры вскоре одержали полную победу. Правительство Волошина бежало в Румынию. Венгерские солдаты и польские пограничники взяли в плен многих оуновцев, когда те пытались уйти обратно на север. Националисты нового поколения прошли крещение огнем.

Сталина тревожили события на Закарпатье, и в марте 1939 года он раскритиковал идею поддержки Германией независимости Украины в речи на XVIII съезде ВКП(б) в Москве. Тот факт, что немалая часть этнических украинцев проживала за пределами Советского Союза, мог послужить Гитлеру средством для подрыва власти Кремля над СССР. Сталин обращался прежде всего к Гитлеру, когда заявил партийным кадрам, что, распространяя слухи об амбициях фюрера в Закарпатье, англичане и французы хотят рассорить его с СССР. Накануне Второй мировой войны Сталин, архитектор украинской "крепости", ясно увидел брешь в ее стенах — угрозу украинского ирредентизма и перспективу воссоединения Украины с изгнанием оттуда большевиков.

Глава 22

“Жизненное пространство”

Адольф Гитлер изложил свои взгляды на будущее мира в “Моей борьбе” (*Mein Kampf*), надиктованной во время заключения в баварской тюрьме Ландсберг. За решетку Гитлера бросили в наказание за “пивной путч”, устроенный им в ноябре 1923 года. В книге бывший подданный Габсбургов поклялся дать бой так называемому еврейскому заговору — плану захвата мирового господства — и предложил создать Германскую империю, которая обеспечила бы арийской расе жизненное пространство (*Lebensraum*) в Восточной Европе. Гитлер уже через год вышел на свободу, а после 1933 года, когда нацистская партия пришла к власти и сделала его канцлером, получил возможность осуществить такой план. Мечты фюрера, впервые обнародованные в начале 1920-х годов, сотрясли весь мир, но мало где попытка их реализации оказалась настолько разрушительна и кровопролитна, как на Украине.

Идея расчистки места для немецкой колонизации принадлежала не Гитлеру — ее высказывали еще до Первой мировой войны. Сторонники такой идеи хотели расширить границы Германии едва ли не на всех континентах, но поражение 1918 года фактически отрезало то, что лежало за морем. Путь преграждал мощный британский флот. Фюрер

нашел выход в экспансии на восток. “Гораздо лучше воевать не за отдаленные колонии, а за земли, расположенные на нашем собственном континенте”¹ — такой вывод он сделал в “Майн кампф” Брестский мир, согласно которому Россия признавала независимую Украину, оккупированную германскими и австро-венгерскими армиями, служил примером продвижения в Восточную Европу. Но вождь нацизма не желал строить там новые государства. Цель его была другой: истребить местное население до самой Волги и заселить плодородные земли Восточной Европы, включая Украину, немецкими колонистами. Гитлер писал: “Возможность сохранить в качестве фундамента всей нации здоровое крестьянское сословие имеет совершенно неопределимое значение. Ведь очень многие беды нашего нынешнего дня являются только результатом нездоровых взаимоотношений между городским и сельским населением”.

Сельская утопия фюрера требовала не только завоевания немцами новой территории, но и депопуляции, а также деурбанизации. Его замысел преобразования Восточной Европы кардинально отличался от того, который исповедовали большевистские вожди, в том числе Сталин. Оба диктатора готовы были пролить сколько угодно крови для воплощения своих утопий. Оба для этого одинаково нуждались в украинских черноземах, но вот к народу Украины и ее городам относились по-разному. Страна на своем опыте ощутит различия в подходах к ней двух режимов во время трехлетней германской оккупации (1941–1944). Украина не могла избежать участи одной из главных жертв германской агрессии, поскольку еще до Первой мировой войны приобрела славу житницы Старого Света, а доля евреев в ней оставалась одной из самых высоких в Восточной Европе. В 1939–1945 го-

Здесь и далее цит. по изд. 1992 г. (“Моя борьба”).

дах Украина потеряет около семи миллионов человек (из них один миллион евреев), то есть более 16% довоенного населения. Пропорционально к общему числу жителей сильнее пострадают только Польша и Белоруссия — еще две страны, включенные Гитлером в “Лебенсraum”

Автор “Майн кампф” воображал Британию в роли союзницы, которая поможет ему разбить Францию, а Россию — в роли сообщницы в деле уничтожения Польши. В итоге Россия (точнее, Советский Союз) должна была дать Гитлеру желаемое: землю для расселения немцев и огромные природные богатства. Это превратило бы рейх в континентальную империю, чье сообщение с колониями оказалось бы вне досягаемости британского флота. Союз с Туманным Альбионом остался в мечтах, зато осенью 1939 года, найдя общий язык с большевистским вождем, Гитлер прикончил наконец Вторую Речь Посполитую.

За десять дней до первого сентября, когда нападение вермахта на Польшу открыло боевые действия новой мировой войны, был заключен пакт Молотова — Риббентропа — фактически стовор о разделе Польши. Сталин задерживал переход польской границы Красной армией, поскольку его волновал возможный ответ Британии и Франции, а на Халхин-Голе еще шли бои с японской армией. Чтобы подстегнуть его, дипломаты фюрера пустили в ход украинскую карту. Они заявили, что, если СССР не вступит в войну, Германии не останется другого выбора, как создать новые государства на аннексированной территории. Появления прогерманской Украины на галицких и волынских землях Сталин хотел меньше всего. Когда 17 сентября Красная армия по его приказу все же вошла туда, для вторжения использовали предлог защиты братских народов, украинского и белорусского.

К началу октября 1939 года польское войско рассеялось под ударами двух могущественных держав. Советский Союз позднее отпустил захваченных в плен рядовых солдат. Другая участь ждала офицеров. Около 15 тысяч поляков распределили по трем концлагерям — два были в России и один на Украине, — где весной 1940 года большинство их погибнет (массовые казни получают название Катыньских расстрелов по лесу близ Смоленска). Тем не менее изначально не многие предполагали — тем более среди этнических меньшинств Второй Речи Посполитой, — что СССР способен на такие злодеяния. Красная армия уступала вермахту в механизации, но явно превосходила польскую — новыми танками, самолетами, пушками. Сталинская модернизация дала зримый результат. С другой стороны, офицеры и солдаты изумили тех, кого “освободили”, плохой одеждой, недоеданием и круглыми глазами при виде изобилия товаров в магазинах. Советские люди производили впечатление догматиков, грубых и невежественных. На западе Украины до сих пор ходят байки о женах офицеров Красной армии, что красовались в театре в ночных рубашках, приняв их за вечерние платья. Но украинцы, белорусы и евреи готовы были примириться с грозными и малокультурными “освободителями” — лишь бы те принесли им надежду на лучшую жизнь. Первое время казалось, что так и будет.

Оккупировав Львов и прочие города Галичины и Волыни, большевики провели в своем обычном стиле выборы в Народное собрание Западной Украины. Депутаты обратились к Москве и Киеву с просьбой о присоединении недавних “восточных кресов” к УССР. Хрущев, новый руководитель украинской компартии, настаивал на передаче республике и Северо-Западного Полесья, включая Брест. Сталин, однако, решил спор в пользу Белорусской ССР. Большевицкий режим открыл украинцам и евреям дорогу во власть

а также в образование, здравоохранение и вообще всюду, куда Польша пускать их не желала. Впрочем, хорошо относились только к местным евреям — тех, кого немцы выгоняли с оккупированной территории, нередко заворачивали на границе обратно. Началась кампания повсеместной украинизации. Университеты, школы, театры, издательства переводили с польского на украинский язык. Латифундии национализировали, распределив землю между бедными крестьянами. Симпатии сторонников коммунистов и других левых партий к СССР заметно окрепли.

Но медовый месяц в отношениях советской власти с украинцами и евреями Западной Украины продлился недолго. Основой украинской идентичности во Второй Речи Посполитой была религия, советские же богоборцы конфисковали владения грекокатолической церкви и делали все, чтобы вытеснить из общественной жизни униатское духовенство. Шокировала судьба бывших руководителей и членов компартии Западной Украины, которых скопом заподозрили в нелояльности и репрессировали. Таким же образом под подозрением оказались новые кадры, назначенные на посты в органах власти и учебных заведениях.

В 1940 году жителей новоприсоединенных областей подвергли массовым арестам и высылке на Дальний Восток, в Сибирь и Среднюю Азию. Во главе списка "врагов народа" поставили бывших польских чиновников и полицейских, членов польских партий и осадников — военных колонистов, поселенных на западе Украины в межвоенный период. В феврале 1940 года НКВД осуществило первую массовую депортацию, жертвами которой стало около 140 тысяч поляков. Около пяти тысяч из них еще в пути умерло от голода, холода и болезней. Всего с начала 1940-го до лета 1941 года из западных областей Украины карательные органы депортировали по меньшей мере 180 тысяч человек. Выслеживали

они и членов Организации украинских националистов. Руководители ОУН — среди них и Бандера — нашли убежище в подконтрольной Третьему рейху части Польши. Сталин видел в них явную угрозу своему режиму.

Падение Парижа в июне 1940 года застало Кремль врасплох. Сталин заподозрил, что теперь Гитлер бросит вермахт против Советского Союза. Требовалось дополнительное укрепление позиций в новых владениях на западном рубеже, устранение потенциальной пятой колонны. Кроме того, диктатор решил не медлить с аннексией всех территорий, которые Гитлер признал за ним по секретным протоколам к пакту Молотова — Риббентропа, а именно Эстонии, Латвии и Литвы в Прибалтике и двух частей Румынии, Бессарабии и Северной Буковины. Оба региона, населенные преимущественно украинцами, к СССР присоединили в августе 1940 года. Кремль проводил там ту же политику, что в бывших польских воеводствах: национализацию земли, выдвигание нерумынских кадров, украинизацию всех институтов. Вскоре последовали аресты и депортации.

Сталин знал об угрозе со стороны Третьего рейха, своего союзника, но, полагая, что Гитлер запланировал наступление на 1942 год, к событиям 22 июня 1941 года оказался не готов. Германия крайне нуждалась в богатствах Советского Союза, включая украинские зерно и уголь. Блицкриг на Западе довести до конца не удалось, а за британским львом, загнанным на свои острова, маячила громадина Соединенных Штатов — новой мастерской мира. Ведущие немецкие экономисты тщетно доказывали, что открытие нового фронта не разрешит ни одной проблемы рейха и станет бессмысленной тратой ресурсов. Генералитет предпочитал поход на Восток, и его мнение возобладало.

В декабре 1940 года фюрер подписал директиву о подготовке к войне против Советского Союза. Операцию назвали в честь императора Священной Римской империи и германского короля Фридриха Барбароссы. В 1190 году он выступил в Третий крестовый поход и утонул в реке, переплывая ее в доспехах, вместо того чтобы пройти с другими по мосту. Плохой знак, но даже те, кто хорошо учил историю, не придали этому значения. Подобно Фридриху, Гитлер не боялся авантюры и непроторенных дорог. В генштабе планировали разгромить Красную армию и отогнать ее за Волгу в какие-нибудь три месяца. По замыслу Гитлера, вначале следовало захватить Ленинград, затем угольные шахты Донбасса и Москву. Интенданты вермахта совершенно не думали о зимнем обмундировании для солдат. Это был грубый просчет, но перед началом войны Кремль так оказалось легче обмануть — Сталин не мог поверить, что немцы нападут уже в начале лета без подготовки к холодам.

Утром 22 июня огненный вал протянулся от Балтийского до Черного моря. Германия и союзники (Италия, Румыния, Венгрия, Словакия) отправили в наступление около 3,8 миллиона человек. Группа армий “Юг” атаковала Украину из Польши, по тысячелетнему коридору между северными склонами Карпат и болотами Полесья. Румынские войска помогали ей южнее, в Причерноморье. По этим дорогам в Центральную Европу вторгались гунны в V и монголы в XIII веке. Теперь колонны солдат шли в обратном направлении, но дороги оставались теми же — разве что тучи пыли поднимали не столько лошади, сколько бронемшины, грузовики, мотоциклы. На Восточном фронте Германия сосредоточила около 4 тысяч танков и свыше 7 тысяч орудий. С воздуха их прикрывали около 3 тысяч самолетов. Конкуренции у люфтваффе почти не было — налеты в первые дни войны уничтожили

немалую часть советской авиации, в значительной части прямо на аэродромах.

Красная армия в прифронтовых областях лишь ненамного уступала противнику живой силой и заметно превосходила его в танках, артиллерии и авиации. Однако характеристики советской техники порой уступали последним моделям немецкой, а во главе соединений стояли неопытные офицеры и генералы (они заменили уничтоженных в ходе чисток 1938 года). Командиры порой бросали части, боевой дух солдат падал все ниже — многие происходили из деревни и помнили, что такое голод и коллективизация, — тем более что наступление вермахта набирало ход. Красная армия откатывалась на восток и несла огромные потери. Как будто удачное для Сталина приобретение новых земель на западе — следствие пакта с Германией — обернулось ловушкой. Перед началом войны миллионы солдат были сосредоточены между возведенными в 1930-х годах оборонительными линиями и новой границей, которую защитить укреплениями не успели. План блицкрига предусматривал прорыв танковых соединений вермахта в советский тыл, с тем чтобы посеять там панику и взять целые дивизии и корпуса в клещи.

На Волыни командование Юго-Западного фронта в первые дни войны нанесло противнику массивный контрудар в районе Луцка, Бродов и Ровно. В бой отправили несколько тысяч танков. Германские войска, имея в несколько раз меньше техники, вышли, однако, победителями за счет несравнимо лучшей координации. После этого Красная армия терпела поражение за поражением. За первые три недели она отошла на 300–600 километров на восток. СССР потерял не только бывшие польские и румынские земли, но и почти все Правобережье, свыше 2,5 тысяч танков и около 2 тысяч самолетов. Убитых, раненых и плененных солдат трудно было сосчитать. В августе свыше 100 тысяч человек попало в окружение под

Уманию. Через месяц жуткой катастрофой обернулась оборона Киева. Невзирая на рекомендации высшего командования, включая Георгия Жукова — начальника Генштаба до конца июля 1941 года, Сталин отказывался уводить войска из украинской столицы. Слишком уж велико было ее символическое значение. В итоге Советский Союз поплатился едва ли не худшим за всю войну разгромом.

Юго-Западный фронт, которым командовал уроженец Черниговской губернии Михаил Кирпонос, не устоял под ударом механизированных соединений вермахта. 19 сентября немцы вошли в Киев. На следующий день генерал Кирпонос погиб в бою на Левобережье, у Лохвицы. Противник окружил и взял в плен свыше 660 тысяч красноармейцев. В октябре та же участь постигла стотысячную армию у Мелитополя и Бердянска. Еще столько же пленных немцы захватили на Керченском полуострове в ноябре. К концу 1941 года Советский Союз лишился почти всей Украины. Общее количество пленных солдат и офицеров достигло трех с половиной миллионов. При отходе Красная армия придерживалась тактики выжженной земли. Из областей, которые невозможно было удержать, эвакуировали заводы, людей, скот и запасы продовольствия. Всего на восток вывезли около 550 предприятий и свыше трех миллионов квалифицированных рабочих.

Немало граждан УССР приветствовали летом 1941 года немецкие войска в надежде, что вместе с советской властью уйдут в прошлое и годы террора. Это происходило не только в западных областях, включенных в состав УССР год или полтора назад, но и в центральных и восточных. Украинцы не забывали о злодеяниях большевиков. Кое-кто верил, что “национал-социализм” принесет блага настоящего социализма, другие просто рассчитывали на повышение уров-

ня жизни. Когда на зарплату едва можно было купить пару обуви, легко было предаться мечтам о том, как “европейцы” из Германии освободят Украину от московского гнета и облегчат ей жизнь. Многие тепло вспоминали довоенную Австро-Венгрию и даже оккупационный режим 1918 года. На фоне ужасов сталинизма армия Вильгельма II вела себя вполне прилично. Потому и в начале новой войны многие думали, что немцы восстановят украинское государство, как при гетмане Скоропадском. С чем бы ни связывали свои ожидания наивные обитатели Украины, реальность нового режима оказалась крайне сурова — убийственно сурова.

Изначально судьбу Украины под властью Третьего рейха должен был определять министр оккупированных восточных земель Альфред Розенберг — остзейский немец, который учился среди прочего в Москве. Он задумал ослабить Россию и поддержать тех, кто хотел отделения от нее: украинцев, белорусов, прибалтов, грузин. Его план предусматривал создание ряда зависимых от Германии государств: Украины, Белоруссии, Балтийской федерации (сходную роль он отводил и Финляндии). Советники Розенберга даже выступали за расширение территории Украины вплоть до Волги. Но куда больше влияния в Берлине имели Генрих Гиммлер, руководитель нацистских спецслужб (а позднее и министр внутренних дел), и Герман Геринг, президент рейхстага и министр авиации. Им, как и прочим приверженцам расовой теории, не терпелось воплотить ее на деле, а главное — выжать из недавно завоеванных стран все богатства до последнего. Модель Восточной Европы по Брестскому миру 1918 года, с формально независимой и подконтрольной немцам Украиной, летом 1941 года уступила место расчленению и безжалостной эксплуатации, идеологический фундамент которых заложил сам Гитлер в “Майн кампф”.

Украинские земли, оккупированные Германией, поделили на три части. Галичину включили в так называемое Генерал-губернаторство, расположенное на территории захваченных в 1939 году Малопольши (не так давно — Западной Галиции) и Варшавы с округой. Более половины территории УССР, от Волыни на северо-западе до Приазовья на юго-востоке, а также южные районы БССР с Брестом, Пинском и Мозырем выделили в рейхскомиссариат Украина. Северо-восточные и восточные районы Украины, от Чернигова до Луганска и Сталино (нынешнего Донецка), оставались под управлением военной, а не гражданской администрации, поскольку линия фронта проходила слишком близко. Разделение Галичины и Волыни и объединение последней с центром Украины показывало, что для немцев сохраняла значение австро-российская граница, проведенная в конце XVIII века. Впрочем, подлинное разочарование тех, кто едва успел отойти от большевистского гнета, было еще впереди. Им предстояло узнать, что гитлеровская Германия имела мало общего с Германией Гогенцоллернов.

Первыми на себе это испытали члены ОУН. Организация раскололась надвое в 1940 году, вскоре после выхода на свободу Степана Бандеры, одного из наиболее радикальных ее вождей. Недавний польский узник устроил вместе с другими горячими головами мятеж против старых кадров и вскоре возглавил революционную (бандеровскую) ОУН. В феврале 1941 года они заключили соглашение с германской военной разведкой — абвером — о формировании из бандеровцев двух диверсионных батальонов. 29 июня один из этих батальонов, "Нахтигаль", вошел во Львов с первыми частями вермахта, и на следующий день члены ОУН(б) с помощью его бойцов провозгласили независимость Украины. Это положило конец сотрудничеству рейха с организацией. У фюрера были совсем другие планы на страну, поэтому Бандера

и десятки однопартийцев оказались под арестом. Денонсировать акт о независимости 30 июня Бандера наотрез отказался, поэтому его отправили в Заксенхаузен, где он провел три года. Схватили и двух его братьев — они погибли в Аушвице.

За несколько дней ОУН(б) из союзника Гитлера превратилась в его врага. ОУН(м) — более умеренная фракция во главе с Андреем Мельником, воспользовавшись тем, что оккупанты нейтрализуют бандеровцев, направила в Центральную и Восточную Украину походные группы. В их задачи входили организация ячеек националистов, внедрение собственных кадров в новые органы власти, школу и прессу, пропаганда среди местного населения. В конце 1941 года оккупационный режим в рейхскомиссариате Украина уже сточили, и расчеты ОУН(м) не оправдались. Карательные органы рейха расстреляли сотни оуновцев в Киеве и других городах. Уже в 1942 году оба крыла ОУН ясно понимали, что с немцами им не по пути.

Жители Центральной и Восточной Украины поняли, насколько оккупанты 1941 года отличаются от предыдущих. Когда увидели, что ждет пленных красноармейцев. Оккупанты, собственно, пришли в 1918 году — теперь их сменили колонизаторы, которые ни в грош не ставили жизнь “недочеловека”.

СССР в свое время не подписал Женевскую конвенцию 1929 года об обращении с военнопленными. Первое в мире государство рабочих и крестьян не желало играть по правилам капиталистов. Когда в Кремле спохватились, было уже поздно. Гитлер и не думал давать советским пленным те же права, какими пользовались, например, британские. За воинами западных держав признавали какое-то человеческое достоинство, принимали в расчет их звания, им оказывали медицинскую помощь, не морили голодом и холо-

дом. Советских пленных всего этого лишили. Тех, кто хотел сдаться, солдаты противника часто попросту убивали на поле боя. 6 июня 1941 года германское командование издало приказ именно так расправляться с комиссарами, политруками, служащими НКВД и евреями. Гибли порой и офицеры, а также мусульмане, которые не могли доказать, что обрезание не означает их принадлежности к ненавидимой Третьим рейхом расе. Те, кому удалось выжить, прозябали в лагерях — брошенных фабриках или школах. Иногда их просто держали в чистом поле, обнесенном колючей проволокой.

Смерть поджидала многих еще по пути в концлагерь. На марше охрана без колебаний пристреливала раненых, больных, истощенных до предела. Местные жители при случае кормили пленников и помогали им чем могли. Они помнили о собственных сыновьях, братьях и мужьях, мобилизованных в Красную армию, и надеялись, что о них тоже кто-нибудь позаботится. В лагерях пропитанием узников пренебрегали, поэтому в них обычным делом стали голодная смерть и даже каннибализм. Болезни уносили жизни тех, кто ухитрялся прожить на скудном рационе. С “недолюдками”, как именовала славян нацистская пропаганда, обращались бесчеловечно. За эти преступления идеология ответственна только отчасти. Имело значение и то, что генералитет не предусмотрел возможности захвата в плен миллионов людей. В первые месяцы войны красноармейцев убивали и морили голодом, просто чтобы избавиться от них. Только в ноябре 1941 года в Третьем рейхе поняли, что в тылу не хватает рабочих рук и пленными можно заткнуть эту брешь. За время войны в лагерях умерло свыше 60% солдат и офицеров, взятых в плен на Восточном фронте.

Украинцам, как и другим обитателям западных окраин СССР, в лагерях приходилось несколько легче, чем русским и выходцам из Средней Азии. Поначалу их не боялись на-

столько, что даже отпускали домой. Например, директива от сентября 1941 года предписывала освобождение всех украинцев, белорусов и уроженцев Прибалтики. Уйти из лагеря позволяли по просьбе родственников (иногда женщины забирали незнакомых под видом мужей) или по факту происхождения из определенной области. Такие льготы отменили в ноябре 1941 года, но десяткам тысяч украинцев — если не сотням, — призванных в Красную армию и взятых в плен в первые месяцы войны, удалось избежать лагерных мук и вернуться домой. Кроме того, в лагерях украинцев, белорусов, литовцев и прочих чаще русских набирали в полицейские батальоны. Тем предстояло охранять территорию, предназначенную для очистки от туземцев и расселения колонистов из высшей расы. Когда же в Берлине поняли, что восточноевропейский эдем для немцев придется отложить, тысячи полицейских отправили стеречь концлагеря и лагеря смерти в Польше.

Кошмар жизни под оккупацией превратил некоторых советских военнопленных из жертв в пособников нацизма. В печально известном лагере Аушвиц первыми жертвами газовых камер стали красноармейцы — именно на них испытывали в сентябре 1941 года “Циклон-Б”. Затем в те же газовые камеры евреев загоняла набранная из пленных охрана (немцы окрестили их “травниками”, поскольку обучались они в лагере Травники близ Люблина). При этом одежду уничтоженных людей собирали и сортировали отобранные начальством заключенные, тоже евреи. Выживание в нацистской машине смерти, как правило, покупалось соучастием в злодеяниях. Оккупанты превратили всю Украину в один огромный концлагерь. Как и в лагере, по всей стране грань между сопротивлением и коллаборацией, жертвой и сообщником нацистов стала размытой — хотя и вполне различной. Каждый делал свой выбор, и тем, кто выжил, пришлось жить после войны с памятью о своих поступках.

Холокост, или, в нацистской терминологии, “окончательное решение еврейского вопроса”, занимает первое место в ряду зверств нацистов в годы оккупации Украины, хотя выделить что-либо в этом ряду непросто. Большинство убитых евреев даже не доехали до Аушвица или других лагерей смерти. Айнзацгруппы СС при помощи набранной из местных жителей полиции расстреливали их на окраинах тех городов и сел, где они жили. Массовые казни начались летом 1941 года на всех занятых вермахтом территориях. В январе 1942-го нацистские бонзы собрались на Ванзейскую конференцию (в пригороде Берлина) для выработки процедуры истребления евреев в оккупированных странах Европы. К тому времени эскадроны смерти Третьего рейха успели умертвить около миллиона мужчин, женщин и детей. Евреев убивали открыто, порой на глазах других местных жителей, а если те и не видели казни, то почти всегда слышали выстрелы. Катастрофа еврейства на Украине и в других западных республиках Советского Союза не только уничтожила одну этническую и религиозную группу физически, но так или иначе травмировала все остальные.

Жертвами “окончательного решения” стали около шести миллионов евреев. Девятьсот тысяч из них жили на Украине. Печально известен Бабий Яр — по числу казненных это урочище занимает первое место. За два дня 1941 года зондеркоманда 4а (айнзацгруппы “Ц”) с помощью немецкой и местной полиции расстреляла около 34 тысяч киевлян. Расправу устроили 29 и 30 сентября по приказу генерал-майора Курта Эберхарда, военного губернатора украинской столицы. После войны, в американском плену, он покончит с собой.

Эберхард преподносил это массовое убийство как возмездие. Через пять дней после ухода Красной армии из Киева 19 сентября, во многих зданиях в центре города взорвались

мины, заложенные агентами НКВД. Как легко было предположить, командование оккупационных войск заняло часть помещений в этих домах, поэтому взрывы нанесли немцам довольно заметные потери. Немецкая пропаганда изображала войну на востоке походом против “жидокоммуны”, упорая на еврейское происхождение части российских большевиков. И вот теперь оккупанты объявили евреев и советских агентов в общем одним и тем же. Они эксплуатировали эту тему как могли во Львове, Кременце и других городах Западной Украины. При бегстве от вермахта НКВД уничтожало в тюрьмах политзаключенных десятками тысяч — как правило, местных украинцев и поляков. Нацисты подстрекали их родных и знакомых к еврейским погромам “в отместку” за преступления коммунистов. В августе, однако, в Берлине сменили подход. Гиммлер, рейхсфюрер СС, велел уничтожать еврейские общины целиком, с женщинами и детьми. Настало время “окончательного решения”

В Киеве расклеили листовку: “Все жида города Киева и его окрестностей должны явиться в понедельник 29 сентября 1941 года к 8 часам утра на угол Мельниковой и Доктеривской (возле кладбищ). Взять с собой документы, деньги и ценные вещи, а также теплую одежду, белье и пр. Кто из жидов не выполнит этого распоряжения и будет найден в другом месте, будет расстрелян”. (Правильно: Мельникова и Дегтяревской; видимо, листовку писал неместный.) Евреи — главным образом женщины, дети и старики, поскольку большинство мужчин призвали, — думали, что их собирают просто для выселения. На первое октября пришелся Йом Кипур, Судный день. Тех, кто явился по приказу, отводили к воротам еврейского кладбища. Там у них отнимали деньги и ценные вещи, раздевали догола и расстреливали группами по десять человек на склоне оврага. Бабий Яр занимает особое место в истории — это была первая попытка уничтожить

еврейскую общину в большом городе цивилизованной страны. Но эта трагедия стоит в ряду многих других, не менее жутких. В конце августа 1941 года немецкий полицейский батальон расстрелял свыше 23 тысяч евреев, главным образом — беженцев из Закарпатья, находившегося под властью Хорти. В октябре около 12 тысяч убили в овраге на окраине Днепропетровска (теперь Днепра), возле нынешнего ботанического сада национального университета. В декабре та же участь постигла 10 тысяч харьковских евреев в Дробицком Яру, на территории тракторного завода — жемчужины в короне советской машиностроительной промышленности.

Румынский диктатор Ион Антонеску относился к евреям ничуть не лучше своего покровителя фюрера. Румыния вернула потерянные в 1940 году Бессарабию и Северную Буковину, добавив к ним территорию между Днестром и Бугом, от Одессы до Жмеринки. В октябре 1941 года Антонеску велел казнить 18 тысяч евреев в отместку за взрыв в Одессе и гибель множества офицеров — советские агенты разрушили здание, где разместился румынский штаб. В селе Дальник повторилась трагедия Бабьего Яра. Всего в зоне румынской оккупации за Днестром погибло до 180 тысяч евреев. Еще 100–150 тысяч жертв насчитывается в Бессарабии и Северной Буковине. Галицийских евреев, как и тех, что жили в других округах Генерал-губернаторства, согнали после введения нового порядка в созданные нацистами гетто и убили в течение 1942 года. Отправляли их в лагеря смерти полицейские из числа украинцев и евреев, которыми командовали представители “высшей расы”. Местные жители — скорее из жадности, чем юдофобии — нередко выдавали соседей властям, не упуская случая разграбить их имущество. Большинство, впрочем, просто занималось своими делами.

Холокост на Украине отличался от центрально- и западноевропейского еще и тем, что спасавшие евреев могли поте-

рять не только свободу, но и жизнь. И погубить свои семьи. Тем не менее не так уж мало нашлось людей, которые укрывали несчастных от палачей. К 1 января 2016 года Израиль признал более 2,5 тысяч граждан Украины “праведниками народов мира” в благодарность за сохраненные в годы войны жизни. Список все еще пополняется. Заметно отсутствие в нем митрополита Андрея Шептицкого, притом что сотни потенциальных жертв укрылись в его резиденции и в грекокатолических монастырях Галичины. В феврале 1942 года в письме Гиммлеру он выступил против использования украинской полиции в депортациях и уничтожении евреев. Рейхсфюрер не остался полностью глух. Митрополиту передали такой ответ: не будь он столь почтенным старцем, его бы расстреляли. Через несколько месяцев он опубликовал самое известное из своих пастырских посланий — “Не убий”. Самона каждой церкви прихожан учили святости человеческой жизни. Всем было ясно, что Шептицкий осудил “окончательное решение еврейского вопроса”. Митрополита Андрея не включили в список праведников, потому что летом 1941 года он приветствовал изгнание из Галичины вермахтом советских оккупантов. Чего бы ни ждали от немецкого правления Шептицкий и его земляки, их надежды рухнули очень скоро.

Оккупационный режим на разных территориях гитлеровского “Жизненного пространства” отличался степенью жестокости. Румыния не нуждалась в Одессе, а лишь хотела обменять ее на Трансильванию, отданную незадолго до войны Венгрии, поэтому оккупанты подвергли юго-запад Украины безудержному разграблению. Политика Германии по отношению к украинцам была относительно мягче на территории, оставленной под военным управлением, и в бывших владениях Габсбургов.

Хуже всего пришлось областям, включенным в рейхскомиссариат. За ряд самых тяжких преступлений, совершенных немцами на Украине со второй половины 1941 года, несет ответственность лично рейхскомиссар Эрих Кох. Невысокого роста, но крепко сбитый, с усиками вроде тех, что носил Гитлер, в 45 лет он был партийным вождем Восточной Пруссии. За годы службы он заработал репутацию чиновника, который выполнит волю Берлина любой ценой. На Украине его задачей было выжать как можно больше ресурсов и снизить количество населения. Кох презирал украинцев не меньше, чем европейские колонизаторы — аборигенов Азии или Африки, твердя, что “ни один германский солдат не стал бы умирать за этих негров” Он желал остановить умственное развитие украинцев на уровне не выше четырех классов образования и закрывал вузы и школы, где возраст учеников достигал 15 лет. Однажды Кох заявил: “Если я найду украинца, достойного сидеть со мной за одним столом, то должен буду приказать его расстрелять”¹. Его подчиненные расстреливали без передышки, в том числе в Бабьем Яру — на месте, где в конце сентября 1941 года убили 34 тысячи евреев. Ко времени изгнания нацистов из Киева там погибло еще не менее 60 тысяч человек: советских военнопленных и подпольщиков, украинских националистов, цыган.

Кох перенес столицу рейхскомиссариата в Ровно, волинский город, отобранный Советским Союзом в 1939 году у Польши. За двадцать с небольшим лет государственное образование под названием “Украина” получило уже третью столицу. В 1920-х годах большевики предпочли промышленный и заметно обрусевший Харьков “националистическому” Киеву, теперь же нацисты выбрали тихий город с со-

Цит. по кн. “Противники Гитлера в НСДАП. 1921–1945” В. Бройнингера.

рокатысячным населением, а не почти миллионный и уже вполне советский Киев. Над Киевом же снова, как в 1933 году, витал призрак голодной смерти. Гитлеровский проект “Лебенсраум” предполагал обращение Украины в страну чисто аграрную, без крупных городов. Берлин не хотел тратить на них продовольствие, предназначенное рейху и его войскам. Поэтому горожан держали на голодном пайке, выдавая их в село. Там они должны были превратиться в полезную рабочую силу — кормить себя и немцев. Оккупанты не упразднили колхозы, понимая, что советское изобретение облегчит им эксплуатацию крестьян. Приватизировать крупные предприятия также не захотели. Остатки украинской экономики регулировали посредством колониальной валюты, нового банка и ограничения роста цен. Миграцию населения держали под контролем при помощи удостоверений личности.

В январе 1942 года украинцев подвергли новому виду эксплуатации — принудительному труду. Из Киева на запад выехал поезд уже не с продовольствием, а оstarбайтерами (“восточными работниками”). Молодежь соблазнила перспектива получить работу, пристойные условия жизни и шанс повидать Европу. В газетах печатали объявление “Германия зовет вас!”, призывая добровольно ехать туда на работу. На одном плакате под заголовком “Стена пала” показаны украинцы, что выглядывают через дыру в стене между СССР и Европой. Вдали виднеются старинные германские города. Текст гласит: “Сталин построил вокруг вас высокую каменную стену. Он хорошо понимал, что тому, кто раз увидит чужой мир, станет очевидной вся убогость большевицкого режима. Теперь эта стена пробита и открылся путь к новому, лучшему будущему”. Молодых крестьян привлекала возможность выбраться из своих сел в большой мир. Нашлось немало тех, кто воспринял ее с энтузиазмом.

Реклама завела людей в ловушку. На фабриках ли, в хозяйствах ли немецких бауэров украинцы и украинки пребывали на положении рабов. В глазах властей и многих из немцев любой, кто вынужденно носил знак *OST*, оставался недочеловеком. На Украину дошли вести о том, каково приходилось остарбайтерам, и оккупантам с каждым месяцем было все труднее выполнять норму в 40 тысяч рабочих для Германии. Людей теперь стогнали на пересыльные пункты и сажали в поезда принудительно. Всего за 1942–1943 годы около 2,2 миллиона украинцев отправили на запад, обычно силой. Тысячи умирали от недоедания, болезней, бомбежек союзной авиации — особенно те, кого поставили к станку на военных заводах. В конце 1944-го и в 1945 году, в ходе победного наступления Красной армии, большинство одновременно с освобождением узнало фильтрационные лагеря, а некоторые — и лагеря ГУЛАГа. Только 120 тысяч остались в западных зонах оккупации Германии на положении перемещенных лиц. Нацисты обращали людей в подобное рабство не только на Украине, но именно Украина стала их главным охотничьим угодьем. Ее граждане составили около 80% всех остарбайтеров, вывезенных в Германию из оккупированной Восточной Европы за годы войны.

К лету 1943 года стало ясно, что план по созданию в богатой черноземом степи эдема для немецких земледельцев останется на бумаге. Гитлер провел на Украине немало времени летом и осенью 1942 года. В сосновом бору неподалеку от Винницы советские пленные по указаниям инженеров рейха возвели самый восточный из всех его бункеров — “Вервольф”. Побывал он там и весной 1943 года, но 15 сентября оставил резиденцию уже навсегда. В тот день фюрер велел армиям южного отрезка фронта занять линию обороны по Днепру.

Спустя неделю РККА захватила плацдарм севернее Киева, пробив в оборонительном валу первую брешь. Немцы взорвут подземные помещения “Вервольфа” перед тем, как оставить Подолье ранней весной 1944 года.

Грезы о завоеваниях и “Жизненном пространстве” развеялись, но потоки крови, которыми пришлось их оплатить, не иссякали. Украина стала кладбищем для миллионов украинцев, русских, евреев, поляков и других народов. “Еврейский вопрос” на Украине нацисты почти сумели “решить”. С юга Украины и Волыни исчезли немецкие поселенцы (меннониты и прочие) — те, кого не депортировали при отступлении в 1941 году, бежали теперь на запад вместе с вермахтом. Поляки Галичины и Волыни подвергались нападениям украинских националистов. Когда победа в Курской битве летом 1943 года открыла офицерам и чиновникам Сталина дорогу на Украину, перед ними лежала совсем не та страна, которую они спешно покинули летом и осенью 1941 года. Города опустели, заводы и фабрики лежали в руинах.

Те, кто выжил, радовались приходу освободителей, но у вождей возникли сомнения в искренности их порыва. Эти люди нашли способ выжить под оккупацией и слишком долго находились вне зоны действия пропаганды — они могли научиться видеть большевистский режим другими глазами. Верующие привыкли к единственной льготе, которую им дали нацисты, — свободе культов. Мировоззрение многих людей, которые прежде не воспринимали себя в первую очередь в категориях этноса, теперь переменялось — ведь при немцах от этнической принадлежности весьма часто зависела жизнь. Это несло угрозу коммунистическому строю. До 1980-х годов советские граждане заполняли бесчисленные анкеты. Среди множества вопросов был и такой: находились ли они и их родственники под оккупацией. Рядом стоял вопрос о судимости.

Глава 23

Победители

Советские войска выбили немцев из Киева 6 ноября 1943 года. Хрущев, 49-летний генерал-лейтенант и член военного совета 1-го Украинского фронта — именно его армии вошли в город, — ликовал. До войны он был партийным вождем УССР, хорошо знал столицу и пригороды. Теперь он въезжал в Киев по той же дороге, по которой до войны навещался на дачу. Хрущев увидел, что центр не так уж сильно и разрушен — нацисты, в отличие от большевиков в сентябре 1941 года, не стали взрывать тамошние дома. Но вот горожан почти не осталось. За сутки до этого Красная армия подгоняла отступавших бомбардировкой.

Когда Хрущев вместе со свитой подъехал к оперному театру — это здание за два квартала от Крещатика чудом уцелело при попытке подорвать его в 1941 году, — к ним подбежал взволнованный мужчина. “Я единственный еврей в Киеве, который остался в живых”, — повторял он. Никита Сергеевич успокаивал его и расспрашивал, как ему удалось выжить. “У меня жена — украинка. Она работала в столовой, а меня прятала на чердаке. Я и высидел все это время на чердаке. Она меня кормила и вообще спасла”. Люди стали вылезать из тайников, и через пару минут какой-то седобородый

киевлянин обнял и поцеловал вождя. Тот позднее вспомнил: “Это было очень трогательно”. На первом году войны многие желали, чтобы Красная армия убралась как можно дальше, но теперь в ее солдатах искренне видели освободителей. Добилась такого поворота не советская власть, а оккупанты, которые два года хозяйничали в Киеве. Те, кто там и не стал лучше относиться к коммунистам, город покинули. Они ушли с немцами на запад — в их числе и немало украинских интеллигентов.

На протяжении следующего года немцев изгонят с остальной территории Украины, но под контроль коммунистов она перейдет окончательно только после завершения разгрома Третьего рейха. В июне 1945 года Сталин изменит западную границу — в состав УССР войдут не только польские воеводства, аннексированные по итогам пакта Молотова—Риббентропа, но и Закарпатье. Чехословакия не смела возражать. Победитель получал все, что хотел.

Хрущев мечтал вернуться в Киев уже в те дни, когда отступал оттуда в сентябре 1941 года. Весной 1942 года, вскоре после того, как вермахт отбросили от Москвы, он убеждал Сталина нанести контрудар на Украине — отвоевать Харьков, прежнюю столицу, и подойти к Днепропетровску, еще одному промышленному центру. 12 мая началось наступление, в ходе которого советские танки прорвали оборону врага в свободской степи южнее Харькова. Но продвижение на юго-запад почти без сопротивления со стороны немцев наводило на мысль о ловушке. Немцы готовили котел — повторение кошмара прошлого года. Хрущев просил Сталина прекратить операцию, но диктатор отказал. Да и войска на Барвенковском выступе было уже не спасти. За 18 дней очередной катастрофы на фронте Красная армия потеряла 280 тысяч че-

довек убитыми, ранеными и пленными. Когда Сталин спросил Хрущева, не врут ли немцы, что захватили в плен двести тысяч, тот ответил: “Нет, товарищ Сталин, не врут”. Хозяин Кремля обвинил его в разгроме, и только присутствие других членов Политбюро при том разговоре, когда вождь пренебрег советом и не дал отбой непродуманной авантюре, уберегло Хрущева от беды.

Битва за Украину оказалась долгой и кровавой. Перелом наступил под Сталинградом в начале 1943 года, когда Красная армия разгромила миллионную группировку Германии и ее союзников. Сразу же после победы командование развернуло наступление на широком фронте. Благодаря этому удалось вернуть Курск, Белгород и 16 февраля — Харьков. Но фельдмаршал Манштейн ответил контрударом, отбросил 52 советских дивизии и снова взял Харьков и Белгород. Окончательно немцев выбили из этих городов только в августе 1943 года, после победы на Курской дуге. Восьмого сентября красное знамя вновь подняли над Сталино (Донецком). К концу года под контроль СССР попал уже весь левый берег Днепра. Во многих местах на фронте в 1400 километров Красная армия пробила Восточный вал — оборонительную линию, которой Гитлер надеялся удержать хотя бы Правобережье. Советское командование вывело в поле два с половиной миллиона солдат, вдвое больше, чем у противника. Бои шли с невиданной силой. По осторожным оценкам, Советский Союз потерял свыше миллиона убитыми и ранеными, Германия — полмиллиона с лишним. Никто не считал погибших среди мирных жителей, а их было очень много.

Как первое лицо КП(б)У, Хрущев стал одним из организаторов деятельности советских партизан на оккупированной территории Украины. Злодеяния нацистов приводили мирных людей в ярость. Хотя в городах действовали десятки, если не сотни ячеек подпольщиков, леса давали лучшее

укрытие крупным партизанским отрядам, и те повели против немцев долгую изнурительную войну. Очагами партизанского движения стали лесные северные районы Сумской, Черниговской и Киевской областей, леса и болота Воыньи предгорья Карпат. Кроме географии, бойцов объединяли ненависть к немецким оккупантам и любовь к родине. Разделили же идеология и старая советско-польская граница. К востоку от нее народное сопротивление возглавили коммунисты, к западу — националисты.

Как правило, отряды красных инсургентов формировала советская тайная полиция. Распоряжения и боеприпасы они получали от Украинского штаба партизанского движения во главе с генералом НКВД Строкачем. Один из прославленных партизанских командиров, Сидор Ковпак, возглавлял до войны горисполком Путивля. Ковпак дрался в рядах красных повстанцев против гетманской и германской армий в 1918 году, учился в спецшколе НКВД по подготовке организаторов войны в тылу врага. Советские партизаны проявили себя в начале 1942 года нападениями на гарнизонные части и сотрудников оккупационных властей. После успеха в битве под Сталинградом, когда Красная армия начала продвижение на Украину, внутренний фронт стал серьезной проблемой для нацистов. В 1942 году число партизан не превышало пяти тысяч, к 1944 же году оно выросло почти вдесятеро.

Немцы понимали, что они проигрывают войну не только на фронте, но и в тылу. Пошатнулся их контроль над Украиной, страдали коммуникации и транспорт. Ответом стал террор против мирного населения — жгли целые села жителей которых винили в вольном или невольном снабжении партизан. Подразделений вермахта в тылу не хватало, поэтому в дело пошла полиция, набранная из местных жителей. В карательных батальонах немало встречалось бывших

коммунистов и комсомольцев — ведь вступали туда обычно не по убеждению, а ради спасения от голода и немецких репрессий. Земляки воевали теперь друг против друга, и партизанская война оборачивалась жуткими вендеттами. Ее жертвами часто становились не партизаны и полицейские, а их близкие. Зимой 1942–1943 годов все понимали, что блицкрига не будет, поэтому полицейские все чаще уходили в лес сами. Коллаборанта не всегда можно было отличить от бойца сопротивления. Война тянулась долго, и тысячи людей за эти годы побывали то в одной, то в другой роли.

После занятия Киева Хрущев погрузился с головой в административную работу. Надо было собрать под крышей УССР те земли, что давно принадлежали большевикам, и те, где их режим до войны не успел толком укорениться. В начале 1944 года линия фронта перешла на правый берег Днепра. К концу марта советские войска достигли предвоенной границы с Румынией, заняли Воынь, вторглись в восточные районы Галичины. В октябре — пересекли Карпаты и выбили немцев из Закарпатья. Пропаганда преподносила это как окончательное воссоединение Украины. Никто и не думал возвращать область Чехословакии или Венгрии. Сражения на западе Украины унесли жизни более полумиллиона красноармейцев.

Вспоминая о принудительной реинкорпорации Западной Украины в советскую державу в 1944–1945 годах, Хрущев писал: “Отбросив немцев на запад, мы встретили старого врага — украинских националистов” Чаще сталинские пропагандисты называли их “бандеровцами” — поскольку среди партизан-националистов наиболее влиятельна была фракция ОУН, чьим лидером считали Степана Бандеру. Так стали называть любого воина УПА — Украинской повстан-

ческой армии, образованной приверженцами Бандеры. Название это далеко не во всем правдиво. Во-первых, не каждый в рядах УПА разделял догмы интегрального национализма или принадлежал к ОУН(б). Во-вторых, сам Степан Бандера так и не вернулся на Украину после того, как был арестован немцами летом 1941 года, и ни в коей мере не командовал армией, окрещенной его именем. В Заксенхаузене и потом в западногерманской эмиграции он стал человеком-знаменем, символом, но не лидером движения.

Летом 1944 года УПА выросла до 100 тысяч бойцов и билась в тылу советских армий, нападая на отдельные части, разрушая коммуникации. Из ее вождей более других известен Роман Шухевич, бывший командир с украинской стороны батальона “Нахтигаль”. Впрочем, не он один прошел немецкую школу. Немало националистов-полицейских ушло в леса Западной Украины в первой половине 1943 года. Хотя главными врагами они считали немцев, в 1943 году войну вели прежде всего против поляков. Долгая вражда между двумя народами на Волыни и Галичине, которую обострило нарастание взаимного недоверия с начала Второй мировой войны, привела весной 1943 года к началу массовых этнических чисток — сожжению целых сел и убийству тысяч мирных жителей.

Сигналом к началу украино-польского конфликта стал приход на Волынь по окончании Сталинградской битвы советских партизан Ковпака. Некоторые осадники (польские поселенцы) помогали им, надеясь на союз против “бандеровцев”. Украинские и польские историки и теперь спорят о том, отдавало ли командование УПА недвусмысленный приказ развернуть кампанию против польских сел — а если да, то на каком уровне. Но очевидно, что поляки в ходе этнических чисток страдали гораздо сильнее. От рук польских боевиков на западе Украины погибло от 15 до 30 ты-

сяч человек, от рук боевиков УПА — от 50 до 100 тысяч, то есть вдвое или втрое больше. Немецкие оккупанты, хотя и не приветствовали военные действия у себя в тылу, в то же время натравливали обе стороны друг на друга, иногда снабжая их оружием. Властвовать над волынской глубинкой им было не под силу, зато они могли ее разделить. На руку им были и действия УПА против наступавшей Красной армии.

Одним из неожиданных успехов УПА стала ликвидация Николая Ватутина, генерала, командующего 1-м Украинским фронтом. 29 февраля 1944 года, при возвращении из Ровно (бывшей столицы рейхскомиссариата), он попал в засаду боевиков, получил смертельную рану и умер 15 апреля в Киеве. Похоронили его в центре города, в присутствии Хрущева, который после войны предложил надпись для монумента: “Генералу Ватутину от украинского народа”. Никита Сергеевич думал, что такая надпись разъярит националистов, но партийные пропагандисты в Москве усмотрели в ней как раз национализм. Хрущев обратился к Сталину, и диктатор одобрил его идею. Надпись по-украински нанесли на воздвигнутый в 1948 году постамент. Памятник Ватутину возвышается в Киеве и теперь — одно из бесчисленных свидетельств неоднозначного образа войны на Украине.

В битвах Второй мировой украинцы принимали участие с разных сторон конфликта. Абсолютное большинство их дралось в рядах Красной армии. СССР мобилизовал свыше семи миллионов граждан Украины разного этнического происхождения. Из Украины происходил каждый шестой солдат. Половину призвали в первые месяцы войны, еще столько же — в 1943 и 1944 годах. Тысячи людей, отпущенных немцами из плена домой летом и осенью 1941 го-

да, немедленно ставили под ружье, как только вермахт изгоняли с их малой родины. Они известны под именем “чернопиджачников”, ведь очень многих бросили на фронт без подготовки, не дав хотя бы обмундирования, иногда и боеприпасов, и оружия. Военное командование пренебрегало жизнью “предателей” — они, мол, сидели тихо под оккупацией. Большинство “чернопиджачников” погибло недалеко от родного дома за считанные дни после прихода долгожданных “освободителей”

Сталин несколько не колебался, призывая украинцев в Красную армию. Нацисты же долго отвергали идею пополнения регулярных формирований людьми с покоренных земель. Другое дело — в роли добровольных помощников (хиви). На вспомогательную службу вступило около миллиона советских граждан, на уроженцев УССР приходилась примерно четверть из них. После разгрома под Сталинградом немецких солдат вермахту уже не хватало, и подход начал понемногу меняться. Из представителей “низших рас” формировали соединения “Ваффен-СС” — военного крыла печально знаменитой карательной организации Гиммлера. В такие дивизии набирали добровольцев из почти всех народов Европы: французов, скандинавов, русских, украинцев и других. За два последних года войны около 20 тысяч украинцев побывало в рядах 14-й гренадерской дивизии “Ваффен-СС” “Галиция”

Идею образования такой дивизии активно продвигал Отто фон Вехтер, губернатор Галиции. Уроженец Венны, он разыгрывал старую австрийскую партию — поддерживать украинцев, чтобы ослабить поляков. При нем возросло и количество украинских школ. В Галиции оккупанты запрещали политические объединения, преследовали членов ОУН, но сквозь пальцы смотрели на украинские общественные, культурные и даже научные структуры — это был

далеко не рейхскомиссариат. Вехтер полагал, что украинец достаточно лоялен, чтобы доверить ему оружие. В Берлине, однако, далеко не каждый разделял такой взгляд на “недочеловека”. В итоге дивизию решили окрестить галицийской, а не украинской — жители Галичины, как бывшие подданные Габсбургов, казались более “окультуренными” и надежными, чем их соплеменники к востоку. Рейх не только делил Украину по старой русско-австрийской границе, но и в какой-то мере следовал в бывшем коронном крае рецептам Габсбургов. В дивизию набирали только галичан, Украину в ее названии и символах никак не упоминали.

Объявленный в апреле 1943 году набор добровольцев в дивизию расколол еще сильнее нелегалов-националистов. Бандеровцы категорически запрещали своим последователям надевать форму СС, сторонники Андрея Мельника формирование поддержали. Дискуссии разгорелись и у политиков умеренного направления, включая иерархов грекокатолической церкви. Те, кто призывал земляков записываться в дивизию, тоже пребывали в плену воспоминаний о “старушке Австрии”. В 1918 году наличие в армии Габсбургов легиона украинских сечевых стрельцов позволило жителям Галичины обзавестись кадровыми военными и оружием для войны за независимость от Польши. Многие украинцы думали теперь, что история повторится. Мало кого радовало немецкое правление на Украине, еще меньше людей разделяло идеи нацизма, и никто не верил в будущее рейха после поражений под Сталинградом и на Курской дуге. Только неприятие коммунизма и холодный расчет служили причиной сотрудничества германских властей и украинской элиты.

Родители под влиянием таких политиков умеренного толка нередко подталкивали сыновей записаться в дивизию — это выглядело меньшим злом, чем уйти в лес к бандеровцам или покорно ждать новой советской оккупации.

Многие довольно скоро поймут, как жестоко ошиблись. После военного обучения дивизия во главе с немецкими офицерами прошла крещение огнем в июле 1944 года под Бродами на севере Галичины. Крещение, однако, превратилось в отпевание — Красная армия окружила ее вместе с группировкой вермахта. Общие потери достигли 38 тысяч, из них 17 тысяч попало в плен. Дивизия, которая насчитывала 11 тысяч солдат, почти перестала существовать — из боя вернулось не больше четверти. Котел под Бродами фактически поставил точку в истории 14-й дивизии “Ваффен-СС” как боевой единицы. Ее пополнили новобранцами и отправили в Словакию, затем в Югославию на борьбу с партизанами. История повторилась — в виде фарса, если не трагедии. Четверть века тому назад украинцы в австрийской форме обороняли ЗУНР, теперь же украинцы со свастикой на знаменах громили хоть и прокоммунистическое, но освободительное движение братьев-славян.

27 июля 1944 года Красная армия вновь заняла Львов. Вытеснив войска рейха с Западной Украины, советский режим должен был разрешить проблему ее статуса. Львов беспокоил Хрущева тем, что поляки могли создать органы власти, лояльные к правительству Польши в изгнании (его базой служил Лондон). Никита Сергеевич немедленно выехал во Львов. Позднее он признавал: “Мы боялись, что там могут возникнуть какие-то местные органы, которые окажутся враждебными советской власти. Надо было поспешить, чтобы наши люди приступили к руководству городом. Так мы и сделали”. В 1944 году Львов оставался городом с преобладанием поляков, хотя окружали его преимущественно украинские села. Галичина превратилась в яблоко раздора между Сталиным и западными союзниками, которые при-

няли сторону лондонских эмигрантов. Действия Хрущева летом 1944 года ясно говорили о том, что Кремль и не думает удовлетворять требования Польши.

За два дня до взятия Львова Сталин нажал на членов Польского комитета национального освобождения — альтернативного коммунистического правительства Польши, образованного по его указанию, и те одобрили восточную границу возрожденного государства, проведенную примерно там же, куда Сталин передвинул благодаря пакту Молотова — Риббентропа западные рубежи Советского Союза. УССР, таким образом, сохранила Львов. В этом вождю помогло письмо от Хрущева. Никита Сергеевич просил не только вернуть Украине Львов и все, что попало в ее состав в конце 1939 года, но и добавить Холмщину — этнически наполовину украинский регион. Оттуда была родом Нина Кухарчук, жена Хрущева. Сталин шантажировал поляков словами подчиненного, и те догадались, что столицу Галичины лучше уступить — иначе отберут и Холм. И они уступили. Холм, взятый Красной армией 23 июля 1944 года, стал первым городом к западу от советско-германской линии размежевания 1939–1941 годов, над которым подняли красный флаг. Там же обосновался и упомянутый комитет национального освобождения.

В сентябре 1944 года этот орган заключил соглашение с правительством УССР о признании новых границ, а также об обмене населением — чтобы сделать их не просто политическими, но еще и этническими. Идею предлагали несложную: поляки уедут на запад, в Польшу, украинцы — на восток, на Украину. Сталин перемещал не только рубежи, но и народы — чтобы снизить риски для государства, изгнать этнические меньшинства и предотвратить возникновение какого бы то ни было ирредентизма в Советском Союзе. Националисты хотели изменить политические границы,

чтобы те совпадали с этническими, Сталин же, перекроив территории вооруженной рукой, переселял миллионы, изменяя этнические границы в соответствии с политическими.

В феврале 1945 года в Ялту прибыли для обсуждения будущего мироустройства президент США Рузвельт и Черчилль, премьер-министр Соединенного Королевства. Сталин в ходе переговоров настаивал на сохранении западных рубежей СССР в общем такими же, какие он провел в 1939 году по итогам договора с Гитлером. Лидеры западных демократий уступили, и перемещение поляков и украинцев — оно уже шло полным ходом — получило таким образом легитимный характер. Кремль добился также для Украинской и Белорусской ССР места в ООН, что придало дополнительную прочность их границам. На Потсдамской конференции, где после разгрома Германии вновь собрались руководители Советского Союза, Соединенных Штатов и Великобритании, Запад дал согласие компенсировать территориальные потери Польши за счет немецких Силезии, Померании и Восточной Пруссии (кроме будущей Калининградской области). Сталин велел изгнать с этих земель свыше семи с половиной миллионов немцев, освобождая дома для поляков, выселенных из “кресов” Второй Речи Посполитой. Последних выпроваживали оттуда еще до захвата Красной армией Силезии и Померании. В сентябре 1944 года, например, львовские поляки — их новой родиной должен был стать Бреслау (Вроцлав) — временно проживали в бывшем лагере смерти Майданек возле Люблина. На новую родину, очищенную от немцев, они попадут не сразу.

При той войне, которую вели польские и украинские националисты, не гнушаясь массовыми убийствами мирных жителей, многие предпочитали бросать родные дома, чтобы сохранить жизнь, если не имущество. Тем не менее находились и те, кто упорствовал — без толку. Под рукой

Сталина и его польских сателлитов был НКВД, набивший руку на депортациях десятка народов в годы войны. Кампанию по зачистке этнических меньшинств официально именовали “репатриацией”, возвращением на родину. Родину скорее воображаемую, поскольку основная масса депортированных покидала родные края, а не возвращалась туда. Только из Украины в новосозданную Польшу “репатриировали” около 780 тысяч поляков. Немного меньше переместили туда же из Белорусской и Литовской ССР. В числе депортированных были и 100 тысяч евреев, которые пережили Холокост.

Поляки и евреи ехали на запад, украинцы — на восток. С 1944 по 1946 годы около полумиллиона человек добровольно или вынужденно переехали в Украинскую ССР с расположенных западнее территорий. Примерно в то же время свыше 180 тысяч жителей Западной Украины сослали в Сибирь и другие отдаленные районы Союза по обвинению (часто необоснованному) в сотрудничестве с партизанами-националистами. Еще 76 тысяч украинцев поехали по той же дороге в октябре 1947 года. Депортации должны были лишить УПА ее подпольного тыла — Вторая мировая завершилась, но армия без государства оружие не сложила. Хрущев затем писал, что Сталин не отказался бы выслать вообще всех украинцев, но их было слишком много.

К такому средству прибегли, однако, польские коммунисты. В ходе операции “Висла” 1947 года с юго-восточных рубежей новой Польши принудительно вывезли всех до единого украинцев — 140 тысяч мужчин, женщин и детей. На их место водворили поляков. Украинцев же распределили по освобожденным от немцев территориям на западе и севере страны. Пестрый польско-украинский фронт, с населением этнически и конфессионально неоднородным, сменила польско-советская граница, проведенная словно

по линейке: там поляки, здесь украинцы. Сама Украина, что не одно столетие была полиэтничной, превращалась теперь после истребления миллиона евреев, выезда сотен тысяч поляков и немцев, в русско-украинский кондоминиум.

Сталин устроил великое переселение народов не ради националистов. Наоборот, он подавлял национализм, чтобы укрепить контроль над рубежами СССР. Их неприступность повышали не только пограничники, столбы и колючая проволока, но и беспрестанная кампания против капиталистического Запада. Ворота из Украины в Европу закрыли еще плотнее, чем в межвоенный период, да и любой другой. Ужасы нацистской оккупации поставили крест на грезах украинских интеллигентов о европеизации страны. Рейх принес на Украину Европу в виде колониальной империи — машины для эксплуатации “низшей расы”, “недочеловека”. Коммунисты играли теперь на разочаровании в Западе, ведь машина пропаганды уже начала новую войну, холодную. Долгие годы бойцов УПА будут клеймить “немецко-украинскими националистами”, ставя знак равенства между ними и гитлеризмом.

Вековые культурные границы сталинский режим двигал с той же легкостью. В марте 1946 года агенты НКВД в грекокатолическом клире добились созыва церковного собора, участников которого вынудили распустить церковь и перейти в православие (российское, само собой). На соборе не было части епископов, уже арестованных органами. В Кремле решение о роспуске УГКЦ приняли вскоре после Ялтинской конференции, осуществили же внутри тех границ, что утвердила “Большая тройка”. Закарпатье тогда не вошло еще в состав УССР, поэтому грекокатолической церкви позволили продержаться там до 1949 года, когда холодная война уже набрала обороты. Сталин католиков вообще подозревал в работе на Ватикан и западные державы.

По его велению разрывались какие бы то ни было институциональные, религиозные, культурные связи с Европой. Церковь, что так долго служила мостом между латинским и византийским христианством, упразднили. За несколько лет пять с лишним миллионов грекокатоликов номинально перешли в православие.

Одержав победу над Германией, Советский Союз военной силой передвинул свои рубежи далеко в Центрально-Восточную Европу. Коммунисты воплотили в жизнь мечту националистов — присоединили к Украинской республике земли Польши, Румынии и Чехословакии, издавна населенные украинцами.

Территориальные приобретения поставили перед правительством УССР новые проблемы. После революции 1917 года большевики привязали к России Центральную Украину, удовлетворив претензии украинского движения на промышленные города юго-востока, где этнические русские нередко преобладали. Теперь же, когда Сталин завладел Волынью и бывшими провинциями Австро-Венгрии (разделенными в межвоенный период между Польшей, Румынией и Чехословакией), в советской республике выросла доля тех, кто на протяжении поколений привыкал к самоуправлению, парламентской демократии, общинной и национальной самоорганизации — почти неизвестным в центре и на востоке Украины. Столкнулся режим и с новой идеологической угрозой — радикальным национализмом, представленным крепко сбитой политической партией с мощным военным крылом, Украинской повстанческой армией.

Поглощение этих земель, то есть полная хозяйственная, социальная и культурная интеграция их в УССР и Советский Союз, продлились не одно десятилетие. Власти

предстояло еще умиротворить их, загнать партизан УПА в глубокое подполье и там уничтожить. Эта война завершится только в 1950-е годы. Чтобы стать подлинно советской, Западной Украине потребуется пройти через индустриализацию и коллективизацию, ее молодежи надо будет внушить догмы марксизма-ленинизма. Но даже с течением времени давние связи между новыми советскими властями и Центральной Европой не исчезнут. Перемещение границ превратило несоветские когда-то земли Украины во внутреннее пограничье, где Кремль пойдет на значительные уступки национальному движению в языковой и культурной областях.

Москва разыграла украинскую карту не только для международной легитимации своего контроля над бывшими польскими, румынскими и чешскими территориями, но и для советизации региона. Вновь, как в 1920-е годы, курс на украинизацию политической и культурной жизни использовался для укрепления советского режима. Но привлечение местных кадров шло медленно — им не доверяли. Поэтому на Запад направляли украинцев из центральных и восточных областей. Отсутствие местных кадров замедляло процесс поглощения региона. Кроме того, развитие украинской культуры на западе Украины в обмен на политическую лояльность помогло замедлить русификацию всей Украины. Вынужденная украинизация и унаследованные от Австро-Венгрии и межвоенной Польши привычка к национальной мобилизации и память о вооруженной борьбе за независимость превратят Западную Украину — прежде всего Галичину — в центр национально-культурного и диссидентского движения позднесоветской эпохи.

Раздел V
На пути
к независимости

Глава 24

Советская Украина

Украинская ССР стала одним из государств-учредителей ООН на конференции в Сан-Франциско в апреле 1945 года. Это повысило ее международный престиж — теперь по статусу она была ничем не хуже британских доминионов вроде Канады с Австралией, а то и даже суверенных Аргентины или Бразилии. Тем не менее около полувека уйдет на то, чтобы членство в ООН перестало быть чисто условным, а Украина обрела независимость. Избрав этот путь, республика стала соучастником процесса разрушения империй и образования на их руинах национальных держав. Этот процесс утроил количество стран на политической карте мира с семидесяти четырех по окончании Второй мировой войны до почти двухсот в наше время.

Как бы ни возрос престиж Украины благодаря членству в ООН, страна в конце войны представляла собой печальное зрелище. Извне ее выигрыш выглядел весьма завидно — ведь ее территория увеличилась более чем на 15%. На самом же деле Украина стала одной из главных жертв войны. Она потеряла до семи миллионов жителей, то есть около шестой части населения. Из 36 миллионов выживших почти треть не имела крыши над головой. Около 700 городов и 28 тысяч сел лежали в руинах. Украину лишили около 40% матери-

альных ценностей, свыше 80% промышленного и сельскохозяйственного оборудования. В 1945 году республика давала только четверть промышленной и две пятых сельскохозяйственной продукции по сравнению с довоенным уровнем.

Заводы УССР пострадали от советской тактики выжженной земли, германской деиндустриализации с деурбанизацией, а также беспощадного противоборства двух армий. Многие приходилось строить заново едва ли не с нуля. Западные советники предлагали именно с нуля, но власти решили все же восстановить те заводы и фабрики, что с такими жертвами были сооружены в 1930-е годы. Как и в первый раз, предпочтение отдавали тяжелой промышленности. С товарами народного потребления не спешили.

К 1948 году союз между Москвой, Вашингтоном и Лондоном окончательно распался. Началась холодная война. На кону стояли преобладание СССР в Восточной и Центральной Европе, военно-политическое присутствие Запада в Иране, Турции и Греции. Советская армия продвинулась до берегов Эльбы, и Украина, в отличие от межвоенного периода, уже не была в глазах Сталина пограничем, которому угрожают западные соседи. А вот ее промышленное и аграрное значение оставались неизменными. Украине предстояло поставлять оружие, продовольствие и солдат — схватка между коммунизмом и капитализмом тогда казалась неминуемой. Украинцам это сулило много пушек и мало масла. К 1950 году республика восстановила свою мощную индустрию, но с сельским хозяйством этого не вышло — довоенного уровня достигли только в 1960-е годы.

Первые десять лет мира УССР потратила на возрождение подорванной экономики, приведение в форму травмированных и растерянных людей, новое погружение в гипноз

красной идеологии того общества, что в ходе войны временно попало под контроль Германии и ее сателлитов. На западе Украины, в бывших провинциях Польши, Румынии и Чехословакии, речь скорее шла об установлении советской власти — ведь до июня 1941 года режим не продержался там и двух лет. По всей Украине заново внедряли политический, экономический и общественный уклад 1930-х годов. Поздний сталинизм потерял революционный запал, стареющий диктатор избегал экспериментов. Почти все решения, принимаемые в Кремле по любым вопросам — от военных до культурных, определялись опытом и подготовкой только что оконченной войны и подготовкой к войне с Западом, которая должна была, как думал Сталин, вспыхнуть очень скоро.

Среди тех объектов, реконструкции которых правительство СССР уделяло особое внимание, был и Днепрогэс — жемчужина индустриализации времен первой пятилетки. В 1941 году Красная армия взорвала часть ее плотины, но зато в 1943 году сумела уберечь остатки, когда немцы хотели было ее добить. Советские разведчики перерезали провода, предотвратив детонацию. Сооружение плотины и гидроэлектростанции заново стало задачей номер один только что назначенного первым секретарем Запорожской области Брежнева. Приехав летом 1946 года в Запорожье, он увидел, что Днепрогэс и возведенные вокруг него заводы лежат в руинах. Позднее он вспоминал, какое это произвело на него впечатление: «Трава уже успела прорасти сквозь железо и щебень, издали доносился вой одичавших собак, а вокруг были одни развалины да висели на ветвях обгоревших деревьев черные вороны гнезда. Подобное пришлось мне видеть после Гражданской войны, но тогда пугало мертвое молчание заводов, теперь же они и вовсе были повержены в прах»

Согласно докладу государственной комиссии, в городе не работали ни электростанции, ни водопровод. Разрушены были около 1000 многоквартирных домов, 74 школы, 5 кинотеатров, 2 института и 239 магазинов. Но Москва ждала от Леонида Ильича приведения в порядок не столько города, сколько Днепрогэса и «Запорожстали». Он выполнил поставленную задачу в рекордные сроки. Гидроэлектростанция дала ток в марте 1947 года, первый стальной лист выпустили в сентябре. В ноябре того же 1947 года в знак поощрения Брежнева перевели в соседнюю Днепропетровскую область — один из главных промышленных регионов Украины. Он покинул Запорожье все еще в развалинах, хотя и с работавшими индустриальными гигантами. По такому сценарию поднимали из руин всю республику — прежде всего промышленность. Народ тем временем страдал и умирал.

В опубликованных в 1978 году воспоминаниях (общим тиражом около 15 миллионов экземпляров) Брежнев рассказывает о тяжелом времени для городов, но ни слова не говорит о селах. А их в 1946–1947 годах поразил голод столь же суровый, как тот, что следовал за коллективизацией. Погибло около миллиона человек. Особенно бедствовал юг Украины, включая Запорожскую и Днепропетровскую области, которыми руководил будущий генсек. Само собой, он хранил молчание об очередном преступлении советской власти против крестьян — ведь и сам занимал высокий пост. Однако другой партийный вождь, начальник Брежнева на то время, не смолчал. В вывезенных тайком за рубеж мемуарах, напечатанных в США в 1970 году и неизвестных его соотечественникам до конца 1980-х, Никита Хрущев не только рисует картину голода, но и показывает, как мало могло сделать руководство республики, чтобы помочь его жертвам. Решения, что становились смертным приговором для сотен тысяч украинцев, по-прежнему принимали только в Москве.

Хрущев вину за новый голод на Украине возложил на Сталина, как и за многое другое, что постигло страну в 1930–1940-е годы, — в этом случае с полным основанием. Летом 1946 года разразилась худшая за полвека засуха, но Кремль упорно требовал от украинских крестьян хлеба, невзирая на неурожай и оставленную войной разруху. В этот раз надо было прокормить не только тех, кто трудился на заводах и стройках, но и союзников в Восточной Европе. Сталин поддерживал новые коммунистические режимы на плаву поставками миллионов тонн зерна. Чтобы предотвратить очередную катастрофу, Хрущев обратился лично к генсеку — просил ввести хлебные карточки для села, такие же, как в городе. Ответа он не получил. Более того, пошли слухи о его украинском национализме — слишком уж ревностно оберегал он жителей республики. Хрущев попал в опалу диктатора и потерял свой партийный пост. Ему оставили только государственное управление. У руля КП(б)У вновь оказался Каганович, главный украинизатор 1920-х годов и один из тех, кто устроил Голодомор в начале 1930-х.

Теперь Каганович добивался укрепления идеологического контроля Москвы над Украиной. Главной жертвой развязанной им охоты на ведьм стал поэт-неоклассик Максим Рыльский, до ноября 1946 года — председатель Союза писателей УССР. Осенью 1947 года пресса разбранила его за украинский национализм. Хотя Сталин вскоре отозвал Кагановича в Москву и Хрущев снова возглавил КП(б)У, нападки на деятелей украинской культуры не прекратились. Травля писателей и художников за “безыдейность”, “буржуазный индивидуализм”, “низкопоклонство перед Западом” развернулась тогда по всему Советскому Союзу. Руководил ею Андрей Жданов, один из главных блюстителей идеологической чистоты. В число жертв кампанейщины попали русский сатирик Михаил Зощенко и украинский Остап Вишня.

Авторам было позволено выводить только один конфликт — между хорошим и лучшим. Сатирики попросту лишились работы. Начав с писателей, партийные руководители продолжили искать крамолу среди музыкантов и ученых-историков. На Украине охота на “буржуазных националистов” достигла пика в 1951 году, когда в “Правде” раскритиковали знаменитого поэта Владимира Сосюру за патриотические стихи “Люби Украину”, изданные еще в конце войны. То, что годилось для мобилизации патриотов родного края на борьбу против иностранных оккупантов, стало национализмом теперь, когда Кремль жестко закручивал гайки на территории, что была под оккупацией.

Великая Отечественная война — так окрестили в СССР советско-германскую войну 1941–1945 годов — обеспечила дополнительную легитимность режиму, который выстоял перед вторжением Третьего рейха и отбросил врага. Но война изменила политический ландшафт Союза, дала простым людям такую самостоятельность, какой у них не было со времен Гражданской войны. Москве было нелегко внедрить заново идеологическое единообразие и привести всех к покорности, как до войны, — особенно в такой республике, как Украина. Вооруженная борьба националистов на западе Украины продолжилась до середины 1950-х годов. Галичина и Волынь (также Буковина и Закарпатье) оставались много лет фактически на военном положении, а власти не могли проводить там ту же политику, что в других частях УССР.

Украинская повстанческая армия не позволяла новой власти прочно утвердиться в западноукраинской глубинке еще в начале 1950-х годов — когда остальные антисоветские партизаны в Восточной Европе давно уже сложили оружие. Приблизительно в 1947 году командование УПА изменило подход

к ведению войны: крупные соединения разбили на отряды численностью не более полусотни, затем на еще меньшие — до десяти человек. Прямых столкновений с мощной армией противника теперь избегали, сохраняя людей для третьей мировой. Противостояние СССР и Запада, казалось, должно было со дня на день перейти в открытую фазу. Но даже мелкие группы боевиков не давали режиму покоя: атаковали партийных и государственных чиновников, срывали коллективизацию села и советизацию населения через школу. Кремль ответил волной репрессий, в том числе высылкой в Сибирь сотен тысяч украинцев, заподозренных в сочувствии подполью.

Только весной 1950 года сотрудники МГБ смогли выследить и убить Романа Шухевича, главнокомандующего УПА. Его сменил Василь Кук, но за несколько лет организованное сопротивление было в общем подавлено. Отдельные группы, которым удавалось уйти от преследования, теряли контакты друг с другом. Кое-кто пробрался на Запад через Польшу или Чехословакию и пристал к националистической эмиграции в ФРГ, где первую скрипку играл Степан Бандера. В 1951 году США и Великобритания стали забрасывать (точнее, сбрасывать на парашютах) членов бандеровской ОУН и других организаций на Украину, используя их как разведчиков. После этого Москва усилила охоту на вождей украинской эмиграции в Западной Германии. Осенью 1959 года агент КГБ Богдан Сташинский убил Бандеру, прыснув ему в лицо цианистым калием из особого пистолета. В 1961 году киллер перебежал на Запад и сознался в убийстве Бандеры и Льва Ребета, еще одного политэмигранта. Его показания в суде ФРГ развеяли какие бы то ни было сомнения: в обоих случаях приказ отдавали высшие руководители Советского Союза.

Украинский национализм, истинный либо мнимый, не был единственным объектом нападков правительствен-

ной пропаганды и операций МГБ в эпоху позднего сталинизма. В конце 1940-х годов на роль заклятых врагов назначили и советских евреев. Конечно же, немало их погибло в ходе террора конца 1930-х, но теперь они страдали именно за происхождение. К такой перемене привели начало холодной войны и появление Израиля на карте мира. Диктатор заподозрил подданных-евреев в лояльности к новому государству, посчитал их потенциальными сторонниками Запада внутри страны.

В январе 1948 года Сталин велел убить Соломона Михоэлса — известного актера, режиссера и лидера советского еврейства. Через год арестовали Полину Жемчужину, жену Вячеслава Молотова, второго человека в государстве. Еврейка с юга Украины, Жемчужина в свое время немало помогла Михоэлсу. Коммунистическая пресса обрушилась на “безродных космополитов” (эвфемизм для евреев). Многие из них исключили из партии, выгнали из карательных органов. В УССР евреи немедленно стали жертвами дискриминации. В 1952 году, на новом витке антисемитских репрессий, схватили множество врачей, обвиненных вместе с коллегами-славянами в безвременной кончине высших руководителей Союза, среди прочих — Жданова, который умер в 1948 году естественной смертью. Но вскоре на том свете оказался и Сталин — евреи смогли вздохнуть свободно. Его преемники немедленно прекратили репрессии, освободили выживших врачей. Тем не менее юдофобией по-прежнему пахло в коридорах власти Москвы, Киева и других советских столиц.

Сталин умер 5 марта 1953 года. Завершился самый жуткий период истории Советского Союза. Наследие вождя будет висеть дамокловым мечом над одной шестой частью суши

не одно десятилетие. Помимо кампании против евреев, он оставил преемникам множество других “мин замедленного действия”. Борьба против сталинизма станет одним из лейт-мотивов правления Хрущева. Однако бывшему руководителю компартии Украины понадобится время, чтобы завладеть всеми рычагами власти и открыто бросить вызов мертвому предшественнику.

Триумфальное шествие Никиты Хрущева в Кремль началось в декабре 1949 года, когда Сталин вызвал его из Львова, оторвав от командования операциями против остатков УПА. Хрущев во второй раз возглавил партийную организацию Москвы. Он прибыл в столицу СССР накануне пышного празднования 70-летия Сталина, и во время торжеств последний усаживал его рядом с собой. По другую руку диктатора восседал почетный гость из Китая — Мао Цзэдун.

В марте 1953 года Хрущев стал одним из четырех лидеров советской партийно-государственной верхушки. В июне того же года он подготовил арест Лаврентия Берии, кровника МГБ и опаснейшего конкурента. В феврале 1955 года удалось избавиться от председателя Совмина Георгия Маленкова, недавнего союзника Берии. В июне 1957 года первый секретарь ЦК совладал с заговором “антипартийной группы” Молотова и Кагановича — ближайших подручных Сталина в свое время, а в марте 1958 года возглавил еще и правительство. Успеху Никиты Сергеевича в значительной мере помогли его доверенные лица на Украине. Ее партийная организация была самой многочисленной в Союзе, ведь РСФСР собственной компартии не имела. Поэтому члены КПУ составляли крупнейшую фракцию в партийном “парламенте”.

Никита Сергеевич отблагодарил украинских сторонников, назначая их на должности в Москве. Вскоре перебрался на север Алексей Кириченко — первый этнический украин-

нец во главе компартии республики со времен Гражданской войны. В 1957 году он стал секретарем ЦК КПСС и правой рукой вождя. В число людей Хрущева входил и Брежнев, бывший первый секретарь Запорожского и Днепропетровского обкомов, который в 1960 году стал председателем Президиума Верховного Совета (формальным главой Советского Союза). В 1963 году пост секретаря ЦК занял еще один выходец из украинской номенклатуры — Николай Подгорный, который до этого сменил в Киеве Кириченко. Эти и десятки других птенцов гнезда Хрущева из УССР привозили в Москву собственных протеже. Если Иосиф Виссарионович долгие годы полагался на уроженцев Кавказа, Никита Сергеевич делал ставку на кадры из хорошо знакомой ему республики. Назначая в центральный аппарат членов украинской коммунистической и государственной элиты, он сделал ее младшим партнером русской в руководстве полиэтничной империей. Она стала заметно влиять на политику Москвы и достигла большей автономии у себя дома.

Украина явно претендовала на почетное второе место в иерархии советских республик уже в январе 1954 года, когда по всему Союзу прогремел трехсотлетний юбилей Переяславской рады. Официальная пропаганда превозносила выбор казаков — переход “под высокую руку” российского царя, — именуя это событие не иначе как воссоединением Украины и России. Выражение происходит из трудов имперских историков XIX века, которые верили в “воссоединение Руси” благодаря русским самодержцам и под их владычеством. ЦК КПСС одобрил подготовленный к дате текст “Тезисов к 300-летию воссоединения Украины с Россией”, где было растолковано актуальное значение такой формулы. Авторы опирались на слова Сталина на банкете в честь победы над Германией в мае 1945 года, когда он даровал русским

титул “руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны” Теперь за украинцами признали статус вторых в этой иерархии. Документ трактовал украинцев и русских как два разных народа, хотя и близко связанных историей и культурой.

По случаю юбилея возвели многочисленные памятники и добавили громоздкое “имени 300-летия воссоединения Украины с Россией” к названию ряда организаций, в том числе Днепропетровского университета. По иронии судьбы основал университет гетман Скоропадский в 1918 году, когда Украина была независимым от России государством и фактическим протекторатом Германии. Но самым дорогим подарком Кремля в честь “вековечной дружбы” двух восточнославянских народов стала передача Крыма в феврале 1954 года от Российской Федерации Украине. Десятью годами прежде с полуострова депортировали крымских татар, поскольку весь народ получил ярлык “коллаборантов”. Несмотря на громкие слова о дружбе русских и украинцев, что сподвигла первых на такой подарок, истинная причина передачи Крыма была куда приземленнее. Ключевую роль играла география. Полуостров, отрезанный от России Керченским проливом, сухопутные коммуникации делали полностью зависимым от материка — Украины. Крымчане нуждались в помощи республики для восстановления экономики, подорванной не только боями и немецкой оккупацией, но и высылкой татар.

В 1950 году Крым поставил государству впятеро меньше зерна, чем перед войной, втрое меньше табака и вдвое — винограда. Переселенцы из российской глубинки плохо понимали, как вести хозяйство в таком климате. Когда Хрущев наведалься туда осенью 1953 года, его машину окружили измученные люди и бомбардировали его просьбами о помощи. Никита Сергеевич немедленно направился в Киев для

переговоров о введении Крыма в состав Украины. Он полагал, что республика поможет экономически отсталой области, направит туда агрономов, опытных в деле преодоления засухи и выращивания хлеба в степи. Команда Хрущева в Киеве не возражала, дали согласие и триумвиры в Москве. В феврале 1954-го верховные советы Украины, России и Советского Союза утвердили изменение границ.

Крымскую область передали УССР. Республика впервые присоединила обширную территорию не по этническим, а по географическим и экономическим мотивам. Из 1,2 миллиона обитателей полуострова русские составляли 71%, а украинцы — 22%. Дела Крыма заметно пошли на лад благодаря капиталовложениям и специалистам, направленным из Киева. Производство вина с 1953 по 1956 годы выросло вдвое, электричества — почти на 60%. Но главный подарок местной экономике сделали уже в следующем десятилетии. Им стало проведение Северо-Крымского канала, первую очередь которого сдали в 1963 году. Дальнейшие работы позволили направить около трети всех вод Днепра на полуостров для орошения шести с лишним тысяч квадратных километров пахотных земель. Поставляли по нему воду и в города: Керчь, Феодосию, Судак.

Секретный доклад Хрущева на XX съезде КПСС в Москве, в феврале 1956 года, открыл новую эпоху в истории СССР и его республик. Новый партийный вождь беспощадно критиковал Сталина за нарушение норм социалистической законности и репрессии против “честных коммунистов”. Он не упомянул миллионы жертв среди беспартийных, ни словом не обмолвился о голоде 1932–1933 годов и крымских татарах, хотя осудил депортации других народов. Борьба с культом личности, начатая докладом Хрущева на съезде, привела

вскоре к политической реабилитации многих репрессированных руководителей УССР: Косиора, Чубаря, Скрыпника и т. д. КГБ и Генеральная прокуратура УССР пересмотрели дела около миллиона пострадавших от политического террора и реабилитировали около 300 тысяч человек. Оставили в силе приговоры обвиняемым в украинском национализме, вооруженной борьбе против советской власти или сотрудничестве с нацистами. При этом десятки тысяч выживших членов и сторонников ОУН, духовных лиц грекокатолической церкви получили свободу и вернулись домой из ГУЛАГа (хотя почти все попали под надзор КГБ).

Никита Хрущев был человеком в своем роде глубоко верующим. Он верил в неминуемую, закономерную победу коммунистического строя и в начале 1960-х годов публично заявил, что материально-техническую базу коммунизма заложат в течение двадцати лет. На марксистско-ленинистском жаргоне того времени это означало способность производить любые товары народного потребления, избавив СССР от хронического дефицита. Одобрили при Хрущеве и партийную программу с лозунгом “Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме”. Пропаганда новой религии, с твердо определенной теперь датой наступления рая на земле, шла рука об руку с борьбой против религий старых. Передышка для духовенства и прихожан во время позднего сталинизма сменилась новыми суровыми испытаниями. Хрущев якобы обещал показать по телевизору последнего попа до того, как на одной шестой части суши настанет коммунизм. В ходе второй (после 1920–1930-х годов) массовой антирелигиозной кампании закрыли тысячи церквей, мечетей, синагог и молельных домов. На Украине число православных храмов с 1960 по 1965 годы сократилось почти в половину — с 8207 до 4565. Особенно тяжело пришлось юго-востоку. На западе Украины власти не спешили

закрывать церкви, чтобы не толкнуть верующих, не так давно принявших православие, в объятия находившихся на нелегальном положении грекокатоликов.

Наступление коммунизма в обозримом будущем многие и в то время воспринимали как нехитрый пропагандистский трюк. Но вот прекращение Большого террора, освобождение ряда категорий политзаключенных, публикация текстов, разоблачавших преступный культ личности (в том числе повести Александра Солженицына, узника ГУЛАГа с 1945 по 1953 год), создали более-менее либеральную атмосферу, названную “хрущевской оттепелью” Украинцам вернули доступ к трудам целого поколения литераторов и художников, которых прятали от народа в годы позднего сталинизма. Среди них оказался прославленный кинорежиссер Александр Довженко, которому не мешали теперь выезжать из Москвы на Украину для работы. После нападков конца 1940-х — начала 1950-х годов вздохнули свободно Максим Рыльский и Владимир Сосюра. С их помощью на сцену выходит новое поколение украиноязычных поэтов — Иван Драч, Виталий Коротич, Лина Костенко и другие шестидесятники. Молодые творцы рвались на волю из тесных рамок соцреализма и официозной культуры.

Новую линию партии ее растревоженным членам преподносили как “возвращение к ленинским нормам” Среди прочего она подразумевала конец массовых репрессий и некоторую децентрализацию власти. Подобные перемены укрепили верхушку республик, автономий и областей, открыв украинским коммунистам множество новых перспектив. Образование в регионах советов народного хозяйства (еще один возрожденный институт 1920-х годов) позволило руководителям УССР получить рычаги управления более чем 90% предприятий, расположенных в республике и аграрной отрасли целиком. Они стали заметно само-

стоятельнее в отношениях с Москвой. С начала 1950-х годов местные чиновники правили Украиной, почти не боясь, что на их должность назначат кого-нибудь из Российской Федерации или другой республики. Складывались кланы, где положение каждого зависело от его (женщин в аппарате было совсем мало) личной преданности вышестоящему начальнику. Такие неформальные связи тянулись из Украины до самого Кремля. КПУ далеко опередила своих прочих “сестер”, достигнув невиданных ранее стабильности и пространства для маневра.

Реформы Хрущева привели к существенному росту промышленности, повышению уровня урбанизации. Программа строительства дешевых пятиэтажек (хрущевок) изменила городской пейзаж по всему СССР, позволив миллионам переехать из бараков и тесных коммуналок в отдельные квартиры с отоплением, водопроводом и канализацией. Пусть государство первостепенное значение уделяло освоению целинных земель Казахстана и природных богатств Сибири, Украина тем не менее выиграла от промышленного роста и пострадала от удара, который он нанес по природной среде.

С 1950 по 1975 год на Днепре возвели пять новых гидроэлектростанций. Природное течение реки нарушили, создав огромные водохранилища и затопив обширные пахотные земли и прибрежные шахты. Экосистема Поднепровья претерпела необратимые изменения. Сооружение химических заводов для производства пестицидов и товаров народного потребления увеличило экономическую мощь Украины, но и обострило проблемы экологии. Республика играла важнейшую роль в атомных и космических проектах СССР, плодах гонки вооружений эпохи холодной войны. В городе Желтые Воды, неподалеку от места битвы между казаками Хмельницкого и польской армией в 1648 году, открыли за-

лежи урана и начали их разработку. В Днепропетровске построили крупнейший ракетный завод Европы. Вклад Украины в успех советской космической программы был огромен. Признанием заслуг республики и ее второго места в иерархии СССР стало то, что после трех русских космонавтов в 1962 году на орбиту полетел украинец. Это был Павел Попович, родом из Киевской области. В 1974 году он совершил еще один полет.

Едва ли удивителен тот факт, что развитие космической программы и военно-промышленного комплекса мало помогло росту уровня жизни населения. В начале 1960-х на Украине вновь замаячил призрак голода. Видимой причиной нехватки еды стала засуха, то и дело поражавшая черноземные районы. Но теперь вместо экспорта зерна, как в 1932–1933 и 1946–1947 годах, правительство решило купить его за границей, чтобы избежать повторения трагедии. Времена наступили отнюдь не сталинские. Хрущев искренне хотел поддержать село и повысить эффективность колхозов путем повышения закупочных цен (цены на зерно подняли всемерно). Он урезал наполовину приусадебные участки колхозников, полагая, что те забирают много сил и слишком уж отвлекают их от труда на колхозных полях.

Но благие помыслы Хрущева дали совсем не те результаты, что он ожидал. Он и дальше диктовал колхозам, что и как им надлежит сеять, упорно внедряя кукурузу, неспособную расти в определенных для нее московскими аппаратчиками климатических зонах. Его забота о колхозниках привела к резкому падению урожая на приусадебных участках. Между 1958 и 1962 годами поголовье скота в частных руках сократилось с 22 до 10 миллионов. Реформы, которыми Хрущев планировал повысить производительность труда и облагодетельствовать село, обернулись резким ростом цен на городских рынках. Масло подорожало вполтину,

мясо — на четверть. Теперь 1950-е годы казались горожанам золотым временем. Крестьянам, впрочем, 1960-е нравились не больше.

Мало кто из граждан СССР жалел о Хрущеве, когда в октябре 1964 года заговорщики из окружения первого секретаря (включая украинские кадры: Брежнев и Подгорного) устроили дворцовый переворот и отняли у него власть. Зато люди пользовались дарованной оттепелью свободой громко разбранить отставного вождя за чудачества, пустые полки в магазинах и цены на продовольствие, что подскочили до небес.

Заговорщики, которых на решительный шаг подтолкнул среди прочего страх стать козлами отпущения за ошибки начальника, предпочитали впредь резких движений не делать. Они заново ввели централизованную модель экономики по примеру 1930-х годов, распустив совнархозы и вернув министерствам союзного центра роль главных органов управления. Но высоких закупочных цен колхозы не лишили, превратив село из источника дохода, как при Сталине, в черную дыру, неумолимо поглощавшую дотацию за дотацией. Условия жизни колхозников немного улучшили, а вот производительность их труда осталась на прежнем уровне. Отобранные не так давно у крестьян наделы, впрочем, не вернули, продолжая усмирять их мелкобуржуазные порывы. Подобно Хрущеву, новые вожди провозглашали своей целью повышение уровня жизни людей, но боялись как огня частной инициативы и частной собственности.

Изгнание Хрущева и возведение в первые секретари Брежнева, не слишком рьяного марксиста, привело к тому, что коммунизм в обозримом будущем громогласно уже не сулили. Прикрутили гайки в отношении свободы слова,

за решетку чаще стали попадать политзаключенные. Осенью 1965 года, через год после отставки Хрущева, были арестованы Андрей Синявский и Юлий Даниэль — два писателя, которых за публикацию трудов на Западе обвинили в антисоветской агитации и в начале 1966 года приговорили к семи и пяти годам заключения соответственно. Суд над ними поставил точку в истории оттепели.

На Украине инакомыслящих арестовывать начали еще летом 1965 года. Руководство КГБ бросило за решетку ряд молодых интеллигентов из Киева и Львова, которые уже сделали себе имя в литературе и искусстве. Евгений Сверстюк, один из первых диссидентов, позднее описал движение как главным образом культурное, утверждая, что основой ему служили «юный идеализм, поиски правды и честной позиции, неприятие, сопротивление, противостояние официальной литературе». Этим интеллигентам не давала покоя судьба украинского народа и его культуры, но доводы они излагали языком коммунистов, углубляя хрущевское «возвращение к ленинским нормам». Как нельзя ярче это показал один из ранних текстов украинского самиздата — «Интернационализм или русификация?». Молодой литературный критик Иван Дзюба так откликнулся на аресты 1965 года, доказывая, что Сталин увел с правильного пути ленинскую национальную политику, пограл начала дружбы народов, сделал ее заложником русского шовинизма.

Несмотря на закручивание гаек, все более нетерпимое отношение режима к какой угодно оппозиции, оттепель не сошла на нет при первых арестах интеллигентов и продолжилась на Украине в какой-то мере до начала 1970-х годов. Вернулась из небытия идея национал-коммунизма — его твердым приверженцем оказался Петр Шелест, первый секретарь ЦК КПУ и член Политбюро ЦК КПСС. Вышедший из крестьянской семьи Харьковской губернии, он вступил

в партию в 1920-х годах. Как национал-коммунисты тех времен (одного из них, Скрыпника, реабилитировали после смерти Сталина), Шелест верил, что должен посвятить себя развитию экономики и культуры Украины, какие бы приказы ни отдавали из Москвы. Русский язык с каждым годом все более теснил украинский, число учеников украинских школ неуклонно падало еще с предвоенных лет. Доля тех, кто посещал русские школы, выросла с 14% в 1939 году до 25% в 1955-м, а в 1962-м составляла уже около трети.

Такие показатели тревожили Шелеста. В его правление складывалась новая украинская идентичность. Жители УССР гордились ролью республики в победе над нацизмом и ее завидным положением в Союзе, сочетая веру (в той или иной степени) в коммунистический идеал с любовью к малой родине, ценили ее историю и культуру. Это был сплав наследия советских 1920-х годов и национальной идентичности украинцев Польши межвоенного периода, а также Румынии и в какой-то мере Закарпатья. Советское играло первую скрипку, но доля украинского стала больше, а комплекс национальной неполноценности — слабее.

Политическая обстановка в Кремле, тоже немного напоминавшая эпоху НЭПа, позволила Шелесту возродить национал-коммунизм и культивировать его даже после отставки Хрущева. Столичные кланы боролись друг с другом за партийную и государственную власть, поэтому взаимопонимание с руководством УССР в 1960-е годы так же высоко ценилось в Москве, как и в 1920-е. Петр Шелест рад был выторговать ограниченную политическую и культурную автономию Украины в обмен на поддержку Брежнева и его людей, чьим соперником был бывший председатель КГБ Александр Шелепин. Альянс утратил силу в 1972 году, когда Брежнев, более не боясь Шелепина, взялся за Шелеста. В мае его перевели в Москву. Затем его, члена Политбюро,

обвинили в националистическом уклоне за книгу “Украина наша советская”. Слишком уж явно Шелест гордился историей родины, превозносил ее успехи под знаменем коммунизма.

Леонид Ильич заменил его доверенным лицом — Владимиром Щербицким, земляком из Днепропетровской области. Днепропетровский клан шел к власти в Москве и Киеве, пользуясь положением фаворита в партийной и государственной номенклатуре. Отзыв Шелеста из Украины привел к увольнению его людей и новому витку репрессий против диссидентов. Дзюба, автор трактата “Интернационализм или русификация?” 1965 года, получил пять лет лагерей и пять лет ссылки. Из Академии наук СССР уволили Михаила Брайчевского, а также десятки других историков и литературоведов, изучавших Украину до 1917 года, главным образом казацкую эпоху, столь милую “националистам”. В 1970-е годы КГБ наверстывал упущенное при Шелесте. Но репрессии не могли продлиться вечно и переменить будущее страны. Когда украинские интеллигенты и партийные кадры снова образуют единый фронт против Москвы, они найдут себе другую идеологию — возвращение к ленинским нормам будет уже неактуально.

Глава 25

Прощай, Ленин!

15 ноября 1982 года жители Украины и остальных союзных республик прилипли к телеэкранам. Все каналы передавали репортаж из Москвы: руководители Советского Союза, представители многочисленных зарубежных стран и международных организаций, десятки тысяч москвичей пришли на Красную площадь попрощаться с Леонидом Брежневым, уроженцем Украины, который правил одной из двух мировых сверхдержав целых 18 лет. После долгих лет болезни он скончался во сне 10 ноября. Многие телезрители, которые и не помнили уже предыдущих вождей, с трудом верили, что их навсегда покинул “Леонид Ильич Брежнев, неутомимый борец за мир во всем мире”, как титуловала его официальная пропаганда. Правление кремлевских старцев привело к замедлению социальных лифтов, развеяло надежды на какие-либо перемены и, казалось, притормозило ход времени. Тогда много говорили о “стабильности”, но вскоре эпоху Брежнева окрестят застоєм.

На Украине с 1966 по 1985 год рост промышленности упал с 8,4 до 3,5% в год, вечно проблемного сельского хозяйства — с 3,2 до 0,5%. Так утверждала официальная статистика,

верить которой в эпоху приписок едва ли имело смысл. Вероятно, дела обстояли еще хуже. Советский Союз все больше зависел от притока иностранной валюты, платы за поставки нефти и газа. С начала 1970-х годов советские и заграничные инженеры лихорадочно строили трубопроводы, чтобы донести “голубое золото” из Сибири и Средней Азии до Европы. Украинский газ из месторождений Дашавы и Шебелинки также шел не местным потребителям, а европейским, которые рассчитывались не рублями. Истощение газовых запасов вынудит позднее Украину импортировать энергоносители.

Слова Хрущева — “нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме” — оказались пустой похвалой. Пропагандисты режима теперь их и не вспоминали. Уровень благосостояния шел на спад, казну наполняли только благодаря высоким ценам на нефть на мировых рынках. К началу 1980-х годов вера элиты и простого народа не то что в коммунизм, но даже “развитой социализм” (таким термином заменили первый для определения общественного уклада СССР) почти выветрилась. Когда гроб с телом Брежнева опускали в свежевырытую могилу у кремлевской стены, пушки дали залп, пробиты куранты — сигнал окончания одной эпохи и наступления другой. Могущественную империю ждали попытки коренных преобразований, тяжелый экономический кризис и распад. Украина станет одним из главных действующих лиц в этой драме. Ее борьба за собственную независимость подбодрит остальные, не столь дерзкие республики.

Среди членов Политбюро, что стояли на трибуне Мавзолея по правую и левую руку нового советского лидера Юрия Андропова, когда тот произносил панегирик Брежневу, один выделялся ростом и непокрытой головой с седой шевелю-

рой. Владимир Щербицкий, первый секретарь КПУ, из уважения к покойному снял головной убор в промозглый ноябрьский день. Щербицкий полжизни делал карьеру под крылом Брежнева и имел особенные причины для скорби. В кулуарах Кремля ходили слухи, что на следующем пленуме ЦК Брежнев уйдет в отставку и назначит преемником Щербицкого, сохранив за днепропетровским кланом лидерство в союзных верхах. До переезда в Киев тот занимал пост первого секретаря обкома в родной для обоих области. Однако генсек умер, не успев провести пленум. Андропов, его преемник и бывший председатель КГБ, прохладно относился к выходцам из Украины. Более того, кое-кому из друзей Брежнева при нем пришлось несладко — он начал борьбу с коррупцией в верхах.

После похорон Щербицкий окопается на Украине, надеясь переждать смутные времена. В свои 64 года он был моложе других вождей, обладал крепким здоровьем. Соперники дряхлели и не вылезали из больниц. К тому же за десять лет у руля КПУ Владимир Васильевич не упустил шанса расставить везде своих людей. Он похоронил в феврале 1984 года Андропова, потом еще одного генсека — Константина Черненко, который умер тринадцать месяцев спустя. Но надежды Щербицкого на прописку в Кремле пошли прахом. Сотрудничество между элитами РСФСР и УССР, заложенное Хрущевым и укрепленное Брежневым, ждали тяжелые времена. Энергичного Михаила Горбачева, что пришел к власти в марте 1985 года, с днепропетровским кланом ничего не связывало. Сын русского и украинки, он вырос на Ставрополье, в краю со смешанным населением, и с детских лет знал украинские песни. Но в первую очередь Михаил Горбачев был патриотом Советского Союза и никакого предпочтения той или иной республике, кроме России, не отдавал. Систему кланов, возведенную вассалами Брежнева на периферии, он

считал угрозой своему правлению и помехой для программы реформ — а промедление в его планы не входило.

Механизм переброски украинских кадров в Москву проработал 30 лет и заглох. Горбачев окружал себя новичками из российских областей — среди них был и Борис Ельцин, его будущий конкурент. В декабре 1986 года генсек нарушил заключенное при Хрущеве неформальное соглашение между центром и республиками: партийного вождя избирать из местных уроженцев и титульной нации. Он назначил в Алма-Ату вместо Динмухамеда Кунаева, неизменно преданного Леониду Ильичу, Геннадия Колбина. Тот, подобно Ельцину, сделал карьеру в Свердловской области, никогда не занимал должностей в Казахстане и явился туда варягом. В ответ студенты-казахи устроили массовые протесты с выраженным националистическим уклоном — впервые в послевоенной истории СССР.

Растущий раскол между центром и Украиной обнажила худшая в мировой истории технологическая катастрофа. Это был взрыв энергоблока на Чернобыльской АЭС, расположенной лишь в 100 километрах к северу от Киева. Идея строить атомные электростанции принадлежала украинским же ученым и экономистам. Шелест, который хотел обеспечить энергией промышленность, что росла как на дрожжах, проталкивал ее в 1960-х годах. В 1977 году, когда Чернобыльская АЭС дала первый ток, украинские писатели — включая Ивана Драча, одного из ведущих шестидесятников, — радовались тому, что их родина вступает в атомную эру. Драчу и другим патриотам Украины каждый новый реактор казался шагом к модернизации страны. Однако энтузиасты технического прогресса не заметили, что «украинскость» проекта была номинальной. Атомной стройкой управляли из Москвы, а большинство квалифицированных сотрудников и управленцев приехали в город атомщиков

Припять из-за пределов УССР. Республика получала электроэнергию, но почти не контролировала саму станцию. Всеми без исключения АЭС и доброй половиной заводов и фабрик Украины руководили союзные министерства.

Когда в ночь на 26 апреля 1986 года четвертый реактор АЭС взорвался во время неудачного испытания турбины, начальство в Киеве вдруг осознало, как мало оно было способно влиять на судьбу Украины и даже собственное будущее. Кое-кого из чиновников пригласили в правительственную комиссию по расследованию и ликвидации последствий аварии. Но от них там ничего не зависело — им следовало выполнять приказы Москвы и ее представителей. Они организовали выселение 30-километровой зоны отчуждения, но им не позволили предупредить жителей республики о размахе катастрофы, об угрозе жизни и здоровью сограждан. Кто на самом деле правил Украиной, стало еще очевиднее утром 1 мая. Ветер, что несколько дней дул на северо-запад, переменился и понес радиоактивную пыль на столицу Украины. Ввиду такой опасности заражения города с двухмиллионным населением Кремль настойчиво убеждали отменить первомайскую демонстрацию — но не убедили.

Когда парторганизаторы выводили колонны студентов и рабочих в центр Киева, все заметили отсутствие на трибуне Щербицкого. Впервые за многие годы он опаздывал на такое мероприятие. Когда его лимузин наконец-то приехал на Крещатик, коллеги увидели, как расстроен был Владимир Васильевич. “Он сказал мне: положишь партбилет на стол, если заporешь парад”, — примерно так первый секретарь объяснил это подчиненным. Никто не спрашивал, кто “он”, — во всем Союзе только Горбачев мог бы угрожать Щербицкому исключением из партии. Несмотря на резкий скачок уровня радиации, Горбачев велел праздники в Киеве

провести как обычно, показывая стране и миру, насколько незначительна авария и прочен его контроль над ситуацией. Руководство УССР знало, что это не так, но им пришлось выполнять приказ. Колонны прошли по Крещатику — разве что за два часа, а не четыре, как планировалось.

После взрыва и разрушения четвертого реактора Чернобыльской АЭС в атмосферу попали вещества суммарной радиоактивностью около пятидесяти миллионов кюри — в 400–500 раз больше, чем при бомбардировке Хиросимы. Только на Украине заражению подверглась территория, в полтора раза превосходящая Бельгию. Одна лишь зона отчуждения охватывает 2600 квадратных километров. В первые недели после катастрофы оттуда эвакуировали свыше 90 тысяч человек. Большинство попрощалось с домом навсегда. Город Припять, где жило около 50 тысяч строителей и работников электростанции, до сих пор безлюден — как новые Помпеи, где время застыло в первый год перестройки. Изображения Ленина и борцов за дело коммунизма, дифирамбы партии до сих пор красуются на стенах и зданиях Припяти.

На Украине от радиации пострадали 2300 населенных пунктов и свыше трех миллионов человек. При этом взрыв угрожал здоровью 30 миллионов, что получали воду из Днепра и его бассейна. Особенно трудно пришлось Полесью — региону, где предки восточных славян обосновались едва ли не раньше, чем в остальных, находя там убежище от кочевников на протяжении не одной тысячи лет. Теперь лесов, которые не только укрывали крестьян, но и не давали им погибнуть от голода в 1932–1933 годах, следовало избегать. Листва излучала радиацию. Этот враг был невидим, но беспощаден. Произошла катастрофа мирового масштаба, которая тяжелее Украины поразила только Белоруссию.

Чернобыльская авария вызвала резкое недовольство Кремлем в рядах партии и во всех слоях общества. Радиация

не щадила никого, от вождей до дворников. Когда руководители республики мобилизовали народ на борьбу с последствиями катастрофы, ответственность за которую несло союзное начальство, многие недоумевали: почему приходится рисковать жизнью стольких людей? Во время разговоров на кухне они изливали душу близким, ругая генсека за его промахи. Украинские интеллигенты стали критиковать центр уже открыто. В июне 1986 года, на заседании Союза писателей УССР, многие из тех, кого десять лет назад радовало наступление новой эры, порицали ядерную энергетику как одно из проявлений самодурства союзной власти. Одним из наиболее ярких критиков был Иван Драч, чьего сына, студента-медика, вскоре после аварии послали на АЭС из Киева. Юноша, который не получил точных инструкций и необходимого снаряжения, страдал теперь от облучения.

Чернобыль пробудил Украину, поставил ее лицом к лицу с такими важными вопросами, как отношения между Москвой и республиками, коммунистической верхушкой и народом. Он же стал катализатором первой громкой общественной дискуссии — у страны прорезался голос после долгих лет застойного молчания. Застрельщиками выступили шестидесятники. Среди них и писатель Юрий Щербак, который в конце 1987 года создал экологическую группу “Зеленый мир”, из которой выросла затем Партия зеленых. Природоохранное движение настаивало на том, что Украина стала жертвой союзного центра, и одним из первых мобилизовало политически активных украинцев в годы горбачевских реформ. Новый генсек не только озлобил боссов КПУ, но и дал возможность демократической интеллигенции выступить против власти. Как выяснится довольно скоро, две враждующие силы — заскорузлая партийная бюрократия и оппозиция, что только становилась

на ноги, — найдут общий язык для противостояния Москве, и прежде всего Горбачеву. Первым в этом общем языке стало слово “экология”

Самого Горбачева, хотя и не без натяжки, можно отнести к шестидесятникам. На его мировоззрение заметно повлияли хрущевская десталинизация и социалистическое реформаторство, которое пропагандировали в 1960-х годах либеральные экономисты и политологи из разных стран соцлагеря. Один из главных идеологов Пражской весны 1968 года Зденек Млинарж в 1950-е был соседом Горбачева по общжитию юридического факультета МГУ. Новый генсек и его единомышленники стремились преобразовать уклад советского общества, сделав его эффективнее и человеколюбивее, — построить, как говорили в Чехословакии перед вторжением советской армии, социализм с человеческим лицом.

Горбачев начал с программы ускорения экономики СССР — не замены старого новым, а лишь использования тех же средств и механизмов с большей эффективностью. Однако экономика могла ускорить разве что темпы падения. При Брежневеве ходила шутка: “Мы стояли на краю пропасти, но с тех пор сделали большой шаг вперед”. Вскоре заговорили уже не об ускорении, а о перестройке. Полномочия стали передавать из общесоюзных министерств не областям и республикам, как при Хрущеве, а самим предприятиям. Это злило московских бюрократов и партийных бонз на местах, и так уже раздраженных гласностью, отнявшей у них право глушить критику снизу. Перестройка на какое-то время сплотила вокруг вождя-реформатора интеллектуалов и горожан из образованного слоя, утомленных за годы застоя фанфарами пропаганды и жестким контролем государства над общественной жизнью.

Расчистила она дорогу и для политической мобилизации масс. На Украине диссиденты 1960–1970-х, на чьих шеях только что разжалась рука карательных органов, немедленно хватились за те возможности, что принесли с собой новые веяния. В июле 1988 года они основали Украинский Хельсинкский союз, первую открыто политическую независимую организацию за долгие десятилетия. Большинство членов — включая председателя Левка Лукьяненко, выпускника юрфака МГУ, который провел за решеткой и в ссылке четверть века, — входили в Украинскую Хельсинкскую группу. Украинские диссиденты организовали ее в ноябре 1976 года, спустя несколько месяцев после создания Московской Хельсинкской группы, с целью мониторинга соблюдения прав человека руководством СССР — обязательства, взятого им на себя при заключении летом 1975 года соглашений в столице Финляндии. Многие участники этого движения начинали в 1960-х марксистами, пытались возродить “ленинские нормы” национальной политики. Идеалам их юности положила конец волна арестов, что прошла по Украине после переезда в Москву Шелеста в 1972 году. Хельсинкская группа дала диссидентам новую идеологию — борьбу за права человека, в том числе и права наций, в измерении политическом и культурном.

Защита родной культуры, прежде всего языка, была одним из тех больных вопросов, что будоражили украинцев в первые годы перестройки. Первой по-настоящему массовой структурой, созданной на Украине, стало Общество украинского языка имени Тараса Шевченко. Возникло оно в 1989 году и за считанные месяцы разбухло до 150 тысяч человек. Интеллигенцию беспокоили угрозы фундаменту национального самосознания. В особенно трудное положение попал украинский язык. Согласно переписи 1989 года, украинцы составляли 73% из 51 с лишним миллиона насе-

ления УССР, но если 88% из них назвали украинский родным языком, то более половины признались, что в быту им удобнее русский. Причиной этого служила не в последнюю очередь урбанизация — переезд жителей села в города и обрусение. К 1980-м годам украинцы явно преобладали почти во всех крупных городах (редким исключением был Донецк, где русских было больше, чем украинцев), но на улице и в государственных учреждениях повсюду, кроме Львова, общались по-русски. Энтузиасты родной речи желали повернуть эту тенденцию вспять, вызывая главным образом к тем украинцам, что редко говорили в быту на родном языке, но имели выраженную национальную идентичность и верили, что украиноязычными должны быть если не они, то их дети. Задача перед ними стояла не из простых.

В конце 1980-х годов Советский Союз порой называли страной с непредсказуемым будущим и непредсказуемым прошлым. Украинцы, как и другие народы СССР, пытались очистить минувшее от полувековых наслоений советской пропаганды и официальной истории. Возврат к истокам начался с реабилитации трудов Михайла Грушевского, изданных тиражом в несколько сот тысяч экземпляров. Перепечатывали также авторов эпохи “расстрелянного возрождения”, которые блистали в 1920-е годы и, как правило, не пережили Большого террора 1930-х. Как и в РСФСР, прорыв в обнародовании фактов сталинских преступлений тех времен стал заслугой не в последнюю очередь общества “Мемориал”. Украинские интеллигенты должны были рассказать и о том, чего другим республикам повезло более-менее избежать. Впервые после десятилетий полнейшего молчания заговорили о Голодоморе 1932–1933 годов. Совсем по-иному поставили вопрос о вооруженном сопротивлении режиму в 1940–1950-х годах, об истории ОУН и боевом пути УПА.

Голод пережили в центре и на востоке Украины, память об антисоветских повстанцах держалась на Западе. Тем не менее нашелся и такой исторический нарратив, что объединил всех, — славное казацкое прошлое. При вступлении Щербицкого в должность в 1972 году власти начали кампанию против так называемых казакофилов среди ученых и писателей. Интерес к этому периоду объявили признаком буржуазного национализма. Теперь, во время краха официальной историографии, казацкий миф пережил триумфальное возвращение на авансцену. Пропагандисты эпохи застоя не ошиблись — он и вправду шел рука об руку с идеями национализма.

Летом 1990 года украинские активисты (многие — жители Западной Украины) устроили массовое паломничество в Запорожскую и Днепропетровскую области, чтобы отметить там “пятисотлетие” запорожского казачества и пробудить украинскую идентичность. Эти события и вправду прогремели на юго-востоке, привлекли десятки тысяч участников, а главное — облегчили внедрение взгляда на историю, противоположного тому, что пока еще доминировал в весьма просоветской части республики. Власти, которые тогда восприняли празднества враждебно, на следующий год решили пустить популяризацию казацкого мифа себе на пользу и организовали собственные тематические мероприятия как на левом, так и на правом берегу Днепра. Ожидаемых дивидендов тем не менее они не получили. Репутация компартии стремительно шла ко дну.

“Какой дурак придумал слово «перестройка»?» — спросил Щербицкий подчиненных, впервые его услышав. Когда Горбачев в Киеве обратился к людям, заранее подобранным КГБ, и сказал, чтоб они давили на местных вождей снизу, Владимир Васильевич развернулся к помощникам, покрутил пальцем у виска и спросил: “На кого тогда он будет

опираться?» В сентябре 1989 года, впрочем, Михаил Сергеевич окреп настолько, что избавился от последнего мастодонта брежневской эры в Политбюро. Он приехал в столицу Украины и объявил партийной верхушке, что Политбюро ЦК КПСС проголосовало за снятие Щербицкого с должности. ЦК КПУ ничего не оставалось, как попросить того и из кресла первого секретаря. Через пять месяцев Владимир Щербицкий уйдет из жизни. С ним ушел и тот политический и общественный строй, которому он служил с юных лет.

1989 год во многих отношениях стал переломным в политической истории Украины. Впервые за 70 лет были проведены полусвободные выборы народных депутатов и возникли неподконтрольные компартии массовые объединения. Первым оказался «Рух» — «Народное движение за перестройку». К осени того же года в его рядах насчитывалось около 300 тысяч человек, а к концу следующего их стало в два с лишним раза больше. Не менее важным событием стал выход Украинской грекокатолической церкви из подполья, куда ее загнал Сталин. Теперь миллионы людей объявили себя ее прихожанами. В 1990 году политический климат столицы изменили выборы в Верховный Совет (Верховную Раду) УССР. Депутаты национально-демократического крыла образовали блок под названием «Народная Рада». Хотя в нее вошла только четверть народных избранников, «Народная Рада» нарушила, казалось, непоколебимую монополию КПУ. Летом 1990 года парламент, вслед за коллегами из Прибалтики и РСФСР, принял декларацию о государственном суверенитете Украины. Документ не говорил о ее выходе из Советского Союза, но закрепил верховенство республиканских законов над общесоюзными.

Кремль оказался неспособен помешать Украине, России и другим республикам в утверждении суверенитета. Под генсеком-реформатором к этому времени ощутимо зашатался трон. Он разозлил номенклатуру и утратил поддержку интеллигенции как в центре, так и на периферии. Его начинания не пошли на пользу экономике — показатели производства рухнули, а с ними уровень жизни, и так невысокий. Партийных бонз нервировала перестройка, которая подрывала их господство и выглядела безнадежной — что не сулило ничего хорошего всей КПСС, не только Горбачеву. Интеллигентам же, напротив, реформы казались непоследовательными и слишком медленными. По иронии судьбы, обе враждующие группы одинаково винули во всех грехах Горбачева и союзный центр. Движение к суверенитету, а за ним и полной независимости стало вектором суммы двух противоположных сил.

Мобилизация масс на Украине проходила по-разному в зависимости от истории региона. В областях, присоединенных к УССР согласно пакту Молотова — Риббентропа — на Волыни, Галичине, отчасти Буковине, — имели место те же процессы, что в республиках Прибалтики, аннексированных также в начале Второй мировой. Интеллектуалы и бывшие диссиденты возглавили там народ под знаменем демократического национализма и получили большинство в областных советах. В других частях Украины партийные элиты, которые Горбачев вынудил бороться за выживание — сражаться за кресла депутатов на настоящих выборах, пребывали в растерянности, но власть из рук не выпускали. Когда Верховная Рада избрала председателем 56-летнего Леонида Кравчука, выход на первые роли уроженца Волынского воеводства Второй Речи Посполитой не привлек особенно внимания. Но течение времени ускорялось. Перестройка сделала республиканский парламент важнейшим орга-

ном государственного управления. К концу 1990 года гибкий Кравчук превосходил остальных украинских политиков не только влиянием, но и популярностью. Из числа вождей он один нашел общий язык с крепкой уже оппозицией, чьей электоральной базой служил Запад. Немало сторонников он приобрел и в рядах партийной верхушки — среди коммунистов, что добивались политической и экономической автономии УССР.

В течение последних месяцев существования СССР Кравчук показал, как блестяще умеет маневрировать между различными фракциями в Раде, направляя при этом страну шаг за шагом к независимости. Первое испытание на новой должности он должен был пройти осенью 1990 года. Горбачев, напуганный декларацией о независимости Литвы (март 1990 года) и схожими тенденциями в остальных республиках, уступил давлению “ястребов” и дал отмашку на закручивание гаек. На Украине коммунистическое большинство в Раде постановило запретить демонстрации возле ее здания и утвердило ордер на арест одного из депутатов оппозиции. Не тут-то было. Утром 2 октября сотня студентов из Киева, Львова и Днепропетровска пришла на площадь Октябрьской революции у Крещатика — теперешнюю Площадь независимости (Майдан) — и объявила голодовку. Среди прочего требовали отставки премьер-министра и выхода Украины из обсуждения проекта нового союзного договора — попытки Горбачева уберечь СССР от развала путем предоставления республикам большей автономии.

Власти не знали, как им реагировать на такой поворот событий. Совмин поручил было милиции разогнать бунтарей, но киевский горсовет дал разрешение на акцию протеста. За несколько дней число голодавших выросло до полутора сотен. Когда правительство собрало своих сторонников, чтобы те выдавили студентов с площади, на помощь

мельчакам явилось около 50 тысяч киевлян. Вскоре забастовали все столичные вузы. Затем непокорная молодежь перешла к зданию Верховной Рады. Коммунистическое большинство в парламенте уступило не только под натиском демонстрантов, но и благодаря увещеваниям умеренных депутатов во главе с Кравчуком. Лидеры протеста получили эфирное время на телевидении, а премьер-министра, который ездил на переговоры с Горбачевым, отправили в отставку. Иногда события октября 1990 года в центре Киева называют первым Майданом. Второй произойдет в конце 2004 года, третий — зимой 2013–2014 годов.

Когда 1 августа 1991 года президент США Джордж Буш-старший прилетел в Киев, чтобы убедить украинских политиков не выходить из состава СССР, сами они еще не вырабатывали единого курса. Национал-демократическое меньшинство хотело независимости. Призывы к ней под влиянием событий в Латвии, Литве и Эстонии раздавались все чаще. Коммунистическое большинство в Раде удовлетворили бы широкая автономия республики и обновление Союза. То же добивался и Горбачев, который в начале 1991 года позволил применить оружие в Прибалтике, чтоб не дать ей вырваться на свободу, — но кровопролитие не принесло желаемого результата. 17 марта он устроил референдум о будущем СССР. За сохранение обновленного Союза, где гарантировались бы права человека, проголосовали 70% жителей Украины. Горбачев продолжил переговоры с руководителями республик, включая Бориса Ельцина и Нурсултана Назарбаева, соблазняя их расширенной автономией в новом образовании. С ними Михаил Сергеевич нашел общий язык, но вот Кравчук и его окружение подписывать такой документ не хотели. Они выступали за другой вариант: конфедерация с Россией и прочими, куда Украина вступила бы на своих условиях.

Буш поддержал Горбачева в своей речи в украинском парламенте, прозванной американскими журналистами “цыпленком по-киевски” из-за того, что президент побоялся выступить на стороне национал-демократов, поборников независимости. Для него имел значение выход из состава СССР только Латвии, Литвы и Эстонии. Украине же и другим Буш советовал остаться под сенью Кремля. Он не хотел потерять надежного партнера в мировой политике — президента СССР Горбачева. Сверх того, Белый дом тревожила перспектива хаотичного распада советской империи, который мог привести к войне между наследниками, на чьей территории располагались ядерные арсеналы. Это были Россия, Украина, Белоруссия и Казахстан. Обращаясь к депутатам Рады, Буш призвал их отвергнуть “самоубийственный национализм” и не путать независимость и свободу. Коммунисты горячо ему аплодировали. Демократическую оппозицию речь разочаровала. Альянс Вашингтона с Москвой и красным большинством в Киеве делал их цель едва достижимой. Мало кто мог бы тогда вообразить, что не пройдет и месяца, как парламент почти единогласно одобрит Акт провозглашения независимости Украины — а к концу ноября Белый дом ее признает, даже притом что Украина на какое-то время станет ядерной державой.

Событием, которое заставило поверить в самостоятельную Украину ретроградов-коммунистов из Верховной Рады — а со временем и весь мир, — был путч, затеянный “ястребами” 19 августа 1991 года. На самом деле переворот начали днем ранее и не в Москве, а в Крыму (в Форосе), где Горбачев отдыхал. Вечером того дня заговорщики явились к нему на дачу и потребовали ввести военное положение. Осторожный Горбачев не стал подписывать такие указы, вынудив

их действовать на свой страх и риск. 19 августа вице-президент СССР, председатель КГБ, министр обороны, министр внутренних дел и другие объявили чрезвычайное положение по всему Союзу. Руководители Украины во главе с Кравчуком не предприняли мер, предусмотренных таким режимом, но и не оказали путчу сопротивления — в отличие от Ельцина в Москве. Пока Кравчук призывал народ хранить спокойствие, Ельцин вывел тысячи людей на улицы и убедил армию покинуть город после того, как стычки между военными и демонстрантами закончились гибелью трех человек. Заговорщики оказались в тупике. Не прошло и трех суток, как членов ГКЧП арестовали. Москвичи заполонили улицы, празднуя победу не только свободы над тиранией, но и России над союзным центром.

Горбачев вернулся в Кремль, но рычаги власти удерживать в руках не мог. Более того, Ельцин устроил против него еще один путч, не упустив шанса подчинить по факту союзные структуры российским. Михаил Сергеевич поддался давлению соперника и отменил указы, которыми назначил было доверенных людей командовать войсками, милицией и КГБ. Затем Ельцин добился парализации деятельности КПСС. После этого Горбачеву оставалось только уйти с должности генсека. Российская Федерация подменяла собой СССР, и такой неожиданный поворот событий охладил рвение тех республик, что до путча желали подписать новый союзный договор. Украина стала флагманом движения за выход из Союза.

24 августа, спустя день после захвата Ельциным фактической власти в Москве, Верховная Рада приняла Акт провозглашения независимости. Левко Лукьяненко, многолетний политзаключенный, избранный народным депутатом, составил текст, который открывали слова: «Исходя из смертельной опасности, что нависла было над Украиной в связи

с государственным переворотом в СССР 19 августа 1991 года, продолжая тысячелетнюю традицию государственного строительства в Украине <...> Верховный Совет Украинской Советской Социалистической Республики торжественно провозглашает независимость Украины". Результат голосования изумил всех, включая и Левка Григорьевича: 346 за, 5 воздержались и только 2 против. Коммунистическое большинство — непреодолимая преграда на пути к независимости с первых дней работы нового парламента (весны 1990 года) — как будто испарилось. Кравчук и его умеренные коммунисты после колебаний в дни путча встали на платформу национал-демократов и заманили туда консерваторов — Москва тех разочаровала. К тому же членов КПСС пугала атака Ельцина на нее в России. Когда итоги голосования показали на экране, зал взорвался овацией. Ликовала и толпа у стен парламента: Украина обрела свободу!

Текст Лукьяненко говорил о тысячелетней истории государственности на Украине, выводя ее корни из Киевской Руси. Независимость страны провозгласили в течение XX века уже в пятый раз. Впервые это произошло в Киеве в начале 1918 года, в конце того же года — во Львове, в 1939 году — на Закарпатье, два с лишним года спустя — еще раз во Львове. Исключительно во время войны и с неутешительным исходом. Получится ли на этот раз, станет ясно через три месяца. Референдум, назначенный на 1 декабря 1991 года — тот же день, что и запланированные ранее выборы первого президента Украины, — одобрит либо перечеркнет постановление Верховной Рады. Назначили его для страховки, как лазейку для тех коммунистов, что колебались 24 августа. Референдум облегчил бремя их ответственности — решение депутатов поддержать независимость было только предварительным. Кроме того, общенародное голосование давало Украине возможность выхода из Союза без открытого конфликта

с центром. В марте 1991 года 70% граждан высказались за то, чтобы республика и далее пребывала в составе СССР, обновленного по рецепту Горбачева. Только новый референдум мог отменить итоги предыдущего.

Михаил Горбачев не верил, что за Акт о независимости проголосует 70% украинцев. Ельцин не знал, что и думать. Через несколько дней после 24 августа он велел своему пресс-секретарю заявить, что независимость Украины и других республик дает РСФСР право поставить под вопрос границы с ними. Павел Вощанов, выполняя приказ шефа, озвучил претензии на Крым и восточные области, включая Донецкую и Луганскую. Таким образом, Украину вынуждали сделать выбор: отказ от независимости или раздел. Желая побудить Украину бросить эту затею, Ельцин послал в Киев высокопоставленную делегацию во главе с Александром Руцким, вице-президентом России. Но Руцкой вернулся ни с чем. Шантаж не сработал, а политической воли и ресурсов для осуществления угроз Ельцин не имел.

В сентябре 1991 года на Украине открыли новый политический сезон. За пост президента сражались шестеро кандидатов — и каждый выступал за независимость. Кравчук убедил власти Крымской автономной республики не проводить отдельный референдум о выходе из состава Украины. Социологи уверяли, что поддержка самостоятельного пути Украины растет во всех регионах и у всех этнических групп. Это касалось и двух крупнейших меньшинств — одиннадцати с лишним миллионов русских и полумиллиона евреев. В ноябре опросы показали, что за независимость проголосуют 58% русских и 60% евреев. Теперь, в отличие от 1918 года, эти народы не противились украинской идее. Они доверяли скорее Киеву, чем Москве — положение России казалось более шатким.

Первого декабря граждане Украины, какого бы этнического происхождения они ни были, пришли на избиратель-

ные участки определить судьбу страны на долгие годы вперед. Итоги ошеломили самых неисправимых оптимистов из приверженцев независимости. Явка достигла 84%, «да» сказали 90,3% голосовавших. Первое место заняла, конечно же, Западная Украина, а именно Тернопольская область, — 99%. Но центр и даже юго-восток почти не отставали. Результат Винницкой области — 95% «за», Одесской — 85%, Донецкой — 84%. Даже в Крыму независимость поддержало больше половины избирателей: 57% в Севастополе и 54% в остальной части полуострова. (В то время русские составляли там две трети населения, украинцы — четверть, а крымские татары, которые только начали возвращаться на родину, каких-то 1,5%.) В центральных и восточных областях многие голосовали за независимость и одновременно — за кандидатуру Кравчука. Он набрал 61% и стал президентом Украины, набрав большинство голосов во всех ее частях, кроме Галичины. Там победу одержал Вячеслав Чорновил, политзаключенный с долгим стажем, а теперь глава Львовского облсовета. Украина выбрала свободу и доверилась человеку, способному, как надеялись многие, выдержать баланс между различными регионами страны, неоднородной по культуре, языку и происхождению ее граждан, и проложить мост между прошлым советской республики и будущим независимого государства.

Итоги референдума 1 декабря на Украине похоронили последние надежды руководства Советского Союза. Украинцы изменили ход мировой истории, отнюдь не только собственной. Отметки в миллионах бюллетеней стали сигналом ряду других республик, которые никак не решались порвать с Москвой. Ельцин в последний раз попытался подбить Кравчука на заключение союзного договора, когда они собрались 8 декабря в Беловежской пуще. Кравчук отказал. Его козырем было большинство, которое поддержало независи-

мость по всей стране, включая Крым. Ельцин не настаивал. Если Украина подписывать договор не хотела, то и России он ни к чему, сказал он новоизбранному президенту. Ельцин не раз признавался Бушу: без Украины в Союзе окажется слишком много республик с традиционно исламской культурой — их слово станет решающим. В Беловежской пуще три лидера восточнославянских стран — Ельцин, Кравчук и белорус Станислав Шушкевич — вывели на международную арену новое образование, Содружество Независимых Государств. Республики Средней Азии, Казахстан и Армения вступили в него 21 декабря. Этим они поставили точку в истории Советского Союза.

Двадцать пятого декабря 1991 года Михаил Горбачев объявил по телевидению об уходе в отставку. Красное знамя над куполом Сенатского дворца в Кремле спустили, вместо него подняли российский триколор. Украина уже заменила флаг УССР на сине-желтый. Ни один символ больше не связывал Москву и Киев. После четырех неудачных попыток, предпринятых разными силами в разных обстоятельствах, Украина наконец могла свободно выбирать, каким путем идти. Сбылось то, что казалось невозможным каких-то полгода назад: Советский Союз рухнул, миру явилась новая страна. Старая партийная номенклатура и лидеры национал-демократов, только что вышедшие на политический ринг, объединились и вошли в историю как могильщики последней европейской империи. Теперь им предстояло найти дорогу в будущее.

Глава 26

Майдан Независимости

Выступление Горбачева по телевизору в 1991 году, на Рождество по новому стилю, формально стало заключительным актом в истории СССР. На деле же роспуск Союза только начинался. Его бывшие республики получили в наследство едва живую общую экономику, инфраструктуру, армию, мировоззрение, политическую и культурную элиту, связанную общим прошлым и общей манерой вести дела. Никто точно не знал, что придет на смену коммунистической империи — содружество и вправду независимых государств или объединение сателлитов России. После ухода Горбачева из Кремля перед Кравчуком стояла трудная задача — доказать Ельцину, что СНГ не должно обернуться Советским Союзом с подправленной вывеской. В России многие верили, что так оно и будет.

Двенадцатого декабря, произнося речь в Верховном Совете РСФСР перед ратификацией заключенного в Беловежской пуще соглашения, Борис Ельцин заявил: “В нынешних условиях только Содружество Независимых Государств способно обеспечить сохранение складывающегося веками, но почти утраченного сейчас политического, правового и экономического пространства” Владимир Путин, преемник Ельцина, выразил примерно те же чувства

когда в речи по случаю аннексии Крыма Российской Федерацией в марте 2014 года сказал: “Многие люди и в России, и на Украине, да и в других республиках надеялись, что возникшее тогда Содружество Независимых Государств станет новой формой общей государственности”. Если на Украине такие и были, то они не составляли большинства в Верховной Раде, чьи депутаты 20 декабря 1991 года приняли заявление с утверждением обратного: “Украина остается по своему правовому статусу независимым государством — субъектом международного права. Украина отвергает превращение Содружества Независимых Государств в государственное образование со своими органами власти и управления”

На что бы ни надеялся Ельцин, Украина добивалась полной независимости и хотела использовать СНГ для переговоров о разводе, а не о повторном браке. Разногласия между Россией, которая в этом органе видела средство удержания постсоветского пространства под своим контролем, и Украиной стали очевидны в январе 1993 года, когда Кравчук отказался подписывать устав СНГ. Украина таким образом не вошла окончательно в объединение, ею самой же и созданное в декабре 1991 года. Страна активно участвовала в его экономических и прочих мирных проектах, но избегала военных. На протяжении 1990-х годов Киев отклонил, кроме устава, еще целый ряд соглашений о коллективной безопасности в рамках СНГ. Правительство не скрывало, насколько расходится с Кремлем по вопросам будущего советских вооруженных сил, управления ядерными арсеналами и принадлежности Черноморского флота.

Украинское правительство еще на заре независимости решило формировать вооруженные силы из соединений советской армии и Черноморского флота, расположенных на тер-

ритории СССР. Государства Прибалтики настояли на выводе советских войск и создали свои армии с нуля, но Киеву такой вариант явно не подходил. Трудно было надеяться, что 800 с лишним тысяч солдат и офицеров просто уйдут. Идти им было некуда, ведь Россия и так уже ломала голову, куда деть те сотни тысяч, что вернулись из стран Варшавского договора. Члены рухнувшего соцлагеря навсегда покидали сферу влияния Кремля, обретая полный суверенитет.

Политическое руководство доверило преобразование советских вооруженных сил в украинские 47-летнему генерал-майору Константину Морозову, командующему воздушной армией. Осенью 1991 года он стал первым в независимой Украине министром обороны. Наполовину русский, уроженец Ворошиловградской (теперь Луганской) области, он связал свою судьбу с Украиной, когда присягнул ей 6 декабря — за два дня до встречи президентов в Беловежской пуще. Третьего января 1992 года такую присягу Украине принесла первая группа офицеров, а уже к весне восьмисоттысячная армия целиком перешла под сине-желтое знамя. Офицерам следовало либо перейти в войска Украины, либо уехать в Россию или другую бывшую республику СССР. В частях, что базировались на Украине, насчитывалось 75 тысяч этнических русских. Только 10 тысяч отказались присягать и ушли в отставку либо перевелись за границу. Рядовые и младший командный состав просто уезжали домой после демобилизации, а новобранцы прибывали только с Украины.

В январе 1992 года переходить под новый флаг начали и части Черноморского флота. Но преградой этому процессу стала позиция командующего, адмирала Игоря Касатонова, — он при поддержке российского руководства вывел все корабли с командами в море. В мае 1992 года это привело к первому заметному похолоданию в российско-украинских отношениях. В сентябре Кравчук и Ельцин согласились на раздел фло-

та, чтобы не дойти до открытого конфликта. Задача оказалась непростой. Долгое время флот (свыше 800 кораблей и около 100 тысяч личного состава) пребывал под началом России. В 1995 году она передала Украине 18% судов, не покидая при этом главную базу флота — Севастополь. В 1997 году страны заключили ряд договоров, которые дали Черноморскому флоту России (300 кораблей и 25 тысяч личного состава) право находиться там до 2017 года. Компромисс дал возможность подписать договор о дружбе с Россией — с гарантией территориальной целостности. Его ратификация в Государственной думе затянулась до 1999 года. Только тогда в Киеве вздохнули с облегчением: Украина как будто завершила “цивилизованный развод” с бывшей метрополией.

К концу 1990-х годов страна уладила пограничные споры с Россией, обзавелась армией, флотом и ВВС, заложила дипломатические и правовые основы интеграции в политические, экономические и оборонные структуры Европы. Украинской интеллигенции давно не давала покоя мысль о том, что Украина могла бы занять место в европейском сообществе. Страстно желали этого и Михайло Драгоманов, теоретик социализма XIX века, и Микола Хвелевой, проповедник национал-коммунизма 1920-х годов. В 1976 году европейскую идею подхватила только что образованная Украинская Хельсинкская группа. Ее манифест открывали следующие слова: “Мы, украинцы, живем в Европе” Украину — формально одну из стран-основательниц ООН — на Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе в Хельсинки не позвали. Тем не менее диссиденты полагали, что обязательства по соблюдению прав человека, взятые там Советским Союзом, распространяются и на Украину. Их убеждения стоили им длительных сроков в лагерях и ссылке.

Достижение независимости в 1991 году создало предпосылки для воплощения мечтаний диссидентов в жизнь. На практике это означало вступление в Европейский союз, прощание с коммунистическим прошлым, обновление экономики и общества, создание противовеса политическому, экономическому и культурному доминированию бывшей метрополии. Обретение Украиной полного суверенитета стало прямо ассоциироваться с прорывом в европейское содружество наций. Этот комплекс задач окажется нелегким испытанием для украинских политиков, единства регионов страны, а также для отношений с Россией, крупнейшим и исторически важнейшим соседом.

Украина всерьез начала двигаться на Запад в январе 1994 года, заключив под патронатом Америки и России договор об отказе от атомного арсенала, унаследованного от СССР и, вероятно, третьего по величине в мире. В декабре Соединенные Штаты, Россия и Великобритания подписали Будапештский меморандум, в котором Украине, теперь уже участнику Договора о нераспространении ядерного оружия на правах безъядерного государства, обещали безопасность. В Киеве многие сомневались, разумно ли отдавать оружие такой мощи (в 2014-м аннексия Крыма Россией, одним из гарантов суверенитета и территориальной целостности Украины, подтвердило их правоту), однако в то время страна получила немалую выгоду. Отказ присоединиться к Договору о нераспространении завел ее фактически в международную изоляцию. Теперь она вырвалась оттуда и стала третьим адресатом международной программы помощи США после Израиля и Египта.

В июне 1994 года правительство заключило договор о сотрудничестве с Европейским союзом — дебютный для бывшего СССР. В том же году Украина впервые среди государств СНГ (полноправных участников и наблюдателей) присоеди-

нилась к программе НАТО «Партнерство во имя мира». Военный альянс, возникший в 1949 году, в начале холодной войны, для защиты Западной Европы от Советского Союза, теперь стремился играть в международных отношениях иную роль. НАТО наводило мосты с бывшими противниками в Восточной Европе, включая Россию — та приняла участие в программе несколько месяцев спустя. В 1997 году Украина расширила взаимодействие с НАТО благодаря Хартии об особом партнерстве, в Киеве открыли Информационный центр НАТО. В 1998 году Европейский союз ратифицировал упомянутый договор о сотрудничестве. Внешне все выглядело замечательно. Тем не менее на пути в Европу, к воплощению в жизнь мечты украинской интеллигенции, оказалось немало преград. Чаще всего — внутри самой страны.

Как и почти все республики СССР, Украина в первые годы самостоятельности пережила глубокий политический кризис, упадок экономики, потерю немалой частью населения привычного места в обществе. Ключевым вопросом внутренней политики стали отношения президента и парламента — институтов, оформленных в годы перестройки и развала Союза. Ельцин разрубил этот гордиев узел в 1993 году, когда приказал танкам стрелять по зданию Верховного Совета. Вскоре главу российского парламента арестовали вместе с вице-президентом России по обвинению в организации массовых беспорядков. Люди из окружения президента переписали конституцию, усилив президентскую власть и урезав полномочия Государственной думы. Украина аналогичный конфликт разрешила путем компромисса. Кравчук пошел на досрочные президентские выборы, проиграл их и летом 1994 года мирно освободил кресло для Леонида Кучмы — еще недавно премьер-министра, а в советское время конструктора и директора мощнейшего в Европе завода по производству ракет.

На протяжении нелегких 1990-х годов Украине удалось не только осуществить первую законную передачу власти в условиях конкурентной борьбы, но и вообще сохранить конкуренцию в политике, заложив таким образом правовой фундамент молодой демократии. В 1996 году Кучма организовал введение новой конституции взамен советской, но без открытого противостояния с Верховной Радой. Парламент сохранил за собой важную роль в общественной жизни Украины. Одной из причин последовательного укрепления демократии стало несходство регионов страны — наследие далекого и не столь далекого прошлого. Депутаты озвучивали разные взгляды на политические, экономические и культурные проблемы, решить же их могли только силы, способные договариваться с соперниками. Промышленный юго-восток стал цитаделью возрожденной компартии. Западная Украина — области, что находились когда-то в границах Польши, отчасти и Австрии, — избирала национал-демократов, пополнение для фракции “Руха” во главе с Чорновилом. Но кто бы ни получал большинство в парламенте, законы принимали исключительно благодаря коалициям. Никто не мог себе позволить игнорировать оппонентов — а удовлетворить требования меньшинства всегда было трудно, как и привлечь его на свою сторону. Ни одна партия не имела веса, достаточного для единовластия. В то время такой политический уклад именовали вынужденной демократией. Как выяснилось, это было не так уж плохо. На постсоветском пространстве демократии, созданные лишь по желанию реформаторов, существовали недолго.

Элиты Украины страдали от жестокого комплекса неполноценности по отношению к российским коллегам, типичного для бывшей имперской провинции, и поэтому какое-то время копировали разработанные в Москве рецепты политической, общественной и культурной кухни. Им пришлось

осознать, что так у них ничего не выйдет. Украина — другая страна. Ярче всего эта разница проступила в религиозной сфере. В 1992 году Киевская православная митрополия, которой принадлежали 60% православных приходов во всем СССР, раскололась на четыре части. Часть храмов заняли вышедшие из подполья грекокатолики и те, кто ушел в возрожденную автокефальную церковь, основанную еще в 1920-х годах как независимую от Москвы. Остальные либо сохранили верность прежним иерархам, либо ушли в Киевский патриархат, также автокефальный. Попытки Леонида Кравчука сделать последний фактически государственной церковью, какой в России стала РПЦ, успеха не имели. Столь же тщетно Леонид Кучма проталкивал на эту роль Украинскую православную церковь, тогда под омофором патриарха Алексия II, которую на Украине обычно называют “Московским патриархатом”

Украина в новый век вошла такой же пестрой, как при объявлении независимости, — скорее даже более разнородной, чем в советские времена. Со временем все политики капитулировали перед фактом: российские приемы на Украине обычно не действуют. В книге, опубликованной в 2004 году, в конце своего второго президентского срока, Кучма пояснил, почему это так. Название врезалось в память и тем, кто ее не читал: “Украина — не Россия”

Опаснейшей угрозой демократии на Украине был крах экономики, который последовал за выходом из состава СССР — в нем-то многие и видели причину такого краха. Теперь уже не только застой времен Брежнева, но и годы перестройки казались утерянным раем. За шесть лет, до 1997 года, промышленное производство упало на 48%, а валовой внутренний продукт — на целых 60%. Самым тяжелым был 1994 год,

когда ВВП упал на 23% по сравнению с предыдущим. Как раз тогда прошли вторые выборы президента и был заключен договор с Евросоюзом. Эти показатели напоминали американские эпохи Великой депрессии и даже затмевали их, ведь производство в США упало тогда на 45%, а ВВП — на 30%.

Девяностые годы принесли Украине огромные бедствия. К концу десятилетия почти каждый второй утверждал, что денег едва хватает на еду. Более-менее обеспеченным мог назвать себя самое большее один из тридцати. Как результат — повышение уровня смертности и падение рождаемости. Численность населения стала сокращаться уже в 1991 году. Когда в 2001 году власти провели первую в независимой Украине перепись, то насчитали около 48 с половиной миллионов — на три миллиона меньше, чем по переписи 1989 года в СССР.

Снова началась массовая эмиграция из Украины. Многие уезжали на месяцы или годы, чтобы заработать деньги, которых не могли раздобыть у себя дома. Главных направлений было два: Россия с ее нефтью и газом или страны Центрально-Восточной Европы и Евросоюза. Другие покидали страну навсегда — прежде всего украинские евреи. Большинству их не позволили уехать из СССР в 1980-е годы, превратив в отказников. Людям, которым власть отказала в визе, нормально жить на родине не давали — выгоняли с преподавательской работы, запрещали занимать должности в государственном аппарате. Теперь никто не мешал им уехать, и они ринулись за границу. С 1989 по 2006 годы бывший СССР (не в последнюю очередь Украину) покинули полтора миллиона евреев. Если этнических украинцев за время между переписями 1989 и 2001 годов стало меньше процентов на пять, этнических евреев — на целых 78%. Их количество на Украине упало с 487 до 106 тысяч. Среди эмигрантов были семьи Максимилиана Левчина и Яна Кума

которые входят в число основателей *PayPal* и *WhatsApp* соответственно. Но за рубежом тянуло не только евреев — отправлялись туда и украинцы, и русские, и представители других народов. К тому же Украина стала перевалочным пунктом для нелегальных эмигрантов из СНГ, а также стран вроде Афганистана и Пакистана.

Крах экономики произошел по множеству причин. Распад Советского Союза не только нарушил связи между предприятиями из разных республик, но и положил конец оборонным заказам. Украина располагала немалой частью высокотехнологичного военно-промышленного комплекса СССР и пострадала больше других. В отличие от России, смягчить такое падение за счет экспорта углеводородов было невозможно. К тому же от газовых поставок через восточную границу полностью зависела металлургия — едва ли не единственная отрасль, которая благополучно пережила кризис и наполняла бюджет Украины. Стоил газ с каждым годом только дороже. Но куда сильнее ударило по экономике промедление правительства с крайне необходимыми реформами. Вместо этого убыточные государственные заводы и фабрики продолжали субсидировать либо в кредит, либо благодаря печатному станку. Добивала экономику галопирующая инфляция, показавшая в 1992 году ошеломительные 2500%.

В первые годы независимости государство неохотно отдавало в частные руки наследство промышленного и аграрного комплекса СССР. Платить за это приходилось субсидиями, и суммы с каждым годом только росли. Когда президент все же решился на распродажу, ему связала руки оппозиция в Раде, точнее депутаты из числа “красных” директоров промышленных гигантов. В 1995 году парламент запретил приватизацию 6300 государственных предприятий. К тому времени в частный сектор перешло ме-

нее трети фабрик и заводов. Первую стадию приватизации осуществили посредством ваучеров, розданных всем гражданам страны. Выиграли от нее “красные директора” — они стали собственниками, но роль инвесторов была им не по плечу. Приватизация без капиталовложений и структурных реформ не могла стать толчком для экономики Украины. К 1999 году у частных владельцев находилось около 85% предприятий, но их доля в промышленном производстве не составляла и двух третей. Половина украинской индустрии приносила убыток. В итоге экономика получила множество крупных и мелких фирм в руках старорежимных управленцев и близких к правительству людей. Монополизм процветал, из-за чего конкурентная среда страдала, а кризис становился глубже.

Украине для возрождения экономики требовались новые владельцы и новые менеджеры. Ими стали молодые, честолюбивые и более жесткие, чем их соперники, бизнесмены нового поколения, дельцы, ничем не связанные с плановой экономикой Советского Союза, — они поднялись наверх в неразберихе кооперативного движения последних лет перестройки и криминальных разборок 1990-х. Олигархи, как окрестили этих людей в СНГ, разбогатели на второй волне приватизации — продаже государственных активов по бросовой цене. Фортуна улыбнулась тем, кто не боялся риска, не думал о прошлом и добивался своего подкупом, а иногда и отстрелом всех, кто преграждал путь в кабинеты “красных директоров”. Оборонный комплекс казался безнадежным, а вот металлургия стала главным объектом охоты в девяностые и в начале двухтысячных годов. В то время больше половины промышленной продукции страны давали Днепрпетровская, Запорожская, Донецкая и Луганская области, что изобилуют железной рудой и углем. Там выплавляют сталь, главный экспортный товар Украины.

Среди новых “людей стали” особое место занял Ринат Ахметов, лидер донецкой группировки. В середине 1990-х он принял бразды правления в фирме “Люкс”, известной правоохранительным органам связями с организованной преступностью, и превратил ее в мощнейший индустриальный конгломерат. В Днепропетровской области металлургические заводы поделили два бизнесмена: Виктор Пинчук, зять президента Кучмы, и Игорь Коломойский, который вошел в число основателей одного из первых крупнейших банков Украины. Выиграли от приватизации украинских активов после распада СССР и другие, менее крупные олигархи. Но несмотря на коррупцию и неоднозначность такого передела активов, “олигархизация” экономики совпала с прекращением ее падения. В новое тысячелетие страна входила с хорошими показателями роста — к лучшему или к худшему, но олигархи стали важной составной частью истории этого первого экономического успеха молодой страны.

Украинские заводы и фабрики приватизировали в основном при втором президенте Украины Леониде Кучме, с 1994 по 2004 годы. Кучма, не так давно сам “красный директор”, руководил раздачей огромной собственности — в первую очередь будущим олигархам, которых превращал таким образом в лояльных спонсоров власти. На вторых выборах в 1999 году он победил, заставив людей поверить, что любой другой пропустил бы к власти коммунистов. Их кандидату Петру Симоненку на руку играло бедственное положение народа. Зато Кучме пришлось кстати раскол национал-демократического блока. Его главный противник на правом фланге, вождь “Руха” Вячеслав Чорновил, погиб за несколько месяцев до голосования в автокатастрофе. Мало кто поверил в случайность произошедшего. Второй срок президент

провел в роли арбитра олигархических кланов-соперников, новых господ экономической и частично политической жизни. Кучма планомерно крепил свою “вертикаль власти”, понемногу оттесняя Верховную Раду на задний план. Нельзя сказать, что у него это вышло. Украина и вправду оказалась не Россией.

Первый удар по крепнущему единовластию президента нанесли звукозаписи, обнародованные осенью 2000 года Александром Морозом, главой Социалистической партии. Тот объявил, что диктофон подложил в кабинет Кучмы один из телохранителей. Все услышали, как первое лицо государства берет взятки, обсуждает с чиновниками разных уровней схемы приватизации и дает указания о том, как заткнуть рот слишком дерзким СМИ. Прозвучало на пленках среди прочих имя журналиста Георгия Гонгадзе. Основателю интернет-издания “Украинская правда” был тогда 31 год. Судя по обнародованным пленкам, Кучма высказал желание, чтоб его схватили и увезли в Чечню, где российская армия еще воевала с боевиками. В сентябре 2000 года обезглавленное тело Гонгадзе нашли в лесу близ Киева. Соучастие президента в убийстве так и не было доказано в суде, но те, кто слышал записи, верили, что он лично приказал министру внутренних дел запугивать журналиста, а затем и похитить.

“Кассетный скандал” стал переломным моментом в новейшей истории Украины. Ползучее укрепление авторитарной власти Кучмы не могло продолжаться и дальше. Народ увидел, насколько коррумпирован был режим президента, который в первые годы у власти смог уладить конфликт с Россией вокруг Черноморского флота, удержать Крым, добиться признания границ Украины и начать сближение с Западом, подстегнуть запоздалую приватизацию. Теперь образ президента-реформатора был полностью разрушен. Оппозиция из бывших национал-демократов, социалистов и да-

же коммунистов начала кампанию под лозунгом “Украина без Кучмы”. Граждане откликнулись на призывы и вступили в борьбу с грязной политикой и казнокрадством. Формировался средний класс, который заменил интеллигенцию советской эпохи, погребенную под руинами плановой экономики. Этот класс не хотел терпеть коррупцию, ограничение политических свобод и свободы слова. Украина жаждала перемен.

Кучма вышел из “кассетного скандала” как такового относительно благополучно, но остановить рост протестных настроений не мог. Оппозицию возглавило новое поколение — выходцы не из диссидентов, как в годы перестройки, а из рядов той же власти. Людей, которые стремились навести порядок в управлении страной, поправить отношения с Западом — убийство Гонгадзе вызвало заметное похолодание — и перейти к интеграции в Евросоюз на практике, объединила фигура 47-летнего экс-премьера Виктора Ющенко. Происходил он из аграрной Сумской области и к кланам промышленных юго-восточных регионов не принадлежал.

Ющенко руководил правительством в первые годы восстановления экономики. Во время недолгого пребывания на этом посту, с декабря 1999-го по май 2001 года, вместе с вице-премьером Юлией Тимошенко он перекрыл олигархам ряд лазеек для неуплаты налогов, снизил ставки для среднего и мелкого бизнеса, что позволило вывести из тени множество предприятий и увеличить бюджетные доходы — а благодаря этому погасить задолженности по зарплатам и пенсиям. При Ющенко ВВП Украины перестал падать и в 2000 году вырос на 6% (промышленное производство тогда же — на 12%). Эта кривая будет ползти вверх до конца двухтысячных годов. В ходе “кассетного скандала” премьера отправили в отставку, и вскоре он возглавил оппозиционный

блок «Наша Украина». На выборах 2002 года тот набрал почти четверть голосов.

Если украинцы, которым претил становившийся все более авторитарным режим, возлагали надежды на Ющенко, козырным тузом Кучмы и части олигархов стал Виктор Янукович, губернатор Донецкой области, а с 2002 года — новый премьер-министр Украины. Ставку на Януковича сделал и Владимир Путин, преемник Ельцина в Кремле. Путин добивался того, чтобы в Киеве кресло Кучмы занял союзник, скорее даже сателлит. В 2004 году Виктор Ющенко и Виктор Янукович сошлись на самой ожесточенной предвыборной дуэли после достижения Украиной независимости. В начале сентября Ющенко, лидер гонки согласно опросам социологов, внезапно слег от тяжелой болезни. Жизнь пациента с непонятным диагнозом была под угрозой, и его увезли в Вену. Там врачи пришли к ошеломительному заключению: кандидата в президенты отравили — и не чем иным, как диоксином такого сорта, какой производили где угодно, только не в Украине. Австрийцы сумели поставить Ющенко на ноги, хотя он страдал мучительными болями и целиком зависел от лекарств. Он вернулся в предвыборную гонку с лицом, обезображенным отравой, и репутацией мученика, добавившей ему популярности.

В конце октября избиратели пришли на участки, чтобы сделать выбор из 24 кандидатов. Первое место занял Ющенко, второе — Янукович. Обоим слегка не хватило до 40%, разделяли же их лишь полпроцента. Им предстоял еще один раунд, причем Ющенко теперь поддерживало большинство тех, кто голосовал за не вышедших во второй тур кандидатов. Повторное голосование состоялось 21 ноября. Независимые экзитполы показывали, что Виктор Ющенко впереди — у него 53%, а у Виктора Януковича только 44%. Но Центральная избирательная комиссия сумела всех удивить. Со-

гласно официально объявленным результатам, Янукович выиграл, набрав 49,5% — на 2,5% больше соперника. Такие итоги были получены вследствие подтасовок. Как стало видно из опубликованных перехватов телефонных переговоров между сотрудниками избирательного штаба Януковича, они взломали сервер ЦИК, чтобы изменить цифры в переданных из регионов протоколах.

Сторонники оппозиции пришли в ярость. Около 200 тысяч киевлян вышли в знак протеста на Майдан, площадь Независимости. Началась “оранжевая революция”, название которой дал цвет флага кампании Ющенко. В течение двух недель на Майдан и Крещатик съезжались единомышленники из областей, и число демонстрантов подскочило до полумиллиона. Телеканалы показывали кадры с Майдана по всему миру — зрители из Европы впервые увидели в Украине нечто большее, чем просто название на карте. Западные телезрители увидели, что жители этой далекой страны, так же как и они, жаждут свободы и справедливости. Европейские политики с благословения общественного мнения в своих странах стали посредниками в украинском кризисе и облегчили его мирную развязку. Ключевую роль сыграл Александр Квасьневский, президент Польши, который убедил Кучму дать добро на постановление Верховного суда о признании официальных итогов второго тура недействительными.

Двадцать шестого декабря украинцы пошли к избирательным урнам в третий раз за два месяца. Как и ожидали, Виктор Ющенко выиграл, набрав 52% и обогнав Виктора Януковича на 8%. Именно такой результат предсказывали независимые экзитполы при голосовании 21 ноября. “Оранжевая революция” обеспечила победу своему кандидату. Но сможет ли он воплотить в жизнь “идеалы Майдана” — побороть коррупцию и возросшее влияние олигархов, при-

близить Украину к Европе? Ющенко верил, что сможет. Дорога преобразований вела через евроинтеграцию.

Новый президент сделал приоритетом внешнюю политику. Одному из помощников он признался, что цель его жизни — увидеть родину среди членов Евросоюза. Дипломаты играли на позитивном образе Украины, бонусе от “оранжевой революции”, чтобы вскочить в уходящий поезд расширения ЕС. В 2004 году туда приняли десять государств, среди них четыре сателлита СССР и три его бывшие республики. Но поезд ушел все же без Украины. Европарламент в январе 2005 года проголосовал за меры по сближению, которые давали надежду на билет, но Еврокомиссия отнеслась к такой перспективе намного прохладнее — а дальнейшим расширением руководила именно она. Вместо первой стадии переговоров о вступлении в ЕС Киеву предложили план более тесного сотрудничества.

Локомотив истории не вытянул Украину в клуб западных демократий, в отличие от некоторых ее соседей, по ряду причин. И не на все Ющенко способен был повлиять. Германию и другие столпы ЕС тревожили экономические и политические последствия расширения 2004 года. Сверх того, они не до конца верили, что Украине вообще положено место в Европе. Тем не менее главных виновников провала евроинтеграции не стоит искать за пределами страны. Годы правления Ющенко прошли в бесконечных распрях. Заметные успехи новой власти перемежались громкими неудачами.

Правительство прекратило преследовать оппозицию и гарантировало СМИ и простым гражданам свободу слова. В экономике дела шли на удивление неплохо. С 2000 по 2008 год, когда Украину задел мировой финансо-

вый кризис, ВВП удвоился, достигнув почти 200 миллиардов долларов. Впрочем, это было всего лишь три четверти от ВВП СССР 1990 года. Однако Виктор Ющенко не сделал главного: не создал условий для честного бизнеса и просто добросовестного труда. Казнокрадам и взяточникам жилось не хуже, чем до Майдана. Сверх того, управление страной весьма затруднили изменения конституции, принятые в декабре 2004 года. “Наша Украина” пошла на это как на ответную уступку за признание судом фальсификации второго тура выборов. Поправки, которые продавили сторонники Януковича, отняли у президента право назначать премьер-министра. Теперь правительство, утверждаемое парламентом, стало самостоятельным игроком на политической арене. Ни президенту, ни премьеру не хватало полномочий для проведения реформ своими силами. К тому же Ющенко не нашел общего языка с премьером Тимошенко, недавней союзницей по “оранжевой революции”.

К началу 2010 года, когда пришло время очередных выборов, Ющенко разочаровал почти всех. Его вражда с Тимошенко превратила внутреннюю политику в бесконечную мыльную оперу, дискредитируя и реформы, и евроинтеграцию. Попытка Ющенко сплотить нацию на памяти о жертвах Голодомора 1932–1933 годов и прославлении борьбы Украинской повстанческой армии против сталинизма не нашла отклика у широких масс. Напротив, такая политика привела к расколу общества. Особенно резкую критику вызвало посмертное награждение званием Героя Украины Степана Бандеры, вождя радикальных националистов 1930–1940-х годов. Это раздражало не только большинство населения юго-востока страны, но и многих либеральных интеллигентов Киева и Львова, а также европейских партнеров. Как подметили в то время аналитики, Виктор Ющенко вел свою страну в Европу начала XX, а не XXI века.

Не успевали за ходом мировой истории и другие бывшие республики СССР, которые переживали мучительный процесс превращения из окраин империи в отдельные государства. Их западные соседи прошли такой путь на столетие раньше. Вскоре Украину охватит кризис, который напомнит о ряде проблем позапрошлого века. Он принесет вторжение извне, войну, аннексию, а также попытку нового передела сфер влияния в мире. Все это послужит Украине испытанием на волю к свободе, поставит под вопрос ключевые элементы ее национальной идентичности.

Глава 27

Цена свободы

Богдан Сольчаник ступил на перрон Киевского вокзала морозным утром 20 февраля 2014 года. Двадцативосьмилетний историк, социолог и поэт преподавал в Украинском католическом университете во Львове и готовился защищать в Варшавском университете диссертацию об избирательных практиках на Украине. Но Сольчаник наведалься в столицу не для исследований. В Киев его привели не выборы, а открытое противостояние народа и власти. Он мечтал об этом еще в 2008 году, когда написал стихотворение “Где моя революция?”, полное разочарования, характерного для украинской молодежи после 2004 года — данные тогда на Майдане обещания оказались невыполненными.

Теперь на Украине вспыхнула новая революция. С конца ноября 2013 года многотысячные толпы вновь стали заполнять центр Киева и требовать реформ, борьбы с коррупцией и сближения с Евросоюзом. Молодой преподаватель знал, что его место в рядах протестующих. 20 февраля он приехал в Киев на Майдан уже в четвертый раз — как оказалось, последний. Несколько часов спустя пули снайперов лишат жизни Сольчаника и десятки других. Гибель на Майдане впишет его имя в “Небесную сотню” — мартиролог из более

чем ста протестующих, убитых в январе и феврале 2014 года. Расстрел людей в Киеве поставил точку в 22-летней истории в целом ненасильственной политической борьбы, открыл очередную, суровую страницу истории Украины. Присвоенную мирным путем в дни распада Советского Союза демократию и добытую на референдуме 1 декабря 1991 года независимость теперь придется оборонять не только на митингах и маршах, но и с оружием в руках.

Черeda событий, что привела к кровопролитию на Майдане, берет начало в феврале 2010 года. Тогда на президентских выборах победил Виктор Янукович, антагонист “оранжевой революции” 2004 года. Новый президент немедленно принялся перекраивать политический ландшафт Украины. Его идеалом было жестко авторитарное государство. Он шел напролом, заставляя рычагами власти и раздавая их своим сторонникам, а затем и членам семьи. Янукович изменил конституцию — добился от других ветвей власти признания поправок 2004 года незаконными и намного расширил свои полномочия. Летом 2011 года на скамью подсудимых села Юлия Тимошенко, недавний премьер и его главный противник. Ее обвинили в заключении убыточного для экономики страны газового договора с Россией. Держа недругов на коротком поводке, Янукович, уже как полновластный хозяин, занялся тем, ради чего он и его близкие рвались наверх, — безудержным обогащением. За считанные годы члены правящего клана накопили огромные суммы. Только на заграничные счета, по некоторым оценкам, они перевели около 70 миллиардов долларов. Неудивительно, что к осени 2013 года истощенная финансовая система Украины оказалась на грани дефолта.

При беззубой или подкупленной оппозиции гражданскому обществу оставалось надеяться только на Европу.

Ющенко, будучи президентом, начал с ЕС переговоры о подготовке соглашения об ассоциации — в том числе введения зоны свободной торговли и безвизового режима для украинцев. Многие рассчитывали, что заключение такого договора не позволит институтам демократии на Украине деградировать, гарантирует политические свободы, откроет дорогу европейским практикам ведения бизнеса, вынудит чиновников сверху донизу умерить аппетиты и не запускать руку в казну настолько нагло. Кое-кого из олигархов пугало господство Януковича и его клана, поэтому установление по-европейски строгих правил игры в экономике и политике казалось им неплохим способом защиты капиталов. Большой бизнес хотел получить свободный доступ на европейский рынок. К тому же над ним нависла угроза поглощения конкурентами из России — ведь президент мог избрать не евроинтеграцию, а Таможенный союз, которым руководили из Кремля.

Дело шло к подписанию документа на саммите Евросоюза в Вильнюсе 28 ноября. За неделю до мероприятия премьер-министр Украины внезапно передумал и заявил, что спешить ему некуда. Янукович улетел в столицу Литвы, но ничего подписывать не стал. Лидеры Евросоюза испытали разочарование, а вот миллионы простых украинцев — гнев или отчаяние. Власти не сдержали слово и растоптали мечту о светлом будущем в Европе. Такие чувства разделяли юноши и девушки, которые вечером 21 ноября, узнав о событиях на саммите, вышли на площадь Независимости в центре Киева. Президент и его советники, боясь нового Майдана, решили как можно скорее положить конец массовой демонстрации. Ранним утром 30 ноября “Беркут” (милицийский спецназ) жестко разогнал молодежь, которая всю ночь простояла на Евромайдане. Украинское общество тако-го не стерпело. Первого декабря около полумиллиона киев-

лян — в том числе родственники избитых накануне — собрались в центре Киева, превратив Крещатик с прилегающими улицами и площадями в пространство, свободное от нечистоплотной власти и ее карательных органов.

Митинг с требованием продолжить курс на евроинтеграцию (Евромайдан) перерос в “революцию достоинства”. Она объединила различные партии и течения, от центристов либерального толка до национал-радикалов. Как и девятью годами раньше, тысячи манифестантов не желали расходиться по домам. В середине января 2014 года мирные протесты сменились жестокими драками с людьми в форме и нанятыми властью уголовниками (“титушками”). С 18 февраля счет убитым пошел уже на десятки. За три трагических дня погибло не менее 68 митингующих и 9 милиционеров. Кровавопролитие резко изменило ход событий на Украине и отношение к нему в мире. Угроза иностранных санкций вынудила депутатов Верховной Рады, встревоженных будущим своих кошельков, открыто выступить против Януковича — лишить исполнительную власть права на применение силы. Поздним вечером 21 февраля, осознав, что контроля над парламентом больше нет, а силовики уходят из центра Киева, Виктор Янукович покинул столицу. Майдан ликовал — революция завершилась свержением диктатора — и скорбел, хороня своих погибших. Рада формально констатировала утрату президентом власти и назначила лидеров оппозиционных партий — Александра Турчинова и Арсения Яценюка — исполняющим обязанности президента и главой переходного правительства соответственно.

Майдан застал многих наблюдателей врасплох. Мало кто предвидел столь массовую мобилизацию народа, вызванную коллизией внешней политики — выбором между евроинте-

грацией и Таможенным союзом, в котором доминировала Российская Федерация.

Россия и ее политика в регионе были важной составляющей событий на Майдане. В 2012 году, перед тем как занять в третий раз президентское кресло, Владимир Путин провозгласил одной из важнейших своих задач “интеграцию на постсоветском пространстве” Но в этом пространстве зияла огромная дыра — Украина. Потому Януковича, поддержанного Москвой на двух президентских выборах, убеждали вступить в Таможенный союз, который должен был служить основой для более тесного политического и экономического объединения бывших республик СССР. Янукович пошел на определенные уступки — продлил срок аренды российской военно-морской базы в Севастополе на 25 лет, — но вот подобные союзы его привлекали мало. Напротив, Киев пытался создать противовес растущему влиянию России, продолжая переговоры об ассоциации с ЕС.

В ответ Кремль летом 2013 года начал торговую войну с Украиной — закрыл границу для ряда товаров. Для воздействия на колеблющийся Киев годились и кнут, и пряник. Пряником должен был стать заем в 15 миллиардов долларов — донецкий клан проворовался, и ему нечем было затыкать дыру в финансовой плотине. Первый транш прибыл уже после того, как Янукович не стал подписывать в Вильнюсе соглашение об ассоциации. Но Евромайдан вынудил властителя Кремля изменить свои планы. Уже в начале февраля 2014 года в администрацию президента России поступило предложение использовать кризис на Украине, чтобы отобрать у нее Крым, а в дальнейшем — путем планомерной дестабилизации — и юго-восточные области. Судя по развитию событий, идея не осталась без внимания. Сам Владимир Путин позднее утверждал, что решил “начать работу по возврату Крыма в состав России” на встрече с со-

ветниками и военачальниками ранним утром 23 февраля 2014 года.

Четыре дня спустя, в ночь на 27 февраля, группа боевиков в форме без опознавательных знаков захватила крымский парламент. Под дулами их автоматов лидер пророссийской партии, получившей на выборах в Верховный Совет Крыма в 2010 году лишь 4% голосов, занял кресло премьер-министра автономной республики. Российская армия при поддержке “казачков” и других военизированных формирований (как прибывших на полуостров самое меньшее за неделю до начала операции, так и набранных на месте) заблокировала базы вооруженных сил Украины. Новое правительство в Киеве с трудом находило общий язык с силовиками, которые еще неделю назад подчинялись беглому президенту. Кремль же не терял времени и наскоро организовал референдум о будущем Крыма — нехитрая комбинация с аннексией в два хода. Новое руководство автономии запретило показ украинских телеканалов и доставку подписчикам прессы с материка, развернуло кампанию агитации за отделение от Украины. Противников референдума — главным образом из числа крымских татар — запугивали любыми средствами, вплоть до похищения.

Шестнадцатого марта жители Крыма голосовали за воссоединение с Россией. Итоги организованного из Москвы референдума напомнили выборы советских времен, с явкой в 99% и такой же поддержкой блока коммунистов и беспартийных. Теперь провозгласили, что за превращение Крыма в субъект Российской Федерации проголосовало 97% пришедших на участки, в Севастополе же местные чиновники отчитались о явке в 123%. Новая власть автономии оценила явку в 83%, но Совет при президенте России по правам человека позднее опубликовал данные о том, что на деле она не достигла и 40%. Восемнадцатого марта, через два дня,

Владимир Путин призвал депутатов Госдумы исправить “историческую несправедливость” и принять в состав России Крым, о котором “забыли при оформлении распада СССР”

Правительство Украины отрицало законность референдума, но не могло помешать его проведению. Турчинов отдал войскам приказ уйти с полуострова — война стала бы непозволительным риском для страны, взбудораженной революцией и разделенной отношением к ней. Армия Украины не имела военного опыта и с 1991 года сидела на голодном пайке, поэтому нечего было и думать о сопротивлении хорошо обученным и полноценно экипированным войскам России с их опытом долгой войны в Чечне и вторжения в Грузию в 2008 году. К тому же Киев едва успевал принимать меры против дестабилизации других регионов страны. Кремль потребовал федерализации Украины с предоставлением каждой области права вето на международные договоры. Путин не ограничился Крымом — он хотел раз и навсегда преградить Украине путь в Европу, манипулируя элитами и населением юго-востока.

Откажись “братский народ” от подобного сценария федерализации, ему пришлось бы еще хуже — советники российского президента предлагали превратить юго-восток в новое буферное государство. В целиком зависимое от Москвы образование под именем Новороссия должны были войти Харьковская, Днепропетровская, Луганская и все области Украины с выходом к Черному и Азовскому морям. Таким образом, Россия получила бы сухопутные коридоры в Приднестровье и Крым. Проект выглядел довольно фантастично, поскольку в апреле 2014 года лишь 15% жителей этих областей поддерживали такое развитие событий, а 70% выступали против. Но юго-восток не представлял собой однородной массы. Пророссийские настроения выделяли Донбасс, где за присоединение к России высказались уже 30%

опрошенных. В то же время в Днепропетровской области их насчитывалось лишь 7%.

Российские спецслужбы начали расшатывать Украину весной 2014 года на Донбассе, где экономические и социальные проблемы приобрели остроту, несвойственную прочим регионам. Часть “ржавого пояса” СССР и родина престарелых советских промышленных гигантов, Донбасс получал огромные дотации из Киева, прежде всего для поддержки нерентабельной добычи угля. Донецк, местная столица, оставался единственным крупным городом Украины, где доля русских превосходила украинцев (48% против 46,5%). Многие жители Донбасса с трудом отвыкали от прежней советской идеологии. Одним из ключевых символов их идентичности служили памятники Ленину, снесенные в ходе “революции достоинства” почти по всей Центральной Украине. Янукович и его люди пришли к власти за счет мобилизации населения юго-востока, педалирования его исторических, языковых и культурных различий с Центральной и особенно Западной Украиной. Партия регионов твердила, что Киев угрожает преобладанию русского языка на этой территории, а почитателям УПА не дает покоя память о Великой Отечественной войне. Языковые предпочтения и едва ли не противоположная оценка исторических событий и вправду создавали напряжение между двумя полюсами Украины, но политики, озабоченные только победой на выборах, делали из мухи слона. Такая близорукая тактика создала благоприятные условия для российской интервенции.

В апреле 2014 года в Донецкой и Луганской областях появились незаконные вооруженные формирования — нередко финансируемые за счет Кремля или близких к нему олигархов. К маю боевики захватили большинство крупных городов региона. Беглый, но вовсе не разоренный президент Янукович пустил в ход оставшиеся связи с целью разжигания

войны на малой родине. Нанятые банды уголовников атаковали сторонников нового правительства Украины, коррумпированные милиционеры потворствовали насилию, указывая адреса и фамилии потенциальных жертв. Подыгрывали и местные элиты во главе с Ринатом Ахметовым — деловым партнером Януковича и богатейшим олигархом Украины. Опасаясь, что на этот раз Киев возьмется за реформы всерьез или же просто ограничит влияние “донецких” на власть, они задумали превратить Донбасс в удельное княжество. Донецкая и Луганская народные республики, образованные на территории одноименных областей, казалось, могли стать удобным прикрытием. Донецкие элиты просчитались — к маю контроль над Донбассом оказался в руках российских “варягов”, а также их местных единомышленников. Те начали собственную антиолигархическую революцию. Подобно киевлянам, дончане смертельно устали от коррупции, однако многие из них видели спасение в России, а не Европе, желали не свободного рынка и верховенства права, а плановой экономики и уверенности в завтрашнем дне. Если на Майдане доказывали, что Украина принадлежит западной цивилизации, пророссийские боевики относили себя к Русскому миру и обороняли православные ценности от наступления “загнивающего” либерального Запада.

Потеря Крыма, раздуваемый из России пожар войны на юго-востоке (в том числе в Харькове и Одессе) сподвигли гражданское общество Украины на новую мобилизацию. Десятки тысяч человек — нередко те, кто зиму провел на Майдане, — вступили в армию либо в новые добровольческие части, которым предстояло воевать в Донецкой и Луганской областях. Правительство могло снабдить их разве что оружием, поэтому по всей стране возникало параллельное ин-

тендантство. Волонтеры собирали пожертвования, закупали все необходимое для войск и доставляли на фронт. Граждане Украины взвалили на плечи бремя, которое власть была неспособна нести. За первые три месяца 2014 года, по данным Киевского международного института социологии (в них мало кто сомневается), поддержка независимости Украины среди взрослого населения подскочила с 84% до 90%. Доля сторонников присоединения к России упала с 10% в январе до 5% в сентябре. Даже среди жителей Донбасса большинство опрошенных полагали, что их земле незачем отделяться от Украины. Доля тех, кто выступал за независимость или вхождение в состав России, впрочем, выросла и превысила 40% к сентябрю. Это давало надежду проевропейской власти удержать эту территорию. В то же время цифры показывали, с какими трудностями столкнется Киев в случае реинтеграции региона.

Выборы президента 26 мая 2014 года стали демонстрацией политического единства, которого Украине недоставало ранее. Больше половины голосов набрал в первом туре 48-летний Петр Порошенко — один из ведущих промышленников и активный участник Майдана. После изгнания Януковича Украина вновь обрела законного главу государства. Теперь, как многие полагали, можно было решительнее взяться за защиту целостности и суверенитета страны. В начале июля Украина одержала первую заметную военную победу — освободила Славянск. В этом городе окопались боевики Игоря Гиркина (Стрелкова), по данным украинских спецслужб — офицера ГРУ РФ в отставке. Гиркин перебрался в Донецк, где восстанием руководил другой россиянин с московской пропиской, Александр Бородай. Чтобы застопорить наступление вооруженных сил Украины, Россия, по тем же данным, начала поставлять сателлитам новейшее вооружение, включая зенитные ракеты. По утверждениям

украинских и американских официальных лиц, одна из таких ракет 17 июля 2014 года сбила “Боинг-777” компании *Malaysia Airlines*. Погибли 298 пассажиров и членов экипажа родом из Нидерландов, Малайзии, Австралии, Индонезии, Великобритании и других стран. Война на Украине стала в определенном смысле глобальной.

Трагедия заставила встрепетнуться западных лидеров. На российских политиков и бизнесменов, которые, по данным западных спецслужб, несли прямую ответственность за агрессию, наложили санкции — очередные и уже нешуточные. Желаемого результата, однако, не последовало. В середине августа, когда республики мятежников оказались на грани окружения, Москва подняла ставки — в бой пошли части регулярной российской армии. Владимир Путин спас ДНР и ЛНР от разгрома, зато не осуществил план создания подконтрольного России государства от Харькова и Донецка на востоке до Одессы на западе. Крым остался без сухопутных коммуникаций с Россией. Не удалось помешать и углублению сотрудничества Киева с ЕС и НАТО. Украина не признала аннексии Крыма и “независимости” Донбасса, не изменила курс на политическую, экономическую и культурную интеграцию с Западом. Кремль же не оставил попыток удержать ее в сфере своего влияния, а Запад, озабоченный угрозой мировому порядку, не смог определиться, как вынудить Россию отступить. Все это превратило войну на востоке Украины в тлеющий конфликт без очевидного исхода в ближайшие годы.

К лету 2017 года война унесла около 10 тысяч жизней. Раненых насчитывалось свыше 20 тысяч, беженцев — около двух миллионов человек. Вдвое больше людей оказались жителями непризнанных республик, увязших в болоте поли-

тической, экономической и культурной изоляции. Не велика ли цена за шанс на вхождение в Европу? Вопрос далеко не праздный. Но для большинства граждан Украины на кону стоят ценности, неотделимые от Европы, — демократия, права человека, верховенство закона, а не только передвижение границ Евросоюза от Львова к Харькову. Война идет и за независимость их государства, за право народа жить своим умом. Многие века такие идеалы вдохновляют людей по всему миру бороться за свободу своей родины. Украинцы здесь далеко не исключение.

Украине следует решить невероятно трудную задачу — провести реформы экономической, политической и правовой систем, в то же время не допуская распада страны и отражая внешнюю агрессию. Лишь стойкость и предприимчивость украинского народа дают надежды на успех. Летом 2015 года министерство экономического развития опубликовало рекламу страны для иностранных инвесторов. Видео подчеркивает, как давно Украина славится плодородностью своих почв. Авторы уверяют, что страна, обладая едва ли не третью черноземов на планете, вышла на второе место по экспорту зерновых. Велик и ее интеллектуальный потенциал. Уровень грамотности превышает 99,5%, что, согласно некоторым оценкам, выводит Украину на четвертое место в мире. Высшие учебные заведения ежегодно оканчивают более 600 тысяч человек, из них 130 тысяч получают инженерно-техническое образование, 16 тысяч — в области информационных технологий, 5 тысяч — в аэрокосмической области. В этом с Украиной не сравнится ни одна страна Центральной и Восточной Европы.

Российское вторжение поставило перед Украиной вопросы о сохранении независимости и единства, а также демократии как основы ее государственного строя. Не менее важен вопрос о природе образа будущего Украины — зна-

чении исторической памяти, этничности, языка и культуры в складывании политической нации. Способно ли государство, чьи жители имеют разных предков, говорят на двух-трех языках (нередко переходя с одного на другой), принадлежат к разным конфессиям, населяют дюжину не слишком похожих друг на друга исторических регионов, не только обороняться от недавней метрополии — превосходящей его в военном отношении, — но и сохранить добрые отношения между теми, кто говорит по-украински и по-русски, а детей крестит не только в православной церкви?

Целью вторжения весной 2014 года был раздел Украины по лингвистическим, этническим и региональным границам. Кое-где подобная тактика принесла Кремлю успех, но большинство граждан Украины сплотилось вокруг идеи поликультурной нации. Украина, на удивление всему миру и самой себе, извлекла урок из собственной истории и сохранила независимость. Нелегкая и подчас кровавая история раздоров послужила лучшим аргументом в пользу сохранения и развития многовековой традиции сосуществования языков и религий.

Эпилог

Долгое эхо истории

Восемнадцатое марта 2014 года стало триумфом Владимира Путина, который двумя годами раньше занял кресло президента России уже в третий раз. Произнося речь в блистающем имперской роскошью Георгиевском зале Кремля, где проводятся самые торжественные мероприятия и принимают высоких гостей из-за рубежа, он призвал членов Федерального собрания рассмотреть закон о “принятии в состав России” Крыма и Севастополя. Аудитория многократно прерывала его слова овацией, что не позволяло усомниться в результате голосования. Уже через три дня процедура аннексии полуострова была завершена.

С трибуны Путин представил присоединение Крыма к России как торжество исторической справедливости, несмотря на попрание территориальной целостности Украины, гарантированной и договорами с Россией, и Будапештским меморандумом 1994 года. Подкрепил он свои слова доводами главным образом исторического и культурного характера. Президент заявил, что Россию при распаде СССР “ограбили”, назвал полуостров “исконно русской землей”, а Севастополь — “русским городом”, попрекнул Украину пренебрежением интересами крымчан, не забыв и о том, что но-

вые власти ни в грош не ставят их культурные и языковые права. Сверх того, по мнению Путина, Крым имел такое же право на выход из состава Украины, какое Украина — на выход из состава СССР.

Во время украинского кризиса на исторические факты ссылались довольно часто. И не только ради того, чтобы просветить, мобилизовать или распропагандировать участников конфликта, но и в оправдание нарушений международных договоров и прав человека, включая право на жизнь. Русско-украинская война застала врасплох многих из тех, кого она непосредственно коснулась, но ее причины лежат в прошлом, порой далеком, а понять ход событий без знания истории двух стран едва ли возможно. Оставив за скобками информационную войну, следует отметить три параллельных процесса, чьи корни уходят в прошлое региона: 1) стремление России вернуть военно-политический и экономический контроль над пространством, покоряемым империей начиная с середины XVII века; 2) формирование современных национальных идентичностей как у русских, так и украинцев (с учетом заметной региональной пестроты последних); 3) возникновение горячих точек на исторических и культурных разломах, что дает сторонам конфликта возможность представить его как борьбу Востока и Запада, Европы и Русского мира.

Война на Украине напомнила международному сообществу об аннексии Крыма Российской империей в конце XVIII века и учреждении в Северном Причерноморье недолговечной Новороссийской губернии. Реанимацией памяти о завоевании этих территорий занялись не западные наблюдатели в попытке доказать имперскую подоплеку курса Кремля с 2014 года, а российские идеологи “гибридной

войны” на Украине и проекта “Новороссия” Именно им понадобился в качестве священного предания сюжет поглощения империей земель, некогда принадлежавших крымским татарам, ногайцам, запорожским казакам. Особенно это видно по формуле “Севастополь — город русской славы”. Основанный на неудачной для России Крымской войне 1853–1856 годов миф венчает лаврами героев одних лишь русских, хотя защитники города происходили из множества разных народов.

Возникновение Донецкой и Луганской республик и попытки заложить подобным образом фундамент будущей Новороссии в Одессе и Харькове также уходят корнями в прошлое. А именно повторяют маневр большевиков по удержанию контроля над юго-востоком Украины после заключения Брестского мира в марте 1918 года. Договор подтвердил принадлежность этих регионов УНР, поэтому красные создавали марионеточные республики — Таврическую, Одесскую, Донецко-Криворожскую, якобы независимые от Москвы и пренебрегавшие ее обязательствами. Архитекторы проекта ДНР активно использовали отсылки к истории Донецко-Криворожского прецедента 1918 года.

Но сколько бы ни ссылались на имперские и революционные страницы истории России в оправдание войны с Украиной, главные мотивы политики, проводимой Россией, лежат не в столь далеком прошлом. Внезапный распад Советского Союза, который Владимир Путин не раз упомянул в “Крымской речи”, — самая очевидная исходная точка кризиса. Кремль не устает подчеркивать, что Украина — искусственное образование, чьи юго-восточные области якобы подарены ей большевиками, подобно Крыму в 1954 году. В этом дискурсе подлинным и поэтому исторически легитимным государством остается лишь империя — вначале империя Романовых, а затем советская. Российские

власти упорно подавляют любые традиции и воспоминания в ущерб такой конструкции — память о Голодоморе 1932–1933 годов или о высылке крымских татар в 1944 году. Неслучайно в мае 2014 года на полуострове запретили мероприятия по поводу семидесятилетия тех событий.

Стремительный распад СССР и потеря былой сверхдержавной мощи не только застали врасплох и шокировали российскую элиту, но и породили опасную иллюзию: это, мол, каприз фортуны, плод интриг Запада и близорукой распри Горбачева с Ельциным. Такой взгляд на финал СССР порождает соблазн переписать историю.

Русско-украинский конфликт пролил свет и на другую проблему с долгой историей — незавершенный процесс образования современных российской и украинской наций. Аннексию Крыма и вторжение на восток Украины оправдывают угрозой этническим русским и шире — русскоязычным. Многие боевики из России, что пересекли границу добровольно, прямо отождествляют русский язык с культурой и национальным самосознанием его украинских носителей. Сомнительное убеждение. Хоть русские и составляют более половины крымчан и крупное меньшинство среди населения Донбасса, большинство тех, кого Кремль видел жителями Новороссии, — украинцы по происхождению. Пророссийская агитация захватила немало этнических украинцев, тем не менее гораздо чаще они отвергают российскую идентичность, даже продолжая говорить по-русски. Это стало одной из главных причин краха проекта “Новороссия” — и полным сюрпризом для тех, кто задумал его в Москве.

Взгляд на украинцев как ветвь общерусской нации восходит к мифу о Киеве — колыбели русского государства, “матери городов русских”. Посеял зерна этого мифа “Синоп-

сис” 1674 года, первый печатный учебник российской истории, чьи авторы, киевские монахи, надеялись на покровительство Романовых. В имперский период украинцев обычно полагали малороссиянами. Такое представление не мешало существованию народной культуры и разговорного языка, но отказывало украинцам в современной литературе и культуре высокой. Модель устарела после признания за Украиной культурной — но не политической — самостоятельности в ходе Гражданской войны. Война 2014 года под лозунгами Русского мира стала таким образом шагом на век назад. Нациестроительство в Новороссии не отводило места для отдельного украинского этноса вне рамок общерусской нации. Это не халатность и не горячность. Уже в 2013 году Путин заявил публично, говоря о двух странах: “Мы — один народ” Он повторил эти слова в речи 18 марта 2015 года, произнесенной в честь годовщины аннексии Крыма.

После распада СССР российский национальный проект перенаправили на выплавку единого русского народа — уже без каких-либо ветвей, — где стерлись бы различия восточных славян в едином пространстве русского языка и русской культуры. Украина стала первым испытанием такого нациестроительства за пределами Российской Федерации.

Новая модель идентичности с упором на неделимость русского народа, неразрывную связь его с русскими языком и культурой вошла в острый конфликт с украинским проектом. Начиная строительство современной нации двести лет назад, его авторы отвели украинским языку и культуре роль основы основ. При этом такой проект не предусматривал изоляции от иных языков и культур. Лучшим примером служат русская проза и поэзия Тараса Шевченко — в глазах многих духовного отца украинской нации. Двухязычие

и поликультурность в независимой Украине стали нормой, люди разной этнической и конфессиональной принадлежности стали частью украинского народа. Это прямо повлияло на ход русско-украинской войны. Кремль про считался — этнические русские за пределами занятой российской армией и пропутинскими боевиками территории (Крыма и части Донбасса) не выступили единым фронтом против Украины.

Киевский международный институт социологии провел опрос, который показал, что только 5% граждан Украины считают себя исключительно русскими (доля русских на Украине по переписи — 17%). Остальные выбрали двойную идентичность. Но и среди чисто русских немало тех, кто высказался против вмешательства в дела Украины и отмежевался от кремлевского режима. Елена Стяжкина, историк из Донецка, написала в сети: “Украина — моя родина. Русский язык — мой родной язык. И пусть меня спасает Пушкин. И освобождает от печалей и волнений тоже Пушкин. Пушкин, а не Путин”. Идеология Русского мира — инструмент Кремля и боевиков Донбасса, — сочетая имперство с русским православием и уводя прочь от Европы и Майдана, укрепила прозападный альянс между представителями разных этнических и социальных групп, составляющих народ Украины, важную роль в котором играет и по сей день еврейская интеллигенция.

История превратила Украину в унитарное государство, разделенное множеством внутренних границ — отголосков давних культурных и политических разломов. Переход лесостепи в степь на Украине служит одновременно рубежом между преимущественно аграрными областями и областями промышленными и горнодобывающими, с центрами в городах-миллионниках. Фронтир западного и восточного христианства, достигнув в XVII–XVIII веках Днепра,

пошел на Збруч и теперь напоминает о границе Российской и Австро-Венгерской империй до Первой мировой войны. В домене Габсбургов Галичина не похожа на Закарпатье, многовековое владение венгров, и Буковину, прежний удел Молдавского княжества. Среди бывших владений Романовых Волынь, польское воеводство в 1921–1939 годах, отличается от Подолья, которое в XX веке дольше других регионов пробыло под властью коммунистов. Есть различие между Правобережной Украиной, потерянной Речью Посполитой окончательно лишь в 1793 году, и Левобережьем — когда-то Гетманщиной. И тем более — между землями казацкими и колонизированными в XVIII–XIX веках под руководством Петербурга. Граница последних совпадает также с языковой. По одну сторону украинцы чаще говорят по-украински, по другую — предпочитают в быту русский.

На деле региональная пестрота Украины еще сложнее, чем при таком описании. Несхожи старые казацкие земли Гетманщины и Слободской Украины, а Николаевская область в Причерноморье заметно отличается от Крыма этническим составом населения, балансом языков и голосованию на выборах. Тем не менее, при всех различиях, украинские регионы предпочитают держаться заодно. Перечисленные выше линии, как бы они ни были резки в прошлом, теперь уже невозможно прочертить заново. Мы видим континуум — переливающийся спектр языковых, культурных, экономических и политических оттенков, которые образуют плавный переход с востока на запад, объединяя Украину в одно пространство. В действительности нет какого-либо четкого культурного рубежа между Крымским полуостровом и соседними областями юга Украины — или же Донбассом и областями непосредственно к западу. Ни в одном из исторических регионов не возникло серьезного сепаратизма, нигде элиты не мобилизовали массы в поддержку выхода из со-

става Украины. Конечно же, такая мобилизация произошла в Крыму и ДНР с ЛНР, но только вследствие аннексии либо интервенции из России.

А как же цивилизационные ценности? Символическое прощание с наследием СССР — снос полутысячи памятников Ленину за несколько недель — прошло революционной зимой 2013–2014 годов. А на востоке многие выступили против власти с оружием в руках для обороны старых советских идеалов. Но добровольцы и наемники из России принесли систему ценностей иного рода. Подобно своему герою Игорю Гиркину, они явились защитить Донбасс от Европы, утверждая там Русский мир. В их глазах Украина была полем битвы против гнилой либеральной демократии, прав и свобод личности — особенно прав сексуальных меньшинств — и за извечные духовные скрепы Руси. В такой картине мира умы местных жителей казались просто засоренными чужеземной пропагандой. Русским следовало указать им истину.

Подобное толкование украинского кризиса не должно удивить тех, кто знаком с интеллектуальной и культурной традицией России. С одной стороны, она давно уже вносит немалый вклад в созидание культуры общемировой, с другой — веками была отрезана от западнохристианского мира и не однажды враждовала с различными странами Западной и Центральной Европы. Чего сегодня больше в той смеси любви и ненависти, что Третий Рим испытывает к Первому? В долгом, почти двухсотлетнем споре русских западников и славянофилов — о том, принадлежит ли Россия к западной цивилизации либо идет особым путем, исполняя некое предначертание, — голос наследников славянофильства теперь звучит громче.

Борьба же Украины за независимость имела целью движение только в одну сторону — Европы. Это определено историей пребывания страны на линии разлома между западным и восточным христианством, центральноевропейскими и евразийскими державами, а также их политическим и общественным наследием. Нахождение на границе нескольких культурных полей облегчило превращение страны в зону контакта, где люди разных убеждений должны были научиться жить в одном пространстве. Тот же фактор привел к возникновению региональной пестроты, на которой теперь играют участники войны. Украина давно известна культурной гибридностью своего населения. Но сколько гибридности может позволить себе страна, чтобы не рухнуть под ударами гибридной войны? Ответом на этот важный вопрос послужит исход нынешнего русско-украинского противостояния.

Проевропейскую революцию на Украине через четверть века после распада СССР можно рассматривать как продолжение очарования Европой времен холодной войны, свойственного западным соседям Украины. Для диссидентов Польши, Чехословакии и других стран соцлагеря это чувство превращалось порой в национальную религию. Майдан и война заставили украинское общество сменить геополитические ориентиры с балансирования между Востоком и Западом на прозападную ориентацию. Доля тех, кто положительно относился к России, упала с 80% в январе 2014 года почти вдвое к сентябрю того же года. В ноябре 64% опрошенных поддержали вступление Украины в Евросоюз (при 39% в ноябре 2013 года). В апреле 2014 года лишь треть украинцев поддерживала членство в НАТО, в ноябре — уже больше половины. Несомненно, испытания войны не только объединили большинство жителей страны, но и подтолкнули их к однозначной ставке на Запад.

В ходе истории проигранные битвы, горечь утраты близких и открытая рана аннексированных земель не раз выступали мощными стимулами образования крепкой, солидарной национальной идентичности. Разделы Речи Посполитой в конце XVIII века стерли это государство с карты Европы, зато стали исходной точкой формирования современного польского национализма. Покорение Наполеоном Германии в начале XIX века подстегнуло развитие идей пангерманизма и современного германского национализма. Память о поражении и утрате территорий разжигали национальный пыл французов и поляков, сербов и чехов. Украину насильственное изменение границ и тяготы войны толкнул, вероятно, на тот же путь.

Аннексия Россией Крыма, гибридная война в Донецкой и Луганской областях, попытки зажечь огонь противостояния и в других — немалая угроза не только Украине, но и Европе в целом. Впервые после завершения Второй мировой войны великая держава напала на более слабого соседа в этой части света и аннексировала его территорию. Вторжение России нарушило не только ее договор с Украиной 1997 года, но и Будапештский меморандум 1994 года. Неспровоцированная агрессия против Украины поколебала основы мирового порядка. Она застала врасплох Евросоюз и почти всю планету — на нее до сих пор ищут адекватный ответ. Чем бы ни кончился украинский кризис, от его исхода зависит грядущее не одной лишь Украины, но и отношений востока и запада Европы — России и ЕС, — а значит, судьба Европы вообще.

Благодарности

А теперь о приятном. Хотел бы поблагодарить моего литературного агента Джилл Нирим за совет и поддержку; Лару Хеймерт за тот энтузиазм, с которым она взялась за непростую задачу редактуры и публикации книги; ее команду из *Basic Books*, особенно Роджера Лабри, за подготовку книги к печати; Мирослава Юркевича за редактирование нескольких версий рукописи; мою жену Елену за то, что она не только критиковала текст, но и в итоге одобрила его; Владимира Кулика и Романа Процика за исправление нескольких досадных промахов; мою докторантку Меган Данкан Смит за то, каким превосходным ассистентом она была для курса “Рубежи Европы: Украина после 1500 года”, где я опробовал некоторые идеи, представленные в этой книге; студентов Гарварда, слушавших этот курс осенью 2014 года, за вопросы и комментарии — все они так или иначе отразились на моем тексте. Наконец, хочу сказать спасибо всем, кто на протяжении моей долгой карьеры исследователя и преподавателя помог мне осознать, о чем следует и о чем не стоит рассказывать в этом коротком обзоре тысячелетней истории целой страны. Само собой, никого из них нельзя винить в недостатках текста.

Я очень рад, что эта книга станет доступна российскому читателю, ведь знание о соседке, понимание исторических корней позиции, занятой “другим”, и основанный на этом пони-

мании диалог сегодня важнее, чем когда-либо в недавнем прошлом. Тут моя искренняя благодарность принадлежит неутомимой Варе Горностаевой, ее издательской команде и особенно Евгении Лавут. Отдельная признательность переводчику книги Сергею Лунину, который, по сути, стал ее научным редактором.

Хронология

- МИРОВАЯ ИСТОРИЯ** 45000 г. до н. э. ЧЕЛОВЕК СОВРЕМЕННОГО ФИЗИЧЕСКОГО ТИПА ПОЯВЛЯЕТСЯ В ЮЖНОЙ ЕВРОПЕ.
- 45000–43000 гг. до н. э. Неандертальские охотники на мамонтов расселяются на территории современной Украины.
- 4500–3000 гг. до н. э. Носители неолитической кукутень-трипольской культуры заселяют земли между Дунаем и Днестром — там, где в наши дни археологи находят их цветную керамику и глиняные статуэтки.
- 3500 г. до н. э. Жители западной части евразийских степей приручают лошадь.
- МИРОВАЯ ИСТОРИЯ** 3500 г. до н. э. ШУМЕРЫ ПЕРЕСЕЛЯЮТСЯ В МЕЖДУРЕЧЬЕ.
- 1100–750 гг. до н. э. Киммерийцы, народ мифического Конана-варвара, господствуют в Понтийских степях на современном юге Украины.
- 700–250 гг. до н. э. На месте киммерийцев воцаряются кочевники-скифы.

- 750—500 гг. до н. э. На северных берегах Черного моря возникают греческие колонии. Воображение эллинов наполняет степи к северу мифическими существами вроде воинственных амазонок.
- Мировая история 753 г. до н. э. Согласно легенде, основан Рим.
- 512 г. до н. э. Персидский царь Дарий Великий тщетно преследует в Понтийских степях скифское войско.
- Ок. 485—425 гг. до н. э. Жизнь Геродота. Этот автор описывает Скифию и расслоение ее жителей на царских скифов и скифов-земледельцев — оседлых обитателей лесостепи.
- 250 г. до н. э. — 250 г. н. э. В Понтийских степях место скифов занимают сарматы.
- 1—100 гг. Римляне берут греческие колонии под свое покровительство. Страбон проводит границу Азии по Танаису (Дону), помещая таким образом современную Украину на восточных рубежах Европы.
- Мировая история Ок. 30 г. Иисус входит в Иерусалим.
- 250—375 гг. Готы покоряют сарматов и правят в Понтийских степях.
- 375—650 гг. Великое переселение народов. Степи пересекают гунны, авары и болгары.
- Ок. 551 г. Иордан помещает народы склавенов и антов между Дунаем и Днепром. Уже в начале VI в. анты обращают на себя внимание набегам на Восточную Римскую империю.

- 650—900 гг. Хазарский каганат собирает дань с восточнославянских племен Украины.
- МИРОВАЯ ИСТОРИЯ** 800 г. Карла Великого коронуют “римским императором”.
- 838 г. Первое упоминание о руси (руси-норманнах) в исторических источниках.
- 860 г. Первый набег руси на Константинополь с северных берегов Черного моря.
- 950 г. Император Константин VII Багрянородный описывает торговлю с русью, а также ее торговые и военные экспедиции по Днепру и Черному морю.
- 971 г. Император Иоанн Цимисхий ведет на Дунае с князем Святославом переговоры о перемирии между Византией и Русью.
- 989 г. Князь Владимир осаждает в Крыму византийский город Херсонес (Корсунь), женится на Анне, сестре императора Василия II, принимает христианство и крестит своих подданных.
- 1037 г. Ярослав Мудрый завершает строительство Святой Софии — кафедрального собора Киевского митрополита и, по преданию, первой на Руси библиотеки.
- МИРОВАЯ ИСТОРИЯ** 1054 г. Раскол христианства на восточное и западное вследствие затяжного конфликта Вселенского патриарха и папы римского.
- 1054 г. Смерть Ярослава Мудрого, прозванного историками “тестем Европы”, поскольку его дочери вышли замуж за членов раз-

- личных правящих династий. Начало распада Киевской Руси.
- 1085 г. Первые известия о вхождении Южного Закарпатья в состав Венгерского королевства.
- 1113–1125 гг. Владимир Мономах на время восстанавливает единство Киевской Руси и содействует составлению “Повести временных лет”, главного летописного источника по истории региона.
- 1187 и 1189 гг. Автор Киевской летописи впервые употребляет слово “Украина”, называя так степное пограничье Переяславского, а затем Галицкого княжеств.
- МИРОВАЯ ИСТОРИЯ** 1215 г. Иоанн Безземельный, король Англии, издает Великую Хартию вольностей.
- 1238–1264 гг. Даниил, галицко-волинский князь, устанавливает контроль над большей частью украинской территории, получает от папы римского королевскую корону, играет на противоречиях Золотой Орды, Польши и Венгрии, основывает Львов.
- 1240 г. Монгольское войско берет штурмом Киев. Украина оказывается в сфере влияния Золотой Орды.
- 1299–1325 гг. Митрополит всяя Руси покидает разоренный монголами Киев, переезжая во Владимир-на-Клязьме, а затем в Москву. В Галицкой земле Константинополь вводит отдельную митрополию.
- 1340–1392 гг. Галицко-Волинское княжество утрачивает былую мощь. Южная половина ока-

зывается в составе Польши, Волынь, как и Поднепровье, переходит под власть литовских князей.

МИРОВАЯ ИСТОРИЯ

1347 г. “ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ” ОПУСТОШАЕТ ЕВРОПУ.

1362 г.

Войско Литвы и Западной Руси бросает вызов золотоордынским ханам. Победа над ними у Синих Вод приводит к установлению власти Великого княжества Литовского над большей частью украинских земель.

1386 г.

Великий князь Ягайло женится на польской королеве Ядвиге, подталкивает часть литовской знати к обращению в католичество и начинает процесс постепенного слияния Польши и Великого княжества Литовского.

1430–1434 гг.

Знать Литовской Руси восстает против дискриминации со стороны католических правителей великого княжества.

1449–1478 гг.

Крымское ханство отделяется от Золотой Орды, но попадает в зависимость от Османской империи.

1492 г.

Первое упоминание украинских казаков в исторических источниках.

1514 г.

Войско польского короля и великого князя литовского Сигизмунда I во главе с князем Константином Острожским наносит поражение войску великого князя московского Василия Ивановича под Оршей в ходе войны за земли бывшей Киевской Руси.

МИРОВАЯ ИСТОРИЯ

1517 г. МАРТИН ЛЮТЕР ОБНАРОДУЕТ СВОИ 95 ТЕЗИСОВ.

- 1569 г. Люблинская уния объединяет Польшу и Великое княжество Литовское в Речь Посполитую. Украинские земли переходят от Литвы к польской Короне, белорусские же остаются у Литвы. Граница впервые разделяет эти восточнославянские страны.
- 1581 г. Полный перевод Библии на церковнославянский впервые напечатан в Остроге.
- 1590–1638 гг. Ряд восстаний и морских походов против Османской империи превращает украинских казаков в грозную военную силу и фактически отдельное сословие Речи Посполитой.
- 1596 г. Брестская уния — переход Киевского митрополита с большей частью епископов под власть Рима. Раскол между униатами (теперь: грекокатоликами) и православными существует по сей день.
- 1632–1646 гг. Православный киевский митрополит Петр Могила создает Киевскую коллегия (будущую Киево-Могилянскую академию), модернизирует церковь по примеру деятелей католической контрреформации и руководит составлением первого православного “катехизиса” — основных положений веры.
- 1639 г. Французский военный инженер и картограф Гийом Левассёр де Боплан составляет карту Украины, где показывает происходившее в то время освоение степного пограничья.
- Мировая история** 1648 г. Вестфальский мир устанавливает новый миропорядок.

- 1648 г. Козацкий сотник Богдан Хмельницкий начинает восстание против Речи Посполитой, в ходе которого повстанцы изгоняют польских панов, преследуют евреев и создают государство во главе с гетманом — Войско Запорожское.
- 1654 г. Гетман и старшина признают сюзереном Алексея Михайловича, что приводит к длительной войне России и Польши за власть над Украиной.
- 1667 г. Андрусовское перемирие делит Гетманщину по Днепру на российскую и польскую части, а также приводит к восстанию против обеих держав под началом гетмана Петра Дорошенко.
- 1672–1699 гг. Османское правление на Правобережной Украине.
- 1674 г. Монахи Киево-Печерской лавры издают “Синописис” — исторический труд, где Киев представлен колыбелью не только российской монархии, но и “славяно-русского народа”. Польская и турецкая угрозы побуждают авторов ревностно отстаивать религиозную, династическую и этнонациональную общность восточных славян.
- 1685 г. Киевская метрополия переходит от константинопольского патриарха к московскому.
- 1688 г. В ответ на ущемление прав и свобод казаков гетман Иван Мазепа восстает против Петра I и становится союзником Карла XII.
- 1699 г. Полтавская битва приносит победу России, что вскоре оборачивается упразднением

нием гетманства и урезанием автономных прав Войска Запорожского.

- МИРОВАЯ ИСТОРИЯ** 1721 г. НИШТАДТСКИЙ МИР ПРЕВРАЩАЕТ РОССИЮ В ВЕЛИКУЮ ЕВРОПЕЙСКУЮ ДЕРЖАВУ.
- 1727–1734 гг. Временное восстановление гетманства, булаву получает Даниил Апостол.
- 1740-е гг. Рабби Исраэль бен Элиэзер, более известный как Баал-Шем-Тов, собирает учеников в Меджибоже и становится основателем хасидизма.
- 1764–1785 гг. Ликвидация Войска Запорожского (Гетманщины) в ходе реформ Екатерины II, направленных на централизацию империи.
- 1768 г. Мятеж польской шляхты (Барская конфедерация), восстание гайдамаков (Колиивщина), массовые убийства евреев и униатов на Правобережной Украине.
- 1775 г. Ликвидация Запорожской Сечи в низовьях Днепра после победы России в войне с Турцией 1768–1774 гг.
- 1783 г. Присоединение Крыма к Российской империи.
- МИРОВАЯ ИСТОРИЯ** 1789 г. НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.
- 1772–1795 гг. Разделы Речи Посполитой отдают Галицию Габсбургам, а Правобережную Украину и Волынь — Романовым.
- 1791 г. Екатерина II вводит черту оседлости, запрещая евреям из Речи Посполитой переселение во внутренние российские гу-

- бернии. В пределах черты оседлости оказывается почти вся Украина.
- 1792 г. Россия побеждает в очередной войне с Турцией и укрепляет власть над югом Украины.
- 1798 г. Полтавский дворянин Иван Котляревский издает “Энеиду” — первую поэму на современном украинском литературном языке, закладывая таким образом фундамент современной украинской литературы.
- 1812 г. Потомки украинских казаков бьются против наполеоновской армии в рядах российской.
- 1818 г. Первая печатная грамматика украинского языка.
- 1819 г. Стремительно растущая Одесса становится порто-франко, привлекая новых людей и новые капиталы.
- 1830 г. Ноябрьское восстание в Польше оборачивается борьбой польской знати и российского правительства за власть над умами украинских крестьян.
- 1834 г. Николай I учреждает в Киеве университет в ходе кампании по превращению города в бастион российской имперской идентичности.
- 1840 г. Тарас Шевченко — художник, поэт и, по убеждению многих, отец украинской нации — публикует поэтический сборник “Кобзарь”.
- 1847 г. Николай Костомаров составляет первый политический манифест оперяющегося украинского движения — “Книги бытия украинского народа”. Он призывает к со-

зданию славянской федерации с центром на Украине.

МИРОВАЯ ИСТОРИЯ

1848 г. Революционная “ВЕСНА НАРОДОВ” в Европе.

1848 г.

Революции сотрясают Австрийскую империю и мобилизуют польские и украинские национальные силы. Украинцы Галичины объединяются вокруг Главного рус(ин)ского совета. Власти упраздняют крепостное право.

1850-е гг.

В Галичине начинается эксплуатация нефтяных месторождений. Дрогобыч и округа превращаются в один из главных нефтедобывающих районов мира.

1854 г.

Британская, французская и османская армии высаживаются в Крыму и осаждают Севастополь, а в 1855 г. строят первую железную дорогу на территории современной Украины — от Балаклавы до Севастополя. Россия теряет Черноморский флот и терпит поражение в войне.

МИРОВАЯ ИСТОРИЯ

1861 г. Начало Гражданской войны в США.

1861 г.

Отмена крепостного права в Российской империи и либеральные реформы Александра II преобразуют экономический, общественный и культурный ландшафт Украины.

1863 г.

Напуганный Январским восстанием в Польше и возможным расколом “единой общерусской нации”, министр вну-

1870 г.

тренних дел Петр Валуев запрещает почти все печатные издания по-украински. Валлийский предприниматель Джон Джеймс Хьюз переселяется на юг Украины, чтобы основать металлургический завод, и тем самым закладывает фундамент современного Донбасса, а заодно и трудовой иммиграции на Украину из внутренних российских губерний.

1876 г.

Эмский указ Александра II ужесточает меры против украинского языка. Михайло Драгоманов, молодой доцент Киевского университета, уезжает в Швейцарию, где становится пионером украинской либеральной и социалистической мысли.

1890-е гг.

Нехватка земли приводит к массовой эмиграции украинских крестьян из Австро-Венгрии за океан, а из западных губерний России — на Северный Кавказ и далее вплоть до Приморья.

1900 г.

Микола Михновский, адвокат из Харькова, провозглашает лозунг политической независимости Украины. Сходные идеи высказывают в Галичине.

1905 г.

Революция в Российской империи упраздняет запреты на употребление украинского языка в печати и дает возможность образования легальных политических партий. Она же приводит к росту русского шовинизма и еврейским погромам. Писатель Шолом-Алейхем уезжает из Киева в Нью-Йорк.

МИРОВАЯ ИСТОРИЯ

1914 г. Начало Первой мировой войны.

- 1914 г. Война превращает Украину в поле битвы между Российской, Австро-Венгерской и Германской империями.
- 1917 г. Падение империи Романовых расчищает путь к построению украинской государственности. Возглавляют этот процесс социалисты из Центральной Рады — революционного парламента Украины.
- 1918—1920 гг. Украинцы бывших Российской и Австро-Венгерской империй провозглашают независимые республики, но терпят поражение в войне с могущественными соседями — большевистской Россией и возрожденной Польшей.
- 1920-е гг. Национал-коммунизм в УССР.
- 1921—1923 гг. Украинские земли делят между собой СССР, Польша, Румыния и Чехословакия.
- 1927—1929 гг. Кремль осуществляет масштабную индустриализацию, коллективизацию и культурную революцию — меры по коммунистическому преобразованию экономики и общества.
- Мировая история** 1929 г. Начало Великой депрессии в США.
- 1932—1933 гг. Около четырех миллионов жителей УССР гибнут вследствие искусственного голода (Голодомора).
- 1934 г. Члены Организации украинских националистов убивают министра внутренних дел Польши Бронислава Перацкого, что показывает рост недовольства польской властью среди жителей Западной Украи-

- ны и усиление радикально-националистических настроений.
- 1937 г. Пик Большого террора в СССР — сотни тысяч человек гибнут, миллионы оказываются в тюрьмах и лагерях.
- МИРОВАЯ ИСТОРИЯ** 1939 г. НАЧАЛО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.
- 1939 г. Пакт Молотова — Риббентропа позволяет СССР аннексировать принадлежавшие Польше Волынь и Галичину, отнять у Румынии Северную Буковину. Еще раньше Венгрия аннексирует Карпатскую Украину, после краха Чехословакии провозгласившую независимость.
- 1941 г. Вторжение нацистской Германии и Румынии приводит к полной оккупации УССР и массовому истреблению евреев — “Холокосту от пуля”. Гибнут многие миллионы жителей Украины разного этнического происхождения.
- 1943 г. Возвращение советского режима на Украину, начало долгой войны между органами безопасности СССР и Украинской повстанческой армией в западных областях.
- 1944 г. Высылка обвиненных в сотрудничестве с нацистами крымских татар в Среднюю Азию.
- 1945 г. Ялтинская конференция утверждает на мировом уровне новую польско-украинскую границу западнее Львова и дает УССР возможность стать государством-основателем ООН. Позднее Москва вынуждает Прагу уступить УССР Закарпатье.

- 1946 г. Насильственное вливание в Русскую православную церковь Украинской грекокатолической церкви, чьих пастырей обвиняют в приверженности антикоммунизму Ватикана и связях с националистическим подпольем.
- Мировая история 1948 г. Начало холодной войны.
- 1953 г. Смерть Сталина кладет конец нарастающей антисемитской кампании, а также преследованию деятелей украинской культуры за “националистический уклон”.
- 1954 г. Хрущев и другие вожди передают находящийся в сложном экономическом положении Крым УССР — восстановление экономики полуострова зависит от ресурсов материковой части республики.
- 1956 г. Начало десталинизации. Верхушка КПУ становится младшим партнером Кремля в управлении Советским Союзом.
- 1964 г. Свержение Хрущева приводит к отказу от политики “оттепели” и частичному возврату к методам управления, присущим позднему сталинизму.
- 1970-е гг. Эпоха застоя, замедления экономического развития, накопления социальных проблем.
- 1975–1981 гг. Хельсинкские соглашения дают советским, в том числе украинским, диссидентам стимул к организованной защите прав человека. Вскоре члены Украинской Хельсинкской группы попадают за решетку.

1985 г.

Приход к власти Горбачева, начало перестройки политического и экономического уклада СССР.

1986 г.

Катастрофа на Чернобыльской АЭС остро ставит вопрос об ответственности центра и приводит к образованию Партии зеленых, первой после КПУ массовой политической партии в УССР.

1990 г.

Первые свободные выборы в Верховную Раду приводят к возникновению оппозиции и провозглашению суверенитета Украины все еще как части СССР.

МИРОВАЯ ИСТОРИЯ

1991 г. РАСПАД СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

1991 г.

После поражения путча в Москве Украина одной из первых провозглашает независимость, возглавляет движение более осторожных республик за выход из СССР и наносит ему непоправимый удар на референдуме 1 декабря.

1994 г.

Россия, США и Великобритания подтверждают суверенитет и территориальную целостность Украины в обмен на передачу России унаследованных от СССР ядерных арсеналов.

1996 г.

Новая конституция закрепляет демократические свободы и разделяет власть между президентом и парламентом, отводя обоим институтам важную роль в политике Украины.

1997 г.

Россия и Украина заключают договор о границах между двумя государствами. Россия признает Крым частью Украины и получает право на аренду военно-морской базы в Севастополе.

- 2004 г. “Оранжевая революция”, вызванная массовым возмущением коррупцией в верхах и вмешательством России в выборы, открывает Виктору Ющенко путь к должности президента и осуществлению курса реформ и евроатлантической интеграции.
- 2008–2009 гг. Украина объявляет о желании вступить в Евросоюз, подает заявку на участие в Плане действий по членству в НАТО и присоединяется к программе Восточного партнерства ЕС.
- 2013 г. Россия начинает торговую войну с Украиной, вынуждая президента Виктора Януковича отказаться от подписания соглашения об ассоциации с ЕС. Это дает толчок массовым протестам — Евромайдану (“революции достоинства”).
- 2014 г. На улицах Киева льется кровь, и Верховная Рада констатирует утрату власти Януковичем. Россия начинает “гибридную войну” против Украины, открыто аннексирует Крым и поддерживает, в том числе войсками, боевиков Донбасса.
- 2015 г. Российско-украинский конфликт становится причиной острейшего кризиса в отношениях Запада и России после эпохи холодной войны.

Кто есть кто в истории Украины

Киевские князья (до 1054 г.):

Олег/Хельги (? — ок. 912)
Игорь/Ингвар (? — ок. 945)
Ольга/Хельга (ок. 945–962)
Святослав (962–972)
Ярополк (972–980)
Владимир (980–1015)
Святополк Окаянный (1015–1019)
Ярослав Мудрый (1019–1054)

Галицко-волынские князья (1199–1340):

Роман (1199–1205)
Даниил (1205–1264)
Лев (1264–1301)
Юрий (1301–1308)
Андрей и Лев (1308–1325)
Юрий-Болеслав (1325–1340)

Деятели религии и культуры (1580–1648):

ИВАН ФЕДОРОВ (ок. 1525–1583), типограф, напечатавший Острожскую библию (1581)

князь ВАСИЛИЙ-КОНСТАНТИН ОСТРОЖСКИЙ (1526–1608), волынский магнат, инициатор обновления православной церкви

ИПАТИЙ ПОТЕЙ (1541–1613), основатель и второй митрополит униатской церкви

МЕЛЕТИЙ СМОТРИЦКИЙ (ок. 1577–1633), писатель-полемист и автор первой грамматики церковнославянского языка

ПЕТР КОНАШЕВИЧ-САГАЙДАЧНЫЙ (ок. 1582–1622), казачий гетман, покровитель православной церкви

ПЕТР МОГИЛА (1596–1647), киевский митрополит и реформатор православия

Гетманы Войска Запорожского (1648–1764):

БОГДАН ХМЕЛЬНИЦКИЙ (1648–1657)

ИВАН ВЫГОВСКИЙ (1657–1659)

ЮРИЙ ХМЕЛЬНИЦКИЙ (1659–1663)

ПАВЕЛ ТЕТЕРЯ (1663–1665)

ИВАН БРЮХОВЕЦКИЙ (1663–1668)

ПЕТР ДОРОШЕНКО (1665–1676)

ДЕМЬЯН ИГНАТОВИЧ-МНОГОГРЕШНЫЙ (1668–1672)

ИВАН САМОЙЛОВИЧ (1672–1687)

ИВАН МАЗЕПА (1687–1709)

ИВАН СКОРОПАДСКИЙ (1709–1722)

ДАНИИЛ АПОСТОЛ (1727–1734)

КИРИЛЛ РАЗУМОВСКИЙ (1750–1764)

Деятели литературы и искусства (1648–1795):

ИННОКЕНТИЙ ГИЗЕЛЬ (ок. 1600–1683), архимандрит Киево-

Печерской лавры с 1656 г., издатель “Синописа” 1674 г.

НАТАН ГАННОВЕР (? — 1683), талмудист, каббалист и автор “Пучины бездонной” (1653)

САМУИЛ ВЕЛИЧКО (1670–1728), чиновник Войска Запорожского и казачий летописец

ФЕОФАН ПРОКОПОВИЧ (1681–1736), ректор Киевской академии, вице-президент Св. Синода, близкий к Петру I

БААЛ-ШЕМ-ТОВ (? — 1760), основатель хасидизма

ГРИГОРИЙ СКОВОРОДА (1722–1794), философ, поэт и композитор

АЛЕКСАНДР БЕЗБОРОДКО (1747–1799), казачий полковник, канцлер Российской империи, историк Гетманщины

Деятели национального пробуждения (1798–1849):

ИВАН КОТЛЯРЕВСКИЙ (1769–1838), автор украинской “Энеиды”

АЛЕКСАНДР ДУХНОВИЧ (1769–1838), закарпатский священник, поэт и педагог

ГАДЕУШ ЧАЦКИЙ (1765–1813), основатель Кременецкого лицея (1805)

МАРКИАН ШАШКЕВИЧ (1811–1843), поэт и один из составителей “Русалки Днестровой” (1837)

НИКОЛАЙ ГОГОЛЬ (1809–1852), писатель, популяризатор украинских истории и культуры

ТАРАС ШЕВЧЕНКО (1814–1861), художник, поэт и прозаик, отец украинской нации в глазах многих ее представителей

МЯКОВ ГОЛОВАЦКИЙ (1814–1888), историк, этнограф, один из составителей “Русалки Днестровой”, впоследствии — видный русофил

НИКОЛАЙ КОСТОМАРОВ (1817–1885), историк, политический деятель, автор первого политического манифеста украинского движения

Государственные деятели и промышленники (1800–1900):

- герцог АРМАН-ЭММАНЮЭЛЬ ДЕ РИШЕЛЬЕ (1766–1822), французский роялист, генерал-губернатор Новороссии (1805–1814), в глазах многих — подлинный основатель Одессы
- князь НИКОЛАЙ РЕПНИН-ВОЛКОНСКИЙ (1778–1845), военачальник, генерал-губернатор Малороссии (1816–1834), защитник интересов украинских казаков и крепостных крестьян
- граф ФРАНЦ СТАДИОН (1806–1853), австрийский государственный деятель, губернатор Галиции (1847–1848), где он освободил крепостных и дал толчок политической мобилизации украинцев
- Джон ДЖЕЙМС ХЬЮЗ (1814–1889), валлийский предприниматель, основатель Юзовки (Донецка); стоял у истоков промышленного развития Донбасса
- ПЛАТОН СИМИРЕНКО (1821–1863), сахарозаводчик и филантроп, оплативший издание “Кобзаря” Тараса Шевченко
- ЛАЗАРЬ БРОДСКИЙ (1848–1904), сахарозаводчик и филантроп, заказавший постройку самой большой в Киеве синагоги
- СТАНИСЛАВ ЩЕПАНОВСКИЙ (1846–1900), предприниматель, политик и автор “Нищеты Галиции в цифрах” (1888), подстегнувший развитие добычи нефти в Галиции благодаря буровым станкам с паровым приводом

Политические и культурные деятели (1849–1917):

- МИХАИЛ ЮЗЕФОВИЧ (1802–1889), чиновник от образования, вначале умеренный украинофил, затем малоросс, инициатор Эмского указа (1876)
- МИХАЙЛО ДРАГОМАНОВ (1841–1895), общественный деятель, историк и политолог, основатель украинского либерализма и социализма
- ИСМАИЛ ГАСПРИНСКИЙ (ГАСПИРАЛИ) (1851–1914), просветитель, политик, лидер крымско-татарского национального возрождения

ИВАН ФРАНКО (1856–1916), писатель, публицист, основатель социалистического движения в Галиции

Микола Михновский (1873–1924), юрист, политик, один из первых пропагандистов идеи независимости Украины

Писатели и художники (1849–1917):

Осип-Юрий Федькович (1834–1888); писатель и фольклорист, известный рассказами из буковинской жизни

Леопольд Риттер фон Захер-Мазох (1836–1895), журналист и писатель, автор романтических произведений о Галиции

Микола Лысенко (1842–1912), композитор, основатель украинской национальной школы в музыке

Илья Репин (1844–1930), художник-реалист, известный среди прочего картиной “Запорожцы” (1891)

Шолом-Алейхем (Соломон Рабинович) (1859–1916), знаменитый писатель на идише, автор рассказов о Тевье-молочнике

Ольга Кобылянская (1863–1942), одна из ранних представительниц модернизма и феминизма в литературе

Георгий Нарбут (1886–1920), художник-график, один из основателей Украинской академии искусства (1917), автор Большого герба Украины (1918)

Деятели украинской революции (1917–1921):

Евген Петрушевич (1863–1940), юрист, политик, глава ЗУНР (1918–1919)

Михайло Грушевский (1866–1934), выдающийся историк, председатель Центральной Рады и глава УНР (1917–1918)

Давел Скоропадский (1873–1945), родственник Ивана Скоропадского, генерал российской армии, гетман Украины (1918)

Симон Петлюра (1879–1926), журналист, политик, военный министр УНР, глава Директории УНР (1919–1920)

- Владимир Винниченко** (1880–1951), популярный писатель, глава правительства УНР (1917–1918) и Директории (1918–1919)
- Нестор Махно** (1888–1934), анархо-коммунист, вождь крестьянской армии на юго-востоке Украины (1918–1921)
- Исаак Бабель** (1894–1940), журналист, писатель, автор “Конармии” (1926)
- Юрий Коцюбинский** (1896–1937 либо 1938), сын писателя Михаила Коцюбинского, большевик, формальный командующий Красной армией на Украине (1918)

Деятели “расстрелянного возрождения” (1921–1933):

- Микола Скрыпник** (1872–1933), высокопоставленный большевик, вдохновитель украинизации, покончивший с собой в разгар наступления власти на интеллигенцию и крестьянство СССР
- Павло Тычина** (1891–1967), выдающийся поэт, перешедший от символизма к соцреализму
- Микола Хвильевой** (1893–1933), известный автор-коммунист, основатель украинской пролетарской литературы; покончил с собой в один из последних дней Голодомора
- Александр Довженко** (1894–1956), сценарист, кинорежиссер, пионер монтажа в СССР
- Дзига Вертов** (Давид Кауфман) (1896–1954), кинорежиссер, совершивший прорыв в технике документального фильма; снял свои лучшие работы, включая “Человек с киноаппаратом” (1929), на Украине

Герои и антигерои Второй мировой войны (1939–1945):

- митрополит **АНДРЕЙ ШЕПТИЦКИЙ** (1865–1944), предстоятель Украинской грекокатолической церкви (1901–1944), духовный лидер украинцев Галичины
- СИДОР КОВПАК** (1887–1967), командир соединения советских партизан
- МИХАИЛ КИРПОНОС** (1892–1941), генерал Красной армии, командовавший обороной Киева (1941)
- ЭРИХ КОХ** (1896–1986), нацистский гауляйтер Восточной Пруссии (1928–1945) и рейхскомиссар Украины (1941–1944)
- НИКОЛАЙ ВАТУТИН** (1901–1944), генерал, командующий Первым украинским фронтом РККА
- ОТТО ФОН ВЕХТЕР** (1901–1949), нацистский губернатор дистрикта Галиция (1942–1944)
- РОМАН ШУХЕВИЧ** (1907–1950), один из вождей ОУН, главнокомандующий УПА (1943–1950)
- СТЕПАН БАНДЕРА** (1909–1959), глава самого известного, названного в его честь крыла ОУН (1941), а также ОУН(б) в эмиграции (1944–1959)

Коммунистические вожди СССР (1938–1990):

- НИКИТА ХРУЩЕВ** (1938–1947, 1947–1949)
- ИЗАЗАРЬ КАГАНОВИЧ** (1947)
- ЛЕОНИД МЕЛЬНИКОВ** (1949–1953)
- АЛЕКСЕЙ КИРИЧЕНКО** (1953–1957)
- НИКОЛАЙ ПОДГОРНЫЙ** (1957–1963)
- ПЕТР ШЕЛЕСТ** (1963–1972)
- ВЛАДИМИР ЩЕРБИЦКИЙ** (1972–1989)
- ВЛАДИМИР ИВАШКО** (1989–1990)

Лидеры диссидентов (1960–1990):

Левко Лукьяненко (р. 1927), юрист и политический деятель; провел более четверти века в тюрьме и ссылке, автор Акта провозглашения независимости Украины (1991)

Георгий Винс (1928–1998), баптистский пастор, правозащитник, дважды осужденный, а в 1979 г. высланный из СССР

Вячеслав Чорновил (1937–1999), журналист, один из столпов украинского самиздата, многолетний политзаключенный

Мустафа Джемилев (р. 1943), лидер национального движения крымских татар; был арестован шесть раз и провел долгие годы в тюрьме и ссылке

Семен Глузман (р. 1946), психиатр, правозащитник, осужденный на 10 лет тюрьмы и ссылки за разоблачение советской карательной психиатрии

Президенты Украины (1991–2017):

Леонид Кравчук (1991–1994)

Леонид Кучма (1994–2005)

Виктор Ющенко (2005–2010)

Виктор Янукович (2010–2014)

Петр Порошенко (с 2014)

Список цитированной литературы

- ГЕОРГИЙ КониССкий. *История русов или Малой России*.
К.: Дзвін, 1991.
- ГЕРОДОТ. *История в девяти книгах* / Пер. Г. А. Стратановского.
Л.: Наука, 1972.
- Книга пророка Иеремии // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в русском переводе с параллельными местами и приложениями*. М.: Российское библейское общество, 2012.
- ГЕРОДОТ. *История в девяти книгах* / Пер. Ф. Г. Мищенко.
М.: А. Г. Кузнецов, 1888.
- ПУБЛИЙ Овидий НАЗОН. *Трижды на Истре был лед с тех пор, как живу я у Понта...* / Пер. С. В. Шервинского // *Скорбные элегии. Письма с Понта*. М.: Наука, 1978.
- ИОН ХриСТОСОМ. *Борисфенитская речь, прочитанная в отечестве* // В. В. ЛАТЫШЕВ. *Известия древних писателей о Скифии и Кавказе*. Ч. 1. // *Вестник древней истории*. №1 (23). 1948.
- ПУБЛИЙ Овидий НАЗОН. *Ты, кем и прежде я дорожил, чья давняя дружба...* / Пер. Н. Д. Вольпин // *Скорбные элегии. Письма с Понта*. М.: Наука, 1978.
- СТРАБОН. *География в 17 книгах* / Пер. Г. А. Стратановского. [б. м.]: Наука, 1964. (Ленинград.)
- ИОРДАН. *О происхождении и деяниях гетов. Getica* / Пер. Е. Ч. Скржинской. М.: Изд-во восточной литературы, 1960.

- ПРОКОПИЙ ИЗ КЕСАРИИ. *Война с готами* / Пер. С. П. Кондратьева. М.: Изд-во АН СССР, 1950.
- Стратегикон Маврикия* / Пер. В. В. Кучмы. СПб.: Алетейя, 2004.
- Повесть временных лет* (по Ипатьевскому списку) / Пер. О. В. Творогова // *Библиотека литературы Древней Руси*. Т. 1. СПб.: Наука, 1997.
- В. РОЗЕН. *Известия Ал-Бехри о славянах и их соседях* // А. Куник, В. Розен. *Известия Ал-Бехри и других авторов о Руси и славянах*. Ч. 1. СПб., 1878.
- ФОТИЙ. *Гомилия вторая "На нашествие росов"* // П. В. Кузнецков. *Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках* // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2000 г. Проблемы источниковедения. М.: "Восточная литература" РАН, 2003.
- КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ. *Об управлении империей* / Пер. Г. Г. Литаврина. М.: Наука, 1991.
- ЛЕВ ДИАКОН. *История* / Пер. М. М. Копыленко. М.: Наука, 1988.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. М.: ЯРК, 2000.
- Галицко-Волынская летопись* / Пер. О. П. Лихачевой // *Библиотека литературы Древней Руси*. Т. 5. СПб.: Наука, 1997.
- ИОАНН ДЕ ПЛАНО КАРПИНИ. *Книга о татарах* / Пер. С. В. Аксенова // А. Г. Юрченко. *Историческая география политического мифа. Образ Чингис-хана в мировой литературе XIII–XV вв.* СПб.: Евразия, 2006.
- ГЕРАСИМ СМОТРИЦЬКИЙ. *Всякого чина православный читателю...* // *Українська поезія: кінець XVI — початок XVII ст.* К.: Наукова думка, 1978.
- МИХАЛОН ЛИТВИН. *О нравах татар, литовцев и москвитян* / Пер. В. И. Матузовой. М.: Изд-во МГУ, 1994.
- В. Н. КОРОЛЕВ. *Босфорская война*. М.: Вече, 2013.
- КАСИЯН САКОВИЧ. *Вършиг на жалосный погреб зацного рыцера Петра Конашевича Сагайдачного...* // *Українська поезія: кінець XVI — початок XVII ст.* К.: Наукова думка, 1978.

- М. С. Грушевський. *Історія України-Руси*. Т. 7. К.: Наукова думка, 1995.
- П. Жукович. *Протестація митрополита Іова Борецького і других западно-руських ієрархів, составлена 28 апреля 1621 года* // Статті по славянознавству. Вып. 3. СПб., 1910.
- С. М. Солов'єв. *Історія Росії з древніших часів*. Т. 10 // Сочинення. Кн. 5. М.: Мысль, 1990.
- Там же. Т. 11 // Сочинення. Кн. 6. М.: Мысль, 1991.
- В. В. Речицький. *Політичний предмет конституції*. К.: Дух і літера, 2012.
- Д. Н. Бантыш-Каменський. *Істочники малоросійської історії*. Ч. 2. М., 1859.
- В. О. Ключевський. *Курс російської історії* // Сочинення в дев'яти томах. Т. 5. М.: Мысль, 1989.
- С. М. Солов'єв. *Історія Росії з древніших часів*. Т. 26 // Сочинення. Кн. 13. М.: Мысль, 1994.
- Н. Петров. *Разговор Великої Росії з Малою Росією* (літературний пам'ятник другої половини XVIII століття) // Київська старина. 1882. Т. 1 (февраль, июль).
- В. В. Капніст. *Оди. Стихотворення*. М.: Директ-Медиа, 2014.
- М. Амелін. *Самішній поет часів Катерини (апологія Василя Петрова)* // Проблеми літератури. 2001. №6.
- Адам Мицкевич. *Пан Тадеуш* / Пер. Н. В. Берга. Варшава, 1875.
- В. В. Ададуров. *Запорозький козак Твердовський проти Наполеона: відображення вірнопідданих настроїв малоросійського дворянства в українськомому памфлеті 1807 р. з Національного архіву Франції* // Український історичний журнал. 2012. №5.
- А. С. Пушкін. *Полное собрание сочинений в десяти томах*. Т. 3. Л.: Наука, 1977.
- Шевченко об искусстве / Сост. И. И. Стебун. М.: Искусство, 1964.
- А. И. Миллер. "Украинский вопрос" в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб.: Алетейя, 2000.
- А. И. Миллер, О. А. Остапчук. *Латиница и кириллица в украинском национальном дискурсе и языковой политике*

- Российской и Габсбургской империй* // Славяноведение. 2006. № 5.
- Я. Ф. Головацкий. *Об отношениях галицких русинов к соседям* // Основа. СПб., 1862. № 5.
- ВАСИЛЬ СТЕФАНИК. *Новеллы* / Пер. В. М. Россельса. М.: Наука, 1983.
- Л. Д. ТРОЦКИЙ. *Наша первая революция*. Ч. 1 // Сочинения. Т. 2. М.—Л., 1925.
- А. И. СОЛЖЕНИЦЫН. *Двести лет вместе (1795–1995)*. М.: Русский путь, 2001.
- БЕАТА ВАРГА. *М. С. Грушевский — историк, общественный и политический деятель* // *Историк и мир — мир историка в России и Центрально-Восточной Европе*. Будапешт: *Russica Pannonica*, 2012.
- СИМОН ПЕТЛЮРА. *Главный атаман: в плену несбыточных надежд* / Пер. Г. М. Лесной. СПб.: Летний сад, 2008.
- И. В. СТАЛИН. *Тов. Кагановичу и другим членам ЦК КП(б)У* // Сочинения. Т. 8. М.: ГИПЛ, 1951.
- Р. В. ЧАСТИЙ. *Степан Бандера: мифы, легенды, действительность*. Харьков: Фолио, 2007.
- И. В. СТАЛИН. *Об основах ленинизма* // Сочинения. Т. 6. М.: ГИПЛ, 1951.
- Письмо председателя СНК УССР В. Я. Чубаря В. М. Молотову и И. В. Сталину о ситуации с посевной кампанией на Украине* // *Голод в СССР. 1929–1934*. Т. 1. Кн. 2. М.: МФД, 2011.
- Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг.* М.: РОССПЭН, 2001.
- С. КУЗЬМИН. *К репрессиям причастен. (Штрихи к политическому портрету Н. С. Хрущева)* // Молодая гвардия. 1996. № 3.
- АДОЛЬФ ГИТЛЕР. *Моя борьба*. Ростов-на-Дону: Т-ОКО, 1992.
- ВЕРНЕР БРОЙНИНГЕР. *Противники Гитлера в НСДАП. 1921–1945*. М.: АСТ; Астрель, 2006.
- Н. С. ХРУЩЕВ. *Воспоминания. Время, люди, власть*. Кн. 1. М.: Вече, 2016.
- Л. И. БРЕЖНЕВ. *Воспоминания*. М.: Политиздат, 1982.
- Є. СВЕРСТЮК. *Блудні сини України*. К.: Знання, 1993.

- Леонид Кравчук: *“Для Путина это трагедия, для нас — праздник”* // Forbes Украина. 2011. № 2.
- А. К. ВЛАСЕНКО. В. В. ЩЕРБИЦКИЙ и его время. Харьков: Фолио, 2009.
- Л. М. МЛЕЧИН. *Комитет — 1991: нерассказанная история КГБ России*. М.: Центрполиграф, 2017.
- Из выступления Б. Ельцина перед парламентом России* // Известия. 1991. 12 декабря.
- Декларація Української Громадської Групи сприяння виконанню Гельсінських угод від 9 листопада 1976 року* // Самостійна Україна. К.: 1996. № 25–28.
- ЕЛЕНА СТЯЖКИНА. *Прости, Россия, и я прощаю* // Остров. 2014. 2 марта.

Литература по теме

Введение

- ДМЫТРО ДОРОШЕНКО. *A Survey of Ukrainian History*, with introduction by O. Gerus, upd. ed. Winnipeg, 1975.
- МΥΚΗΑΙΛΟ ΗΡУSHEVSKY. *A History of the Ukraine*. New Haven, CT, 1940; Hamden, CT, 1970); idem, *History of Ukraine-Rus'* Vols. 1, 6–10. Edmonton and Toronto, 1997–2014.
- IVAN KATCHANOVSKI ET AL. *Historical Dictionary of Ukraine*, 2nd ed. Lanham, MD, 2013.
- PAUL KUBICEK. *The History of Ukraine*. Westport, CT, 2008.
- PAUL ROBERT MAGOCSI. *A History of Ukraine*, 2nd ed. Toronto, 2010; idem, *Ukraine: An Illustrated History*. Toronto, 2007.
- ANNA REID. *Borderland: A Journey Through the History of Ukraine*. London, 1997.
- OREST SUBTELNY. *Ukraine: A History*, 4th ed. Toronto, 2009.
- ROMAN SZPORLUK. *Ukraine: A Brief History*, 2nd ed. Detroit, MI, 1982.
- ANDREW WILSON. *The Ukrainians: Unexpected Nation*, 3rd ed. New Haven, CT, 2009.
- SERHY YEKELCHYK. *Ukraine: Birth of a Modern Nation*. New York, 2007.

Раздел I. Понтийский фронтир

- PAUL M. BARFORD. *The Early Slavs: Culture and Society in Early Medieval Eastern Europe*. Ithaca, NY, 2001.
- DAVID BRAUND, ed. *Scythians and Greeks: Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire*. Exeter, UK, 2005.
- MARTIN DIMNIK. *Mikhail, Prince of Chernigov and Grand Prince of Kiev, 1224–1246*. Toronto, 1981; idem, *The Dynasty of Chernigov, 1146–1246*. Cambridge, 2003.
- SIMON FRANKLIN AND JONATHAN SHEPARD. *The Emergence of Rus', 750–1200*. London, 1996.
- EDWARD L. KEENAN. *Josef Dobrovský and the Origins of the Igor' Tale*. Cambridge, MA, 2003.
- JUKKA KORPELA. *Prince, Saint and Apostle: Prince Vladimir Svjatoslavic of Kiev*. Wiesbaden, 2001.
- OMELJAN PRITSAK. *The Origin of Rus'*. Vol. 1. Cambridge, MA, 1981.
- CHRISTIAN RAFFENSPERGER. *Reimagining Europe: Kievan Rus' in the Medieval World*. Cambridge, MA, 2012.
- RENATE ROLLE. *The World of the Scythians*. London, 1989.

Раздел II. Восток и Запад: встреча на Днестре

- LUDMILLA CHARIPOVA. *Latin Books and the Eastern Orthodox Clerical Elite in Kiev, 1632–1780*. Manchester, UK, 2006.
- BRIAN L. DAVIES. *Warfare, State and Society on the Black Sea Steppe, 1500–1700*. London and New York, 2007.
- LINDA GORDON. *Cossack Rebellions: Social Turmoil in the Sixteenth-Century Ukraine*. Albany, NY, 1983.
- BORYS A. GUDZIAK. *Crisis and Reform: The Kyivan Metropolitanate, the Patriarch of Constantinople, and the Genesis of the Union of Brest*. Cambridge, MA, 1998.
- DAVID A. FRICK. *Meletij Smotryc'kyj*. Cambridge, MA, 1995.

- IAROSLAV ISAIEVYCH. *Voluntary Brotherhood: Confraternities of Laymen in Early Modern Ukraine*. Edmonton and Toronto, 2006.
The Kiev Mohyla Academy. Special issue of *Harvard Ukrainian Studies*, 8, no. 1–2 (June 1984).
- PAULINA LEWIN. *Ukrainian Drama and Theater in the Seventeenth and Eighteenth Centuries*. Edmonton, 2008.
- JAROSLAW PELENSKI. *The Contest for the Legacy of Kievan Rus'*. Boulder, CO, and New York, 1998.
- SERHII PLOKHY. *The Cossacks and Religion in Early Modern Ukraine*. Oxford, 2001; idem, *The Origins of the Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine and Belarus*. Cambridge, UK, 2006.
- IHOR ŠEVČENKO. *Ukraine Between East and West: Essays on Cultural History to the Early Eighteenth Century*, 2nd ed. Edmonton and Toronto, 2009.
- FRANK E. SYSYN. *Between Poland and the Ukraine: The Dilemma of Adam Kysil, 1600–1653*. Cambridge, MA, 1985.

Раздел III. В объятиях империй

- DANIEL BEAUVOIS. *The Noble, the Serf, and the Revizor: The Polish Nobility Between Tsarist Imperialism and the Ukrainian Masses, 1831–1863*. New York, 1992.
- SERHIY BILENKY. *Romantic Nationalism in Eastern Europe: Russian, Polish, and Ukrainian Political Imaginations*. Stanford, CA, 2012; idem, ed., *Fashioning Modern Ukraine: Selected Writings of Mykola Kostomarov, Volodymyr Antonovych, and Mykhailo Drahomanov*. Edmonton and Toronto, 2014.
- MARTHA BOHACHEVSKY-CHOMIAK. *Feminists Despite Themselves: Women in Ukrainian Community Life, 1894–1939*. Edmonton, 1988.
- ALAN W. FISHER. *The Russian Annexation of the Crimea, 1772–1783*. Cambridge, UK, 1970.
- ALISON FRANK. *Oil Empire: Visions of Prosperity in Austrian Galicia*. Cambridge, MA, 2005.

- LEONARD G. FRIESEN. *Rural Revolutions in Southern Ukraine: Peasants, Nobles, and Colonists, 1774–1905*. Cambridge, MA, 2008.
- GEORGE G. GRABOWICZ. *The Poet as Mythmaker: A Study of Symbolic Meaning in Taras Ševčenko*. Cambridge, MA, 1982.
- PATRICIA HERLIHY. *Odessa: A History, 1794–1914*. Cambridge, MA, 1986.
- FAITH HILLIS. *Children of Rus': Right-Bank Ukraine and the Invention of a Russian Nation*. Ithaca, NY, and London, 2013.
- JOHN-PAUL HIMKA. *Socialism in Galicia: The Emergence of Polish Social Democracy and Ukrainian Radicalism, 1860–1890*. Cambridge, MA, 1983; idem, *Galician Villagers and the Ukrainian National Movement in the Nineteenth Century*. New York, 1988; idem, *Religion and Nationality in Western Ukraine: The Greek Catholic Church and the Ruthenian National Movement in Galicia, 1867–1900*. Montreal and Kingston, ON, 1999.
- ZENON E. KOHUT. *Russian Centralism and Ukrainian Autonomy: Imperial Absorption of the Hetmanate, 1760s–1830s*. Cambridge, MA, 1988.
- NATAN M. MEIR. *Kiev, Jewish Metropolis: A History, 1859–1914*. Bloomington, IN, 2010.
- ALEXEI MILLER. *The Ukrainian Question: Russian Nationalism in the Nineteenth Century*. Budapest and New York, 2003.
- SERHII PLOKHY. *Tsars and Cossacks: A Study in Historiography*. Cambridge, MA, 2003; idem, *The Cossack Myth: History and Nationhood in the Age of Empires*. Cambridge, 2012; idem, ed., *Poltava 1709: The Battle and the Myth*. Cambridge, MA, 2013.
- THOMAS PRYMAK. *Mykola Kostomarov: A Biography*. Toronto, 1996.
- IVAN L. RUDNYTSKY. *Essays in Modern Ukrainian History*. Edmonton, 1987. DAVID SAUNDERS. *The Ukrainian Impact on Russian Culture, 1750–1850*. Edmonton, 1985.
- OREST SUBTELNY. *The Mazepists: Ukrainian Separatism in the Early Eighteenth Century*. Boulder, CO, and New York, 1981.
- WILLARD SUNDERLAND. *Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe*. Ithaca, NY, and London, 2004.
- STEPHEN VELYCHENKO. *National History as Cultural Process: A Survey of the Interpretations of Ukraine's Past in Polish, Russian, and*

Ukrainian Historical Writing from the Earliest Times to 1914. Edmonton, 1992.

LARRY WOLFF. *The Idea of Galicia: History and Fantasy in Habsburg Political Culture*. Stanford, CA, 2010.

CHARTERS WYNN. *Workers, Strikes, and Pogroms: The Donbass-Dnepr Bend in Late Imperial Russia, 1870–1905*. Princeton, NJ, 1992.

ANDRIY ZAYARNYUK. *Framing the Ukrainian Peasantry in Habsburg Galicia, 1846–1914*. Edmonton, 2013.

SERGEI I. ZHUK. *Russia's Lost Reformation: Peasants, Millennialism, and Radical Sects in Southern Russia and Ukraine, 1830–1917*. Washington, DC, Baltimore, and London, 2004.

STEVEN J. ZIPPERSTEIN. *The Jews of Odessa: A Cultural History, 1794–1881*. Stanford, CA, 1985.

Раздел IV. Мировые войны

HENRY ABRAMSON. *A Prayer for the Government: Ukrainians and Jews in Revolutionary Times, 1917–1920*. Cambridge, MA, 1999.

JOHN A. ARMSTRONG. *Ukrainian Nationalism*, 3rd ed. Englewood, CO, 1990. KAREL C. BERKHOFF. *Harvest of Despair: Life and Death in Ukraine Under Nazi Rule*. Cambridge, MA, 2004.

BOHDAN BOCIURKIW. *The Ukrainian Greek Catholic Church and the Soviet State, 1939–1950*. Edmonton, 1996.

KATE BROWN. *A Biography of No Place: From Ethnic Borderland to Soviet Heartland*. Cambridge, MA, and London, 2004.

ROBERT CONQUEST. *The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-Famine*. New York, 1987.

THEODORE H. FRIEDGUT. *Yuzovka and Revolution: Life and Work: Politics and Revolution in Russia's Donbass, 1869–1924*, 2 vols. Princeton, NJ, 1989–1994.

ANDREA GRAZIOSI. *The Great Soviet Peasant War: Bolsheviks and Peasants, 1917–1933*. Cambridge, MA, 1996.

JAN T. GROSS. *Revolution from Abroad: The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia*, exp. ed. Princeton, NJ, 2002.

- MARK VON HAGEN. *War in a European Borderland: Occupations and Occupation Plans in Galicia and Ukraine, 1914–1918*. Seattle, WA, 2007.
- HALYNA HRYN, ed. *Hunger by Design: The Great Ukrainian Famine and Its Soviet Context*. Cambridge, MA, 2008.
- BOHDAN KLID and ALEXANDER J. MOTYL, eds. *The Holodomor Reader: A Sourcebook on the Famine of 1932–1933 in Ukraine*. Edmonton, 2012.
- BOHDAN KRAWCHENKO. *Social Change and National Consciousness in Twentieth-Century Ukraine*. London, 1985.
- ANDRII KRAWCHUK. *Christian Social Ethics in Ukraine: The Legacy of Andrei Sheptytsky*. Edmonton, 1997.
- HIROAKI KUROMIYA. *Freedom and Terror in the Donbas: A Ukrainian-Russian Borderland, 1870s–1990s*. Cambridge, 1998; idem, *Conscience on Trial: The Fate of Fourteen Pacifists in Stalin's Ukraine, 1952–1953*. Toronto, 2012.
- GEORGE LIBER. *Alexander Dovzhenko: A Life in Soviet Film*. London, 2002. WENDY LOWER. *Nazi Empire-Building and the Holocaust in Ukraine*. Chapel Hill, NC, 2005.
- JAMES E. MACE. *Communism and the Dilemmas of National Liberation: National Communism in Soviet Ukraine, 1918–1933*. Cambridge, MA, 1983. PAUL ROBERT MAGOCSI. *The Shaping of a National Identity: Subcarpathian Rus', 1848–1948*. Cambridge, MA, 1978.
- TERRY MARTIN. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, NY, and London, 2001.
- ALEXANDER J. MOTYL. *The Turn to the Right: The Ideological Origins and Development of Ukrainian Nationalism, 1919–1929*. Boulder, CO, and New York, 1980.
- YOHANAN PETROVSKY-SHTERN. *The Anti-Imperial Choice: The Making of the Ukrainian Jew*. New Haven, CT, 2009; idem, *The Golden Age Shtetl: A New History of Jewish Life in East Europe*. Princeton, NJ, 2014.
- SERHII PLOKHY. *Unmaking Imperial Russia: Mykhailo Hrushevsky and the Writing of Ukrainian History*. Toronto, 2005; idem, *Yalta: The Price of Peace*. New York, 2010.

- ANNA PROCYK. *Russian Nationalism and Ukraine: The Nationality Policy of the Volunteer Army During the Civil War*. Edmonton, 1995.
- THOMAS PRYMAK. *Mykhailo Hrushevsky: The Politics of National Culture*. Toronto, 1987.
- GEORGE Y. SHEVELOV. *The Ukrainian Language in the First Half of the Twentieth Century, 1900–1941: Its State and Status*. Cambridge, MA, 1989.
- TIMOTHY SNYDER. *The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999*. New Haven, CT, 2003; idem, *Bloodlands: Europe Between Hitler and Stalin*. New York, 2010.
- STEPHEN VELYCHENKO. *State Building in Revolutionary Ukraine: A Comparative Study of Governments and Bureaucrats, 1917–1922*. Toronto, 2011.
- SERHY YEKELCHYK. *Stalin's Empire of Memory: Russian-Ukrainian Relations in the Soviet Historical Imagination*. Toronto, 2004; idem, *Stalin's Citizens: Everyday Politics in the Wake of Total War*. New York, 2014.

Раздел V. На пути к независимости

- ANNE APPLEBAUM. *Between East and West: Across the Borderlands of Europe*. New York, 1994.
- OMER BARTOV. *Erased: Vanishing Traces of Jewish Galicia in Present-Day Ukraine*. Princeton, NJ, 2007.
- YAROSLAV BILINSKY. *The Second Soviet Republic: The Ukraine After World War II*. New Brunswick, NJ, 1964.
- MARTA DYCZOK. *The Grand Alliance and Ukrainian Refugees*. New York, 2000; idem, *Ukraine: Movement Without Change, Change Without Movement*. New York, 2000.
- ANDREA GRAZIOSI, LUBOMYR A. HAJDA, and HALYNA HRYN, eds. *After the Holodomor: The Enduring Impact of the Great Famine on Ukraine*. Cambridge, MA, 2013.
- BOHDAN HARASYMIW. *Post-Communist Ukraine*. Edmonton and Toronto, 2002.

- ASKOLD KRUSHELNYCKY. *An Orange Revolution: A Personal Journey Through Ukrainian History*. London, 2006.
- TARAS KUZIO. *Ukraine: State and Nation Building*. London and New York, 1998.
- BORYS LEWYTYZKYJ. *Politics and Society in Soviet Ukraine, 1953–1980*. Edmonton, 1984.
- PAUL ROBERT MAGOCSI. *This Blessed Land: Crimea and the Crimean Tatars*. Toronto, 2014.
- DAVID MARPLES. *The Social Impact of the Chernobyl Disaster*. New York, 1988; idem, *Ukraine Under Perestroika*. Edmonton, 1991; idem, *Stalinism in Ukraine in the 1940s*. Edmonton, 1992; idem, *Heroes and Villains: Creating National History in Contemporary Ukraine*. Budapest, 2007.
- KOSTIANTYN P. MOROZOV. *Above and Beyond: From Soviet General to Ukrainian State Builder*. Cambridge, MA, 2001.
- ALEXANDER J. MOTYL. *Dilemmas of Independence: Ukraine After Totalitarianism*. New York, 1993.
- OLGA ONUCH. *Mapping Mass Mobilization: Understanding Revolutionary Moments in Argentina and Ukraine*. New York, 2014.
- SERHII PLOKHU. *The Last Empire: The Final Days of the Soviet Union*. New York, 2014. [Русское издание: СЕРГЕЙ ПЛОХИЙ. *Последняя империя. Падение Советского Союза*. Пер. с англ. С. Гирика, С. Лунина, А. Сагана. М.: Corpus, 2016.]
- WILLIAM J. RISCH. *The Ukrainian West: Culture and the Fate of Empire in Soviet Lviv*. Cambridge, MA, 2011.
- GWENDOLYN SASSE. *The Crimea Question: Identity, Transition, and Conflict*. Cambridge, MA, 2014.
- ROMAN SZPORLUK. *Russia, Ukraine, and the Breakup of the Soviet Union*. Stanford, CA, 2000.
- CATHERINE WANNER. *Burden of Dreams: History and Identity in Post-Soviet Ukraine*. University Park, PA, 1998; idem, *Communities of the Converted: Ukrainians and Global Evangelism*. Ithaca, NY, and London, 2007.
- AMIR WEINER. *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton, NJ, 2001.

- ANDREW WILSON. *Ukrainian Nationalism in the 1990s: A Minority Faith*. Cambridge, 1997; idem, *Ukraine's Orange Revolution*. New Haven, CT, and London, 2005.
- KATARYNA WOLCZUK. *The Moulding of Ukraine: The Constitutional Politics of State Formation*. Budapest, 2001.
- SERGEI ZHUK. *Rock and Roll in the Rocket City: The West, Identity, and Ideology in Soviet Dnipropetrovsk, 1960–1985*. Washington, DC, Baltimore, and London, 2010.

Эпилог. Долгое эхо истории

- JOHN-PAUL HIMKA. *The History Behind the Regional Conflict in Ukraine*. *Kritika* 16, no. 1 (2015): 129–136.
- VOLODYMYR KULYK. *Ukrainian Nationalism Since the Outbreak of EuroMaidan*. *Ab Imperio*, no. 3 (2014): 94–122.
- EDWARD LUCAS. *The New Cold War: Putin's Russia and the Threat to the West*. New York, 2014.
- ALEXANDER J. MOTYL. *Imperial Ends: The Decay, Collapse, and Revival of Empires*. New York, 2001.
- RICHARD SAKWA. *Frontline Ukraine: Crisis in the Borderlands*. London, 2014. ANDREW WILSON. *Ukraine Crisis: What It Means for the West*. New Haven, CT, and London, 2014.

Предметно-именной указатель

- абсолютизм (абсолютная монархия) 194,
202, 203, 221, 226, 270
- авары 53
- Август, император 43
- Август Сильный, король 191
- Австралия 399, 469
- Австрия
Австро-Венгрия, империя
Габсбургов 27, 28, 29, 211, 214–216, 217,
221, 237, 238–241, 242, 243, 244, 247, 248,
249, 250, 252, 263–264, 265, 273, 280, 285,
286, 287, 288, 289, 290, 296, 297, 298,
300–301, 303, 311, 334, 339–340, 359, 368,
376, 389, 395, 396, 479;
современная 332, 446
- айнзацгруппы (эскадроны смерти) 373
- Александр I 220, 221, 226, 229, 230
- Александр II 244, 245, 254–255, 271, 276
- Александр III 257
- Александр Невский 99
- Алексей Михайлович, царь 166, 167–168,
169, 174, 175, 177–178, 185, 186, 190,
191, 274
- Алексий II 447
- Аляска 255
- анархизм 316, 317
- Анастасия Ярославна 81
- Андраш Белый 81
- Андрей, апостол 56–57
- Андрей Боголюбский 87, 88, 89, 92, 96
- Андропов Юрий 420, 421
- Андрусовское перемирие 179, 180, 185, 187
- Анна Порфирогенита 74, 75
- Анна Ярославна 81
- антисемитизм (юдофобия) 275, 281, 313,
314, 316, 332, 375, 406;
см. также: убийства массовые
- Антонеску Ион 375
- Апостол Даниил 197, 203, 217
- Аргентина 332, 399
- Арлэ Филипп де, граф де Сези 135, 136
- атаманы повстанческие 269, 304, 306, 307,
308, 311, 313, 314, 315, 316
- Аушвиц (Освенцим) 370, 372, 373
- Ахметов Ринат 451, 467
- Баал-Шем-Тов Исраэль 209
- Бабель Исаак 312, 314
- Бабий Яр 373, 374–375, 377
- Байрон Джордж Гордон 188
- Балканский полуостров (Балканы) 48, 51,
58, 68, 87, 102, 135
- Балтийское море (Прибалтика) 58, 62,
92, 115, 119, 191, 194, 216, 259, 308, 357,
364, 365, 368, 372, 430, 431, 433, 442
торговля на 87, 126
- Бандера Степан 335, 364, 369–370, 385–386,
405, 457
- Барская конфедерация 208, 216
- Барское староство 177
- Батурич 190, 192, 195
- Батый (Бату-хан) 94, 95–96, 98, 99, 101,
102, 148
- Безбородко Александр 201, 207–208, 209,
210, 211, 217–218
- Бейлиса дело 281

- Бек Юзеф 357
 Белзское княжество 106
 Белоруссия (белорусы) 29, 35, 55–56, 61, 92, 104, 111, 112, 116, 117, 120, 122, 146, 147, 150, 165, 167, 168, 169, 181, 198, 214, 215, 216, 220, 226, 228, 229, 243, 311, 312, 322, 330, 361, 362, 368, 372, 392, 393, 424, 434, 439
 Бельгия 260, 265, 424
 Берия Лаврентий 407
 Бессарабия 210, 321, 338, 339, 364, 375
     Южная (Буджак) 338, 339
 Библия 36, 120–121, 148
 Болгария (булгары дунайские) 66, 68, 69, 78, 212, 233, 296, 317
 Болеслав (Юрий), князь 105
 большевики (большевизм, красные) 83, 153, 261, 268, 272, 293–294, 295, 296, 297, 299, 300, 305, 306, 307, 308, 309, 310–311, 312, 313, 314, 317, 322, 323, 324, 325, 327, 329, 341, 343, 345, 350, 351, 355, 358, 360, 361, 362–363, 367, 369, 374, 377, 378, 380, 381, 385, 395, 475
     еврейские 314;
     см. также: коммунизм
 Боплан Гийом Левассёр де 139
 Борис и Глеб 84
 Борисфен — *см.*: Днепр
 боротьбисты 310–311, 324
 боярство 73, 91, 98, 105, 106, 107, 113, 115–117, 166, 167, 178, 333
 Брайчевский Михаил 418
 брак 57–58, 108, 144, 182
     династический 65, 74, 75, 81, 102, 111, 164
 братства православные 143, 144, 145
     киевское 149;
     львовское 143, 149
 Брацлавское воеводство 116–117, 139, 161, 164, 176
 Брежнев Леонид 261, 262, 401, 402, 408, 415, 417, 418, 421, 426, 430 (Брежневской), 447
     похороны 419, 420
 Брестская уния 146, 147, 148, 151, 155, 175, 228
 Брестский мир 296–297, 360, 368, 475
 Британия 59, 222, 254, 255, 259, 260, 285, 286, 299, 308, 361, 364, 392, 405, 444, 469
     Англия 59;
     Уэльс 253;
     Шотландия 222
 Броды 366
     битва под 390
 Брюллов Карл 233
 Брянская область 291
 Будапештский меморандум 444, 473, 482
 Буковина 141, 215, 241, 250, 251, 263, 264, 287, 289, 290, 300, 319, 338, 339, 364, 375, 404, 431, 479
 булгары 53
     волжские 67, 73, 74–75, 87, 95;
     дунайские 68
 Бурундай 102–103
 Буш-старший Джордж 433, 434, 439
 Валахия 152, 163, 165, 172, 180, 209, 210
 Валуев Петр 244–245, 246, 247, 248
 валюта иностранная 420
 Ватутин Николай 387
 “Ваффен-СС” 388, 390
 Великая Отечественная война (советско-германская) 365–380, 382–385, 386, 387–391, 399, 401, 403, 404, 466
     контрудары Красной армии на Украине 366–367, 379, 382, 383;
     тягчайшее поражение СССР 367;
     чернопиджачники 388;
     см. также: Украина — нацистская оккупация
 Вена 27, 134, 215, 238, 239, 243, 249, 250, 256, 280, 285, 289, 300, 388, 454
 Венгрия (венгры) 28, 81, 94, 98, 102, 111, 214, 239, 240, 242, 249, 277, 319, 340, 357–358, 365, 376, 385, 479
 Венский конгресс 221, 225, 226, 239
 Вехтер Отто фон 388, 389
 Византия (Восточная Римская империя, Романия) 26, 27, 47, 48, 50, 54, 55, 60, 61, 62, 68, 71, 72, 74, 75, 76, 80, 81, 82, 90, 112, 125, 144, 210, 324–325;
     см. также: Константинополь
 викинги (варяги, норманны) 29, 59–70, 71, 72, 73, 75, 80, 81, 83, 91, 135, 258;
     см. также: русь (как группа людей)
 Вильнюс (Вильно) 129, 143, 149, 168, 169, 232, 461, 463
 Винницкая область 305, 379, 438
 Винниченко Владимир 291, 300, 304, 305
 Витовт 112, 113
 Вишневецкие 173
     Александр 132;
     Михаил 118–119, 128–129

- Владимир Мономах 85–86, 89
 Владимир Святославич 71–75, 76–77, 79,
 84, 90–91, 92, 96, 121, 122, 123, 152, 197,
 231, 293
 Владимиро-Суздальское (Ростово-
 Суздальское) великое княжество 87,
 88, 92, 94, 96, 99, 103
 Владимирская богоматерь 88
 военнопленные 307, 358, 362, 366, 367,
 370–372, 377, 379, 382–383, 387–388
 военно-рабочие роты 256
 Волга 42, 54, 55, 58, 62, 63, 67, 93, 95, 97, 98,
 101, 360, 365, 368
 Волянь (Воынская губерния,
 Воынское воеводство) 99, 102, 105,
 106, 107, 113, 116–117, 118, 119, 122, 125,
 131, 141, 145, 146, 161, 164, 176, 181, 214,
 216, 225, 226, 227, 229, 231, 258, 262,
 263, 281, 290, 291, 309, 311, 312, 319,
 321, 331–332, 336, 337, 338, 362, 366, 369,
 380, 384, 385, 386, 395, 404, 431, 479
 Дальняя (Внешняя, Нижняя)
 123, 130;
см. также: Галиция: Галицко-
 Воынское княжество
 Вольтер 188, 189, 203
 Воронеж 210
 Воронежская губерния 294
 Врангель Петр 317, 318
 Вроцлав (Бреслау) 214, 392
 Всеволод Ярославич 81, 85, 88
 Вторая мировая война 83, 339, 358,
 361–380, 382–385, 386, 387–391, 393,
 399, 401, 403, 431, 482
 победа над Германией 381–382,
 395, 408
 выборы 23, 270, 277, 279, 280, 290, 340, 362,
 430, 438, 445, 448, 451, 454–455, 457,
 459, 460, 468, 479
 подтасовки на 454–455, 457;
см. также: референдумы
 Выговские
 Даниил 178;
 Иван 172–173, 174, 175–177, 179,
 192, 274
 Вячеслав Ярославич 85
 Гадяцкая уния 174–175, 176, 177, 178, 187,
 191, 205
 Галиция (Галицкая земля, Галицкое
 княжество, Галичина, Русское
 воеводство) 87, 98, 99, 105–106, 111,
 117, 122, 125, 141, 143, 146, 149, 161,
 216, 254, 287, 289, 290, 293, 300, 304,
 306–307, 309, 311, 312, 314, 319, 330,
 331, 332, 333, 335, 337, 338, 340, 362, 369,
 376, 380, 385, 386, 388–389, 390, 391,
 396, 404, 431, 438
 Галицко-Воынское княжество 92,
 94, 95, 96, 100, 101, 102–103, 105, 107,
 113–114, 120, 214–215;
 Главный украинский совет 288;
 евреи в 239–240, 265, 332–333,
 375–376;
 Западная 239, 369;
 Запдно-Украинская народная
 республика (ЗУНР) 300, 301, 304,
 305, 306–307, 308, 309, 311, 333;
 под властью Габсбургов 28, 214–215,
 225, 237–238, 239, 240, 241–242, 243,
 248, 249, 250, 251, 252, 263–264, 265,
 274, 277, 279–280, 282, 329, 332, 479;
 Сокальский кордон 336, 338;
 Украинское национально-
 демократическое объединение 334;
см. также: Львов — область,
 Тернопольская область
 Галич 98, 104
 Ганновер Натан 160
 Гапон Георгий 267, 268
 Гедимин 107
 геноцид 354
 Генрих I 81
 Гердер Иоганн Готфрид 222
 Геринг Герман 368
 Германия (немцы) 60, 75, 84, 107, 212, 221,
 222, 234, 245, 286, 296, 297, 298, 300,
 318, 322, 330, 332, 358, 359, 360, 361, 363,
 365, 366, 367, 369, 370, 372, 374, 376, 377,
 379, 380, 381, 383, 384, 385, 386, 387, 392,
 393, 395, 401, 405, 408, 409, 456, 482
 Третий рейх 356, 357, 364, 368, 371,
 373, 378, 382, 389, 390, 394, 404
 Геродот 25, 33–35, 38–41, 44, 45, 46, 48, 64
 Гетманщина (Войско запорожское
 городное, земля казаков, казачье
 государство) 162–165, 167–168,
 169, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178,
 179, 180–182, 186, 187, 191, 192–193,
 195–197, 201, 203, 205–207, 208, 213,
 217, 219, 221, 222, 224, 231–232, 234,
 293, 295, 319, 479

- инкорпорация в Россию 165–166, 205–206, 213, 323–324;
 колыбель малороссийской идентичности 183–184, 188, 197, 198, 205;
 колыбель украинской идентичности 224–225;
 Малороссийская коллегия 196, 203;
 упразднение и восстановление гетманского сана 196, 197, 203–204, 205;
см. также: Украина
- Гизель Иннокентий 186
- Гиммлер Генрих 368, 374, 376, 388
- Гитлер Адольф 357, 358, 359–360, 361, 364, 365, 368, 369 (фюрер), 370, 375 (фюрер), 377, 379, 383, 392
 бункер на Украине 379–380
- ГКЧП (Государственный комитет по чрезвычайному положению) 435
- глаголица 75
- гласность 426
- Гнатышин Реймон (Роман) 264
- Гогенцоллерны 202, 369
- Гоголь Николай 224, 234, 257, 269, 291
- голод 133, 134, 363, 366, 370, 371, 378, 385, 402–403, 414
 искусственный 1932–1933 гг. (Голодомор) 335, 346, 349–350, 352–354, 355, 356, 402, 403, 410, 424, 428–429, 457, 476
- Гонгадзе Георгий 452, 453
- Горбачев Михаил 262–263, 421–422, 423–424, 426, 429–430, 431, 432, 433, 434, 437, 439, 440, 476
 путчи против 434–435, 436
- Городельская уния 112, 113
- готы 47, 48, 54–55, 58, 71
- Грабского закон 330–331
- границы (линии фронта, разломы, рубежи, фронтиры) 26–28, 33, 45–46, 48, 49, 50, 73, 86, 88, 106, 107–108, 112, 115, 116, 117, 118, 120, 122, 123, 124, 128, 136, 139, 141, 151, 158, 161, 168, 182, 201, 203, 206, 209, 211, 212, 213, 214, 215–216, 217, 237–238, 239, 241, 242, 251, 259, 263, 277, 297, 300, 302, 303, 305, 309, 312, 319, 321, 323–324, 331, 336, 337, 338, 339, 344, 351, 357, 359, 361, 363, 366, 369, 382, 384, 385, 389, 391–392, 393–394, 395, 396, 410, 437, 446, 449, 452, 470, 471, 478–479, 482
- культурные (цивилизационные) 26–27, 33, 45, 104, 141, 148, 155–156, 201–202, 211, 231, 237–238, 258, 266, 295, 394, 471, 474, 478–479, 481
- Гребинка Евгений 233
- грекокатоличество (униатство) 142, 146, 147, 148, 151, 153, 155, 160, 202, 209, 238, 240, 241–242, 249, 250, 251, 263, 279, 280, 301, 333, 336, 363, 376, 389, 394–395, 411, 412, 430, 447
 в Закарпатье 341;
 поглощение православной церковью в России 228–229, 238–239;
 поглощение православной церковью в СССР 336, 394–395;
см. также: Брестская уния, Флорентийский собор
- Греция (современная) 400
- Греческий проект 210
- Грушевский Михайло 25–26, 30, 277–279, 290–291, 292, 295, 305, 315, 428
- ГУЛАГ (лагеря, политическое заключение) 271, 374, 379, 411, 412, 416, 418, 435, 438, 443;
см. также: НКВД
- гунны 47–48, 54, 71, 93, 365
- Гюго Виктор 188
- Дакия 210
- Даниил Галицкий 97–98, 99–100, 101–103, 104, 105, 122, 123
- Даниэль Юлий 416
- Данциг 214, 357
- дань (откуп, полюдьё) 54, 62, 64, 65, 67, 72, 80, 91, 99–100, 104, 105, 114, 130
- Дарий Великий 34
- Девлет-Гирей 129
- Девович Семен 205
- Дедько Дмитрий 106
- декабристы 226
- демократия (народовластие) 34, 51, 133–134, 220, 234, 333, 340, 395, 446, 447, 460, 461, 470, 480
 военная 56, 162;
 вынужденная (“от некуда деваться”) 446
 шляхетская 106–107
- Деникин Антон 308, 309, 318
- депортации (высылка, переселение народов) 363, 364, 376, 380, 391–392, 393, 394, 405, 409, 410, 476

- Дзюба Иван 416, 418
 дивизия "Галичина" 388, 389–390
 Дион Христомом 43
 диссиденты (инакомыслящие) 208, 396, 416, 418, 427, 431, 443–444, 453, 481
 Днепр (Борисфен) 28, 29, 35, 37, 39, 40, 45, 48, 49, 52, 54, 55, 56, 60, 63, 64, 71, 72, 74, 76, 86, 87, 88, 101, 104, 108, 119, 123, 125, 129, 130, 132, 135, 139, 149, 150, 159, 171, 179, 180, 181, 182, 184, 185, 187, 189, 198, 202, 208, 209, 213, 214, 215, 231, 246, 258, 289, 308, 309, 311, 379, 383, 385, 410, 424, 429, 478
 гидроэлектростанции 344–346, 347, 401, 402, 413;
 пороги на 69, 128, 139, 212, 258, 344
 Днепр (Днепропетровск, Екатеринослав) 139, 262, 265, 268, 270, 271, 298, 375, 382, 408, 414, 421, 432
 Днепропетровская область 350, 353, 402, 418, 429, 450, 451, 465, 466;
 Екатеринославская губерния 262, 294
 Днестр (Тирас) 39, 48, 55, 56, 101, 108, 125, 128, 136, 163, 211, 215, 256, 258, 308, 321, 375
 Довженко Александр 412
 "Договоры и постановления..." (*Pacta et Constitutiones...*) 196–197
 Долгорукий Юрий 88
 Дон (Ганаис) 34, 35, 41, 45, 54, 62, 63, 67, 101, 223, 258, 289
 Донбасс (Донецкая и Луганская области, Донецкий бассейн) 24, 28, 124, 253, 266, 268, 316, 344, 353, 365, 465–466, 467, 468, 469, 476, 478, 479, 480
 Донецк (Сталино, Юзовка) 253, 259, 260, 261, 268, 369, 383, 428, 451, 466, 468, 469, 478
 Донецкая область 212, 437, 438, 450, 454, 466, 467, 475, 480, 482
 Донецко-Криворожская республика 297, 475
 Донцов Дмитрий 289, 334
 Дорошенко Петр 179–180, 181–182, 184, 187, 189
 Драгоманов Михайло 247–248, 443
 Драч Иван 412, 422, 425
 древяне 57, 64–66, 67
 Древняя Греция 33, 34, 36–37, 41, 43–44, 45–46, 47, 63
 дулебы 53
 Дунай (Истр) 34, 35, 40, 42, 48, 49, 50, 51, 68, 72–73, 86, 87, 93, 180, 210
 евреи 54, 75, 119–120, 126, 128, 139, 159–160, 162, 209, 217, 224, 231, 239–240, 246, 262, 265, 270–272, 280, 281, 301, 312–316, 317, 324, 325, 327, 330, 332–333, 359, 360–361, 362, 363, 371, 372–376, 377, 380, 381, 393, 406, 407, 478
 Всеобщий рабочий союз (Бунд) 273, 275;
 праведники народов мира 376;
 эмиграция 264, 271, 332–333, 448–449;
см. также: антисемитизм, Холокост
 Евромайдан ("революция достоинства") 461–463, 465, 466, 467
 европейские ценности 470
 Европейский союз 24, 444, 445, 448, 453, 456, 459, 461, 463, 469, 470, 478, 481, 482
 Европарламент, Еврокомиссия 456
 Екатерина II (София-Августа-Фредерика) 202–203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 212, 213, 214, 216, 221
 Екатеринослав — *см.*: Днепр
 Елизавета Ярославна 81
 Ельцин Борис 422, 433, 435, 436, 437, 438–439, 440, 441, 442–443, 445, 454, 476
 Ефремов Сергей 328
 Жданов Андрей 403, 406
 железная руда 100, 259, 266, 310, 316, 450
 железные дороги 255–257, 258, 270, 295, 316
 Жемчужина Полина 406
 Женевская конвенция 1929 г. 370
 забастовки (стачки) 267, 268, 269, 270, 272, 290, 299
 Закарпатье (Карпатская Украина, Подкарпатская Русь) 28, 141, 215, 250, 263, 287, 300, 319, 340, 356–358, 375, 382, 385, 394, 404, 417, 436, 479
 "Карпатская Сечь" 357–358
 законодательство 91–92, 108, 138–139, 204, 270
 Западный край 228
 Запорожская область 316, 401, 402, 408, 429, 450
 Запорожье (Александровск) 316, 344, 348

- Запорожье (Запорожская Сечь, Войско запорожское низовое, сечевики) 132–134, 135, 136, 139, 158, 173, 174, 175, 178, 179, 187, 189, 196, 209, 211, 212, 222, 266, 289, 317, 353, 357;
см. также: казачество
- Захер-Мазох-старший Леопольд фон 240
- Зеленых партия 425
- землевладение (земельные наделы, латифундии, поместья) 119, 120, 138, 139, 159, 162, 173, 225, 257–258, 260, 263, 292, 293, 296, 307, 310, 311, 317, 331, 332, 340, 343, 347, 348, 355, 361, 363, 364, 366, 413;
см. также: крестьянство
- земледельческие районы (земледельческая колонизация) 41, 258, 266, 316
- зерно (хлеб) 41, 42, 64, 119, 126, 162, 256, 297, 298, 310, 352, 353, 355, 364, 403, 409, 410, 414, 470
хлебозаготовки 348–349, 350, 351, 352;
см. также: сельское хозяйство
- Золотая Орда (Улус Джучи) 94, 98, 99, 100, 101, 103–104, 107, 114, 124
- “Зоря галицкая”, газета 240
- ибн Якуб Ибрагим 57–58
- Иван III 114–115, 128
- Иван IV (Грозный) 83, 115, 134
- Изяслав Ярославич 81, 84–85, 86
- Иларион, митрополит 75, 78, 80, 85
- Ингвар (Игорь) 65, 66, 68, 71
- индустриализация (промышленный рост) 253–254, 259, 260, 262, 264, 266, 267, 270–271, 333
социалистическая 342–343, 348, 352, 396, 400, 401, 413, 419
- Иннокентий IV, папа римский 97, 101–102, 103 (римским папой)
- “Интернационализм или русификация?” Дзюбы 416, 418
- инфляция 449
- Иоанн Цимисхий 66, 68, 69
- Иосиф II 202, 239–240
- Иран 400
- ирредентизм украинский (идея воссоединения Украины) 334, 335, 358, 391–392
- ислам 127, 202, 213, 258, 317, 439;
см. также: мусульмане
- Ислам-Гирей III 158, 161, 163, 164
- “История русов” 224
- “История Украины-Руси” Грушевского 278
- Истр — *см.:* Дунай
- Италия 34, 219, 249, 286, 329, 365
- Итиль 54, 67
- Каганович Лазарь 325, 326, 347, 350, 351, 352, 354, 356, 403, 407
- Казахстан 348, 354, 413, 422, 434, 439
казачество 29–30, 127–140, 148, 149–151, 152, 155, 157–165, 167–168, 169–170, 171–173, 174–182, 189, 191, 192, 193, 196, 197–198, 205, 209, 211, 223, 224, 232, 234–235, 259, 269, 293, 308, 310, 344, 408, 413, 429, 475
- Казимир I 81
- Казимир III 105–106
- Казимир IV 113
- Калинин Михаил 346
- Калининградская область 392
кальвинизм 120, 155
- “Каменный крест” Стефаника 263
- Канада 263, 288, 332, 399
- капитализм 281, 345, 370, 394, 400
- Капнист Василий 206–207
- Карл Великий, император франков 60, 84
- Карл I, император Австро-Венгрии 300
- Карл X, король Швеции 169, 173
- Карл XII, король Швеции 183, 188, 191, 193–194, 196
- Каролингов держава 84
- Карпаты 55, 73, 87, 97, 124, 223, 263, 287, 341, 365, 384, 385
- картография 27, 122–123, 139, 141, 162
- Касатонов Игорь 442
- Катынские расстрелы 362
- КГБ — *см.:* НКВД
- Кернер (Кернеренко) Григорий 327
- Киев (столица Украины) 55, 57, 60, 63, 64, 65, 67, 68, 69, 73, 74, 76, 79, 82, 83, 85, 86, 91, 92, 99, 121, 124, 128, 132, 137, 148, 149, 154, 168, 184, 227, 256, 257, 268, 270, 291, 295, 296, 297, 300, 301, 304, 305, 308, 311, 312, 337, 355, 362, 387, 406, 408, 409, 410, 416, 418, 421, 422, 423, 424, 429, 430, 433, 434, 436, 437, 439, 441, 442, 443, 444, 445, 452, 454, 456, 457, 463, 465, 466, 468, 469, 476
археографическая комиссия 232;

- в годы Второй мировой войны 367, 373–375, 377–378;
взятие в 1169 г. 87, 88, 90;
голод в 378;
голодовка студенческая 432–433;
еврейский погром 1905 г.
270–272, 292;
захват большевиками 310, 311;
Золотые ворота 77;
как бастион имперской национальной политики 231;
Киевская губерния 256, 291;
Киевская земля (Киевское воеводство, Киевское княжество, Киевщина) 97, 98, 107, 113, 116–117, 129, 131, 139, 158, 161, 164, 176, 325, 349;
Киевская область 350, 353, 384, 414;
массовые протесты (“Майданы”) в 23–24, 433, 455, 457, 459–460, 461–463, 465, 466, 467, 468, 478, 481;
Международный институт социологии 468, 478;
население 231, 258, 261, 265–266;
освобождение от нацистов 381–382;
переход под власть российских царей 185–186;
разрушение монголами 93, 96–97, 101
- Киево-Могилянская академия (коллегия) 153, 161, 170, 175, 184, 185, 187, 188, 189, 194, 195, 207, 208, 230
- Киево-Печерская лавра 79, 149, 152, 186, 189, 190
типография 137, 138
- Киевская Русь 24, 28, 29, 30, 70, 79, 82, 92, 108, 122, 152, 167, 189–190, 197, 216, 293, 303, 436
грамотность в 78–79;
наследие 82, 83, 114;
распад 84, 93, 94;
см. также: Киев, Русь
- Киевский университет (им. Св. Владимира, им. Т. Г. Шевченко) 231–232, 236, 247, 271, 277
- киммерийцы 36
- Кирилл, митрополит Киевский 103
- Кирилл и Мефодий 75, 78, 232
- Кирилл Лукарис, патриарх Константинопольский 154, 155
- Кирилло-Мефодиевское общество 232, 234, 235, 236, 237, 246
- Кириченко Алексей 407–408
- Климент VIII 144
- “Книга бытия украинского народа” Костомарова 234, 236, 248
- “Книга польского народа и польского пилигримства” Мицкевича 234
- “Кобзарь” Шевченко 233–234, 261
- Ковпак Сидор 384, 386
- Колбин Геннадий 422
- коллективизация (колхозы) 342–343, 347–349, 351, 352, 354, 355, 366, 378, 396, 402, 405, 414, 415
- коммунизм (коммунисты, красные) 190, 321, 323, 324, 326, 329, 333, 338, 339, 340, 345, 346, 356, 363, 380, 382, 384, 385, 389, 390, 391, 393, 394, 395, 400, 403, 410, 411, 412, 415, 416, 418, 420, 444, 464
в Верховной Раде 433, 434, 436, 449, 451, 453;
и евреи 374;
Коммунистическая партия Западной Украины 337;
Коммунистическая партия Украины (большевиков) 324, 325, 347, 350, 352, 353, 354, 356, 362, 363, 383, 403, 407, 408, 416, 421, 425–426, 430, 446;
см. также: большевики, национализм — национал-коммунизм
- комсомольцы 385
- Комулович Александр (Комулео Алессандро) 133
- Конашевич-Сагайдачный Петр 136, 137, 150, 152
- Конотопская битва 175–176
- Константин I Великий 75, 78
- Константин VII Багрянородный 64, 69
- Константин Мономах (Константин IX) 81, 85–86
- Константинополь (Царьград) 26, 49, 50, 55, 60, 61, 62, 64, 68, 71, 72, 75, 77, 78, 79, 80, 81, 87, 88, 94, 96, 103, 104, 121, 125, 135, 137, 144, 145, 146, 154, 155
- конференция послов 330
- концлагеря (лагеря смерти) 362, 371–373, 392
- коррупция 421, 451, 452, 453, 455, 459, 467
- Косинский Криштоф 132, 157
- Косиор Станислав 326, 411
- Костомаров Николай 232, 234, 235, 236, 246, 248
- Костюшко Тадеуш 216, 219

- Котляревский Иван 221–222, 223, 225, 242
 Кох Эрих 377
 Кравчук Леонид 431–432, 433, 435, 436, 437, 438–439, 440, 441, 442–443, 445, 447
 Кревская уния 111, 112, 114
 крепостное право 119, 130, 205, 206–207, 226, 233, 235, 266
     отмена 241, 244;
     см. также: крестьянство
 крестьянство 91, 119, 120, 129, 130, 133, 139, 159–160, 162, 189, 193, 206, 208, 211, 223, 226, 238, 240, 241–242, 243–244, 265, 266, 269, 274, 275, 278, 279, 281, 288, 292, 293, 294, 299, 300, 306, 310, 311, 315, 316, 317, 319, 323, 324, 336, 338, 339, 351, 354, 360, 370, 378, 402, 403, 415
     во время Голодомора 349–350, 352–353, 354;
     восстания 159, 208, 241;
     лояльность власти 228;
     наделение землей 244, 258, 262, 307, 331, 332, 343, 363;
     переквалификация в рабочих 260–261, 345–346;
     переселение 260–261, 262–263, 272, 332, 346–348;
 криминальные войны 450
 Крым (Таврида, Таврика) 24, 33, 36, 42, 54, 69, 74, 75, 93, 95, 101, 124, 125, 126, 127, 163, 211, 213, 255, 257, 258, 297, 316, 318, 409–410, 434, 452, 475, 478, 479
     аннексия Россией в 2014 г. 441, 444, 463–465, 467, 469, 473–474, 476, 477, 480, 482;
     аннексия Российской империей 210, 213, 218, 474;
     война 1853–1856 гг. 231, 254–255, 259, 475;
     референдумы 1991 г. 23, 436–437, 438–439, 460
     смена режимов в Гражданскую войну 312, 317
 Крымское ханство 124, 129, 131, 158, 164, 165, 168, 182, 218
 кукутень-трипольская культура 35
 кулаки 348
 культура 28–29, 47, 48, 81, 108, 113–114, 120, 121, 124, 148, 149, 167, 171, 182, 185, 189, 201–202, 207, 222, 223, 224, 225, 230, 234, 237, 239, 242, 244, 245, 248, 250, 257, 264, 266, 273, 275, 276, 278, 280, 292, 323, 324, 326, 327, 328, 329, 330, 333, 338, 339, 341, 343, 352, 355, 388, 394, 395, 396, 401, 409, 412, 416, 417, 427, 438, 444, 446, 466, 471, 476, 477, 480
     и религиозные конфликты 155–156;
     нападки на деятелей в УССР 403–404
 Кум Ян 448–449
 Кунаев Динмухамед 422
 Купер Хью Линкольн 345, 346
 Курск 255, 383
     Курская губерния 262, 294
 Курская битва 380, 389
 Кучма Леонид 445, 446, 447, 451–452, 453, 454, 455
 Ключук-Кайнарджийский мир 210

 Латвия 115, 215, 216, 364, 433, 434
 Лев Диакон 66, 67, 68
 Левчин Максимилиан 448–449
 Ленин Владимир 272, 273, 286, 294, 297, 308, 309–310, 317, 322, 325, 342, 345, 424
     ленинские нормы 412, 416, 418, 427;
     памятники 466, 480
 Лжедмитрий I и II 134
 Ливонская война 115, 130
 Литва (Великое княжество Литовское) 102, 105, 106, 107–108, 111–112, 114, 115–116, 117, 120, 122, 127–128, 129, 134, 145, 168, 169, 175, 216, 226, 227, 258, 364, 393, 433, 461
     достижение независимости 432, 434;
     см. также: Речь Посполитая
 литература (писатели) 147, 149, 184–185, 198, 202, 207, 221, 222–224, 233–234, 242, 243–245, 248, 336, 412, 416, 422, 477
 Луганск (Ворошиловград) 369
 Луганская (Ворошиловградская) область 437, 442, 450, 465, 466, 467, 469, 475, 480, 482
 Лукьяненко Левко 427, 435–436
 Лупу Василе 164, 165
 Луцк 216, 366
 Львов (Лемберг) 100, 105–106, 160, 168, 181, 237, 238, 239, 240, 242, 251, 256, 257, 277, 278, 279, 287, 301, 307, 311–312, 335, 362, 369, 374, 391, 407, 416, 428, 432, 436, 457, 459, 470

- госпиталь на Лычакове 264;
 занятие Красной армией 390, 391;
 население 265;
 облсовет 438
- Львовское воеводство 336
- “Люби Украину” Сосюры 404
- Люблинская уния 112, 117, 118, 120, 122,
 123, 147, 168, 175
- Людовик Благочестивый 60
- Лясота фон Штеблау Эрих 133
- Маврикий, император 51
- Мазепа Иван 183, 188–194, 195, 196, 197,
 274, 295
- мазепинцы 287
- Маковский Томаш 122, 130
- Максим, митрополит 103
- Маленков Георгий 407
- Малопольша 369
- Восточная (Восточная Галиция) 331
- Малороссия — см.: Украина
- Малый ледниковый период 134
- манифестов (универсалов) война 192–193
- Манштейн Эрих фон 383
- Мао Цзэдун 407
- Мария-Терезия 214, 216
- “Маслосоюз” 332
- массовые убийства 96–97, 192, 318, 362,
 373, 374–375, 377, 392
- еврейские погромы 159–160, 177,
 270–272, 292, 313–316, 332–333, 374
- Махно Нестор 316–317
- Мельник Андрей 370, 389
- Менгли-Гирей 128
- меннониты 212, 380
- Меньшиков Александр 192
- меньшинства этнические 28, 238, 270, 273,
 292, 302, 319, 323, 327, 330, 333, 338,
 356, 362, 391, 393, 437, 476
- ассимиляция 330–331
- металлургия 253, 259–260, 261, 265, 268,
 344, 449, 450, 451
- Мехмед IV 163, 180
- Милет 37
- Милорадович Елена 251
- Мимар Синан 127
- Михаил Всеволодович 97, 99
- Михаил Федорович, царь 134, 151
- Михалон Литвин 126, 129
- Михозл Соломон 406
- Мицкевич Адам 220, 226, 234
- Млинарж Зденек 426
- Могила Петр 152–154, 155, 161, 185, 189
- Молдавия (Молдова) 131, 136, 152, 163, 164,
 172, 180, 194, 196, 209, 210, 211, 215, 479
- Молотов Вячеслав 352, 356, 366, 406, 407
- Молотова — Риббентропа пакт 361, 364,
 382, 391, 392, 431
- монголы 82, 93–105, 107, 114, 119, 148,
 154, 365;
 см. также: Золотая Орда
- Мороз Александр 452
- Морозов Константин 442
- Москва 83, 86, 88, 121, 134, 136, 154, 176, 184,
 255, 256, 257, 290, 293, 296, 304, 309,
 316, 318, 323, 325, 326, 327, 328, 341, 344,
 347, 351, 352, 356, 358, 362, 365, 368,
 382, 387, 396, 400, 402, 403, 405, 406,
 407, 408, 410, 412, 413, 417, 418, 419,
 422, 423, 425, 426, 427, 434, 435, 436,
 437, 438, 439, 446, 447, 463, 465, 469,
 475, 476
- Московская область 67, 182
- Московское великое княжество
 (государство) 29, 103, 114, 118, 125,
 134, 179, 190
- “Моя борьба” (*Mein Kampf*) Гитлера 359,
 360, 361, 368
- Мстислав Андреевич 87
- Мстислав Владимирович 84
- мусульмане 27, 67, 74–75, 125, 128, 148,
 193, 371;
 см. также: ислам
- Назарбаев Нурсултан 433
- Наливайко Северин 132, 133
- налоги 131, 162, 180, 191, 205, 212, 354, 453
 на веротерпимость 240
- Наполеон I Бонапарт 219, 220, 221, 482
- населения численность и этнический
 состав 159, 212–213, 217, 231, 239,
 258–259, 261, 262, 265–266, 281, 301,
 317, 324, 328–329, 331, 332, 336, 338, 343,
 344, 355, 360–361, 377, 399, 410, 437,
 438, 445, 448–449, 466, 478
- НАТО 445, 469, 481
- Наумович Иван 249, 250
- Научное общество имени Шевченко
 251, 278
- нацистроительство и выбор
 идентичности (цивилизационный)
 77, 89–90, 91–92, 183, 187, 198, 221,

- 225, 232, 237, 242, 245, 249–251, 265, 280, 282, 289, 301, 319, 321–322, 323, 334, 340, 341, 360, 417, 470–471, 474, 477, 482
- национализм 28, 221, 226–227, 228, 230, 232, 239, 242, 245, 249, 273, 274, 281, 282, 285, 286, 289, 291, 321–322, 323, 328, 334, 335, 337, 338, 339, 341, 352, 358, 364, 377, 380, 384, 385, 386, 387, 389, 391–392, 393, 394, 395, 396, 403, 404, 405, 411, 418, 422, 429, 457
- демократический 431, 433, 434, 436, 439, 446, 451, 452–453;
- массовые протесты в эпоху перестройки 432–433;
- национал-коммунизм 321, 322, 324, 325, 326, 328, 341, 416, 417, 443;
- см. также:* Организация украинских националистов
- Начальная летопись — *см.*: “Повесть временных лет”
- “Наша Украина”, блок партий 453–454, 457
- неандертальцы 35
- Немирич Юрий 173, 174, 175, 176, 179
- нераспространение ядерного оружия 444
- нефть (нефтедобыча) 254, 256, 264, 265, 332, 420, 448
- Николаевская область 479
- Николай I 226, 228, 231, 235, 236, 254, 271
- Николай II 260, 263, 267, 268, 270, 271, 275, 276–277 (царь), 277, 287, 289, 290, 318
- “Нищета Галиции в цифрах” Щепановского 264
- НКВД (ЧК, ОГПУ, КГБ, МГБ, карательные органы, тайная полиция) 314, 327, 342, 347, 351, 352, 355, 363–364, 371, 374, 384, 393, 394, 405, 406, 407, 411, 416, 417, 418, 421, 427, 429, 435
- Новгород Великий 63, 79, 85, 87, 89, 91, 114, 121
- Новгород-Северский 313
- Новороссия (Новороссийская губерния) 212, 213, 217, 225, 465, 474–475, 476, 477
- Ногайская Орда (ногайцы) 125, 158, 257, 475
- НЭП (новая экономическая политика) 323, 343, 417
- образование 78–80, 107, 120, 142–143, 149, 154, 184, 206, 207, 229–230, 239, 240, 265, 277, 280, 287, 299, 326–327, 331, 338, 339, 363, 377, 388, 405, 417
- Общество украинского языка имени Шевченко 427
- Овидий 42–43, 44
- “Ода на рабство” Капниста 206–207
- Одесса 255, 256, 257, 258, 261, 262, 265, 269, 270, 271, 297, 327, 375, 376, 467, 469, 475
- Одесская область 353, 438, 475
- Олег (Вещий Олег, Хельги) 63, 65, 68, 71, 74
- олигархи 450–451, 452, 453, 454, 455, 461, 467
- Ольвия 37, 39, 40, 43, 45, 54
- Ольга (Хельга) 65–66, 67, 75–76
- Ольгерд 107, 111
- “оранжевая революция” (Майдан) 23–24, 455, 456, 457, 460
- Организация объединенных наций (ООН) 392, 399, 443
- Организация украинских националистов (ОУН) 334–336, 337, 339, 357, 358, 364, 369–370, 385–386, 388, 405, 411, 428
- бандеровцы 369, 385, 386, 389;
- Украинская повстанческая армия 385–387, 393, 394, 395, 396, 404–405, 407, 428, 457, 466;
- фракции 369, 370
- Орлик Филипп 196, 197
- Осман II 136
- Османская империя — *см.*: Турция
- остарбайтеры 378–379
- Острог, город на Волыни 120, 121, 122, 149
- Острожские 119, 122, 123, 132, 133, 143, 144, 145
- Василий-Константин 118, 120, 121, 122, 123, 130, 131, 143, 145, 147, 152;
- Януш 118, 131, 132
- оттепель (хрущевская оттепель) 412, 415, 416
- “Пан Тадеуш” Мицкевича 220
- партизанское движение 383–384, 385, 386, 390, 393, 396, 404
- партии политические 272–273, 275, 279, 280, 282, 294, 316, 333, 339, 340, 341, 363, 446, 452–453, 462
- патриотизм (любовь к родине) 205, 207, 217, 220, 221, 226–227, 235, 246, 268, 289, 384, 404, 417, 421, 422

- Перацкий Бронислав 335
 Первая мировая война 25, 264, 276, 285–287, 288, 299, 301, 302, 305, 306, 313, 316, 319, 320, 322, 336, 355, 359, 360, 479
     Компенское перемирие 299–300
 Первомай 423–424
     перевод 75, 78, 120, 167, 233
     перестройка 426, 427, 429, 430, 431, 445, 447, 450, 453
 Переяслав(ль) 85, 88, 160, 165, 166, 168
     Переяславская земля
     (Переяславское княжество) 86, 97
 Переяславец 68
 Переяславская рада 170, 176, 184, 185, 408;
     см. также: “Тезисы к 300-летию
     воссоединения Украины с Россией”
 Петлюра Симон 304–305, 306, 307, 308–309, 311, 314–315, 322–323, 337
 Петр I (Великий) 183, 188, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 203, 204, 207, 243
 Петров Алексей, доносчик 232
 Петров Василий, поэт 212
 Петрушевич Евген 301, 307
     печенег 68, 69, 73, 86
 Пилсудский Юзеф 279, 311, 312, 332, 337, 338, 350
 ПIANO Карпини Иоанн де (Джованни да Пьян дель Карпине) 97, 101–102
 плюрализм (пестрота взглядов) 155, 333, 446
 “Повесть временных лет” (Начальная летопись) 53, 56–57, 63, 64–65, 72, 73, 74–75, 78, 85, 86
     погромы 159–160, 177, 270–272, 292, 312–316, 332–333, 374
 Подгорный Николай 408, 415
 Подляшье 116, 332, 336
 Подолье (Подольская губерния, Подольское воеводство) 102, 105, 106, 116, 122, 125, 132, 139, 160, 176, 177, 181, 182, 208, 209, 214, 215–216, 225, 226, 229, 231, 256, 258, 262, 291, 306, 309, 311, 321, 380, 479
 Покрова праздник 61
 половцы (кипчаки) 86, 87, 95
 Полоцк 79, 115
     Полоцкая земля (Полоцкое княжество) 92, 117
 Полоцкий Симеон 184–185
 Полтава 174, 176, 201, 221–222, 223, 256, 257, 276, 304
     Полтавская губерния 245, 267, 291
     Полтавская битва 183, 193–194, 196, 198
     Польша 28, 29, 73, 100, 102, 105, 106, 107, 108, 111–112, 114, 115–117, 129, 134, 136, 139, 143, 163, 165, 171, 173, 174, 175, 176, 177, 179, 181, 182, 184, 185, 187, 189, 208, 214, 220–221, 238, 247, 249, 258, 274, 296, 301, 307, 308, 309, 321, 322, 323, 331, 333, 334, 335, 337, 338, 339, 340, 341, 351, 356, 357, 361, 364, 365, 372, 377, 389, 395, 396, 401, 405, 417, 446, 455, 481
         армия (войско) 119, 133, 134, 136, 138, 139, 158, 160, 180, 307, 309, 311, 312, 350, 362, 413;
         войны против украинских государств и движений в ХХ в. 301, 307, 311, 312, 330, 386–387, 392, 393;
         восстания 131, 132, 133, 138, 139, 157, 158–160, 161, 162, 163–165, 168–169, 171, 206, 208–209, 216, 220, 225–227, 228, 229, 230, 239, 244, 255;
         гимн 219;
         граница с Россией 213–214, 338, 384, 391, 392, 393–394;
         еврейский вопрос в 332–333, 362–363;
         Комитет национального освобождения 391;
         конституция 215, 226, 330;
         национализм 221, 235, 245, 278, 482;
         правительство в изгнании 390;
         Рижский мир 1921 г. 319, 321, 330;
         “Чудо на Висле” 312;
         см. также: Речь Посполитая
     поляне 54, 56
     Понт Эвксинский — *см.:* Черное море
     Попович Павел 414
     Порошенко Петр 468
     Потей Ипатий 145, 150
     “Потемкин”, броненосец 269–270
     Потемкин Григорий 211, 212
     Потсдамская конференция 392
     права человека 267, 270, 275, 279, 330, 427, 443, 470, 474, 480
     “Правда” 304, 342, 404
     православие (благочестивая вера, восточное христианство, греческая вера) 75, 83, 90, 99, 103, 105, 107, 108, 112, 113, 116, 120–121, 122, 133, 138, 141–156, 160, 162, 166, 173, 175, 185, 186, 193, 202, 206, 208, 209, 213, 224, 227, 228–229, 231, 236, 238, 250, 251, 252,

- 257, 271, 272, 281, 340–341, 394–395,
411–412, 447, 467, 471, 478
Киевская митрополия в ВКЛ и Речи
Посполитой 144, 146, 150, 186;
Киевский патриархат 447;
количество православных храмов
411–412;
православная реформация 148–149,
153, 154–156;
Русская митрополия (всяя Руси) 447;
Русская православная церковь
(РПЦ) 328;
Украинская автокефальная церковь
328, 337, 447;
Украинская церковь (“Московский
патриархат”) 447;
уния с римокатолической
церковью — см.: Брестская уния,
Флорентийский собор
- Пражская весна 426
предприниматели 261, 264–265
Прибалтика — см.: Балтийское море
приватизация 378, 449–450, 451, 452
Принцип Гаврило 285, 286, 288
Прокопий Кесарийский 49, 50, 51, 52,
53, 56
Прокопович Феофан 194–195
Просвещение (просвещенный
абсолютизм) 202–203, 206, 215, 218,
221, 223, 228
протестантизм 145, 147–148, 154, 155,
169, 212
Пруссия 212, 214, 215, 216, 220, 249, 256,
287, 377, 392
Пункты успокоения жителей... народа
русского, в религии греческой
пребывающих” 151
Путин Владимир 440–441, 454, 463–464,
465, 469, 473–474, 475, 477, 478
Пушкин Александр 172, 188, 223, 224, 227,
231, 233, 245, 249, 478
пытки 178
Пэланс Джек (Палагнюк) 264
- рабочий класс (пролетариат) 260–261, 262,
265, 266, 267, 269, 271, 272, 273, 294,
295, 296, 299, 313, 323, 325, 326, 332,
343, 346, 348, 367, 370
рабы (работоговля, холопы, ясырь) 37,
41, 52, 59, 62, 64, 91, 125, 126, 127, 129,
135, 181, 213, 379
- Радзивиллы 116, 121
Николай Рыжий 120;
Николай Черный 120
- Разумовские
Алексей 204;
Кирилл 204, 205
революция 1905 г. 267–282, 291, 304
революция 1917 г. (Октябрьская
революция (переворот),
Февральская революция) 261, 290–
291, 294, 306, 308, 395
реставрация церквей в XVII в. 189–190
референдумы 23, 433, 436–437, 438–439,
460, 464
Реформация и Контрреформация 143, 144,
148, 167
Речь Посполитая 112, 116, 118, 119, 120, 121,
122, 123, 125, 126, 129, 131, 132, 133, 134,
135, 136, 137, 138, 139, 140, 142, 143, 144,
147, 149, 150, 151, 152, 154, 155, 157, 159,
160, 161, 162, 163, 164, 165, 169, 172, 174,
175, 177, 179, 180, 182, 185, 187, 196, 201,
208, 215, 217, 218, 226, 227, 228, 230, 238,
240, 251, 271, 278, 279, 295, 319, 479
разделы 202–203, 214–217, 219, 220,
229, 239, 482;
Потоп середины XVII в. 169, 173;
см. также: Литва, Польша
римокатоличество (Ватикан) 102, 103, 107,
111, 112, 113, 120, 122, 138, 141–144, 148,
149, 153, 154, 161, 185, 186, 193, 202,
208, 209, 212, 217, 228, 238, 246, 301,
333, 336, 394
иезуиты 143, 147, 153, 185, 188;
уния с православием — см.:
Флорентийский собор
- Римская империя 26, 41, 42, 45, 47, 49,
75, 76
Ровно 214, 216, 366, 377–378, 387
рождаемость и смертность 260, 349,
352–353, 448
Розенберг Альфред 368
Роксолана 126–127
романтизм 223, 224, 242
Россия (владения Романовых,
Российская империя) 27, 28, 29, 84,
92, 103, 129, 182, 195, 209, 210–211, 212,
214, 215–216, 217, 221, 222, 227–228,
238–239, 243, 246, 247, 248, 250, 251–
252, 254–257, 258, 260, 262, 263, 265,
280–281, 282, 285, 286–287, 290, 293,

- 303, 310, 313, 316, 360, 431, 436, 440, 441, 442, 444, 447, 448, 449, 452, 461, 474, 475, 477, 479, 480
 Академия наук 204, 276;
 белогвардейцы 308, 310, 313, 314, 317, 318;
 великороссы 193, 205;
 Государственная дума 270, 276–277, 281–282, 290, 336;
 как великая европейская держава 194, 201;
 перепись населения 1897 г. 258, 261;
 происхождение от Киевской Руси 186–187, 476–477;
 Российская Федерация (РСФСР) 310, 319, 322, 351, 355, 407, 421, 428, 430, 435, 437, 439;
 русско-турецкие войны 208, 214, 217, 222, 245;
см. также: Русь, Советский Союз
- Ротшильд Джеймс Майер 355
 Рузвельт Франклин 392
 Румыния 43, 50, 165, 210, 270, 296, 319, 321, 338, 340, 341, 358, 364, 365, 375, 376, 385, 395, 401, 417
 Румянцев Петр 205, 208, 209
 русины (восточные славяне Речи Посполитой, Австро-Венгерской империи) 29, 30, 78, 107, 112, 122, 129, 143, 144, 155, 217, 225, 229, 238, 239, 249, 251–252, 333, 340, 424
 Главный совет (Головна рада) 237, 240, 241, 288
 старорусины 241–242, 249, 250
 язык (проста мова, староукраинский) 116, 121, 240
 русофилы (москвофилы) 243, 247, 249, 250, 251–252, 280, 282, 287–288, 289, 340, 357
 “Русская правда” 79–80, 91, 108
 русский язык (великорусский) 249, 261, 280, 287, 326, 328–329, 417, 428, 466, 471, 476, 477, 478, 479
 Русь 53, 60, 68, 69, 71–72, 74, 76–77, 78, 81, 82, 105, 112, 113, 143, 161, 175, 180, 198, 480
 в узком смысле слова (Русская земля) 85–86, 88, 92, 156;
 как группа людей (русь) 55, 61–62, 63, 64, 65, 67, 69, 71, 73, 75, 135;
 Малая (Микра Росия) 104, 105;
 общерусская нация 104, 195, 252, 476;
 окончание эпохи викингов (“последний викинг”) 69, 73;
см. также: Киевская Русь
 “Рух” (Народное движение за перестройку) 430, 446, 451
 Рущкой Александр 437
 Рылеев Кондратий 133, 224
 Рыльский Максим 403, 412
 Рюриковичи 30, 63, 73, 81, 82, 85, 86, 89, 90, 95, 98, 99, 103–104, 108, 114, 134, 161, 216
 саботаж 348, 350, 352
 Сакович Кассиан 137
 самодержавие 195, 227, 229, 232, 236, 272, 291
 Самойлович Иван 188, 189
 “Самостоятельная Украина” Михновского 274
 самоубийства 352, 373
 Санкт-Петербург (Ленинград, Петроград) 27, 184, 196, 201, 204, 205, 207, 208, 210, 213, 214, 217, 226, 227, 230, 232, 233, 246, 250, 257, 259, 267, 268, 278, 285, 290, 293, 296, 304, 327, 365
 санкции международные 255, 462, 469
 Саркел 54, 62–63, 67
 сарматы 41–42, 44, 45, 48, 93
 Свердловская область 422
 Сверстюк Евгений 416
 Свидригайло 113
 Святополк Изяславич 86
 Святополк Ярославич 84
 Святослав Игоревич 65, 66–70, 71, 72, 73, 74, 77, 83, 89
 Святослав Ярославич 85
 Севастополь 37, 210, 254, 255, 256, 257, 259, 270, 438, 443, 463, 464, 473, 475
 Северная война 190–191, 194, 196
 сексуальность (сексуальный опыт) 57–58
 Селим II 126
 сельское хозяйство (аграрная отрасль, земледелие) 35, 52–53, 56, 58, 124, 125, 266, 297, 298, 332, 333, 343, 344, 352, 355, 400, 409, 412, 419, 449
 закупочные цены на продукцию 414, 415;
см. также: голод, коллективизация
 Семендер 54
 Семосенко Иван 315

- Сербия 212, 234, 285
серебро 67, 100, 118
Сибирь 188, 256, 344, 348, 363, 393, 405, 413, 420
Сигизмунд II Август 115, 118, 120, 128, 147
Сигизмунд III 136, 144, 146, 147, 150, 151
Сигизмунд (Жигимонт) Кейстутович 13
Силезия 214, 392
"Синopsis Киевский" (Гизеля) 186, 476–477
Синявский Андрей 416
Скарга Петр 147
скифы 34–35, 36, 37–40, 41, 42, 48, 93
Скоропадские
Иван 193, 195, 196, 203, 251, 298;
Павел 293, 298, 299, 300, 304, 318, 368, 409
Скрыпник Микола 328, 352, 411, 417
Скрыпник Степан (патриарх Мстислав) 337
славяне 40–41, 47–58, 64, 65, 67, 72, 73, 75, 82, 90, 104, 108, 213, 227, 230, 234, 239, 242, 248, 285, 371, 390, 480
анты и склавены 48–51, 52–53, 56;
объединение (панславизм) 235
Славянск 468
Словакия 365, 390
"Слово о законе и благодати" Илариона 78, 80, 85
Смоленская война 151
Смоленская земля 85, 114–115, 151, 168, 203, 362
Смотрички 152
Герасим 121–122, 148;
Мелетий 148, 184
Совет по правам человека при президенте России 464
Советский Союз (большевистская Россия, СССР) 23, 26, 166, 321, 322, 323, 325, 327, 341, 342, 345, 346, 349, 351, 352, 356, 357, 358, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 370, 371, 377, 378, 383, 387, 391, 392, 393, 394, 395, 400, 401, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 413, 414, 415, 419, 421, 422, 423, 427, 428, 430, 442, 443, 444, 447, 449, 456, 458, 460, 463, 466, 477, 480
антисемитизм в 406, 407, 448;
армия (Красная армия) 83, 294–295, 296, 308, 310, 311, 312, 313, 314, 318, 361, 362, 365, 366, 367, 370, 371, 372, 373, 379, 380, 381, 382–383, 384, 385, 387, 388, 388, 390, 391, 392, 393, 434, 435, 436, 437, 438–439, 440, 445, 449, 451, 465, 473, 474, 475, 476, 481;
экономика 415, 420, 426, 431, 440, 450;
см. также: Великая Отечественная война, ГКЧП, НКВД, НЭП
Содружество Независимых Государств 439, 440, 441, 444, 449, 450
Соединенные Штаты Америки 83, 202, 216, 263–264, 265, 270, 300, 307, 332, 345, 364, 392, 405, 433, 444, 448
Солженицын Александр 412
Сольчаник Богдан 459
Сосюра Владимир 404, 412
Софийские соборы вне Киева 79
Софийский собор в Киеве 77–78, 79, 82, 83, 96, 152–153, 189, 246, 303
Софийский собор в Константинополе 78
социал-демократы в Российской империи 273, 277
украинские 275, 304, 305, 314, 315, 334
социализм 248, 273, 274, 279, 291, 298, 299, 316, 356, 367, 420, 426, 443, 452–453
Союз вызволения Украины 327–328
"Спилка" ("Союз") — *см.:* социал-демократы в Российской империи
средний класс 453
Стадион Франц 240–241
Сталин Иосиф 304, 311, 312, 322, 325–326, 328, 337 (сталинского), 341 (сталинского), 342, 343–344, 345, 347, 348, 349, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 360, 361, 362, 364, 365, 366, 367, 378, 380, 382–383, 385 (сталинские), 387, 388, 390–391, 392, 393, 394, 395, 400, 401, 403, 406, 407, 408–409, 415, 416, 428 (сталинских), 430 и Голодомор 350, 353;
развенчание культа личности (десталинизация) 410–411, 412, 426;
смерть и наследие 406–407, 417
Сталинград 383, 384, 386, 388, 389
Стамбул 27, 125, 127, 136, 154, 163, 180, 182, 210, 318
см. также: Константинополь

- Стефаник Василь 263
 Страбон 44–45, 46
 “Стратегикон” Маврикия 51
 Стрейзанд Барбра 264
 субсидии (дотации) 247, 415, 449, 466
 Сулейман Великолепный 126
 Сумская область 384, 453

 Таврида — см.: Крым
 Таврическая губерния 258, 294, 475
 тавры 36
 Талергофский концлагерь 288, 289
 Таможенный союз 461, 463
 Танаис — см.: Дон
 Таргитай 39
 татары 94, 117, 126, 127, 129, 130, 131,
     132–133, 149, 158, 160, 161, 164, 165,
     176, 217, 255
     крымские 101, 119, 125, 163, 174, 178,
     180–181, 213, 317, 409, 410, 438, 464,
     475, 476;
     см. также: Золотая Орда
 Тверское великое княжество 114
 “Тезисы к 300-летию воссоединения
     Украины с Россией” 408
 телевидение 23, 24, 419, 433, 439, 440,
     455, 464
 Терезиенштадт (Терезин) 288
 Тернопольская область 438
 террор сталинский (Большой террор,
     репрессии, чистки) 353, 354, 355, 356,
     363, 364, 366, 367, 405, 406, 407, 410,
     411, 412, 428
 Тимошенко Юлия 453, 457, 460
 тиф 309
 товары народного потребления 400,
     411, 413
 торговля (торговые пути) 41, 42, 44, 47,
     54, 62, 63, 65, 67, 69, 71, 74, 87, 93, 101,
     126, 127–128, 135, 257, 258, 266, 461
     торговая война 463
 Тотлебен Эдуард 259
 Трансильвания 165, 169, 376
 Тридцатилетняя война 167
 Троцкий Лев 314, 317
 Турция (Османская империя) 27, 125,
     128, 129, 131, 133, 135, 136, 139, 155, 162,
     163, 164, 165, 172, 180, 181, 182, 201,
     210, 212, 213, 254, 255, 258, 286, 296,
     317, 400
     современная 33
 уголь (угольные шахты) 259, 260, 266, 310,
     316, 364, 365, 450, 466
 Украина 84, 92, 100, 118–119, 126, 157, 163,
     219, 220, 222, 226, 227, 256, 273, 301–
     302, 309, 318, 319, 420, 433, 434, 435,
     436, 439, 441, 443, 446, 447, 452, 453,
     454, 455, 477, 479
     Академия наук 298, 328, 418;
     армия УНР (петлюровцы) 304,
     306–307, 311, 313, 314, 334, 338, 350, 351;
     в иерархии советских республик
     351, 408, 409, 414;
     ВВП 448, 453, 457;
     Верховная Рада (парламент) 354,
     430, 431, 432, 433, 434, 435–436, 441,
     446, 449, 452, 457, 462;
     герб 293;
     гимн 357;
     дестабилизация из России
     (“гибридная война”) 24, 463, 465,
     466, 467, 474–475, 481, 482;
     евреи в 119–120, 159–160, 162, 217, 231,
     262, 312–316, 324, 327, 360–361, 362,
     363, 373–376, 377, 380, 381, 393, 437,
     448–449, 478;
     Западная (запад) 58, 141, 266, 280,
     289, 307, 312, 319, 335, 362, 363, 374,
     385, 386, 390, 393, 396, 401, 429, 432,
     438, 446, 466;
     и Евросоюз 443–445, 448, 453, 456,
     457, 459, 461, 462–463, 469, 470, 481;
     и Россия 157, 166–168, 169–170,
     171, 183–184, 189, 191, 209, 210–211,
     245–246, 254, 261, 266, 274, 294, 295,
     296, 297, 408–409, 425–426, 434,
     442–443, 444, 460, 463–471, 473,
     474–475, 476, 481;
     и советская космическая
     программа 413, 414;
     идентичность 27, 29, 104, 156, 182,
     183, 187, 198, 221, 225, 232, 237, 242, 245,
     280, 289, 301, 319, 321–322, 334, 336,
     340, 341, 363, 417, 429, 458, 474, 478;
     инвестиции 260, 344;
     как врата Европы 27;
     как житница Европы 40, 119,
     257–258, 297, 360;
     как название (топоним) 123, 162, 225;
     колонизация центра и юго-востока
     211–213
     конституция 196, 446, 457, 460;

кризис 2014 г. 24, 458, 459–471, 474, 476, 478;
 культурные (цивилизационные) рубежи 26–27, 45, 104, 141, 148–149, 155–156, 201–202, 211, 237–238, 266, 295, 471, 474, 446, 466, 478–479, 481;
 Малороссия 29, 104, 105, 183–184, 188, 193, 195, 198, 203, 209, 217, 224, 227, 235, 242, 244, 245, 246, 247, 249, 252, 275, 281, 316, 477;
 население 159, 212–213, 217, 261, 262, 281, 301, 324, 328–329, 355, 377, 399, 410, 437, 438, 445, 448–449, 466, 478;
 национал-демократическая партия (объединение) 279, 280, 334, 339;
 нацистская оккупация 360–361, 365, 367–380, 383–385, 387–390, 394, 404;
 независимость (самостоятельность) 23, 30, 177, 179, 182, 274, 279, 282, 287, 289, 291, 292, 294, 295–296, 297, 298, 301, 302, 303, 307, 308, 310, 312, 315, 319, 320, 321, 323, 328, 334, 335, 357, 358, 360, 369, 370, 389, 396, 399, 409, 420, 431, 432, 433, 434, 435–436, 437–439, 441, 444, 445, 447, 449, 454, 460, 468, 470, 471, 481;
 преобразование вооруженных сил СССР в украинские 441–443;
 проекты нацистроительства 222, 236, 252, 320, 321–322, 336, 341, 477–478;
 разделение с Белоруссией 112, 117, 167;
 разделы 179–182, 185, 187, 212, 369, 437, 471;
 регионы (части) 28, 481;
 реинкорпорация в СССР 385;
 рейхскомиссариат 369, 370, 377, 387, 389;
 религиозные расколы (рубежи) 103, 141, 146, 147–148, 151, 155–156, 160, 185, 251;
 Руины период 171, 181;
 Слободская Украина 206, 212, 223, 232, 479;
 Союз писателей 403, 425;
 суверенитет 430, 431, 442, 444, 468, 473;
 украинизация советская 298–299, 324–330, 338, 351–352, 354, 363, 364, 396;
 украинофильство 235, 244, 246, 247,

248, 249, 250, 251, 252, 275, 279, 282, 287, 299, 340;
 Украинская народная республика (Директория, УНР) 294, 295, 296–297, 298, 299, 300, 303–304, 305, 306–307, 308, 309, 311, 313, 314, 315, 319, 328, 337, 338, 350, 357, 390, 475;
 Украинская Народная Республика Советов 294;
 Украинская ССР (Советская Украина) 295, 310, 319, 321, 322–323, 324, 325, 327, 328, 329–330, 333, 337, 341, 343–344, 348–350, 351–353, 354, 355, 356, 357, 358, 362, 364, 367, 369, 381, 382, 385, 388, 391, 392, 393, 394, 395, 399–404, 408–410, 411–414, 416–418, 421–424, 427–428, 430, 431, 432, 436, 439, 441–442, 457
 украинский Пьемонт 329, 338, 341;
 украинский язык 124, 222, 223, 224, 233–234, 244, 245, 247, 248, 249, 251, 269, 276, 277, 278, 280, 282, 287, 299, 310, 324, 325, 326–327, 328–329, 330, 331, 336, 338, 357, 363, 387, 412, 417, 427–428, 471, 477, 479;
 Хельсинский союз 427, 443;
 Центральная (центр) 52, 107, 215, 248, 266, 277, 296, 307, 309, 311, 312, 313, 321, 353, 367, 369, 370, 395, 396, 429, 438, 466;
 экономический крах после достижения независимости 445, 447–448, 449–451;
 юг как флагман экономического развития Российской империи 266;
 Юго-Восточная (восток, юг, юго-восток) 24, 37, 116, 125, 206, 210, 211, 212, 213, 229, 248, 253–254, 255, 257, 258, 260, 261, 262, 266, 273, 277, 289, 294, 296, 297, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 319, 321, 328, 329, 336, 344, 353, 367, 369, 370, 380, 395, 396, 402, 406, 411, 429, 437, 438, 446, 453, 457, 463, 465, 466, 467, 469, 475, 476, 479, 480;
см. также: Галиция, Гетманщина, грекокатоличество, Закарпатье, казачество, Киевская Русь, коммунизм, православие, Русь
 “Украина наша советская” Шелеста 418
 униатство (униаты) — *см.:*
 грекокатоличество

- университеты 153, 173, 204, 220, 223, 224, 229, 230, 231, 232, 242, 245, 277, 279, 298, 330, 363, 375, 409
- Урхол Энди (Варгола Андрей) 264
- Урал 344
- уран 414
- урбанизация 253–254, 258–259, 262, 265, 266, 271, 413, 428
- деурбанизация 360, 400
- уровень жизни (благополучие) 367–368, 414, 415, 420, 431, 448, 451
- Успенский собор во Владимире-на-Клязьме 88–89, 96
- Успенский собор в Киеве 189
- Феофан, патриарх 150
- Финляндия 203, 368, 427
- Флорентийский собор 144
- фольклор (думы, песни, сказки) 127, 135, 222, 223, 224, 236, 242
- Фотий, патриарх 60–61, 75
- Франц-Иосиф 279, 287, 288
- Франц-Фердинанд 285
- Франция 59, 81, 84, 209, 226, 254, 255, 256–257, 260, 285, 286, 299, 300, 307, 308, 322, 329, 361
- Париж 134, 220, 227, 235, 239, 254, 299, 314, 330, 364
- Хаджи-Гирей 124
- Хазарский каганат (хазары) 53–55, 56, 62, 63–64, 67, 69, 73, 75, 93, 197
- Харальд III 81
- Харьков 206, 223, 224, 229, 242, 255, 256, 257, 261, 262, 270, 272, 273, 294, 295, 327, 328–329, 344, 349, 352, 355, 375, 377, 382, 383, 467, 469, 470, 475
- показательное судилище в — см.: Союз вызволения Украины;
- Харьковская губерния 212, 269, 294, 416;
- Харьковская область 125–126, 353, 465
- Хвильевой Микола 326, 443
- Хельги — см.: Олег
- Хельсинки 443
- Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинкские соглашения) 443
- Херсонес (Корсунь) 37, 54, 74, 158
- Херсонская губерния 258, 294
- Хильбудий 49, 50
- Хмельницкий Богдан 157–159, 160–161, 163, 164–168, 169–170, 171–172, 173, 174, 177, 178, 179, 180, 182, 184, 188, 191, 192, 197, 206, 274, 413
- наследие 170, 227;
- памятник в Киеве 246;
- речь на Переяславской раде 166
- сын Тимофей 164, 165;
- сын Юрий 172, 177, 178, 179, 180, 187;
- Холм (Хелм) 100, 391
- холодная война 23, 24, 394, 400, 406, 413, 445, 481
- Холокост 373, 375–376, 380, 393
- Хотин 136, 137, 138, 151, 163, 181
- христианство (духовенство, монашество, христиане) 27, 52, 54, 56, 57, 58, 74–77, 78, 81, 90, 99, 103, 104, 108, 142, 153, 155–156, 181, 202, 258, 324, 395, 478
- обращение в 74, 75, 160;
- см. также: грекокатоличество, православие, протестантизм, римокатоличество
- Хрущев Никита 260–261, 262, 356, 362, 381, 382–383, 385, 387, 390–391, 393, 402, 403, 407–411, 413, 414, 415, 416, 417, 420, 422, 426
- Хьюз Джон Джеймс 253, 259, 260
- Царьград — см.: Константинополь
- Центральная Рада 291–292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 302, 303, 304, 306, 308, 315, 323, 328
- церковнославянский язык 76, 78, 90, 108, 120, 121, 148, 222, 243, 249, 339
- Чарторыйский Адам Ежи 229, 230
- черкасы (украинские казаки) 128, 168
- Черкассы 128, 130
- Черненко Константин 421
- Чернигов 85, 88, 97, 114–115, 121, 168, 204, 272, 369
- Черниговская губерния 262, 291, 296, 367;
- Черниговская земля (Черниговское воеводство, Черниговское княжество) 86, 134–135, 161, 164, 176;
- Черниговская область 384
- Чернобыльская АЭС 422–425
- Черное море (Понт Эвксинский) 33, 35,

- 36, 37, 39, 42, 54, 60, 63, 64, 69, 74, 75,
92, 93, 125, 128, 131, 135, 136, 161, 163,
202, 210–211, 266, 269, 365, 465
- Черноморский флот 210, 254, 255, 256–257,
270, 441–443, 452, 463
- черта оседлости 217, 262, 271, 313, 314
- Черчилль Уинстон 392
- Чехивский Владимир 328
- Чехов Антон 257
- Чехословакия 319, 321, 332, 340, 341, 356,
382, 385, 395, 401, 405, 426, 481
- Чингисхан 93, 95, 97–98
- Чорновил Вячеслав 438, 446, 451
- Чубарь Влас 325, 349–350, 411
- Шахин-Гирей 210
- Швеция 59, 115, 169, 179, 182, 191, 194, 274
- Шевченко Тарас 232–234, 235–236, 251, 261,
275, 276, 477
- Шелепин Александр 417
- Шелест Петр 416–418, 422, 427
- Шептицкий Андрей (граф Роман)
333–334, 376
- шестидесятники 412, 422, 425, 426
- шовинизм 281, 282, 316, 323, 328, 336,
338, 416
- Шухевич Роман 386, 405
- Шушкевич Станислав 439
- Щепановский Станислав 264–265
- Щербак Юрий 425
- Щербицкий Владимир 418, 420–421, 423,
429–430
- экологии проблемы 413, 424–426
- экспорт 256, 332, 420, 449, 450, 470
- электричество 344, 402, 410, 423
см. также: Днепр —
гидроэлектростанции
- Эмский указ 245, 247, 248
- “Энеида” Котляревского 222, 223, 224
- Эстония 115, 364, 433, 434
- этнические чистки 386–387, 393
- Югославия 285, 390
- юдофобия — *см.:* антисемитизм
- Юзевский Хенрик 336–337, 338
- Юзевич Михаил 245–247, 248
- Юзовка — *см.:* Донецк
- Юстиниан Великий 49–50, 54
- Ющенко Виктор 453–456, 457, 461
- Ягайло (Владислав II Ягелло) 111, 112
- Ядвига, королева 111
- языковое разнообразие (лингвистика,
языковой конфликт) 116, 124,
144, 148, 197, 221, 222–223, 224, 225,
229, 230, 232, 233–234, 236, 245, 249,
261, 280, 282, 287, 291, 324, 325, 326,
328–329, 331, 339, 357, 363, 396, 417,
427–428, 466, 471, 477–478, 479
- азбучная война 243–244;
запрет украиноязычных изданий
244–245, 247, 248, 276;
см. также: перевод,
церковнославянский язык
- Ялта 257, 318
- Ялтинская конференция 392, 394
- Ян II Казимир 161, 163, 165, 174, 178, 187,
188–189
- Янукович Виктор 454–455, 457, 460, 461,
462, 463, 466, 467, 468
- Ярослав Всеволодович 99
- Ярослав Мудрый 71, 77, 78, 79–81, 83–85,
86, 89, 90–91, 92, 96, 121, 122, 123, 152
- браки детей 81;
останки 82–83;
сыновья 84–85
- Яский мир 211, 213
- Malaysia Airlines*
“Боинг-777” 24, 469

CORPUS 465

научно-популярное издание

СЕРГЕЙ ПЛОХИЙ
Врата Европы
История Украины

Главный редактор ВАРВАРА ГОРНОСТАЕВА

Художник АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

Редактор ЕВГЕНИЯ ЛАВУТ

Ответственный за выпуск ОЛЬГА ЭНРАЙТ

Технический редактор НАТАЛЬЯ ГЕРАСИМОВА

Корректор ОЛЬГА ПОРТУГАЛОВА

Верстка МАРАТ ЗИНУЛЛИН

Настоящее издание не содержит возрастных ограничений,
предусмотренных федеральным законом "О защите детей
от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию"
(№ 436-ФЗ)

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать 22.12.2017. Формат 60 × 90 1/16

Бумага офсетная. Гарнитура *OriginalGaramondC*

Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,0

Тираж 2000 экз. Заказ № 0485/18.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО "ИПК Парето-Принт", 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru

ООО “Издательство АСТ”

129085 г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39

Наш сайт: www.ast.ru

“Баспа Аста” деген ООО

129085 г. Мәскеу, Жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 39 бөлме

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі “РДЦ-Алматы” ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3”а”, литер Б, офис 1.

Тел.: +7 (727) 251-59-89, 90, 91, 92, факс: +7 (727) 251-58-12, доб. 107

E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген

По вопросам оптовой покупки книг обращаться по адресу:

123317 г. Москва, Пресненская наб., д. 6, стр. 2, БЦ “Империя”, а/я №5

Тел.: +7 (499) 951-60-00, доб. 574

E-mail: opt@ast.ru

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

9 785170 952366

С 2014 года тема украинской государственности, национальной идентичности украинцев, их роли в истории Восточной Европы волнует не только Украину и Россию, но и весь мир. Что лежит в основе российско-украинского конфликта? На чем строилась и как победила идея украинской независимости? Историк Сергей Плохий ищет ответы на эти вопросы в особенностях исторического развития Украины, которая испокон веков служила «Вратами Европы» — то связывала, то разделяла восток и запад.

Профессор Гарвардского университета Сергей Плохий — один из крупнейших современных историков. Его новая книга — яркий, блестяще написанный (и не менее блестяще переведенный на русский язык) очерк истории Украины — без сомнения, вызовет большой интерес. Как никогда раньше, прошлое народов России, Украины и стран Восточной Европы стало предметом жарких и нередко безответственных споров. Однако наученное тяжелым историческим опытом поколение XXI века не имеет права на новые фатальные ошибки, обязано лучше знать и понимать друг друга. Книга профессора Плохия об Украине, посвященная гражданам России, несомненно, поможет такому взаимному познанию.

Олег Хлевнюк, историк,
автор книги «Сталин. Жизнь одного вождя»

